НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2016

№ 3
(57)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	CHIEF EDITOR
Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России	***Simonenko A.V.,*** Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA
ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	**DEPUTY CHIEF EDITOR**
Ильяшенко А.Н., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе	***Ilyashenko A.N.,*** Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:	**EDITORIAL COUNCIL:**
Аврутин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский университет МВД России;	***Avrutin Yu.E.,*** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the St. Petersburg University of the Russian MIA;
Антонян Ю.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный областной университет;	***Antonyan Yu.M.,*** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Regional University;
Баев О.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;	***Baev O.Ya.,*** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;
Борчашвили И.Ш., доктор юридических наук, профессор, Республика Казахстан;	***Borchashvily I.Sh.,*** Doctor of Law, Professor, the Republic of Kazakhstan;
Волков Ю.Г., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет;	***Volkov Yu.G.,*** Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Southern Federal University;
Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры РФ;	***Gilinsky Ya.I.,*** Doctor of Law, Professor, the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation;
Голик Ю.В., доктор юридических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;	***Golik Yu.V.,*** Doctor of Law, Professor, the Bunin Yelets State University;
Головненков П.В., доктор права, Потсдамский университет (Германия);	***Golovnenkov P.V.,*** Doctor of Law, the Potsdam University (Germany);
Зайцев О.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московская академия экономики и права;	***Zaitsev O.A.,*** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow Academy of Economics and Law;
Ищенко Е.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;	***Ishchenko E.P.,*** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;
Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;	***Kamyshansky V.P.,*** Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;
Кибальник А.Г., доктор юридических наук, профессор, Северо-Кавказский федеральный университет;	***Kibalnik A.G.,*** Doctor of Law, Professor, the North Caucasian Federal University;
Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;	***Klayberg Yu.A.,*** Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;
Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края;	***Kurdyuk P.M.,*** Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region;
Ларичев В.Д., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ВНИИ МВД России;	***Larichev V.D.,*** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the National Research Institute of the Russian MIA;

Лукашов А.И., кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь;
Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;
Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;
Миндагулов А.Х., доктор юридических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби;
Наумов А.В., доктор юридических наук, профессор, Всероссийский государственный университет юстиции;
Подшибякин А.С., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России;
Понятовская Т.Г., доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;
Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор, Российский государственный университет правосудия;
Рарог А.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина;
Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет;
Сапрунов А.Г., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет;
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет;
Тупанчески Н., доктор юридических наук, профессор, Университет «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония);
Хелльманн У., доктор права, профессор, Потсдамский университет (Германия);
Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет.

Lukashov A.I., Master of Law, Assistant Professor, the Academy of the MIA of the Republic of Belarus;
Matskevich I.M., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;
Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;
Mindagulov A.Kh., Doctor of Law, Professor, the Kazakh National University of Al-Faraby;
Naumov A.V., Doctor of Law, Professor, the All-Russian State University of Justice;
Podshibyakin A.S., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry;
Ponyatovskaya T.G., Doctor of Law, Professor, the Kutafin Moscow State Law University;
Pudovochkin Yu.E., Doctor of Law, Professor, the Russian State University of Justice;
Rarog A.I., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kutafin Moscow State Law University;
Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University;
Saprunov A.G., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University;
Starilov Yu.N., Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Voronezh State University;
Tupanchesky N., Doctor of Law, Professor, the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia);
Hellmann U., Doctor of Law, Professor, the Potsdam University (Germany);
Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	**8**	**THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE**
Карнаушенко Л.В. Проблема иррационального в правосознании российской молодежи	**8**	***Karnaushenko L.V.*** Problem of the irrational in legal consciousness of Russian youth
Комбарова Е.Л. О разграничении категорий «качество» и «эффективность» при осуществлении оценки законодательства и судебной деятельности	**13**	***Kombarova E.L.*** On the delimitation of the categories of «quality» and «efficiency» in process of legislation and judicial activities
Палий В.М. Применение права как условие и форма реализации принципов гражданского общества в Российской Федерации	**20**	***Paly V.M.*** Application of law as condition and form of realization of principles of civil society in the Russian Federation
Трикоз Е.Н., Швец А.А. «Универсальные преступления» и их кодификация в международном уголовном праве	**23**	***Trikoz E.N., Shvets A.A.*** «Universal offenses» and their codification in international criminal law
Шеуджен Н.А., Яблонский И.В. Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в борьбе с преступностью в послевоенные годы	**27**	***Sheudzhen N.A., Yablonsky I.V.*** Organizational and legal foundation of activities of soviet prosecutor's office in combating crime in the postwar years
Перлик М.И. Особые лагеря в советской исправительно-трудовой системе послевоенного времени и специфика проявления в них массовых протестов заключенных	**31**	***Perlik M.I.*** Special camps in postwar soviet labour system and specific manifestations of mass protest of prisoners in it
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	**36**	**CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW**
Провоторов Р.А. Воспрепятствование осуществлению прав кандидатов путем незаконной агитационной деятельности	**36**	***Provotorov R.A.*** Obstruction of rights of candidates through illegal campaign activity
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	**41**	**CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS**
Петров И.В. Проблемы правового регулирования парковочного места как самостоятельного объекта гражданских прав	**41**	***Petrov I.V.*** Legal regulation problems of parking spaces acting as independent objects of civil rights
Герасимов А.В., Харитонов И.К. Правовое положение гарантирующего поставщика в договоре энергоснабжения: проблемы и перспективы	**45**	***Gerasimov A.V., Haritonov I.K.*** The legal status of a guaranteeing supplier in the contract of energy supply: challenges and prospects
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	**49**	**CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE**
Антонян Ю.М. Некрофилия: понятие, типология, объяснение	**49**	***Antonyan Yu.M.*** Necrophilia: definition, typology, explanation
Ильяшенко А.Н. Проблемные вопросы привлечения к ответственности за мелкое хищение	**58**	***Ilyashenko A.N.*** Problematic issues of criminal prosecution for petty stealing
Прохорова М.Л., Полтавец В.В. Личность виновного в системе общих начал назначения наказания	**62**	***Prokhorova M.L., Poltavets V.V.*** Personality guilty in system of general beginnings of punishment assignment
Щербакова Л.М., Губжокова Д.Р., Панченко А.С. Некоторые методологические вопросы криминологического исследования преступности	**69**	***Scherbakova L.M., Gubzhokova D.R., Panchenko A.S.*** Some methodological problems of criminological research of crime

Безбородов Д.А. Совпадение действия (бездействия) в неосторожном преступлении и его уголовно-правовое значение	**76**	***Bezborodov D.A.*** Coincidence of action (inaction) in negligent crime and its criminal and law meaning
Марьина Е.В. Посредничество во взяточничестве: особенности правоприменительной практики	**80**	***Marina E.V.*** Mediation in bribery: features of the law-enforcement practice
Юшина Ю.В., Евтушенко И.И. О совершенствовании мер уголовно-правового противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности	**84**	***Yushina Yu.V., Evtushenko I.I.*** About improvement of measures criminal and law counteraction to offences terrorist and extremist
Хомутов М.В. Эволюция юридической ответственности за самоуправство (X–XIX века) в контексте современного состояния уголовной политики	**89**	***Khomutov M.V.*** Evolution of legal responsibility for arbitrariness (X–XIX centuries) in the context of the current status of criminal policy
Бахметьев П.В. Оценка норм об ответственности за преступления против свободы совести и вероисповедания в контексте их компаративистского анализа	**94**	***Bahmetiev P.V.*** Assessment of the norms on the responsibility for crimes against freedom of conscience and religion in the context their comparative analysis
Жарких Е.А. Генезис рецидива преступлений как количественно-качественной основы формирования профессиональной и организованной преступности	**98**	***Zharkich E.A.*** Genesis of recidivism as the quantitative-qualitative bases of formation of professional and organized crime
Иванова О.С. Субъект семейного насилия и регламентация его признаков в истории, современности и перспективах развития уголовного законодательства России	**102**	***Ivanova O.S.*** Subject of family violence and regulation of its sings in the history, present and prospects of development of the criminal legislation of Russia
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	**107**	**PREVENTION OF CRIMINALITY**
Заброда Д.Г., Заброда С.Н. Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России	**107**	***Zabroda D.G., Zabroda S.N.*** Austrian experience to prevent home violence: characteristics and suggestions to employ in Russia
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	**113**	**CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS**
Костенко Р.В. Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам	**113**	***Kostenko R.V.*** Exclusion of evidence obtained in violation of the Criminal procedure code of the Russian Federation during pre-trial proceedings on criminal cases
Попов А.П., Зинченко И.А. Развитие состязательных начал досудебного производства в Доктринальной модели доказательственного права Российской Федерации	**118**	***Popov A.P., Zinchenko I.A.*** Development of adversarial beginings in the pre-trial proceedings in the Doctrinal model of evidence law of the Russian Federation
Демин Д.В., Алексеев И.М. К вопросу об институциализации подозрения	**124**	***Demin D.V., Alekseev I.M.*** The issue of institutionalizing suspicion
Сидоренко М.В. Правовая определенность системы российского уголовно-процессуального права: методическая константа проблемы (часть 2)	**128**	***Sidorenko M.V.*** Legal certainty of the Russian system of criminal procedure: constant methodological problems (part 2)
Стельмах В.Ю. Полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации в уголовном судопроизводстве	**133**	***Stelmach V.Yu.*** Powers of the chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation in criminal proceedings

РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	**138**	**DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES**
Волынский А.Ф. Уроки исторического опыта использования опыта других стран в борьбе с преступностью	**138**	***Volynsky A.F.*** The lessons of the historical experience of using the experiences of other countries in the fight against crime
Игнатов А.Н., Пахомов С.В. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления	**143**	***Ignatov A.N., Pakhomov S.V.*** Impact of qualitative and spatial features of the territory on the selection and implementation of the method of committing a crime
Павличенко Н.В. Проблемы взаимодействия оперативно-розыскных органов и населения: теоретические и прикладные проблемы	**148**	***Pavlichenko N.V.*** Problems of interaction between operational search units and the public: theoretical and legal issues
Титова К.А. Криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел о хищениях, совершаемых должностными лицами в сфере жилищно-коммунального хозяйства, как структурный компонент криминалистической методики	**152**	***Titova K.A.*** Forensic characteristic of judicial review of criminal cases on the embezzlement committed by officials in the sphere of housing and communal services as a structural component of forensic techniques
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	**155**	**ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS**
Денисенко В.В., Прут Е.В. Дуализм административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел в сфере реализации государственной социально-правовой политики	**155**	***Denisenko V.V., Prut E.V.*** Dualism of administrative legal status of staff of law-enforcement bodies in the sphere of realization of the state social policy of law
Дмитриев С.Н. Правовое обеспечение действий сотрудников подразделений транспортной безопасности	**160**	***Dmitriev S.N.*** Legal protection for the actions of employees divisions of transport safety
Долгополов А.А., Белоконь А.В. О теоретических проблемах административно-правового регулирования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел	**165**	***Dolgopolov A.A., Belokon A.V.*** On the theoretical problems of administrative-legal regulation of information support of activity of bodies of internal affairs
Лупарев Е.Б. Генезис правового регулирования административной юстиции в России в досоветский период: попытка новой исторической ретроспективы	**171**	***Luparev E.B.*** The genesis of the legal regulation of administrative justice in Russia in the pre-Soviet period: an attempt at a new historical retrospectives
Затолокин А.А. Субъект государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения (историко-правовой аспект)	**175**	***Zatolokin A.A.*** The subject of the state system of ensuring safety of road traffic (historical and legal aspect)
Шиенкова А.С., Подгайный А.М. Способы повышения безопасности дорожного движения	**180**	***Shienkova A.S., Podgainyi A.M.*** Ways to improve road safety
Кушхов Х.Л. О проблемах формирования единообразной правоприменительной практики при квалификации административных правонарушений в области миссионерской деятельности	**184**	***Kushkhov H.L.*** About problems of formation of uniform law-enforcement practice at qualification of administrative offenses in the area of missionary activity

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	**189**	**FINANCIAL LAW**
Бочкарева Е.А., Вороненко Е.В. Аудит финансовой деятельности образовательных учреждений как мера борьбы с коррупцией	**189**	***Bochkareva E.A., Voronenko E.V.*** Audit of educational institutions financial activities as a measure to prevent corruption
ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	**193**	**INFORMATIONAL SECURITY**
Сидоренко Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен	**193**	***Sidorenko E.L.*** Cryptocurrency as a new legal phenomenon
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ, ПОЛИТОЛОГИИ	**198**	**QUESTIONS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE**
Кубякин Е.О. К вопросу о типологии управленческой деятельности (социологический аспект)	**198**	***Kubyakin E.O.*** To the question of typology of administrative activity (sociological aspect)
Самойлов С.Ф., Тимофеева Н.И., Шеуджен Н.А. К анализу специфики социологического подхода к пониманию жизненной стратегии	**202**	***Samoilov S.F., Timofeeva N.I., Sheudzhen N.A.*** To the analysis of specifics of sociological approach to understanding of vital strategy
Петракова А.С. Экстремизм: теоретико-методологический анализ	**207**	***Petrakova A.S.*** Extremism: theoretical and methodological analysis
Плотников В.В. Типологический анализ факторов дестабилизации социальной структуры	**212**	***Plotnikov V.V.*** Typological analysis of factors of destabilization of social structure
Сабанов З.М. Организационные основы реабилитации инвалидов в Российской Федерации	**217**	***Sabanov Z.M.*** The institutional framework for the rehabilitation of the disabled in the Russian Federation
Тимченко А.А., Стрелецкий Я.И. Украина: технология «промывания мозгов»	**222**	***Timchenko A.A., Streletsky Ya.I.*** Ukraine: the technology of «brainwashing»
Бритикова Е.А., Урывский В.Н. Российский капиталистический класс как субъект модернизации: опыт 90-х годов	**227**	***Britikova E.A., Uryvsky V.N.*** Russian capital class as a subject of modernization: experience of 90s
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	**234**	**MODERN PROBLEMS OF HIGH EDUCATION**
Клюев С.Г., Сизоненко А.Б. Система мониторинга и управления качеством формирования профессиональных компетенций у обучающихся	**234**	***Klyuev S.G., Sizonenko A.B.*** The system of monitoring and quality management of formation of professional competence of studying
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ	**238**	**TOPICAL ISSUES OF SCIENCE AND PRACTICE**
Кобелев Д.Н., Луцай А.А. К вопросу о содержании понятия «антитеррористическая деятельность»	**238**	***Kobelev D.N., Lutsai A.A.*** About the «anti-terrorist activity» concept content
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	**244**	**INTO CONSIDERATION OF AUTHORS**

Карнаушенко Леонид Владимирович
доктор исторических наук, профессор,
начальник управления учебно-методической работы
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612585079)

Проблема иррационального в правосознании российской молодежи

В статье рассматривается иррациональное начало человеческой природы, при определенных обстоятельствах представляющее угрозу стабильности социальной системы. Анализируются функции институциональной правовой системы, позволяющие обществу преодолевать дезорганизационно-дисфункциональные угрозы и вызовы.

Ключевые слова: право, правосознание, институциональная система, молодежь, рациональность, иррациональность.

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585079.

Problem of the irrational in legal consciousness of russian youth

The article discusses the beginning of irrational human nature, under certain circumstances pose a threat to the stability of the social system. Functions of the institutional legal system that allows society to overcome disorganization-dysfunctional threats and challenges are analyzed.

Key words: law, legal consciousness, institutional system, youth, rationality, irrationality.

С точки зрения классиков системного и структурно-функционального анализа (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, Р. Мертон и др.), общество представляет собой сложную, сбалансированную, диверсифицированную, целерациональную, многоуровневую социальную систему. При этом атрибутивной характеристикой социальной системы выступает ее предельная рационализация и функциональность. Основной стратегической задачей социальной системы является достижение стабильности, равновесия посредством преодоления дисфункциональных и дезорганизационных состояний, возникающих вследствие социальных противоречий, наиболее опасными из которых являются системные, носящие долговременный, «хронический» характер.

В данном аспекте одна из основных угроз для социальной системы – иррациональность, алогичность, т.е. социальная система является антиподом, прямой противоположностью состоянием, угрожающим ей. Иррациональность предполагает непредсказуемость, спонтанность, неожиданность, алогичность происходящих событий, явлений, действий. Этот факт таит в себе потенциальную опасность для общества, так как сложно (а иногда и невозможно) прогнозировать развитие событий, подготавливаться к ним, перестраиваться. Следует также принимать во внимание, что социальная система инерционна, она медленно меняется в ответ на возникающие угрозы, вызовы и риски. Это положение дел в целом соответствует ее институциональной природе. Именно поэтому иррациональное начало априори позиционируется как фактор риска и дезорганизации социальной системы, противоречащий ее природе.

«Носителем» иррационального начала является человек. Об этом свидетельствуют многочисленные концепции классиков общественных наук. Согласно мнению В. Парето, изучение человеческого поведения должно учитывать феномен нелогического действия. Именно игнорирование этого факта не позволяет большинству теорий продвинуться дальше «идеальных типов», отвлеченных от практики теоретических конструктов. Человеческая природа такова, что он зачастую, под влиянием социально-психологических и социокультурных факторов, совершает иррациональные, нелогические действия [1]. В структуре социального действия, предложенной М. Вебером, значимое место занимает аффективное действие, по своим функциональным характеристикам соответствующее иррациональному, бессознательному началу человека (предполагает наличие страсти, отчаяния, душевного порыва, фрустрации и т.п.). При этом парадокс восприятия данного вида социального действия связан с тем, что оно противоречит основному концептуальному восприятию категории «социальное действие» самим исследователем, для которого

оно носит, по преимуществу, рациональный характер [2].

С точки зрения представителей психоаналитического направления (З. Фрейда, К.Г. Юнга и др.), человеческие действия и взаимодействия во многих случаях носят иррациональный характер, подвержены влиянию комплекса факторов, связанных как с внутренним психическим состоянием человека, так и с внешней социальной средой.

По мнению З. Фрейда, невротические состояния, стрессы, подавленность или излишняя возбудимость преследуют человечество вследствие особой психоконституциональной структуры индивидов («я», «оно» и «сверх я»). Система культуры посредством процессов социализации и воспитания вытесняет влечения человека в сферу бессознательного, вследствие чего его повседневное поведение зачастую выглядит алогичными, иррациональным, представляет собой метание из стороны в сторону [3].

К.Г. Юнг репрезентирует проблему иррационального в человеческом поведении как проявление «дикарского состояния души», идущего от наших предков. Посредством механизмов генетического наследования человек приобщается к «коллективной памяти» предшествующих поколений, называемой им «коллективным бессознательным». Именно данный социально-психологический феномен, опирающийся на архетипы сознания, а также на сложную структуру человеческой психики (личное сознание, коллективное сознание, личное бессознательное, коллективное бессознательное), во многом объясняет алогичность человеческих действий [4].

Становится очевидным, что человеческое поведение зачастую выглядит непредсказуемым, непонятным, не соответствующим социальным ожиданиям общества. Ситуация осложняется еще и тем, что сознание людей подвержено неврозам, фобиям, поддается влиянию предрассудков, слухов, мифов, легенд, вследствие чего с неизбежностью иррационализируется поведение человека, он начинает совершать поступки и действия, не объяснимые для постороннего наблюдателя. Более того, его поступки и действия во многих случаях представляют угрозу социуму, основным социальным институтам и подсистемам.

Стоит подчеркнуть, что социальной группой, демонстрирующей наиболее непредсказуемое, рисковое и, во многом, иррациональное поведение в обществе, является молодежь. Молодое поколение отличают уникальные социально-психологические и социально-возрастные черты, связанные с процессами социального и биологического взросления. Лабильное сознание, неустойчивая психика, наряду с процессами пубертации и акселерации, формируют контуры данной социальной группы как «группы риска».

В.А. Луков указывает, что существованию системных социальных проблем в молодежной среде способствуют два ведущих качества личности современной молодежи: ярко выраженный индивидуализм и эгоизм. Оба качества в принципе нельзя обозначить ни знаком «плюс», ни знаком «минус»; ключевое значение имеет степень, мера того или другого. Особенно опасны эгоизм и индивидуализм посредственного, невежественного человека – это, как правило, зло, тем более если с ними соседствуют такие качества, как злость, жадность, лень, равнодушие, агрессивность [5].

С точки зрения В.И. Чупрова, «отличительное социальное качество молодежи связывается с тем специфическим положением, которое она занимает в процессе воспроизводства социальной структуры, и определяется способностью молодого поколения унаследовать и воспроизводить сложившуюся на момент его становления структуру общественных отношений». Воспроизводя сложившуюся структуру общественных отношений, молодежь перенимает социальный опыт старших поколений и вносит новое в этот процесс, реализуя свои инновационные свойства [6].

Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко обращают внимание на опасность маргинального статуса молодого человека, вследствие чего потенциально опасным становится его иррациональное начало. В результате конфликта с принимающей социальной средой (взрослым обществом) в процессе адаптации, смены социального статуса молодежь может демонстрировать рисковые, иррациональные стратегии поведения, которые слабо просчитываются и прогнозируются наукой и управленческими структурами, ответственными за работу с молодежью [7, с. 29].

Однако социальная система, даже принимая во внимание существенную опасность, связанную с потенциальными неудачами процесса социализации и социального взросления подрастающего поколения, обладает атрибутивными характеристиками, позволяющими ей достаточно эффективно противостоять возникающим угрозам и вызовам.

Рассуждая о стратегиях выживания социальной системы в проблемной ситуации, связанной с вхождением во взрослую жизнь под-

растающего поколения, характеризующегося очевидными неудачами в сфере образования, воспитания, социализации, освоения культуры и пр., необходимо заметить следующее. Основная цель социальной системы – нахождение оптимального баланса между иррациональным (легитимным в определенных социальных сферах, но нелегитимным в остальных, например, спортивные болельщики, аудитория рок-концертов, участники карнавальных шествий и т.п.) и рациональным поведением как одним из фундаментальных признаков общества, завершенности ключевых процессов социализации и социального развития. Поэтому основная стратегическая цель социальной системы в процессе взаимодействия с молодежью заключается в «рационализации» ее поведенческих стратегий путем не только использования социальных санкций, но и удовлетворения потребностей и интересов, предоставления широких возможностей для культурно-досуговой, виртуальной, творческой, профессиональной и другой самореализации. Однако принимая во внимание возможный негативный сценарий развития событий, рост форм отклоняющегося, деструктивного поведения, для достижения стратегической цели, воплощения рационального начала общество использует социальные институты, включающие совокупность различных подсистем. Одним из ключевых социальных институтов выступает право.

Г.В. Мальцев отмечает, что право принадлежит к организованным системам, которые упорядочивают и регулируют социальную жизнь. Право по своей природе – это нормативный регулятор, его социальное назначение проявляется в регулировании жизненных процессов, в сознательной организации порядка, его поддержании, сохранении и защите ради определенных, признанных культурным сообществом целей [8, с. 5]. В такой интерпретации право предстает как системное целое, характеризующееся объективными закономерностями своего функционирования. Возникает вполне ожидаемое противопоставление права как объективного атрибута социальной системы, имеющего цель в ходе процессов социализации, воспитания, социального развития интегрировать молодежь (как в наибольшей степени подверженную рискам отклоняющегося поведения группу населения), включить ее в сферу своего влияния, «подавляя» в необходимых масштабах ее иррационализм, аффективность, алогичность. Однако перед нами в таком ракурсе восприятия – обычная идеально типическая модель. В реальности право также характеризуется рядом атрибутивных характеристик, ставящих под сомнение его объективное, рационально-логическое начало. Так, И.А. Исаев концентрирует внимание на иррациональных моментах, действие которых детерминировало развитие правовых идей, а также систем правового регулирования. Автор приходит к выводу о том, что правовая система по своей сути не является рациональным социальным образованием [9].

Необходимо подчеркнуть, что, наряду с отмеченными проблемными аспектами в самой социально-правовой системе, имеют место очевидные дисфункционально-дезорганизационные признаки в связанных с правом структурных элементах социокультурной регуляции. Задачей этих элементов выступает максимальное включение в процесс регуляции поведения человека ненасильственных форм, которые базируются на добровольном, осознанном сотрудничестве людей во имя целей социального прогресса. Одним из таких элементов на протяжении значительного периода времени является правосознание.

А.А. Коник констатирует, что правосознание – это совокупность значений и смыслов, рождаемых при осознании природы и сущности права, правового уровня отношений между людьми. Правосознание есть выражение и проявление разумной, рассудочной деятельности человека [10].

По мнению Е.В. Уваркиной, правосознание всегда сопровождает право. Это обусловлено тем, что существование права нераздельно связано с волей и сознанием людей. Требования общественной жизни не могут быть выражены в качестве юридических предписаний до тех пор, пока они не пройдут через волю и сознание людей. В то же время и воздействие права на общественные отношения также осуществляется через волю и сознание граждан. Все это вызывает к жизни известный комплекс правовых представлений, чувств, настроений, переживаний, взглядов и пр. [11, с. 3–4].

В.Н. Гуляихин справедливо отмечает, что духовно-правовые идеалы личности, структурирующие правосознание, представляют собой устойчивые по своей природе, подвижно-динамические по воздействию на социальное поведение субъекта, целостные и полиструктурные по организации идеально-смысловые образования, производящие в субъекте позитивные эффекты его преображения [12].

Исследователь указывает, что позитивные измененные состояния правосознания выполняют важную миссию в процессе развития че-

ловека и общества. Они могут рассматриваться как своеобразный итог многих самых разных социально-психологических форм, являющихся последствиями интенций душевной жизни человека (как адаптивных, так и неадаптивных) [12].

Важность правосознания в системе регуляции поведения молодежи не вызывает сомнений. Однако основная сложность заключается в том, что в настоящее время стремительно утрачивается фундамент, на котором обществу можно строить правосознание молодежи. Генезис правосознания становится итогом определенного жизненного периода для подрастающего поколения, следствием процесса социализации (в том числе и правовой), воспитания, социального и духовного развития. Однако в современном обществе отмеченные факторы формирования правосознания молодежи работают недостаточно эффективно либо фактически не имеют социального веса. Общий социокультурный кризис, рост социальной значимости инструментов стихийной социализации (Интернета, масс-медиа, кинематографа), нарастающий разрыв поколений, радикализация общественного сознания, его криминализация, девиация социальных практик – далеко не полный перечень отрицательных факторов, способствующих формированию особого типа правосознания молодежи. В правосознании современной российской молодежи начинает превалировать иррациональная сторона. Это происходит под воздействием утраты обществом каналов передачи социально значимой информации, ослабления социальных институтов, ответственных за формирование духовного облика подрастающего поколения.

Таким образом, в современном обществе наблюдается тенденция иррационализации правосознания подрастающего поколения. Имеет место разрушение традиционных социальных механизмов, ответственных за рационализацию общества, упорядочивание социальных действий и взаимодействий. На протяжении длительного периода в истории иррациональное начало молодежи в процессе социализации и воспитания подавлялось регулирующими механизмами социума, так обеспечивалась его стабильность и предсказуемость. Молодежь интегрировалась в общество, оставляя за этой чертой эгоизм, радикализм, максимализм (в той или иной мере присущие молодому поколению во все времена) и, едва ли не самое главное, – практически безграничную свободу. Так исчезала база для иррационализма, алогичности и непредсказуемости. В настоящее время ситуация кардинальным образом изменилась. Социальные процессы изменили свой вектор на прямо противоположный.

Особую опасность для общества имеет так называемая свобода подрастающего поколения, которая на практике превращается во вседозволенность и разнузданность. Наклейки на автомобилях определенного, достаточно широкого по численному составу, молодежного сегмента об этом красноречиво свидетельствуют («мне плевать на всех, гоняю, где хочу», «моя жизнь – мои правила» и пр.). Как справедливо отмечает Г.В. Мальцев, постулат абсолютной свободы воли означал бы разрушение социокультурной системы, на которой базируется идея регуляции человеческих действий. Право – враг случайностей и импровизаций; оно не любит исключений из правил, хотя и вынуждено иногда с ними соглашаться. Правовое регулирование направляется необходимостью, отражающей высшую степень детерминированности явлений; бытие случайности вследствие этого лишено объективной стороны [8, с. 49].

Иррационализация правосознания молодежи на практике ведет к его очевидной деформации. Правосознание утрачивает свои основные функционально-ролевые черты, перестает быть эффективным регулятором человеческого поведения, сдерживающим механизмом отклоняющихся и преступных поведенческих стратегий. Усвоение правового опыта и теорий становится фактически невозможным, ибо данный пласт культурно-правовой информации рационален и диктует необходимость определенной «подстройки» познающего субъекта. Этого на практике не происходит, вследствие чего усвоение правовой информации оказывается поверхностным либо практически не осуществляется.

Безусловно, в процессе генезиса правосознания имеет место формирование субъективного отношения людей к праву; человек фактически пропускает через свое сознание правовые идеи, доктрины, концепции. Однако недостаточный уровень культуры и образования не позволяет значительному сегменту современной российской молодежи осуществить подобные действия. Идеи законности, гуманности, справедливости оказываются чужды познающему субъекту, который во главу угла зачастую ставит свое «я». Недостаток образования, культуры, воспитания приводит к устойчивому развитию в сознании молодежи правовых заблуждений, предрассудков, слухов, мифов и стереотипов, по сути, являющихся вы-

ражением иррациональной личности. Сложившаяся ситуация в сфере правосознания молодежи фактически означает утрату социокультурных регуляторов и перенос основной тяжести противодействия социальным отклонениям только на юридически нормы, опирающиеся на силу принуждения государства.

1. Парето В. Трансформация демократии. М., 2011.

2. Вебер М. Избр. произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. М., 1990.

3. Фрейд З. Психоаналитические этюды / сост. Д.И. Донской, В.Ф. Круглянский. Минск, 2010.

4. Юнг К.Г. Либидо, его метаморфозы и символы. СПб., 1994.

5. Луков В.А. Биосоциология молодежи: теоретико-методологические основания. М., 2013.

6. Чупров В.И. Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. М., 1994.

7. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. 2006. № 6.

8. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007.

9. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве. М., 2013.

10. Коник А.А. Формирование правосознания в трансформирующемся обществе: социально-философский анализ: дис. … канд. филос. наук. Ставрополь, 2006.

11. Уваркина Е.В. Правосознание как объект социально-философского анализа: дис. … канд. филос. наук. М., 2004.

12. Гуляихин В.Н. Структурно-функциональные особенности различных состояний правосознания человека // Юрид. исследования. 2012. № 2. С. 90–116.

1. Pareto V. Democratic transformation. Moscow, 2011.

2. Weber M. Sel. works / transl. from Deutsch, comp., gen. ed. and afterw. by Yu.N. Davydov; forew. by P.P. Gaidenko; comment. by A.F. Filippov. Moscow, 1990.

3. Freud Z. Psychoanalytic studies / comp. D.I. Donskoy, V.F. Kruglyansky. Minsk, 2010.

4. Jung K.G. Libido, its metamorphosis and symbols. St. Petersburg, 1994.

5. Lukov V.A. Youth biosociology: theoretical and methodological bases. Moscow, 2013.

6. Chuprov V.I. Social development of youth: theoretical and applied problems. Moscow, 1994.

7. Vishnevsky Yu.R., Shapko V.T. Paradoxical young man // Sotsis. 2006. № 6.

8. Maltsev G.V. Social foundation of law. Moscow, 2007.

9. Isaev I.A. The shadow side of the law. Irrational in law. Moscow, 2013.

10. Konik A.A. Formation of sense of justice in a transformed society: the socially-philosophical analysis: diss. ... Master of Philosophy. Stavropol, 2006.

11. Uvarkina E.V. Legal consciousness as an object of social-philosophical analysis: diss. ... Master of Philosophy. Moscow, 2004.

12. Gulyaikhin V.N. Structural and functional features of different status of consciousness of a person // Legal studies. 2012. № 2. P. 90–116.

Комбарова Елена Леонидовна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики
Российского государственного университета правосудия
(e-mail: kombarova.elena.80@mail.ru)

О разграничении категорий «качество» и «эффективность» при осуществлении оценки законодательства и судебной деятельности

В статье обращено внимание на значительную разнородность выделяемых учеными критериев оценки качества и эффективности судебной деятельности и законодательства, использование различными авторами одних и тех же критериев и показателей, характеризующих одновременно и качество, и эффективность как законодательства, так и судебной деятельности. Осуществлен анализ категорий «качество» и «эффективность», исследовано их соотношение между собой.

Ключевые слова: качество, эффективность, законодательство, правосудие, критерии, показатели, судебная деятельность.

E.L. Kombarova, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Judicial Examination and Criminalistics of the Russian State University of Justice; e-mail: kombarova.elena.80@mail.ru

On the delimitation of the categories of «quality» and «efficiency» in process of legislation and judicial activities

The article drew attention to the considerable heterogeneity of quality and efficiency criteria of judicial activities and law allocated by scientists, to the use by different authors of the same criteria and indicators of both the quality and efficiency in the process of evaluation of judicial activity and in the process of analysis of the legislation. The analysis of the categories of «quality» and «efficiency» is carried out and their relationship with each other is investigated.

Key words: quality, efficiency, legislation, justice, criteria, indicators, judicial activity.

Актуальность обозначенной проблемы обусловлена отсутствием единства научных взглядов на содержание категорий «качество» и «эффективность» при осуществлении оценки законодательства и судебной деятельности.

Так, исследуя качество законодательных актов как в общетеоретическом ракурсе, так и в рамках оценки отраслевого законодательства, одни авторы анализируют лишь технико-юридические критерии качества законов [1]. Другие ученые указывают на необходимость учета критериев, не только характеризующих совершенство юридической техники составления законодательных актов, но и социальных, демонстрирующих качество правового регулирования общественных отношений [2]. Третьи же трактуют категорию «качество» максимально широко и относят к необходимым параметрам оценки качества законодательных актов критерии технико-юридические, политические (соответствие интересам государства, политическому режиму), экономические (ресурсообеспеченность закона, приоритетность затрат на его реализацию), управленческие (соблюдение правил управления, методы реализации закона, его коррупционность), социальные (степень соответствия сложившихся общественных отношений и регулирующих их правовых норм) и т.д. [3, с. 71].

Столь же разноаспектны и критерии качества судебной деятельности.

Одни авторы подвергают анализу лишь качество судебных решений [4], другие исследователи, наряду с критериями качества решений суда, считают необходимым изучать и качество осуществления самой процессуальной судебной деятельности [5], третьи (преимущественно зарубежные исследователи), помимо анализа вышеуказанных аспектов качества правосудия, полагают возможным оценивать качество правосудия по таким параметрам, как обращение со сторонами, компетентность судей, быстрота разрешения дел, а также организация судебной деятельности [6].

Более того, наблюдается не просто значительная разноплановость критериев качества законодательства и судебной деятельности,

а использование различными авторами одних и тех же критериев и показателей в процессе анализа двух категорий (качества и эффективности), что имеет место как при оценке законодательства, так и в рамках исследования судебной деятельности.

Обратимся к трудам, посвященным исследованию проблем правосудия. По мнению Т.Г. Морщаковой, качество судебного разбирательства подлежит оценке посредством анализа следующих характеристик (критериев): законность и обоснованность разрешения дела; реальное обеспечение полномочий всех участников процесса [5, с. 13, 16]. В то же время А.К. Гагиев полагает, что законность и объективность судебных решений, равно как и их своевременность и справедливость, представляют собой критерии эффективности деятельности судов [7]. Аналогичного мнения придерживается и А.Ю. Астафьев, осуществляя анализ законности, обоснованности и справедливости решений суда в рамках исследования эффективности правосудия [8].

Подобная ситуация наблюдается и в отношении показателей судебной деятельности.

О.Я. Баев и Т.Г. Морщакова предлагают оценивать качество правосудия посредством определения количества отмененных и измененных приговоров в динамике, выявляя причины отмен и изменений судебных решений [9; 5].

Между тем, количество законных (незаконных) и обоснованных (необоснованных) приговоров рассматривается авторами работы «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок» и как основной показатель качества правосудия [10, с. 35], и, одновременно, как показатель его эффективности [10, с. 36].

Проблема тождественности критериев качества и эффективности возникает и при анализе качества и эффективности законодательства (необходимой, на наш взгляд, составляющей функционирования судов).

Так, Е.В. Сырых, отмечая юридический, языковой и социальный аспекты качества законов, выделяет такие критерии оценки законодательства, как нормативность, системность, конкретность, полнота, юридическая правильность ненормативных элементов закона, простота, краткость, ясность, точность, социальная обусловленность и адекватность способа правового регулирования социальной действительности [2].

Вместе с тем, О.Э. Лейст, понимая под эффективностью права его осуществимость, считал необходимым исследовать практически аналогичные характеристики правовых норм – общеизвестность, понятность и непротиворечивость, системность, соразмерность социальным целям норм и юридических средств достижения этих целей, обеспеченность права действенной системой органов правосудия и других правоохранительных органов [11, с. 93] – уже в рамках изучения эффективности законодательства.

Поэтому необходимо попытаться определить содержание категорий «качество» и «эффективность», исследовав их в преломлении к проблемам оценки качества законодательства и судебной деятельности.

Анализируя различные словарные определения термина «качество», можно выделить два основных подхода к раскрытию сущностного содержания данной категории.

1. Под качеством понимается совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность [12]; свойство или принадлежность, составляющая сущность лица или вещи [13]; категория, выражающая существенную определенность объекта, благодаря которой он является именно этим, а не иным [14]; понятие, отражающее устойчивое соотношение составных элементов объекта, характеризующее его специфику и позволяющее отличать конкретный объект от других [15].

2. Качество представляет собой совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять потребности, соответствовать своему назначению и предъявляемым требованиям [16].

В контексте первого (достаточно узкого и формального) подхода качество трактуется отдельными авторами исключительно как совокупность свойств объекта. Однако подход к исследованию проблемы качества лишь с позиции выделения значимых свойств и признаков объекта безотносительно соотношения с его целеполаганием видится нам неверным.

Любой предмет, объект окружающего мира имеет свое четко определенное функциональное назначение (иногда несколько) и представляет ценность именно как реализатор своих функций, служащих для удовлетворения различных потребностей. Свойства и признаки объекта при анализе его качества не могут рассматриваться в отрыве от предназначения данного объекта, их наличие и содержание прямо обусловлены соответствующими функциями объекта, которые он предназначен реализовать. Соответственно, совершенно верной представляется позиция авторов, понимающих качество закона как совокупность свойств, обусловливающих его способность удовлетворять определенные потребности общества и личности в соответствии с назначением закона [17, с. 490].

В равной степени качество судебной деятельности представляет собой совокупность

свойств, обусловленных назначением судов и характеризующих их способность реализовывать стоящие перед ними цели.

Таким образом, качество какого-либо объекта, института – это определенная совокупность свойств и признаков объекта, обусловленная его назначением и отражающая способность объекта к реализации стоящих перед ним целей.

А что же представляет собой категория «эффективность»? Являются ли понятия «качество» и «эффективность» тождественными или имеют сущностные различия? Если возможно разграничить данные понятия (в частности, применительно к законодательству и судебной деятельности), то какие параметры, признаки должны разделять, обособлять их? В каком возможном соотношении находятся между собой «качество» и «эффективность»?

Обратившись к анализу категории «эффективность», следует отметить многозначность данного термина. Н.А. Сартаева, в частности, замечает, что в литературе под термином «эффективность» понимают результативность, правильность, обоснованность или целесообразность [18, с. 51].

Соответственно, весьма разнообразны определяемые учеными критерии эффективности законодательства и судебной деятельности.

Выделяют как общие критерии эффективности законов, обусловленные, как правило, целями законодательного регулирования общественных отношений, так и критерии эффективности конкретных правовых институтов, законодательных норм в рамках анализа отраслевого законодательства.

Разноплановы и критерии эффективности правосудия. По мнению В.В. Лапаевой, критериями эффективности судебной деятельности являются правовое качество законодательства, эффективность правоприменительной деятельности, уровень правосознания правоприменителя и населения [19, с. 449].

Авторы коллективной монографии «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок» (1975 г.) выделяли «широкие» и «узкие» цели законодательного регулирования, которые и являлись критериями оценки эффективности. В качестве «широких» целей авторами позиционировались следующие: охрана от преступных посягательств государственного строя, прав и свобод граждан, государственных учреждений; обеспечение исполнения законов всеми учреждениями и гражданами, воспитание граждан в духе преданности Родине. К непосредственным («узким») целям правосудия учеными были отнесены: правильное разрешение дел, строгое соблюдения законности в процессе рассмотрения дел, максимально возможное воспитательное воздействие на граждан, правильное разрешение гражданского иска [10, с. 27–31].

Для уяснения правил выделения критериев, характеризующих исследуемые нами категории, необходимо определить сущность категории «эффективность», ее соотношение с категорией «качество».

Существует несколько научных теорий эффективности. Так, осуществляя оценку законодательства, выделяют следующие концепции:

1. Теория обоснованности и целесообразности, трактующая эффективность как целесообразность, обоснованность организации и деятельности объекта.

2. Концепция полезности, в рамках которой эффективность объекта представляет собой любой социально полезный результат его функционирования (даже тот, который изначально не ставился перед объектом).

3. Целевая концепция, трактующая эффективность как соотношение между фактическими результатами функционирования объекта и целями, которые были поставлены перед данным объектом.

4. Функционально-целевая («экономическая») концепция, где эффективность понимается как фактическая результативность реализации целей объекта исследования с учетом понесенных при этом затрат и расходов.

5. Аксиологическая (ценностная) концепция, в рамках которой под эффективностью объекта (в частности, права) понимается степень его соответствия основополагающим социальным ценностям – свободе, справедливости и т.д. [20; 21; 22]

Полагаем, что в основу оценки данных концепций должен быть положен главный фактор – учет целей объекта, поскольку именно данный параметр, на наш взгляд, является доминантой конструирования теорий эффективности.

Наиболее распространенной является так называемая целевая концепция эффективности. Ее придерживаются в своих исследованиях большинство ученых. Однако даже в рамках одной вышеназванной теории можно встретить разные определения категории «эффективность».

Так, авторами научной работы «Общая теория эффективности правовых норм» эффективность норм права понимается как соотношение между фактическими результатами действия правовых норм и теми социальными целями, для достижения которых данные нормы были приняты [21, с. 21].

Аналогично характеризует эффективность права и О.Э. Лейст, понимая под эффективностью законов соотношение между целью правовой нормы и результатом, достигнутым в процессе ее реализации [11, с. 93].

Однако отдельные исследователи, также считая приоритетной целевую концепцию эффективности, трактуют категорию «эффективность» несколько иначе, полагая, что эффективность законодательства означает его способность достигать при определенных условиях социально значимых целей [22; 23].

Нельзя не заметить принципиальные различия научных подходов к определению эффективности законодательства.

Способность норм права достигать социально значимых целей и фактическая результативность правовых норм – две разные величины.

Возможно, именно подобная научная трактовка и качества, и эффективности как способности достигать поставленных перед объектом целей обусловила определенную тождественность выделяемых учеными критериев качества и эффективности как при оценке правосудия, так и при исследовании правовых норм. Однако полагаем, что одним определением нельзя охарактеризовать сущность двух категорий.

Способность – это состояние, качество, свойство, дающее возможность производить те или иные действия.

Эффект (лат. effectus – исполнение, действие; лат. efficio – исполняю, действую) – реакция на какое-либо определенное действие или результат, являющийся следствием какого-то действия.

Таким образом, понимание эффективности как способности достигать целей, поставленных перед объектом (целей законодательного регулирования, судебной деятельности), видится нам неверным.

Эффективность, исходя из семантического значения термина, следует анализировать, оценивая исключительно фактическую результативность деятельности объекта, связанную прежде всего с реализацией его целей. Способность же объекта достигать необходимых целей, опосредуемая в параметрах совокупности внутренних свойств объекта оценки, – это сущностное содержание такой характеристики объекта, как качество.

При этом качество объекта как способность посредством внутренних свойств и признаков реализовывать стоящие перед ним цели (соответствовать своему назначению) далеко не всегда приводит к эффективному функционированию объекта, поскольку эффективность, понимаемая нами как фактическая результативность действия объекта, помимо качества самого объекта, зависит от ряда самых разных факторов, например от условий функционирования исследуемого объекта, от особенностей объекта (объектов), взаимодействующего (взаимодействующих) с оцениваемым (поскольку результативность объекта – это следствие прямого воздействия на другой объект или объекты окружающего мира), и иных составляющих.

Далее перейдем к анализу так называемой полезной концепции эффективности. Отдельные ученые советского периода, исследуя проблему эффективности законодательства, указали на определенную проблематичность выделения целей закона, предложив считать правовые нормы эффективными при наступлении любого положительного результата их функционирования [24, с. 83; 25, с. 77–78].

Данная концепция эффективности подвергалась активной критике приверженцев концепции эффективности «целевой», считавших, что нельзя отождествлять полезность и эффективность, т.к. непредвиденные последствия, не охваченные целями правовых норм, должны считаться именно полезными, а не эффективными, поскольку эффективность прямо предопределяется только целями правового регулирования [21, с. 29–31].

На наш взгляд, суть разрешения данной проблемы заключается в решении следующего вопроса: существует ли исчерпывающий перечень целей правового регулирования, а также целей правосудия?

А.А. Макарцев обоснованно отмечает часто имеющее место в нормативных правовых актах отсутствие четко прописанных целей правовых норм либо своеобразную абстрактность, недостаточную ясность их формулировок, нередко имеющий место так называемый конфликт целей ввиду их изначально заложенной несовместимости [26].

Назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Однако мы не думаем, что это исчерпывающий перечень целей (более того, в научной литературе давно ведутся споры о том, что данные положения закона формулируют не цели, а задачи уголовного судопроизводства).

Основная цель правосудия закреплена в ст. 2, 17, 18 Конституции РФ и также заключается в защите прав и свобод человека и гражданина. Во всех иных законодательных актах, как отмечает С.Л. Дегтярев, «цели и задачи, стоящие перед судебными органами, определяются в большей степени из полномочий самих судебных органов, однако по существу это вызвано не различиями в полномочиях судебных органов, а категориями рассматриваемых дел, т.е. особенностями применяемых норм соответствующего материального права» [27].

При этом, полагаем, дискуссионность самого понятия «правосудие» уже изначально обусловливает проблематичность выделения четкого (не говоря уже об исчерпывающем) перечня целей судебной деятельности.

Отсутствие либо неполнота законодательной регламентации целей правового регулирования и судебной деятельности, а также зачастую имеющая место их определенная абстрактность, коллизионность позволяют сделать вывод об отсутствии исчерпывающего перечня целей законов и правосудия (что приводит к активным попыткам восполнить законодательные пробелы как на доктринальном уровне, так и непосредственно правоприменителями). Соответственно, ввиду «размытости» самих целей законодательства и судебной деятельности проблематично определить, явился ли наступивший социальный эффект результатом, изначально охватывавшимся целеполаганием законодательных норм либо правосудия, или же нет.

Потому сама так называемая полезная концепция эффективности изначально видится нам несколько некорректной, оторванной от реальности.

Проблематичность определения критериев качества и эффективности судебной деятельности, а также законодательного регулирования в том числе обусловлена и сложностью определения спектра целей законодательства и правосудия.

Также неосновательной, на наш взгляд, является и концепция эффективности, в рамках которой эффективность отождествляется с обоснованностью, целесообразностью, поскольку это характеристики, демонстрирующие внутренние свойства объекта, его потенциальную эффективность, т.е. качество. Эффективность же реальную можно оценить только посредством анализа фактической результативности функционирования объекта.

Весьма проблематична в прикладном отношении и аксиологическая концепция эффективности. Анализ эффективности законодательства на предмет оценки его соответствия основополагающим социальным ценностям (свободе, справедливости), баланса социальных интересов и т.д. осуществить нелегко, поскольку нет объективных критериев оценки. Восприятие этих ценностей весьма субъективно.

Вместе с тем, заслуживает внимания функционально-предметная (экономическая) концепция эффективности, в рамках которой, помимо фактической результативности реализации целей объекта, учитываются и понесенные при этом разного рода затраты и издержки.

Таким образом, наиболее оптимальными, на наш взгляд, являются целевая и функционально-целевая концепции эффективности. Соответственно, определение категории «эффективность» должно базироваться на использовании положений данных теорий.

Мы предлагаем следующее определение эффективности: эффективность – это фактическая результативность функционирования объекта, обусловленная целями данного объекта и совокупными внешними условиями.

Соответственно, качество характеризует исключительно сам объект, его свойства и признаки, т.е. внутреннюю сущность, предопределяемую назначением объекта и отражающую способность к реализации его целей.

Эффективность же характеризует, прежде всего, изменения, производимые данным объектом вовне, в результате воздействия на другие объекты (социальные институты) в процессе функционирования, что обусловливает различные показатели оценки качества и эффективности.

Каково же соотношение категорий «качество» и «эффективность»?

Категория «эффективность» структурно включает в себя понятие «качество», они соотносятся друг с другом, как целое и часть, поскольку результативность действия объекта, обозначаемая понятием «эффективность», в первую очередь предопределяется качеством его внутренних свойств и признаков. Таким образом, очевидно диалектическое взаимодействие данных категорий и обусловленность исследования эффективности параметрами качества.

Определение качества и эффективности объекта сквозь призму целеполагания, в рамках которого качество понимается как способность объекта реализовать стоящие перед ним цели, а эффективность – как степень фактической реализации данных целей объекта, делает возможным выделение единых критериев оценки и качества, и эффективности (в отношении как законодательства, так и судебной деятельности), но обусловливает потенциальную возможность использования разных показателей оценки исследуемых категорий.

Соответственно, это правило необходимо учитывать при конструировании критериев качества и эффективности законодательных норм и судебной деятельности.

Так, возьмем, например, такой критерий оценки качества и эффективности законодательства и судебной деятельности, как защита прав потерпевшего.

В рамках оценки качества законодательства на предмет исследования способности законодательных норм оптимально регламентировать положения, связанные с защитой прав потерпевшего в уголовном процессе, необходимо осуществить анализ комплекса показа-

телей, характеризующих социальную обусловленность соответствующих норм закона, их полноту, конкретность, оптимальность способа правового регулирования, закрепляющего особенности правового статуса потерпевшего и иные показатели, характеризующие внутреннее содержание законодательства и отражающие способность законов реализовать цель защиты прав потерпевшего в рамках уголовного судопроизводства.

Показателями же эффективности правовых норм будут являться показатели, характеризуюшие фактическую, реальную степень защиты потерпевших в уголовном процессе: количество жалоб, обжалований судебных решений со стороны потерпевших и т.д.

При осуществлении оценки качества правосудия в рамках такого критерия, как защита прав потерпевших, на наш взгляд, показателями качества судебной деятельности будут являться: законность и целесообразность правосудия; отсутствие злоупотреблений правом со стороны участников судопроизводства; законность, обоснованность и мотивированность судебных решений; а также иные критерии, относящиеся к характеристике именно судебной деятельности и характеризующие способность судов реализовывать стоящие перед ними цели.

Показателями же эффективности судебной деятельности в части реализации цели защиты прав потерпевшего в уголовном процессе должны являться сведения, характеризующие количество удовлетворенных гражданских исков в рамках уголовного судопроизводства, показатели возмещения вреда, причиненного преступлением и иные показатели, характеризующие степень фактической защиты лиц, потерпевших от преступлений.

Специфика показателей оценки категорий «качество» и «эффективность» позволит определить причины неудовлетворительной законодательной регламентации и ненадлежащего функционирования судов: несоответствующее качество законов и правосудия либо влияние внешних условий и факторов, нуждающееся в корректировке.

1. Тихонова С.С. О качестве современного уголовного закона: юридико-технический аспект новеллизации УК РФ // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2013. № 22. С. 171–174.

2. Сырых Е.В. Общие критерии качества закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

3. Брыжинский А.А., Лукьянов А.А. Технико-юридические критерии качества законодательного акта // Социально-политические науки. 2011. № 1.

4. Поздняков М.Л. Оценка качества работы судей и дисциплинарная ответственность. СПб., 2014.

5. Морщакова Т.Г. Теоретические основы оценки качества и организации правосудия по уголовным делам: процессуальные, статистические и социологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988.

6. Оценка качества разрешения дел в судах. Проект судов округа апелляционного суда Рованиеми, Финляндия. URL: http://www.oikeus.fi/hovioikeudet/rovani emenhovioikeus/material/attachments/oikeus_hovioikeudet_rovaniemenhovioikeus/THQltcYKF/principles_v.pdf (дата обращения: 15.06.2016).

7. Гагиев А.К. Критерии эффективности деятельности судов в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

8. Астафьев А.Ю. Процессуальные гарантии эффективности осуществления правосудия по уголовным делам судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2013.

1. Tikhonova S.S. On the quality of modern criminal law: legal-technical aspect of the novelization of the Criminal code of the Russian Federation // Bull. of Nizhny Novgorod academy of the Russian Interior Ministry. 2013. № 22. P. 171–174.

2. Syrykh E.V. General quality criteria of law: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2001.

3. Bryzhinsky A.A., Lukyanov A.A. Technical and legal criteria for the quality of legislation // Socio-political sciences. 2011. № 1.

4. Pozdnyakov M.L. Evaluation of the quality of work of judges and disciplinary liability. St. Petersburg, 2014.

5. Morschakova T.G. Theoretical basis of assessment of the quality and organization of justice in criminal matters: procedural, statistical and sociological aspects: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 1988.

6. Evaluation of the quality of resolution of cases in the courts. Draft County Courts Court of Appeal of Rovaniemi, Finland. URL: http://www.oikeus.fi/hovioikeudet/rovani emenhovioikeus/material/attachments/oikeus_hovioikeudet_rovaniemenhovioikeus/THQltcYKF/principles_v.pdf (date of access: 15.06.2016).

7. Gagiev A.K. The criteria for the effectiveness of the courts in civil and arbitration process: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2013.

8. Astafyev A.Yu. Procedural guarantees the implementation of justice in criminal matters by a court of first instance: auth. abstr. ... Master of Law. Voronezh, 2013.

9. Баев О.Я. Уголовно-процессуальное исследование преступлений: проблемы качества права и правоприменения // Избр. работы: в 2 т. Воронеж, 2011.

10. Эффективность правосудия и проблемы устранения судебных ошибок / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1975.

11. Лейст О.Э. Сущность права. М., 2002.

12. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2000.

13. Толковый словарь В.И. Даля. URL: http://www.slovardalja.net/ (дата обращения: 25.07.2016).

14. Большой энциклопедический словарь. URL: http://www.vedu.ru/bigencdic/27054/ (дата обращения: 25.07.2016).

15. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. М., 1983.

16. Современный экономический словарь. URL: http://economic-enc.net/word/kachestvo-2018.html (дата обращения: 25.07.2016)

17. Червонюк В.И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юрид. техника. 2014. № 8.

18. Сартаева Н.А. Эффективность законов: постановка проблемы // Университетские ученые записки. 2007. № 2(22).

19. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.

20. Жинкин С.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009.

21. Общая теория эффективности правовых норм. М., 1975.

22. Рогачева О.С. Эффективность норм административно-деликтного права. Воронеж, 2011.

23. Мушинский М.А. Эффективность правотворческой деятельности и эффективность законодательства: соотношение и критерии // Юрид. техника. 2012. № 6.

24. Рабинович П.М. Проблемы теории законности развитого социализма. Львов, 1979.

25. Ротань В.Г. Правовая природа норм труда и их эффективность // Правоведение. 1974.

26. Макарцев А.А. Эффективность норм избирательного права: понятие, критерии и условия реализации // NB: Вопросы права и политики. 2014. № 7. С. 1–35.

27. Дегтярев С.Л. Цели и задачи судебной власти на современном этапе // Правоведение. 2005. № 6.

9. Baev O.Ya. Criminal procedural investigation of crimes: problems of quality and enforcement // Sel. works: in 2 vol. Voronezh, 2011.

10. The effectiveness of justice and the problem of miscarriages of justice / ed. by V.N. Kudryavtsev. Moscow, 1975.

11. Leist O.E. Essence of law. Moscow, 2002.

12. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Dictionary of Russian language. 4th ed., add. Moscow, 2000.

13. Explanatory dictionary of V.I. Dal. URL: http://www.slovardalja.net/ (date of access: 07.25.2016).

14. Great encyclopedic dictionary. URL: http://www.vedu.ru/bigencdic/27054/ (date of access: 25.07.2016).

15. Philosophical encyclopedic dictionary / ed. by L.F. Ilichev, P.N. Fedoseyev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. Moscow, 1983.

16. Contemporary economic dictionary. URL: http://economic-enc.net/word/kachestvo-2018.html (date of access: 25.07.2016).

17. Chervonyuk V.I. The quality of the law: a modern concept and democratization issues // Legal technique. 2014. № 8.

18. Sartaeva N.A. The effectiveness of laws: setting of a problem // University scientific notes. 2007. № 2(22).

19. Problems of the general theory of law and state / gen. ed. V.S. Nersesyants. Moscow, 1999.

20. Zhinkin S.A. Law effectiveness: anthropological and value dimension: auth. abstr. ... Dr of Law. Krasnodar, 2009.

21. The general theory of the effectiveness of legal norms. Moscow, 1975.

22. Rogacheva O.S. The effectiveness of the rules of administrative and tort law. Voronezh, 2011.

23. Mushinsky M.A. The effectiveness of law-making and efficiency of the legislation: the ratio and criteria // Legal technique. 2012. № 6.

24. Rabinovich P.M. Problems of the theory of justness of developed socialism. Lvov, 1979.

25. Rotan V.G. The legal nature of labor standards and their effectiveness // Jurisprudence. 1974.

26. Makartsev A.A. Efficiency standards of electoral law: the concept, criteria and conditions for implementation // NB: Law and policy issues. 2014. № 7. P. 1–35.

27. Degtyarev S.L. Aims and objectives of the judiciary at the present stage // Jurisprudence. 2005. № 6.

Палий Виталий Михайлович
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: palyvitaly@gmail.com)

Применение права как условие и форма реализации принципов гражданского общества в Российской Федерации

В статье рассматриваются условия и современные характеристики правоприменительной деятельности, актуальные для проблем развития гражданского общества и участия его институтов в обеспечении общественной безопасности. Отмечается, что наиболее содержательными элементами рассматриваемой системы являются нормы права, отрасли и подотрасли права, правовые институты, субинституты.

Ключевые слова: право, принцип права, общество, безопасность, социальный факт.

V.M. Paly, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: palyvitaly@gmail.com

Application of law as condition and form of realization of principles of civil society in the Russian Federation

In the article conditions and the modern characteristics of law-enforcement activity actual for problems of development of civil society and participation of his institutes in ensuring public safety are considered. It is noted that the most substantial elements of the considered system are rules of law, branches and subsectors of the right, legal institutes, subinstitutes.

Key words: law, principle of law, society, safety, social fact.

Правовая культура является частью культуры, созданной человеком в противостоянии негативному влиянию внешнего социального окружения. Так, обязательность норм права для всех граждан общества позволяет судить о критериях и авторитете специфических ценностей правовой социализации. Отметим, что чаще всего свойства системы в целом не сводятся к сумме свойств элементов права, как и наоборот. Наиболее содержательными элементами рассматриваемой системы являются нормы права, отрасли и подотрасли права, правовые институты, субинституты.

Применение права традиционно рассматривается как сложная функция в комплексе коммуникаций и взаимодействия по вектору «личность – группа – общество». Институциональные определения в диагностике местоположения права вполне очевидны. То есть исторически право – это актуальный и сложно конструируемый социальный институт. Одна из ведущих институциональных характеристик права – развитие в перспективах совершенствования. Отметим, что проблема развития права не всегда имеет положительную историческую и социально-культурную оценку. Для подтверждения этого тезиса достаточно обратиться к примерам развития и функционирования известных из истории правовых систем авторитарных, тоталитарных режимов и государственных укладов, признаваемых антигуманными.

В системах права, как и в правовой системе в целом, отмечается и функциональность, и дисфункциональность, затрудняющая понимание, изучение, применение и толкование права. Чаще всего это связано с правовыми коллизиями и пробелами в праве. Ошибки правоприменения возникают как следствие ошибок законотворческих. Наиболее часто – это несоответствие содержания закона смыслу и тексту подзаконных актов. В преодолении возникающих ошибок решающее значение приобретает системный подход и культура законотворчества. В аргументации указанных тезисов сошлемся на мнение Л.И. Спиридонова: «Изучать право – значит изучать его систему, а изучать его систему – значит изучать право с одной из его существенных сторон» [1, с. 7].

Однако не всегда перечень фактических формальных оснований возникновения новых функций и сфер применения права имеет законодательное закрепление. Здесь мы усматри-

ваем одну из юридических проблем переживаемого времени. С точки зрения основных сфер, жизнь в современной Российской Федерации достаточно разнообразна и подвижна. Это специфически провоцирует возникновение новых потребностей и интересов граждан, в том числе не имеющих описания и закрепления в действующем законодательстве. То есть в традициях законотворчества и правоприменения естественным видится подход, связанный с тем, что юридическое закрепление имеют только наиболее социально значимые запросы и интересы.

Юридические возможности субъекта способствуют приобретению статуса управомоченного лица. В контексте анализа структуры и специфики форм применения права А.В. Касатонов установил, что «…превентивная функция юридической ответственности – это направление правового воздействия норм юридической ответственности на поведение субъектов общественных отношений, заключающееся в предотвращении правонарушений и вытеснении антисоциального поведения, а также в сужении фактической и юридической возможности совершить новое правонарушение» [2, с. 8].

Представления граждан современной России о справедливости законов и дееспособности права достаточно полярны. Часто потенциал правоприменения ставится гражданами под сомнение по различным обстоятельствам. Особенно болезненно воспринимается гражданами реальное или кажущееся покушение на их интересы (как охраняемые законом, так и воспринимаемые в статусе фрагментов субъективных прав). Постоянной ревизии на уровне индивидуального и общественного сознания подвергаются действия окружающих, с которыми субъект в разной степени связан или не связан правоотношениями. Отметим, что актуальная для данной темы статистика применения права обращена к фактической картине соответствующей реальности. Так, регистрация преступлений и лиц, их совершивших, осуществляется правоохранительными органами в пределах их компетенции. Статистика осужденных учитывает только тех лиц, в отношении которых судами вынесены вступившие в силу обвинительные приговоры. Соблюдение субъектом собственных установок статуса и роли позволяет говорить о возникновении прав и обязанностей, перспективно предполагающих гражданскую и юридическую ответственность. То есть рационально-деятельностный подход позволяет нам аргументировать применение права по следующим условиям и формату реализации принципов гражданского общества:

сознательное отношение к соблюдению норм права в повседневной жизни посредством освоения необходимых знаний, умений, навыков для специфической правовой социализации личности;

системный подход к аргументации социальной и образовательной динамики в стратегии целевых установок организации права по условиям реализации принципов гражданского общества в Российской Федерации;

психолого-педагогическое обоснование преимуществ индивидуальных форм обучения и усвоения правовых знаний в достижении ожидаемых перспектив развития общества;

обоснование и реализация перспектив осмысления, понимания и усвоения права как ценности гражданского общества.

Правила, определяющие применение норм права, остаются достаточно дискуссионной платформой в аспекте их определения, аргументации и реализации. В составе соответствующей комплексной проблемы нормы права рассматриваются как объективно существующие системно связанные элементы:

фрагменты системы законодательства;

правовая система в целом;

система специфических коммуникаций по правовой проблематике.

В свою очередь, условия применения права при реализации принципов гражданского общества прямо связаны с масштабным запросом к следующим функциям рассматриваемого феномена:

социально-правовая диагностика;

прогнозирование и профилактика;

социально-коммуникативная функция;

функция воспитания и обучения;

нравственно-гуманистическая функция;

организация быта и достойных условий жизни.

Соответственно, научный и практический аспект проблемы состоит в разрешении противоречия по вопросу о ценности права как возможности действовать в реализации личного интереса или в волевом устремлении к приоритетам общественных интересов. Общий для участников перспективных гражданских правоотношений принцип предполагает позитивную реализацию ожидаемых для субъекта действий от лиц, с которыми он связан правоотношениями. В то же время значительные массы людей не предполагают и не считают актуальными такие формы отношений. Субъективные представления о применении права, личные

экономические, социальные, культурные, моральные и иные запросы и интересы могут быть удовлетворены посредством разнообразных правовых или коммуникативных средств непрямого действия. Здесь приобретает значение косвенная аргументация в понимании формулировок и ожиданиях реализации субъективных прав и обязанностей. Оценки социальных возможностей на индивидуальном уровне сочетаются с гарантиями свободы и представлениями о справедливом устройстве общества. В свою очередь, исходя из фактов новейшей российской истории, мы полагаем, что массовое недовольство чаще всего связано с появлением новых ограничений или запретов, а также с недостаточной известностью, низкой личной популярностью носителей соответствующих идей и планов. Так, всегда отрицательно воспринимается введение новых налогов, сборов, повышение любых видов тарифов и цен. В данном ракурсе могут рассматриваться и предварительно всесторонне обоснованные решения на уровне правительства страны, регионов, решения местных властей, администраций разного уровня. Здесь интересно, что шумную критику в СМИ и отрицательный общественный резонанс могут вызвать не только экономические и политические решения, реформы или акты законодательства. Так, отрицательной оценке подвергаются ограничения бытового курения и употребления алкоголя, требование соблюдения гражданами правил поведения на воде, в местах отдыха и т.п.

Во всех случаях очевидно, что соблюдать нормы действующего права и обоснованно требовать этого от других могут лишь граждане, должностные и официальные лица, в высокой степени овладевшие знаниями в сфере законодательства, наделенные в общественном сознании нации высоким моральным статусом и подлинным нравственным авторитетом.

Таким образом, формат применения права сохраняет предельно дискуссионный характер и тем самым соответствует духу нашего времени. В то же время применение права закономерно рассматривается как условие и форма гражданской активности в ожиданиях развития личности, группы, общества в целом. Индивидуальные особенности личности определяют возможности оценки собственных и коллективных усилий при реализации принципов гражданского общества. Осознанная возможность предпочтений при выборе формата применения права позволяет вести речь о новых подходах к социальному, экономическому, политическому устройству общества и обеспечению его безопасности.

1. Спиридонов Л.И. Теория государства и права (о системном подходе к освоению права) // Право и политика. 2004. № 10(58).

2. Катасонов А.В. Превентивная функция юридической ответственности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2010.

1. Spiridonov L.I. Theory of state and law (on systematic approach to development of law) // Law and politics. 2004. № 10(58).

2. Katasonov A.V. Preventive function of legal responsibility: auth. abstr. ... Master of Law. Kazan, 2010.

Трикоз Елена Николаевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры истории права и государства
Юридического института
Российского университета дружбы народов

Швец Анна Анатольевна
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583414)

«Универсальные преступления» и их кодификация в международном уголовном праве

Анализируется новое понятие «универсальные преступления» в системе международного уголовного права. Рассматриваются особенности уголовно-правовой конструкции этих составов и их классификационные подгруппы, разновидности, а также нормативное закрепление принципов индивидуальной уголовной ответственности в избранных международно-правовых документах.

Ключевые слова: международное уголовное право, Международный уголовный суд, международные преступления, военные преступления.

E.N. Trikoz, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Chair of History of Law and State of the Law Institute of People's Frienship University of Russia;

A.A. Shvets, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

«Universal offenses» and their codification in international criminal law

The new concept of the «universal offenses» in the system of international criminal law is analyzed. Features of criminal law structure of these offenses and their classification subgroups, versions are considered, the principles of individual criminal liability in some mane international legal documents are also described.

Key words: international criminal law, International criminal court, international crimes, war crimes.

Применительно к современному международному уголовному праву можно говорить об обособлении такого верхнего уровня классификации преследуемых от имени всего международного сообщества преступлений, как «универсальные (экуменические) преступления».

Напомним, что данная дефиниция происходит от древнегреческого термина «oikoumene», который обозначал «общий дом, обитаемую землю, заселенный мир». После великой эпохи господства Римской империи этот термин был заимствован христианским церковным языком и с IV в. употреблялся в значении «универсальный», в частности для обозначения «Универсальной (Вселенской) Церкви», а с XX в. – для описания движения за восстановление единства католической церкви (так называемого экуменизма) [1].

Почему посягательства на общий миропорядок, международные интересы по защите прав человека также стоит обозначать термином «экуменические» («универсальные»)? Безусловно, современное международное сообщество отличается большим разнообразием в национально-культурном, политико-юридическом и религиозном отношениях. Однако есть такое «ядро» высоко тревожных уголовных посягательств, которые затрагивают коренные интересы и беспокоят все международное сообщество [2, с. 629–648], как буквально говорится в Римском статуте Международного уголовного суда (1998 г.) [3].

Еще в середине прошлого столетия профессор Р. Аго, будучи членом Комиссии международного права ООН, впервые разграничил ординарные международно-противоправные деяния («публичные деликты») и исключи-

тельно серьезные нарушения международного права («международные преступления»). Однако термин «универсальные преступления» выделяется в качестве разновидности delicti jus gentium уже в документах Конференции по унификации уголовного законодательства 1927 г., участники которой утвердили перечень таких преступлений на основе международных конвенций.

Именно 90-е гг. прошлого столетия стали переломными для оформления такой сравнительно молодой отрасли международного и национального права, как международное материальное уголовное право. Основным предметом его регулирования стали тягчайшие международные преступления, вызывающие озабоченность всего мирового сообщества: преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. В науке принято понимаемое в таком узком смысле международное уголовное право именовать универсальным (сторонниками данной трактовки являются М.Ш. Бассиуни, Г. Верле, А. Кассезе, Р. Крайер, Т. Мерон, Л.Н. Садат, О. Трифтерер, У. Шабас и др.) [4].

В подгруппу международных «универсальных преступлений» включаются самые серьезные из них, направленные против мира и безопасности человечества (англ. core crimes). За скобками остаются конвенционные преступления, преступления международного характера и международное сотрудничество в борьбе с ними и оказании помощи при расследовании уголовных дел, т.к. они входят в предмет регулирования транснационального, или конвенционного, международного уголовного права. Следовательно, выделяются три категории международных преступлений по их юрисдикционному критерию: 1) международно-правовые («универсальные») преступления, которые прямо запрещены международным правом и подпадают под универсальную, или непосредственную, международно-судебную юрисдикцию; 2) транснациональные преступления (национальные по характеру уголовно-правового запрета и межнациональные по характеру юрисдикции); 3) международные экстрадиционные преступления.

Существует три критерия выделения универсального международного уголовного права в качестве самостоятельной отрасли, предусматривающей ответственность за тяжкие международные преступления. Во-первых, предметом регулирования выступает здесь крупная область общественно значимых отношений по уголовно-правовой охране международного мира и безопасности, обеспечению основополагающих обязательств по защите прав человека и окружающей среды. Во-вторых, универсальное международное уголовное право состоит из специфических многочисленных правовых предписаний, объединенных в обширный корпус нормативно-правового материала. В-третьих, системность и завершенность международного уголовного права как отрасли права обеспечивают специальные принципы права.

В период с 1990-х гг. по настоящее время в условиях универсализации международного правопорядка и стремления государств к «юридической стандартизации» институт индивидуальной уголовной ответственности за универсальные преступления получил дополнительный импульс для развития. Совет Безопасности ООН в инициативном порядке придал структурам международного правосудия – ad hoc трибуналам – институциональную завершенность и авторитетный характер их судебной практики по вопросам ответственности за тяжкие международные преступления. Органы международной уголовной юрисдикции превращаются в наднациональные и универсальные, притесняя в сфере своей исключительной компетенции традиционное понятие «суверенная уголовная юрисдикция», основанное на концепции национальной территории и невмешательства во внутригосударственные дела [5].

На сегодняшний день в системе источников международного уголовного права целый ряд несистематизированных договорно-обычных норм, однако применительно к тяжким международным («универсальным») преступлениям мы видим успешные попытки кодификации соответствующих норм и принципов. Например, Комиссия международного права ООН еще в 1950 г. представила Генеральной Ассамблее ООН «Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала», которые носят с момента их утверждения в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН императивный характер [6, p. 44–45].

Сегодня мы находим эти принципы и нормы кодифицированными в таких важных источниках, как учредительные документы международных уголовных судов, смешанных судов и гибридных трибуналов (Статут Международного уголовного суда; уставы международных уголовных трибуналов – Нюрнбергского, Токийского, Югославского, Руандийского и Сьерра-Леоновского). В их судебной практике усто-

ялось трехчленное деление международных «универсальных преступлений» на геноцид, преступления против человечности и военные преступления. Объективная сторона «международного преступления» расширена путем включения ситуаций вооруженных конфликтов немеждународного характера, а в круг субъектов ответственности вошли лица, действовавшие в рамках политики государственных и оппозиционных сил.

Затем в Римском статуте Международного уголовного суда (1998 г.) были выделены четыре категории внутри новой типологии «универсальных преступлений» (англ. grave crimes) как «наиболее серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества», которые «могут угрожать всеобщему миру, безопасности и благополучию», а именно следующие: агрессия, геноцид, преступления против человечности, военные преступления [7, p. 308].

В научной классификации такие преступления объединяются в следующие подгруппы, что нашло более последовательное закрепление не столько в международных, сколько в национальных уголовных кодексах (в частности, в гл. 34 УК РФ 1996 г.):

1) преступления против международного мира (акты агрессии, угроза агрессии, подстрекательство к агрессии);

2) преступления против стабильности международных отношений (международный терроризм, нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой, в том числе персонал ООН);

3) преступления против безопасности человечества, которые делятся на две субкатегории: преступления против человечности (геноцид, апартеид, экоцид, широкомасштабное и систематическое нападение на гражданских лиц и др.); военные преступления (серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г., законов и обычаев войны, в том числе Гаагских конвенций; вербовка и использование наемных солдат и др.).

Яркой иллюстрацией кодификации норм-принципов об ответственности за международные «универсальные преступления» является ч. 3 Римского статута Международного уголовного суда (1998 г.) под названием «Общие принципы уголовного права». Здесь были собраны в систему и кодифицированы принципы ответственности за преступления против мира и безопасности человечества: презумпция вменяемости лица; недопустимость ссылки на официальное или должностное положение; отсутствие иммунитета глав государств; индивидуальная уголовная ответственность; nullum crimen sine lege и частично принцип nullum poena sine lege; недопустимость оправдания путем ссылки на приказ начальника или предписание закона; запрет обратной силы (ex post facto) нормы международного уголовного права; запрет бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; неизбежность ответственности и неотвратимость наказаний; принцип non bis in idem (запрет повторного уголовного преследования за одно и то же преступление); неприменение амнистии и сроков давности; универсальное действие норм международного уголовного права в пространстве.

В состоянии научной и конвенционной разработки находятся и ждут своей инкорпорации в универсальные конвенции по международному уголовному праву так называемые преступления против человеческой цивилизации. Эти международные преступления пока не стали общепризнанными преступлениями против мира и безопасности человечества [8, p. 3]. Они частично закрепляются в международных региональных и универсальных соглашениях. Это, например, такие составы, как международный терроризм, наемничество, клонирование человека, расизм и расовая дискриминация, незаконный оборот наркотических средств через границы, транснациональная преступная деятельность. Они непосредственно посягают на право каждого человека на безопасную жизнь и ставят под угрозу все живое, т.к. нередко связаны с развитием оружия массового уничтожения (ядерного, климатического, биологического, химического, токсинного, нейтронного, генетического, инфразвукового, лазерного, радиоактивного и др.). В последнее время среди преступлений против человеческой цивилизации выделяются такие опасные «универсальные преступления», как биоцид, геномоцид, терроцид (уничтожение Земли как геополитического тела), распространение и применение ядерного (атомного) оружия, милитаризация космического пространства, использование его или отдельных небесных тел в военных целях.

1. Осипов А.И. Христиане на пути к экумене служения и ответственности за мир // Журнал Московской Патриархии. 1972. № 12. С. 44–48.

2. Jia Bing Bing. Multiculturalism and the Development of the System of International Criminal Law // Multiculturalism and International Law / ed. by S. Yee, J.-Y. Morin. Leiden, 2009.

3. Римский статут Международного уголовного суда. URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome-statute(r)pdf

4. Трикоз Е.Н. Международные организации в сфере международного уголовного права // Право международных организаций / под ред. А.Х. Абашидзе. М., 2016. С. 439–457.

5. Muñoz-Conde F. «Rethinking» the Universal Structure of Criminal Law // Tulsa Law Review. 2004. Vol. 39. P. 941–943.

6. Jescheck H.-H. The General Principles of International Criminal Law set out in Nuremberg as mirrored in the ICC Statute // Journal of International Criminal Jurisprudence. 2004. Vol. 2.

7. Cryer R. Elements of Crimes (in the ICC) // The Oxford Companion to International Criminal Justice / ed. by A. Cassese. Oxford, 2009.

8. Sunga L.S. The Emerging System of International Criminal Law: developments in codification and implementation. Hague; Boston, 1997.

1. Osipov A.I. Christians on the way to the service oecumene and responsibility for the world // Journal of the Moscow Patriarchate. 1972. № 12. P. 44–48.

2. Jia Bing Bing. Multiculturalism and the Development of the System of International Criminal Law // Multiculturalism and International Law / ed. by S. Yee, J.-Y. Morin. Leiden, 2009.

3. Rome Statute of the International criminal court. URL: http://www.un.org/ru/law/icc/rome-statute(r)pdf

4. Trikoz E.N. International organization in the field of international criminal law // Law of international organizations / ed. by A.H. Abashidze. Moscow, 2016. P. 439–457.

5. Muñoz-Conde F. «Rethinking» the Universal Structure of Criminal Law // Tulsa Law Review. 2004. Vol. 39. P. 941–943.

6. Jescheck H.-H. The General Principles of International Criminal Law set out in Nuremberg as mirrored in the ICC Statute // Journal of International Criminal Jurisprudence. 2004. Vol. 2.

7. Cryer R. Elements of Crimes (in the ICC) // The Oxford Companion to International Criminal Justice / ed. by A. Cassese. Oxford, 2009.

8. Sunga L.S. The Emerging System of International Criminal Law: developments in codification and implementation. Hague; Boston, 1997.

Шеуджен Нурдин Асланович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

Яблонский Иван Владимирович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612583414)

Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в борьбе с преступностью в послевоенные годы

В статье рассматриваются организационно-правовые вопросы функционирования советской прокуратуры после окончания Великой Отечественной войны в сфере борьбы с преступностью (1945–1953 гг.). Анализируются соответствующие правовые акты и ведомственные документы. Отмечается, что в эти годы сформировалась координирующая роль прокуратуры в борьбе с преступностью, что позволило государству в относительно короткие сроки остановить рост послевоенной преступности.

Ключевые слова: советская прокуратура, послевоенное время, преступность, приказ, следствие, надзор.

N.A. Sheudzhen, Master of History, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

I.V. Yablonsky, Master of History, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Organizational and legal foundation of activities of soviet prosecutor's office in combating crime in the postwar years

The article examines the organizational and legal issues of functioning of the Soviet prosecutor's office after the end of the Great Patriotic war in fight against crime (1945–1953). Relevant legal acts and departmental documents are analyzed. It is noted that in these years coordinating role of prosecutors office in the fight against crime was formed, that allowed the state in a relatively short period of time to stop the increase in postwar crime.

Keywords: soviet prosecutor's office, postwar time, crime, decree, investigation, supervision.

После окончания Великой Отечественной войны в Советском государстве обострилась проблема борьбы с преступностью. Это было вызвано рядом факторов, в частности экономической разрухой, большим количеством оружия, оказавшегося на руках у граждан, надломленной психикой у прошедших оккупацию жителей, ростом беспризорности и др. Для борьбы с преступностью были мобилизованы в той или иной степени все государственные структуры и в первую очередь правоохранительные органы. Среди них важнейшее место отводилось советской прокуратуре (поддержание государственного обвинения в суде, надзор за соблюдением законности, производство по некоторым категориям уголовных дел). Рассмотрим некоторые организационно-правовые аспекты деятельности советской прокуратуры в данной сфере в послевоенные годы (1945–1953 гг.).

Прежде всего, необходимо заметить, что в период после окончания Великой Отечественной войны в Советском союзе прокуратура имела правовой статус, который был определен еще в довоенное время в соответствующем законодательном акте – Положении о Прокуратуре Союза ССР от 17 декабря 1933 г. [1]. Этим законом на Прокуратуру СССР возлагались следующие основные задачи: надзор за соответствием Конституции СССР и

другим советским законам актов, издаваемых ведомствами Союза ССР и союзных республик, а также актов местных органов власти; наблюдение за единообразным и правильным применением действующих законов правоприменительными органами и учреждениями; возбуждение уголовного преследования в установленных законом случаях; поддержание обвинения от имени государства в судах; надзор за законностью в деятельности ОГПУ (впоследствии НКВД, НКГБ, а с 1946 г. – МГБ СССР), милиции и исправительно-трудовых учреждений; общее руководство прокуратурой союзных республик.

Однако сразу необходимо отметить, что Прокуратура в сущности не контролировала органы госбезопасности, несмотря на имеющиеся полномочия по надзору за законностью их деятельности. Органы госбезопасности обеспечивали целостность государственного строя, стояли на страже существующей власти (собственно, были для этого и предназначены) и в силу сложившегося положения априори были «безупречны». Косвенным подтверждением фактической отстраненности прокуратуры от надзора за деятельностью органов госбезопасности является, например, то обстоятельство, что в трехтомном обширном справочнике по законодательству для судебно-прокурорских работников, изданном в 1949 г. в государственном издательстве юридической литературы под общей редакцией Генерального прокурора СССР Г.Н. Сафонова [2], лишь однажды упоминается Министерство госбезопасности (при перечислении ведомств в приводимой в справочнике ст. 78 Конституции СССР), в то время как милиции посвящена целая глава, т.е. в справочнике совершенно не нашло отражения правовое положение МГБ.

После окончания Великой Отечественной войны статус органов прокуратуры оставался прежним [3, с. 53]. Изменения касались несущественных вопросов. Так, в 1946 г. должность Прокурора СССР была переименована в должность Генерального прокурора СССР в соответствии с союзным законом от 19 марта 1946 г. [4]. Разумеется, прокуратура в процессе текущей деятельности принимала руководящие документы, которые носили в основном «дежурный» характер («улучшить», «усилить» и т.п.).

В этом смысле заслуживает внимания изданный 17 июля 1946 г. приказ Генпрокурора СССР «Об усилении общего надзора за точным исполнением законов» [5], который носил в основном характер общих призывов, вытекающих из обязанностей, возлагаемых на прокуроров (например, прокурорскую работу по общему надзору следует оценивать в первую очередь по тому, «насколько прокуроры обеспечивают вскрытие и устранение беззаконий, а также восстановление нарушенной законности, своевременное опротестование и отмену незаконных изданных актов»).

Из документов, связанных со структурным строением органов прокуратуры, можно отметить приказ Генерального прокурора СССР «О введении участковой системы работы следователей» от 18 июля 1949 г. [6], предполагающий усиление личной ответственности прокурорских следователей за общее состояние преступности на закрепляемых участках. Вместе с тем, представляет интерес выделение «наиболее актуальных в данное время вопросов укрепления законности», таких как надзор за соблюдением законов государственными органами и учреждениями всех уровней; надзор за соблюдением прав военнослужащих и членов их семей, прав воинов, демобилизованных из рядов армии; защита прав граждан, в том числе недопущение бюрократического отношения к рассмотрению жалоб и заявлений; решительная борьба с хищениями общественной (социалистической) собственности, борьба со взяточничеством и другими злоупотреблениями должностных лиц государственного и хозяйственного аппарата [6].

Такого рода документы появлялись в союзной прокуратуре с определенным постоянством. Так, 15 июля 1948 г. Генеральный прокурор СССР Г.Н. Сафонов адресовал всем следователям и районным прокурорам письмо [7], где также содержалось много «дежурных» призывов (например, о том, что следует «решительно покончить с волокитой», которая имела место при расследовании уголовных дел; работать так, чтобы у следователя не было уголовных дел со сроком следствия больше чем 2 месяца и т.п.). При этом, однако, были названы и недостатки в деятельности прокурорских работников. В частности, указывалось, что еще большое количество дел возвращается судами на доследование и причины этого кроются в некачественной работе следователей, в частности в том, что следователь ограничивается «недопустимо поверхностным выяснением обстоятельств дела», и даже имеют место случаи, когда следователь и вовсе «пренебрегает соблюдением важнейших требований процессуального закона», а надзирающий прокурор не замечает или не хочет замечать такого рода безобразий. Внимание в данном документе акцентировалось также на вопросе нарушения установленных законом сроков расследования. Указывалось, в частности, что этот недостаток наблюдается даже по уголовным делам, в которых в отношении обвиняемого вынесена такая мера

процессуального пресечения, как заключение под стражу.

В организационном плане прокуратура была построена по строго централизованному принципу: высшей инстанцией была Прокуратура СССР, которой подчинялась прокуратура каждой союзной республики; в свою очередь, последней подчинялась прокуратура автономной республики, края, области или города республиканского подчинения. Основу данной пирамиды составляли наиболее многочисленные прокурорские звенья – районные и городские прокуратуры. Помимо указанных выше территориальных прокуратур, в систему прокуратуры СССР включались также военная и транспортная прокуратуры. Все звенья прокурорского аппарата (кроме районных) имели схожую структуру, а именно включали в себя подразделения (как правило, отделы) общего надзора, следственного, гражданско-судебного, уголовно-судебного надзора, надзора за органами милиции и, наконец, надзора за деятельностью исправительно-трудовых учреждений. В 1951 г. произошло структурное изменение, в соответствии с которым прокуроры городов республиканского значения (в РСФСР – Новосибирск, Ростов, Омск, Горький, Куйбышев, Молотов, Саратов, Свердловск, Севастополь, Сочи, Сталинград, Челябинск) были подчинены территориальным прокурорам, т.е. прокурорам соответствующих краев и областей. Однако прокуратуры городов союзного значения сохранили свою самостоятельность.

Следует заметить, что в рассматриваемый период сформировалась такая функция прокуратуры, как координация деятельности различных органов по борьбе с преступностью. Одновременно именно прокуратура фактически осуществляла анализ развития преступности в СССР, при этом изучение преступности должно было основываться на исследовании статистических данных, полученных от органов милиции о числе зарегистрированных и раскрытых преступлений, органов предварительного следствия о количестве лиц, преданных суду, и органов Министерства юстиции (судов) о числе осужденных и мерах наказания [8, с. 9]. Это было очень важным аспектом, учитывая, что в предвоенные годы были ликвидированы и без того маломасштабные криминологические структуры, т.е. отсутствовал научный подход к формированию государственно-правовой политики по борьбе с преступностью. На наш взгляд, это объяснялось тем, что зафиксированные в партийно-программных документах и высказываниях Сталина суждения о преступности представляли собой истину в последней инстанции, не нуждающуюся в чьем-либо обсуждении.

Сама координация деятельности правоохранительных органов со стороны прокуратуры осуществлялась путем проведения совещаний по борьбе с преступностью на областных, районных и городских уровнях, в которых принимали участие, помимо прокурорских работников, представители милиции, судов, партийных и советских органов, общественных формирований. На этих совещаниях заслушивались информационные доклады о состоянии борьбы с преступлениями, координировались действия различных ведомств по борьбе с правонарушениями, обсуждались необходимые мероприятия, направленные на повышение эффективности борьбы с различными видами наиболее распространенных преступлений, их предупреждение, ликвидацию вскрытых в процессе работы прокурорско-судебных органов серьезных недостатков в работе тех или иных государственных учреждений, ведомств и предприятий, способствующих или облегчающих совершение преступления [8, с. 13]. Эффективность указанных совещаний в целом нельзя назвать высокой.

При расследовании преступлений и поддержании государственного обвинения в суде прокуроры основывались не только на законе, но и на его трактовке, выработанной А.В. Вышинским еще до войны в бытность его прокурором и одновременно теоретиком в сфере уголовно-процессуального права. При этом принято считать, что А.В. Вышинский абсолютизировал значение признания обвиняемого в качестве доказательства обвинения, превратив его в «царицу доказательств», чем дал возможность фабриковать уголовные дела на основе признаний, полученных, с большой долей вероятности, под воздействием угроз и пыток [9]. Однако представляется, что здесь трактовка теории А.В. Вышинского несколько упрощена и тем самым определенным образом искажена. Так, А.В. Вышинский расширительно толковал многие аспекты уголовно-процессуальной деятельности, в частности выступал против детальной законодательной регламентации следственной и оперативно-розыскной деятельности, так как считал, что в деятельности следователей и работников милиции в борьбе с преступностью должна быть необходимая свобода действий. Основанием для осуждения лица, по мнению Вышинского, является тот факт, что обвинению удалось доказать максимальную вероятность совершенного им преступления, поскольку требование к суду найти абсолютную истину «явно невыполнимо в условиях судебной деятельности» [10, с. 180–181].

Конечно, такого рода установки серьезно расширяли правомочия правоохранительных

органов и создавали условия для произвола со стороны их должностных лиц. Что же касается принципа использования признательных показаний как основного доказательства, то А.В. Вышинский допускал его только в уголовно-политических делах, в частности, он отмечал: «В таких делах вопрос об отношении к объяснениям обвиняемых, которыми они изобличают своих сообщников, соучастников общего преступления, должен решаться с учетом своеобразия таких дел о заговорах, преступных сообществах, в частности, дел об антисоветских, контрреволюционных организациях… Объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение важнейших, решающих доказательств. Это объясняется самими особенностями этих обстоятельств, особенностями их юридической природы» [10, с. 187]. Как видно, такой подход вполне вписывался в стремлении власти упростить репрессии политических преступников. Но другого в жесткой административно-командной системе просто не могло быть – будучи одним из звеньев советского карательного механизма, прокуратура исполняла ту роль, которая ей отводилась по воле находящейся у власти политической элиты во главе со Сталиным [11, с. 53]. Вместе с тем, в сфере борьбы с общеуголовной преступностью, как представляется, советская прокуратура, несмотря на имеющиеся недостатки, в целом выполняла свои функции надлежащим образом, и об этом свидетельствует тот факт, что советскому государству удалось в относительно короткий срок (к 1947–1948 гг.) снизить рост преступности.

1. Положение о Прокуратуре Союза ССР: утв. постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 дек. 1933 г. // Советская прокуратура: сб. документов / сост. И.Н. Ширяев, Г.А. Метелкина. М., 1981. С. 106–108.

2. Справочник по законодательству для судебно-прокурорских работников: в 3 т. / под общ. ред. Г.Н. Сафонова. М., 1949.

3. Ванькаев А.Н. Прокуратура России: исторический опыт и перспективы // История государства и права. 2007. № 15.

4. О присвоении Прокурору СССР наименования Генерального прокурора СССР: закон СССР от 19 марта 1946 г. // Ведомости ВС СССР. 1946. № 10.

5. Об усилении общего надзора за точным исполнением законов: приказ Генерального прокурора СССР от 17 июля 1946 г. // Советская прокуратура: сб. документов / сост. И.Н. Ширяев, Г.А. Метелкина. М., 1981. С. 135–137.

6. О введении участковой системы работы следователей: приказ Генерального прокурора СССР от 18 июля 1949 г. // Советская прокуратура: сб. документов / сост. И.Н. Ширяев, Г.А. Метелкина. М., 1981. С. 137–138.

7. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Неизвестная Фемида. Документы. События. Люди. М., 2003. С. 329–331.

8. Руководство и надзор за расследованием / под ред. А.П. Вавилова. М., 1947.

9. Инквизитор. Сталинский прокурор Вышинский / под общ. ред. О.Е. Кутафина. М., 1992.

10. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941.

11. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права / под общ. ред. О.В. Старкова. М., 2012.

1. Provision on Prosecutor's office of the USSR: appr. by the resolution of the Central Election Commission and the Counsil of People's Commisars of the USSR d.d. Dec. 17, 1933 // The Soviet prosecutor's office: coll. of documents / comp. by I.N. Shiryaev, G.A. Metelkina. Moscow, 1981. P. 106–108.

2. The reference book on the legislation for judicial and public prosecutor's workers: in 3 vol. / gen. ed. by G.N. Safonov. Moscow, 1949.

3. Vankayev A.N. Prosecutor's office of Russia: historical experience and prospects // History of state and law. 2007. № 15.

4. About assignment to the Prosecutor of the USSR the name of the Prosecutor General of the USSR: law of the USSR d.d. March 19, 1946 // Bull. of the Supreme Soviet of the USSR. 1946. № 10.

5. About strengthening of the general supervision of exact performance of laws: decree of the Prosecutor General of the USSR d.d. July 17, 1946 // The Soviet prosecutor's office: coll. of documents / comp. by I.N. Shiryaev, G.A. Metelkina. Moscow, 1981. P. 135–137.

6. About introduction of local system of work of investigators: decree of the Prosecutor General of the USSR d.d. July 18, 1949 // Soviet prosecutor's office: coll. of documents / comp. I.N. Shiryaev, G.A. Metelkina. Moscow, 1981. P. 137–138.

7. Zvyagintsev A.G., Orlov Yu.G. Unknown Themis. Documents. Events. People. Moscow, 2003. P. 329–331.

8. Management and supervision of investigation / ed. by A.P. Vavilov. Moscow, 1947.

9. Inquisitor. Stalin's prosecutor Vyshinsky / gen. ed. by O.E. Kutafin. Moscow, 1992.

10. Vyshinsky A.Ya. The theory of judicial proofs in the Soviet law. Moscow, 1941.

11. Starkov O.V., Uporov I.V. The theory of state and law / gen. ed. by O.V. Starkov. Moscow, 2012.

Перлик Максим Игоревич
адъюнкт кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: maxkrd2014@mail.ru)

Особые лагеря в советской исправительно-трудовой системе послевоенного времени и специфика проявления в них массовых протестов заключенных

В статье рассматриваются вопросы, связанные с созданием в Советском государстве особых исправительно-трудовых лагерей и проявлением в них протестных выступлений заключенных. Отмечается, что создание особых лагерей в 1948 г. обуславливалось последствиями военного времени, прежде всего появлением «контрреволюционеров» особого вида (членов националистически настроенных вооруженных банд в Прибалтике, Западной Украине, пособников фашистов и др.). Советская власть стремилась к максимальной их изоляции от общества, однако это не помешало организации в ряде особых лагерей вооруженных восстаний заключенных, что свидетельствовало о серьезных деформациях общественных отношений в Советском государстве.

Ключевые слова: особые лагеря, заключенные, контрреволюционные преступления, режим содержания, восстания, военное время.

M.I. Perlik, Adjunct of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: maxkrd2014@mail.ru

Special camps in postwar soviet labour system and specific manifestations of mass protests of prisoners in it

The article discusses the issues associated with the creation in the Soviet state special labor camps and manifestation in it protests of prisoners. It is noted that the establishment of special camps in 1948 was conditioned by the consequences of war and especially the appearance of «counterrevolutionaries» a special type (members of the nationalist armed bands in the Baltic States, Western Ukraine, accomplices of the Nazis et al.). The Soviet government sought to maximize their isolation from society but this did not prevent the organization in a number of special camps of armed uprisings concluded that is indicative of serious deformations of public relations in the Soviet state.

Key words: special camps, prisoners, counterrevolutionary crimes, detention regime, rebellion, war.

После окончания Великой Отечественной войны исправительно-трудовая система Союза ССР развивалась в том же направлении, что и до ее начала, а именно: шло укрепление административно-командной системы, усиление личной власти Сталина, соответственно, имело место расширение полномочий правоохранительных органов, находившихся к тому времени в жестко централизованном подчинении. Исправительно-трудовые лагеря, исправительно-трудовые колонии и тюрьмы, где заключенные отбывали наказание в виде лишения свободы, в этом отношении не были исключением. Характерной особенностью функционирования исправительно-трудовых учреждений было использование государством дешевого труда заключенных в экономических целях, и прежде всего это касалось исправительно-трудовых лагерей, которые, начиная с рубежа 1929–1930 гг., стали создаваться под строительство (реже эксплуатацию) конкретных народнохозяйственных объектов, расположенных, как правило, в отдаленных районах Севера, Сибири и Дальнего Востока (например, до Великой Отечественной войны заключенные строили Беломоро-Балтийский водный канал, а после войны – Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль) [1, с. 36].

Вместе с тем, Великая Отечественная война внесла свои коррективы в вопросы создания и функционирования мест лишения свободы (особое внимание стало уделяться исправительно-трудовым лагерям). Дело в том, что значительно выросло число категорий тех лиц, которых, по мнению советской власти,

следовало изолировать ввиду их потенциальной или действительной опасности для советского строя [2, с. 27]. Речь идет, прежде всего, о военнопленных немцах и интернированных лицах, которые стали появляться с 1941 г. По этому поводу имеется немало исследований, в том числе одним из значимых является труд С. Карнера [3]. Однако данную категорию лиц мы не рассматриваем, поскольку статус военнопленных и интернированных лиц определяется в первую очередь нормами международного права.

Новая категория лиц, представлявших опасность для Советского государства, формировалась из советских военнопленных, в отношении которых выдвигались обвинения в измене Родине, а также из участников банд-формирований националистического толка, которые оказывали вооруженное сопротивление органам советской власти в Латвии, Литве, Эстонии, западной Украине после их включения в состав СССР [4]. К этому следует добавить также советских гражданских лиц, которые на оккупированных территориях оказывали пособничество фашистам. Указанные лица, будучи осужденными к лишению свободы во время судебных процессов, которые проходили по мере освобождения временно оккупированных территорий, подлежали направлению в исправительно-трудовые учреждения. Наконец, необходимо иметь в виду, что после окончания Великой Отечественной войны в Союзе ССР в целом стало расти количество осужденных за контрреволюционные преступления, отбывающих наказания, связанные с лишением свободы, в исправительно-трудовых лагерях. Так, в 1945–1946 гг. за государственные преступления были осуждены 246 тыс. человек, и уже к середине 1947 г. численность государственных преступников составляла почти одну треть от общего числа осуждаемых к лишению свободы [5, с. 318]. Эти лица подлежали строгой изоляции.

Сначала осужденные направлялись в функционирующие еще с конца 1920-х гг. исправительно-трудовые лагеря, предназначенные для содержания «контрреволюционеров». Однако вышеуказанные обстоятельства и жестокие результаты войны дали основание советской власти поставить вопрос о том, чтобы «контрреволюционеры» отбывали наказание в более строгих режимных условиях. Так появилось предложение создать специальные места лишения свободы – особые исправительно-трудовые лагеря, а также особые тюрьмы. Это предложение было в начале 1948 г. обосновано руководителем МГБ СССР В.С. Абакумовым в соответствующем проекте постановления Совмина СССР, который и был утвержден 21 февраля 1948 г. [6, с. 326–327]

Во исполнение данного постановления Совмина СССР был издан совместный приказ МВД СССР, МГБ СССР и генпрокурора СССР [7], где, в частности, предписывалось в течение восьми месяцев «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, монархистов, националистов, белоэмигрантов, участников других антисоветских организаций и групп» и других лиц, которые могут представлять опасность для советской власти, перевести из общих мест лишения свободы (исправительно-трудовых лагерей и тюрем) в специально организуемые особые лагеря и особые тюрьмы МВД СССР. Туда же должны были направляться вновь осуждаемые лица за совершение тяжких государственных преступлений. Предполагалось организовать лагеря вместимостью 100 тыс. заключенных в следующих местностях: Колыма, Норильск, Воркута, район Караганды, Темники (Мордовская АССР) и др., а также особые тюрьмы в г. Александровске, г. Владимире, г. Верхне-Уральске (далее рассматриваются только особые лагеря).

Следует отметить, что к тому времени известный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 апреля 1943 г. «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ» был отменен, однако для осужденных по этому акту наименование «каторжанин» не отменялось, и в особых исправительно-трудовых лагерях этот термин применялся, в том числе в официальных отчетах. Всего было создано 11 особых исправительно-трудовых лагерей и 3 особых тюрьмы, при этом фактическая численность заключенных доходила до 200 тыс. Так, в Речлаге (особый лагерь № 6) по состоянию на начало 1949 г. находилось 6774 заключенных, 4043 из которых были каторжанами. В дальнейшем, по мере исполнения приказа, численность контингента увеличилась до 24718 заключенных (10771 каторжанин) [8, с. 191]. Содержащиеся в особых исправительно-трудовых лагерях заключенные использовались советской властью в качестве дешевой рабочей силы при возведении народнохозяйственных объектов, причем в большинстве случаев условия жизни и работы заключенных

были очень суровыми. И в целом создание особых исправительно-трудовых лагерей для государственных преступников отражало политику советской власти, направленной на ужесточение административных мер и уголовных наказаний для «классовых врагов» [9].

Эта политика находила отражение в правовых актах, в которых регулировались условия содержания заключенных в особых исправительно-трудовых лагерях. В этом отношении представляет интерес утвержденная в 1951 г. Инструкция МВД СССР о режиме содержания, трудовом использовании и охране заключенных в особых исправительно-трудовых лагерях [10, с. 312–313]. Здесь, в частности, указывалось, что в особых исправительно-трудовых лагерях должен быть обеспечен строгий режим содержания заключенных, при котором они находились бы в надежной изоляции от общества, исключающей любую возможность нелегальных связей с лицами за пределами лагеря (действовал запрет на переписку с родственниками), а также совершения побега. Согласно Инструкции заключенные не могли пользоваться правом на досрочное освобождение и должны были выполнять тяжелые физические работы. Следует заметить, что эти нормы подзаконного правового акта расходились с положениями формально действовавшего тогда Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г.

Создание особых исправительно-трудовых лагерей в современной российской научной литературе освещается противоречиво. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что довольно долго (фактически до конца 1980-х гг., когда в СССР начался период гласности) оценок как таковых не было вообще, а в редких учебниках по исправительно-трудовому праву, где этот вопрос затрагивался, лишь констатировалось, что в особых исправительно-трудовых лагерях действовал более жесткий режим содержания, заключенные существенно ограничивались в свиданиях и переписке [11, с. 69]. Это и не удивительно, учитывая, что в СССР даже после известного XX съезда КПСС (1956 г.) и реабилитации многих тысяч невинно осужденных в годы сталинских репрессий ни официально, ни в публицистике так и не были названы конкретные имена виновных в репрессиях, а также не были раскрыты подлинные масштабы политических репрессий.

И только после начала перестройки ситуация стала меняться: система особых исправительно-трудовых лагерей стала предметом исследований, были обнародованы многие исторические архивы. Большинство авторов работ, изданных в 1990-х – начале 2000-х гг., высказывали критические оценки по поводу особых исправительно-трудовых лагерей ввиду неоправданной жесткости режимных требований (работы Р.С. Бикметова, Г.Я. Маламуда, А.А. Мить, В.М. Кириллова, А.А. Медовник, Н.А. Морозова и др.), не говоря уже о бывших заключенных (А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов и др.) Но имеются и другие оценки. Так, С.И. Кузьмин полагает, что система лагерей формально в документах не содержала установок на произвол со стороны лагерной администрации по отношению к заключенным, например, заключенные в порядке поощрения могли покупать продукты питания; одновременно С.И. Кузьмин указывает на то, что ведомственные акты МВД СССР и их реализация приводили к искривлению пенитенциарной практики, в результате чего исправительно-трудовые лагеря дискредитировали власть, исказили представления о воспитательном значении уголовного наказания в виде лишения свободы, способствовали росту рецидивной преступности, формированию преступного мира [12, с. 11; 13, с. 50; 14].

Довольно распространенным является подход, согласно которому в основе создания и деятельности исправительно-трудовых лагерей лежал экономический фактор, а именно стремление государства получить от труда заключенных максимально возможную экономическую пользу [15, с. 20, 31, 94]. На наш взгляд, создание особых исправительно-трудовых лагерей преследовало, прежде всего, политические цели, и только во вторую очередь – экономические. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что именно в этих местах лишения свободы содержались наиболее антисоветски настроенные лица, способные вести против советской власти вооруженную борьбу, и не случайно в отношении таких категорий заключенных из всех целей уголовного наказания главенствовала одна – изоляция [16, с. 45].

Отчасти в пользу этой версии говорит тот факт, что именно в особых исправительно-трудовых лагерях имели место наиболее организованные массовые протесты, специфика которых заключалась в том, что восставшие предъявляли достаточно четкие политические требования (волнения заключенных в Озерлаге в 1952 г.; восстание заключенных в Горлаге

(Норильск) в 1953 г.; восстание заключенных в Речлаге (Воркута) в 1953 г.; восстание заключенных в Степлаге (Кенгир, Джезказган) в 1954 г.; забастовка штрафного ИТЛ на Колыме в 1955 г.; восстание в Тайшетлаге в 1956 г. [17, с. 336]). В указанных и других исправительно-трудовых лагерях заключенные организовывали вооруженные выступления против лагерной администрации (в Воркуте, Норильске, Джезказгане), чего не было в обычных исправительно-трудовых лагерях, где наблюдались лишь отдельные протесты. Такая специфика, на наш взгляд, объясняется одним ключевым фактором – характером содержавшихся в особых лагерях заключенных, среди которых значительную часть составляли лица, уже совершившие преступные деяния против советской власти с целью ее подрыва и свержения, что и стало причиной их изоляции в особых лагерях. В этом контексте, как представляется, логика действий советской власти, связанных сначала с созданием особых лагерей, а затем с жесткими методами подавления протестов в них, вполне объяснима. Другое дело, что сама массовость выступлений противников советской власти как на свободе, так и в неволе свидетельствует о серьезных деформациях общественных отношений в советском государстве послевоенного времени, которые действующая власть пыталась сгладить неоправданными по масштабам репрессивными методами, что приводило к многочисленным нарушениям конституционных прав граждан [18], таким образом, насилие порождало насилие, что и проявилось в особых исправительно-трудовых лагерях послевоенного времени.

1. Упоров И.В. Развитие уголовного наказания в первые годы советской власти // Уголовное право. 2000. № 4.

2. Миронов А.Г. Особые лагеря ГУЛАГа МВД СССР (1948–1954 гг.): дис. … канд. ист. наук. М., 2010.

3. Карнер С. Архипелаг ГУПВИ: плен и интернирование в Союзе ССР. 1941–1956. М., 2002.

4. Упоров И.В. Государственная политика СССР по борьбе с бандитизмом на бывших в оккупации советских территориях (1943–1953 гг.). М., 2015.

5. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. М., 2002.

6. Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР: постановление Совмина СССР от 21 февр. 1948 г. № 416-159сс // История сталинского ГУЛАГа: собр. документов. М., 2004. Т. 2.

7. Об организации особых лагерей и тюрем МВД для содержания особо опасных преступников и о направлении последних после отбытия наказания в ссылку на поселение под надзор органов МГБ: приказ МВД СССР, МГБ СССР и Генерального прокурора СССР от 16 марта 1948 // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 267. Л. 79-82.

8. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 346. Л. 191.

9. Хачемизова Е.Х. Общество и власть в 30-е–40-е гг. XX века: политика репрессий

1. Uporov I.V. Development of criminal penalties in the first years of Soviet power // Criminal law. 2000. № 4.

2. Mironov A.G. Special camps GULAG of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (1948–1954): diss. ... Master of History. Moscow, 2010.

3. Karner S. Archipelago GUPVI: captured and interned in the USSR. 1941–1956. Moscow, 2002.

4. Uporov I.V. The state policy of the USSR to combat gang violence in the former territories of the Soviet occupation (1943–1953). Moscow, 2015.

5. GULAG: General directorate of camps. 1918–1960. Moscow, 2002.

6. On the organization of camps and prisons with a strict regime of detention of especially dangerous state criminals and about the direction of their serving the sentence to exile in remote areas of the USSR: resolution of the Counsil of Ministers of the USSR d.d. Feb, 21, 1948 № 416-159ss // History of Stalin's GULAG: coll. of documents. Moscow, 2004. Vol. 2.

7. On the organization of special camps and prisons of the Ministry of the Interior for detention of dangerous criminals and the funniling them after serve of sentence in banishment for settlement under the supervision of the MSS authorities: order of the Ministry of the Interior of the USSR, the MSS and the Prosecutor General d.d. March 16, 1948 // SARF. F. 9414. Op. 1a. D. 267. L. 79–82.

8. SARF. F. 9414. Op. 1. D. 346. L. 191.

9. Hachemizova E.H. Society and the authorities in the 30–40 of XX century: policy of repression (on

(на материалах Краснодарского края): дис. … канд. ист. наук. Майкоп, 2004.

10. Специальный архивный фонд ГУ МВД России по Краснодарскому краю. Д. 205.

11. Ширвиндт Е.Г., Утевский Б.С. Советское исправительно-трудовое право. М., 1957.

12. Кузьмин С.И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936–1960 гг.). М., 1989.

13. Кузьмин С.И. ИТУ: история и современность // Человек: преступление и наказание. 1996. № 1.

14. Уголовно-исполнительное право России / под ред. А.И. Зубкова. М., 1997. С. 76–83.

15. Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в тридцатые – пятидесятые годы. Домодедово, 1992.

16. Упоров И. Целеполагание отдельных видов наказания в российском уголовном праве // Уголовное право. 2001. № 3.

17. Кравери М. Кризис ГУЛАГа. Кенгирское восстание 1954 года в документах МВД СССР. М., 1995.

18. Смоленский М.Б., Упоров И.В., Звягольский А.Ю. Конституционное (государственное) право России: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. М.Б. Смоленского. М., 2009.

materials of Krasnodar territory): diss. ... Master of History. Maykop, 2004.

10. Special archives of the Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia across the Krasnodar region. D. 205.

11. Shirvindt E.G., Utevsky B.S. Soviet correctional labour law. Moscow, 1957.

12. Kuzmin S.I. The activity of corrective labour institutions (1936–1960). Moscow, 1989.

13. Kuzmin S.I. Corrective labour institution: history and present // Man: crime and punishment. 1996. № 1.

14. Penitentiary law of Russia / ed. by A.I. Zubkov. Moscow, 1997. P. 76–83.

15. Detkov M.G. The content of the Soviet penal policy and its implementation in the execution of the criminal punishment of imprisonment in the thirties and fifties. Domodedovo, 1992.

16. Uporov I. Targeting of certain types of punishment in the Russian criminal law // Criminal Law. 2001. № 3.

17. Cravery M. Crisis of GULAG. Kengir uprising in 1954 in the documents of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Moscow, 1995.

18. Smolensky M.B., Uporov I.V., Zvyagolsky A.Yu. Constitutional (state) law of Russia: textbook for university students studying in the specialty «Jurisprudence» / ed. by M.B. Smolensky. Moscow, 2009.

Провоторов Роман Анатольевич
магистрант кафедры конституционного и муниципального права
Кубанского государственного университета
(e-mail: Provotorov.R.A@mail.ru)

Воспрепятствование осуществлению прав кандидатов путем незаконной агитационной деятельности

В статье рассмотрены примеры судебной практики, характеризующие применение ответственности за незаконную предвыборную агитацию. С учетом последних изменений действующего законодательства определены правовые ориентиры в совершенствовании института избирательного права.

Ключевые слова: выборы, кандидат, предвыборная агитация, незаконные агитационные материалы, юридическая ответственность, судебная практика.

R.A. Provotorov, Undergraduate Student of the Chair of Constitutional and Municipal Law of the Kuban State University; e-mail: Provotorov.R.A@mail.ru

Obstruction of rights of candidates through illegal campaign activity

The article deals with examples of judicial practice that characterize the application of liability for illegal pre-election campaigning. Taking into account recent changes in the law legal landmarks in improving the institut of electoral law.

Key words: elections, candidate, pre-election campaigning, illegal campaign materials, legal responsibility, judicial practice.

Ключевым фактором в понимании сущности выборов как непосредственной формы реализации народовластия является их свобода, проявляющаяся в формировании и выражении предпочтений избирателями при отсутствии какого бы то ни было принуждения и давления с соблюдением конституционно гарантируемого политического и идеологического многообразия и обусловленной им конкурентностью демократии. Участие гражданина в выборах является свободным и добровольным. Это означает, что никто не вправе оказывать воздействие на гражданина с целью принудить к участию или неучастию в выборах и (или) в осуществлении избирательных действий, принудить избирателя голосовать за или против определенного кандидата, определенный список кандидатов политической партии либо воспрепятствовать его свободному волеизъявлению.

Содержание понятия «воспрепятствование осуществлению избирательных прав» не раскрывается ни уголовным, ни избирательным законодательством, отсутствуют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, вследствие чего уяснить его значение возможно лишь путем анализа доктринального и судебно-казуального толкования. Однако в науке избирательного права среди ученых сложилась согласованная позиция, заключающаяся в том, что воспрепятствование осуществлению избирательного права характеризуется совершением действий (бездействия), создающих препятствия при осуществлении гражданином как активного, так и пассивного избирательного права [1, с. 324].

Как отмечает О.Н. Дзюба, юридическая ответственность за нарушения законодательства о выборах является публично-правовым средством обеспечения общественного интереса при реализации гражданами избирательных прав и права на участие в референдуме [2].

За нарушения законодательства о выборах федеральными законами предусмотрено несколько видов юридической ответственности. В зависимости от отраслевой принадлежности различаются три вида ответственности за нарушения законодательства о выборах: 1) конституционно-правовая ответственность (ответственность по избирательному праву); 2) административная ответственность; 3) уголовная ответственность. Указанные виды ответственности отличаются друг от друга основаниями (правовыми и фактическими), санкциями, субъектным составом, процессуальной формой реализации [3, с. 166].

Согласно п. 2 ст. 9 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» под предвыборной агитацией понимается деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или

побуждающая избирателей голосовать за федеральный список кандидатов (федеральные списки кандидатов) или против него (них), за кандидата (кандидатов), в том числе включенного (включенных) в федеральный список кандидатов, или против него (них) [4].

Предвыборная агитация может проводиться:

на каналах организаций телерадиовещания и в периодических печатных изданиях;

посредством проведения агитационных публичных мероприятий;

посредством выпуска и распространения печатных, аудиовизуальных и других агитационных материалов;

иными не запрещенными законом методами.

Кандидат, избирательное объединение самостоятельно определяют содержание, формы и методы своей агитации, самостоятельно проводят ее, а также вправе в установленном законодательством порядке привлекать для ее проведения иных лиц.

В соответствии со ст. 49 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» агитационный период начинается со дня выдвижения кандидата, списка кандидатов и прекращается в ноль часов по местному времени за одни сутки до дня голосования [5]. Предвыборная агитация на каналах организаций телерадиовещания и в периодических печатных изданиях проводится в период, который начинается за 28 дней до дня голосования и прекращается в ноль часов по местному времени за одни сутки до дня голосования. Проведение предвыборной агитации в день голосования и в предшествующий ему день запрещается.

В действующем законодательстве возникла коллизия, которая должна быть разрешена федеральным законодателем. Так, в п. 1 ст. 63 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» установлено, что «агитационный период для политической партии начинается со дня принятия ею решения о выдвижении федерального списка кандидатов, кандидатов по одномандатным избирательным округам. Агитационный период для кандидата, выдвинутого в составе федерального списка кандидатов, начинается со дня представления в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации федерального списка кандидатов. Агитационный период для кандидата, выдвинутого по одномандатному избирательному округу, начинается со дня представления кандидатом в окружную избирательную комиссию заявления о согласии баллотироваться. Агитационный период прекращается в ноль часов по местному времени дня, предшествующего дню голосования» [4]. Однако согласно Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» лица, в отношении которых политической партией принято решение о выдвижении в качестве кандидатов, не являются кандидатами до момента поступления соответствующих документов в избирательную комиссию и регистрации избирательной комиссией данного факта [5].

Порядок изготовления и распространения агитационных печатных, аудиовизуальных и иных материалов, реквизиты, которые эти материалы должны содержать, регламентированы ст. 54 указанного Федерального закона.

Для успешной реализации контрольных полномочий членам участковой комиссии с правом решающего голоса необходимо уметь отделять законные агитационные материалы от незаконных и подложных.

Незаконный агитационный материал – это материал, изготовленный и (или) распространяющийся с нарушением требований законодательства о выборах.

Среди признаков, характеризующих незаконность агитационных материалов, можно выделить следующие:

отсутствуют реквизиты, предусмотренные п. 2 ст. 54 вышеуказанного Федерального закона;

материал содержит реквизиты, не соответствующие действительности;

материал предварительно не оплачен из средств избирательного фонда соответствующего кандидата, избирательного объединения;

материал не представлен до начала распространения в избирательную комиссию, организующую выборы, либо в окружную избирательную комиссию;

материал содержит изображения физических лиц, не достигших на день голосования возраста 18 лет и не являющихся детьми кандидата;

материал содержит изображения физических лиц, не давших предварительное письменное согласие на использование их изображений (за исключением случаев использования избирательным объединением изображений выдвинутых им кандидатов, в том числе с их близкими родственниками, а также среди неопределенного круга лиц; использования самим кандидатом своих изображений в кругу близких родственников, а также среди неопределенного круга лиц);

материал содержит высказывания физических лиц, не давших предварительное письменное согласие на использование их высказываний (за исключением использования избирательным объединением высказываний выдвинутых им кандидатов о данном избира-

тельном объединении, а также о кандидатах, выдвинутых данным избирательным объединением на тех же выборах; использования обнародованных высказываний о кандидатах, об избирательных объединениях с указанием даты (периода времени) обнародования таких высказываний и наименования СМИ, в котором они были обнародованы; цитирования высказываний об избирательном объединении, о кандидате, обнародованных иными избирательными объединениями, а также кандидатами в своих агитационных материалах, изготовленных и распространенных в соответствии с законом);

материал содержит коммерческую рекламу;

материал содержит информацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную рознь, унижающую национальное достоинство, пропагандирующую исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, а также пропагандирующую нацистскую атрибутику или символику либо атрибутику или символику, сходную с нацистской до степени их смешения;

содержание материалов, использованных с нарушением законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности;

материал размещен на зданиях, сооружениях и иных объектах без получения предварительного согласия или с нарушением условий собственников, владельцев указанных объектов;

материал размещен на памятниках, обелисках, зданиях, сооружениях и в помещениях, имеющих историческую, культурную или архитектурную ценность, а также в зданиях, в которых находятся избирательные комиссии, помещения для голосования и на расстоянии менее 50 м от входа в них [6].

Многочисленные примеры судебной практики свидетельствуют о частом использовании неправомерной предвыборной агитации. Так, требование об отмене регистрации кандидата в депутаты правомерно судом удовлетворено, поскольку установлен факт несоблюдения кандидатом в депутаты ограничений при проведении предвыборной агитации (кандидатом в депутаты был изготовлен печатный агитационный материал, часть данной брошюры практически идентична ранее опубликованному агитационному печатному материалу) [7].

Однако если соблюдены требования законодательства, предвыборная агитация признается законной. Так, апелляционным определением Свердловского областного суда от 6 сентября 2013 г. по делу № 33-11947/2013 в удовлетворении требования об отмене регистрации кандидата на должность главы городского округа было правомерно отказано, поскольку ведение кандидатом незаконной предвыборной агитации не доказано, кандидат использовал рекламный щит на основании договора аренды, размещенный на нем баннер был оплачен кандидатом из средств собственного избирательного фонда, при этом установленный законом предельный размер расходования средств избирательного фонда не был превышен [8].

Особо следует отметить, что регистрация кандидата может быть отменена за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности, причем даже в тех случаях, когда сам обладатель права на интеллектуальную собственность не жалуется на действия кандидата. Практика последних лет демонстрирует немало примеров снятия кандидата по этому основанию (использование без разрешения правообладателя чужой мелодии в агитационном ролике, известных плакатов и т.п.). Были даже случаи, когда кандидата снимали за листовки, для которых он был сфотографирован на фоне архитектурного или скульптурного памятника. Однако позднее в судебной практике возобладала точка зрения, согласно которой фотографирование скульптурных памятников и архитектурных сооружений, которые постоянно расположены в месте, открытом для свободного посещения, не может считаться их воспроизведением и не нарушает права интеллектуальной собственности [9].

Осуществление избирательными комиссиями контроля за соблюдением установленного порядка проведения предвыборной агитации требует от самих комиссий неукоснительного исполнения закона, в том числе в части принимаемых ими мер реагирования при выявлении фактов противоправной агитационной деятельности.

Положения Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не допускают расширительного понимания предвыборной агитации в отношении ее запрета для представителей организаций, осуществляющих выпуск средств массовой информации в рамках своей профессиональной деятельности, и предполагают, что противозаконной агитационной деятельностью может признаваться только умышленное совершение ими предусмотренных в п. 2 ст. 48 Федерального закона действий, непосредственно направленных на такую агитацию в отличие от информирования избирателей.

Об этом свидетельствует и судебная практика: апелляционным определением Костромского областного суда от 7 сентября 2015 г. по делу № 33-1667/2015 в удовлетворении требования о признании необоснованным постановления избирательной комиссии и призна-

нии предвыборной агитацией распространения статьи о кандидате в газете отказано, поскольку решение избирательной комиссии является законным и обоснованным, принято в пределах полномочий, публикация в газете носит информационный, а не агитационный характер.

Так, для решения возникающих на практике проблем, связанных с разграничением предвыборной агитации и информирования избирателей, по нашему мнению, необходимо различать их по следующим критериям:

виды субъектов, имеющих право осуществлять деятельность;

форма деятельности таких субъектов;

источники оплаты;

период осуществления;

цель деятельности.

Мы разделяем позицию О.О. Поповой о необходимости внесения изменений в ст. 2 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в части изложения п. 4 в следующей редакции: «Агитация предвыборная (предвыборная агитация) – деятельность граждан Российской Федерации и общественных объединений, осуществляемая в период избирательной кампании в допускаемых законом формах и законными методами безвозмездно или финансируемая за счет средств избирательных фондов кандидатов, избирательных объединений и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них)» [10, с. 36].

Кроме того, считаем необходимым дополнить данную статью пунктом, содержащим следующее определение понятия «информирование избирателей»: деятельность, осуществляемая с момента официального опубликования решения о назначении выборов и до момента официального опубликования результатов выборов органами государственной власти и местного самоуправления, избирательными комиссиями, СМИ, физическими и юридическими лицами, имеющая целью обеспечить осведомленность избирателей о выборах, о сроках и итогах осуществления отдельных избирательных действий, не побуждающая избирателей к голосованию за или против кандидата, список кандидатов, не нарушающая равенства кандидатов, избирательных объединений».

Отдельным пунктом в ст. 45 названного Федерального закона следует предусмотреть невозможность оплаты деятельности по информированию избирателей из средств избирательных фондов кандидатов, избирательных объединений.

Сегодня одним из важных моментов является правовое регулирование таких информационных технологий распространения предвыборной агитации, как глобальная компьютерная сеть Интернет. В настоящее время существует разграничение между сертифицированными и несертифицированными интернет-СМИ, что приводит к необходимости разграничения требований к материалам, опубликованным в них в качестве предвыборной агитации. Необходимо предусмотреть порядок регулирования опубликования материалов, специфику требований к изготовителям материалов, а также порядок уведомления избирательных комиссий о выпуске данного вида агитационных материалов. Нередки случаи распространения сведений, порочащих кандидатов именно через глобальную сеть, чему служит доказательством судебная практика.

Решением Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 9 июня 2015 г. признаны справедливыми требования гражданина о признании сведений не соответствующими действительности и взыскании компенсации морального вреда за распространение в сети Интернет порочащих его сведений [11]. Размещенная в сети Интернет статья содержала недостоверные утверждения о неправомерном (в том числе административно и уголовно наказуемом) поведении гражданина в ходе избирательной кампании. Размер компенсации был определен с учетом принципов разумности и справедливости.

Подложные агитационные материалы, в отличие от незаконных, как правило, содержат все необходимые реквизиты, по форме и содержанию не противоречат требованиям законодательства о выборах. Подложными агитационные материалы признаются в силу того обстоятельства, что изготавливаются и (или) распространяются от имени кандидата, избирательного объединения, выдвинувшего кандидата, список кандидатов, лицами, не имеющими к ним никакого отношения. Изготовление и распространение подложных агитационных материалов представляет собой одну из незаконных избирательных технологий и осуществляется, как правило, с целью дискредитации в глазах избирателей кандидата, избирательного объединения, от имени которых осуществляется соответствующая агитационная деятельность. С учетом общественной опасности указанных деяний в научной литературе высказывалась точка зрения о необходимости криминализации распространения заведомо ложных сведений о кандидате, осуществляемого в период избирательной кампании [12, с. 1693–1694].

Информацию о видах распространяемых в период избирательной кампании агитационных

печатных материалов, а также копии этих материалов можно получить в территориальной избирательной комиссии.

В условиях постоянно проводящейся реконструкции избирательного законодательства правовое регулирование предвыборной агитации представляется одним из наиболее стабильных институтов. Вместе с тем, и он нуждается в совершенствовании в связи с изменением общего избирательного законодательства, а также появлением новых методов распространения предвыборной агитации.

1. Турищева Н.Ю. Объективная сторона воспрепятствования осуществлению избирательных прав: проблемы ее установления // Актуальные проблемы рос. права. 2008. № 3. С. 324–331.

2. Дзюба О.Н. Избирательные правонарушения и правовые меры борьбы с ними // Чиновник. 2006. № 1(41).

3. Большаков С.В., Головин А.Г. Информационное обеспечение выборов и референдумов в Российской Федерации. М., 2007.

4. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: федер. закон от 22 февр. 2014 г. № 20-ФЗ (ред. от 15 февр. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740; Собр. законодательства РФ. 2016. № 7. Ст. 917.

5. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 15 февр. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; Собр. законодательства РФ. 2016. № 7. Ст. 917.

6. Чистополов В.В. Проблемы правового регулирования предвыборной агитации и пути их решения // Рос. юрид. журнал. 2010. № 3. С. 67–73.

7. Апелляционное определение Орловского областного суда от 7 сент. 2015 г. по делу № 33-2350/2015. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 6 сент. 2013 г. по делу № 33-11947/2013. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Решение Московского городского суда от 2 сент. 2014 г. по делу № 3-224/2014 2013. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Попова О.О. Конституционно-правовой институт предвыборной агитации в Российской Федерации: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид наук. М., 2015.

11. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 1 сент. 2015 г. по делу № 33-13387/2015. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Турищева Н.Ю. К вопросу о необходимости криминализации распространения заведомо ложных сведений о кандидате в период избирательной кампании // Право и политика. 2008. № 7. С. 1693–1698.

1. Turishcheva N.Yu. Objective party of hindrance to implementation of the electoral rights: problems of its establishment // Urgent problems of Russian law. 2008. № 3. P. 324–331.

2. Dzyuba O.N. The selective offenses and legal measures of fight against them // Official. 2006. № 1(41).

3. Bolshakov S.V., Golovin A.G. Information support of elections and referendums in the Russian Federation. Moscow, 2007.

4. About elections of deputies of the State Duma of Federal Assembly of Russia: fed. law d.d. Febr. 22, 2014 № 20-FL (as amended on Febr. 15, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 8. Art. 740; Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 7. Art. 917.

5. About basic guarantees of the electoral rights and the participation rights in a referendum of citizens of the Russian Federation: fed. law d.d. June 12, 2002 № 67-FL (as amended on Febr. 15, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 24. Art. 2253; Coll. of legislation of the Russian Federation. 2016. № 7. Art. 917.

6. Chistopolov V.V. Problems of legal regulation of election agitation and ways of its decision // Russian legal journal. 2010. № 3. P. 67–73.

7. The appellate decision of the Oryol regional court d.d. Sept. 7, 2015 in the case № 33-2350/2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. The appellate decision of the Sverdlovsk regional court d.d. Sept. 6, 2013 in the case № 33-11947/2013. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

9. The decision of the Moscow city court d.d. Sept. 2, 2014 in the case № 3-224/2014 2013. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. Popova O.O. Constitutional legal institution of pre-election agitation in the Russian Federation: problems of the theory and practice: auth. abstr. … Master of Law. Moscow, 2015.

11. The appellate decision of the Sverdlovsk regional court d.d. Sept. 1, 2015 in the case № 33-13387/2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

12. Turishcheva N.Yu. To a question of need of criminalization of distribution of obviously false information about the candidate for the period of the election campaign // Law and policy. 2008. № 7. P. 1693–1698.

Петров Игорь Валентинович
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Южного института менеджмента
(e-mail: p474@yandex.ru)

Проблемы правового регулирования парковочного места как самостоятельного объекта гражданских прав

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования парковочного места как самостоятельного объекта гражданских прав. Проведен анализ действующего законодательства и проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части вовлечения в гражданский оборот площадок, являющихся частями здания или сооружения)», а также сложившейся судебной практики по данным проблемам.

Ключевые слова: машино-место, объект гражданских прав, объект недвижимости, парковочное место, площадка.

I.V. Petrov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Civil-Legal Disciplines of the Southern Institute of Management; e-mail: p474@yandex.ru

Legal regulation problems of parking spaces acting as independent objects of civil rights

This article deals with issues of legal regulation of parking space as an independent object of civil rights. Article presents the analysis of the current legislation including the draft of the federal law «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation (with regard to inclusion in the civil law areas that are parts of buildings or constructions), as well as the court practice on these issues.

Key words: parking place, object of civil rights, property, parking, area.

В настоящее время у владельца автомобиля возникает естественное желание обладать на законном основании местом на парковке недалеко от дома. Многие граждане, как правило, приобретают машино-места в подземных паркингах, расположенных в жилых домах, по договору долевого участия. После ввода многоквартирного жилого дома в эксплуатацию машино-место как объект долевого строительства подлежит передаче участнику долевого строительства. Существует возможность зарегистрировать право собственности на машино-место в помещениях автостоянок путем государственной регистрации права общей долевой собственности на помещение автостоянки, в котором расположены парковочные места. В этом случае возникают проблемы: какое именно машино-место и за кем будет закреплено, как определить долю, возможность использовать ее и распорядиться ею в тех случаях, когда она составляет часть (десятую, сотую) машино-места. Подобные проблемы можно разрешить лишь путем достижения соглашения между собственниками, а при отсутствии такого согласия – в судебном порядке.

Подобные сложности связаны, прежде всего, с неопределенностью правового статуса парковочного места как самостоятельного объекта гражданских прав. Именно о данных проблемах далее пойдет речь. Особенности парковочного места в качестве предполагаемого объекта гражданских прав состоят в том, что оно не имеет стен, перегородок, а границы на практике обозначены краской на асфальтированном покрытии. Парковочное место, как правило, не является изолированным и обособленным. В связи с этим органы кадастрового учета отказывают в постановке на учет парковочного места, поскольку разметка линиями не подтверждает его изолированности и наличия пространственных границ.

Следует отметить, что действующим законодательством не предусмотрено понятие «машино-место», которое возникло в реальной жизни. В Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее – ГрК РФ) [1] используется понятие «парковка (парковочное место)» – специально обозначенное и при необходимости обустроенное и оборудованное место, являющееся в том числе частью автомобильной дороги и (или) примыкающее к проезжей части и (или) тротуару, обочине, эстакаде либо мосту или являющееся частью подэстакадных или подмостовых пространств, площадей и иных объектов улично-дорожной сети, зданий, стро-

ений или сооружений и предназначенное для организованной стоянки транспортных средств на платной основе или без взимания платы по решению собственника или иного владельца автомобильной дороги, собственника земельного участка либо собственника соответствующей части здания, строения или сооружения (п. 21 ст. 1 ГрК РФ). Исходя из законодательного определения, парковочное место следует рассматривать как место для организованной стоянки транспортных средств, оно может являться лишь частью зданий или сооружений, а не самостоятельным объектом недвижимости. Для постановки на кадастровый учет машино-места как помещения в здании и получения свидетельства о государственной регистрации права собственности на него как на самостоятельный объект недвижимости необходимо, чтобы здание, в котором оно расположено, уже стояло на кадастровом учете. Поэтому уполномоченные органы по внесению в государственный кадастр недвижимости соответствующих сведений и суды отказывают в постановке на учет машино-мест до получения разрешения на ввод в эксплуатацию многоквартирного жилого дома [2].

Обратим внимание на другую проблему в правовом регулировании парковочного места как объекта гражданских прав. Парковка, как ее определяет ГрК РФ, не отвечает критериям помещения. В соответствии с п. 14 ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий, сооружений», помещение – это часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями [3]. Согласно ч. 2 ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации [4] и ч. 7 ст. 27 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» [5] помещение должно быть изолировано или обособлено от других помещений в здании или сооружении.

На первый взгляд, проблему можно разрешить путем установки перегородок между так называемыми машино-местами, создания определенных боксов. Однако в отдельных случаях это может противоречить правилам противопожарной безопасности, например на подземных автостоянках. В частности, в п. 5.2.6 Свода правил СП 154.13130.2013 «Встроенные подземные автостоянки. Требования пожарной безопасности», утвержденного приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 21 февраля 2013 г. № 117, сказано, что в подземных автостоянках не допускается разделение машино-мест перегородками на отдельные боксы [6]. В помещениях хранения легковых автомобилей, принадлежащих гражданам, для выделения постоянно закрепленных мест допускается применение сетчатого ограждения из негорючих материалов. Так, решением Черемушкинского районного суда г. Москвы за О.Н. было признано право собственности на нежилые помещения (5 машино-мест), расположенные в подвальном этаже здания. О.Н. обратилась в филиал «ФКП Росреестра» по г. Москве, предоставив необходимые документы для постановки принадлежащих ей нежилых помещений на кадастровый учет, но получила отказ. ФГБУ «ФКП Росреестра» в апелляционной жалобе ссылалось на то, что при отсутствии физических границ машино-место не может быть учтено в качестве объекта недвижимости. Судебная коллегия по административным делам Московского городского суда не согласилась с доводами апелляционной жалобы, мотивировав это тем, что каждое из спорных машино-мест отображено на техническом плане помещения, обладает индивидуально-определенными признаками: имеет площадь, самостоятельный порядковый номер и отгорожено от других машино-мест специальной металлической конструкцией [7].

Анализ судебной практики показывает, что в настоящее время существует два подхода к определению понятия «машино-место». В некоторых случаях машино-место признается самостоятельным объектом недвижимости, т.е. оно является недвижимым имуществом, представляющим собой помещение в составе другого объекта недвижимости (нежилого помещения (парковочного зала) или нежилого здания). В других случаях суды полагают, что парковочное место самостоятельной вещью не является, а представляет собой часть недвижимой вещи – нежилого помещения или нежилого здания, а пользователь парковочного места является долевым сособственником данной недвижимой вещи, в отношении которой соглашением участников долевой собственности или решением суда может быть определен порядок пользования [8].

Таким образом, государственная регистрация права собственности на машино-место может быть произведена, но только после постановки его на кадастровый учет (на основании технического паспорта на данный объект). Пунктом 1.2 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» установлен запрет на осуществление государственной регистрации права на объект недвижимого имущества, который не считается учтенным в соответствии с Феде-

ральным законом от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом [9]. В соответствии с ч. 3 ст. 1, ст. 16 последнего названного закона государственным кадастровым учетом недвижимого имущества охватываются действия уполномоченного органа по внесению в государственный кадастр недвижимости сведений о недвижимом имуществе, которые подтверждают существование такого недвижимого имущества с характеристиками, позволяющими определить такое недвижимое имущество в качестве индивидуально-определенной вещи (уникальные характеристики объекта недвижимости). Согласно п. 7 ч. 2 ст. 7 сведения государственного кадастра недвижимости об объекте недвижимости включают адрес объекта недвижимости или при отсутствии такого адреса описание местоположения объекта недвижимости (субъект Российской Федерации, муниципальное образование, населенный пункт и т.п.). Отказ органов кадастрового учета в постановке недвижимого имущества на кадастровый учет может быть обжалован в судебном порядке [5]. Например, Е. обратился в суд с административным иском к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по г. Москве, полагая незаконным отказ в государственной регистрации права собственности на машино-место по мотивам отсутствия его кадастрового учета. Его требования мотивированы тем, что право собственности на указанное имущество признано за ним апелляционным определением Московского городского суда от 26 апреля 2013 г. Решением Симоновского районного суда г. Москвы от 30 ноября 2015 г. в удовлетворении заявленных требований отказано. В апелляционной жалобе Е. поставил вопрос об отмене решения. Вместе с тем, в апелляционной жалобе отмечено, что Е. пытался поставить машино-место на кадастровый учет, однако в постановке на государственный кадастровый учет указанного имущества было отказано, технический план машино-места органами БТИ также ранее не выдавался. При этом из материалов дела ясно, что отказ органов кадастрового учета в постановке недвижимого имущества на кадастровый учет и отказ ГУП «МосгорБТИ» выдать технический план машино-места не были обжалованы Е. По мнению судебной коллегии по административным делам Московского городского суда, Е. не доказал факт нарушения своих прав, свобод и законных интересов правовым актом Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по г. Москве. Поэтому решение Симоновского районного суда г. Москвы оставлено без изменения, апелляционная жалоба не удовлетворена [10].

В настоящее время подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части вовлечения в гражданский оборот площадок, являющихся частями здания или сооружения)» [11]. Законопроектом предусмотрено введение в гражданский оборот понятия «площадка», под которым понимаются неизолированные части нежилых помещений, расположенные в зданиях, сооружениях, в том числе парковочные места. Определение площадки будет содержаться в Федеральном законе от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий, сооружений» (в п. 15.1 ч. 2 ст. 2), в соответствии с которым площадка – это определенная в соответствии с федеральным законодательством часть здания или сооружения, предназначенная для стоянки транспортных средств или размещения торговых объектов и неограниченная строительной конструкцией. Границы площадки должны устанавливать кадастровые инженеры посредством определения координат или характерных точек. Местоположение площадки определяется посредством графического отображения границы геометрической фигуры, соответствующей конфигурации площадки, на плане этажа или части этажа здания либо сооружения, а при отсутствии этажности у здания или сооружения – на плане здания или сооружения либо на плане соответствующей части здания или сооружения с указанием расстояний между характерными точками границы площадки (линейных промеров частей границы) и расстояний от характерных точек границы площадки до не менее чем двух меток, закрепленных в перегородках или перекрытиях здания, сооружения. Сведения о площадках будут включаться в кадастр недвижимости, а также в технический план. В результате поправок, которые предлагаются, машино-места в строящемся доме не будут рассматриваться как общее имущество в многоквартирном доме, а станут индивидуализированными объектами.

Законопроект предусматривает внесение изменений в другие нормативные акты. Так, предлагается п. 1 ст. 130 ГрК РФ дополнить предложением следующего содержания: «К недвижимым вещам также относятся входящие в состав здания или сооружения определенные в соответствии с требованиями федерального закона помещения и площадки».

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что изменения, предлагаемые законопроектом, можно оценить в целом как положительные. Вме-

сте с тем, возникает проблема определения границ парковочных мест, учитывая, что у так называемых машино-мест отсутствуют стены, перегородки. Поэтому установление границ посредством определения координат или характерных точек на практике может привести к многочисленным пограничным конфликтам.

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2015 г. № 459-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16; 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 79.

2. Апелляционное определение Московского областного суда от 8 июня 2015 г. по делу № 33-12945/ 2015. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: федер. закон от 30 дек. 2009 г. № 384-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2010. № 1. Ст. 5; 2013. № 27. Ст. 3477.

4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 31 янв. 2016 г. № 7-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2005. № 1, ч. 1. Ст. 14; 2016. № 5. Ст. 559.

5. О государственном кадастре недвижимости: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ (в ред. от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 4017; 2016. № 18. Ст. 2495.

6. Об утверждении Свода правил «Встроенные подземные автостоянки. Требования пожарной безопасности»: приказ МЧС России от 21 февр. 2013 г. № 117 // Нормирование, стандартизация и сертификация в строительстве. 2013. № 3.

7. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 мая 2015 г. по делу № 33-18084/2015. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Определение ВАС РФ от 27 окт. 2011 г. № ВАС-11450/11 по делу № А40-124539/09-54-801. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: федер. закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (в ред. от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3594; 2016. № 18. Ст. 2495.

10. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 марта 2016 г. по делу № 33а-7462. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части вовлечения в гражданский оборот площадок, являющихся частями здания или сооружения): проект федер. закона. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/45965.html (дата обращения: 15.05.2016).

1. Town Planning code of the Russian Federation d.d. Dec. 29, 2004 № 190-FL (as amended on Dec. 30, 2015 № 459-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2005. № 1 (pt. 1). Art. 16; 2016. № 1 (pt. 1). Art. 79.

2. The appellate decision of the Moscow regional court d.d. June 8, 2015 in the case of № 33-12945/2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. Technical regulations about safety of buildings and constructions: fed. law d.d. Dec. 30, 2009 № 384-FL (as amended on July 2, 2013 № 185-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 1. Art. 5; 2013. № 27. Art. 3477.

4. Housing code of the Russian Federation d.d. Dec. 29, 2004 № 188-FL (as amended on Jan. 31, 2016 № 7-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2005. № 1, pt. 1. Art. 14; 2016. № 5. Art. 559.

5. About the State Immovable Property Cadastre: fed. law d.d. July 24, 2007 № 221-FL (as amended on May 1, 2016 № 119-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 31. Art. 4017; 2016. № 18. Art. 2495.

6. About the approval of the Set of rules «The built-in underground parkings. Requirements of fire safety»: order of EMERCOM of Russia d.d. Febr. 21, 2013 № 117 // Rationing, standardization and certification in construction. 2013. № 3.

7. The appellate decision of the Moscow city court of May 28, 2015 in the case of № 33-18084/2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. The decision of the SAC of the Russian Federation d.d. Oct. 27, 2011 № SAC-11450/11 in the case № A40-124539/09-54-801.Access from legal reference system «ConsultantPlus».

9. About the state registration of the rights for a fast estate and transactions with it: fed. law d.d. July 21, 1997 № 122-FL (as amended on May 1, 2016 № 119-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997. № 30. Art. 3594; 2016. № 18. Art. 2495.

10. The appellate decision of the Moscow city court d.d. March 18, 2016 in the case of № 33a-7462. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

11. About introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation (regarding involvement in civil circulation of the platforms which are parts of the building or a construction): project of fed. law. URL: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/45965.html (date of access: 15.05.2016).

Герасимов Александр Владимирович
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: gerasimov_7676@mail.ru)

Харитонов Илья Константинович
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: urpom.haritooff@yandex.ru)

Правовое положение гарантирующего поставщика в договоре энергоснабжения: проблемы и перспективы

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования участия гарантирующих поставщиков в договоре энергоснабжения. Анализируются формы и виды правоотношений с их участием с применением различных договорных конструкций в рамках договора энергоснабжения. Исследуются проблемы заключения и исполнения договора энергоснабжения, формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства, регулирующего сферу энергоснабжения в Российской Федерации.

Ключевые слова: энергоснабжение, сетевая компания, гарантирующий поставщик, потребитель.

A.V. Gerasimov, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; gerasimov_7676@mail.ru;

I.K. Haritonov, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Civil Law and Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: urpom.haritooff@yandex.ru

The legal status of a guaranteeing supplier in the contract of energy supply: challenges and prospects

In this article the authors examine the issues of legal regulation of participation in the contract guaranteeing suppliers of energy. Forms and types of legal relations with their participation with various contractual structures within the energy supply contract are analyzed. The problems of conclusion and execution of the contract of energy supply are considered, proposals for improving the existing legislation regulating the sphere of energy in the Russian Federation are formulated.

Key words: energy supply, network company, guaranteeing supplier, consumer.

В последние годы достаточно остро стоит проблема правового регулирования отношений в сфере энергоснабжения с участием гарантирующих поставщиков, до сих пор нет концептуального правового акта, регулирующего их правовое положение и ответственность. Содержащиеся в Гражданском кодексе Российской Федерации десять статей (ст. 539–548) о договоре энергоснабжения не могут полностью решить все вопросы, возникающие при поставке и потреблении энергии. Разнообразие нормативных актов, регулирующих отношения в сфере энергоснабжения, их различный правовой статус, часто противоречивость, отсутствие единого нормативного акта приводят к многочисленным спорам между поставщиками и абонентами и, как следствие, к противоречивым решениям судов [1].

В практике судов растет число споров между потребителями и поставщиками электроэнергии по вопросам заключения договоров энергоснабжения. Особые проблемы вызывает финансовая составляющая, иногда необдуманная практика регулирования тарифов [2, с. 100].

Правовые проблемы в рассматриваемой сфере связаны с тем, что в них участвует множество субъектов гражданских правоотношений: потребители электрической энергии; энергосбытовые организации; гарантирующие поставщики; территориальные сетевые организации, осуществляющие услуги по передаче электрической энергии; субъекты оперативно-диспетчерского управления, осуществля-

ющие указанное управление на уровне розничных рынков; производители электрической энергии, не имеющие права на участие в оптовом рынке.

Особое место среди указанных субъектов занимают гарантирующие поставщики. Нельзя не обратить внимание на то, что законодательство устанавливает положение гарантирующего поставщика в договоре оказания услуг по передаче электроэнергии особым образом.

Это обусловлено тем, что данная организация не имеет электроэнергетической инфраструктуры, которая дает ей возможность передавать или принимать электрическую энергию. Гарантирующий поставщик – это посредническая организация, заключающая договоры и принимающая платежи. Она в силу своего статуса не может быть ни потребителем услуги по передаче электрической энергии, ни ее исполнителем. Поэтому при возникновении споров между потребителями и гарантирующим поставщиком возникают вопросы следующего содержания: кто будет надлежащим ответчиком, какой размер его ответственности, какие основания наступления ответственности и т.п. Однако действующее законодательство не содержит исчерпывающих ответов на них.

Договор энергоснабжения, в соответствии Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ), рассматривается как разновидность договора купли-продажи. В соответствии с Правилами розничных рынков (далее – ПРР) этот договор приобрел форму смешанного договора. Он может состоять как минимум из двух элементов: продажи электрической энергии и оказания услуг по ее передаче. В ситуациях, когда поставщик выступает в качестве энергоснабжающей или сетевой организации, эта дифференциация не влечет за собой каких-либо правовых последствий. Но в тех случаях, когда будет происходить разграничение деятельности по продаже и по передаче энергии, когда у гарантирующего поставщика отсутствует возможность иметь собственные электрические сети, реализация договора энергоснабжения требует от гарантирующего поставщика заключения договора на оказание услуг по передаче электроэнергии с сетевой организацией [3, с. 34]. Исследование правовых отношений между этими договорами приводит к определенным моделям взаимоотношений. Первая из них вытекает из самого определения договора энергоснабжения. Так, установлено, что услуги по передаче электрической энергии по договору электроснабжения гарантирующий поставщик осуществляет через привлеченных третьих лиц. В соответствии со ст. 783 ГК РФ общие положения договора подряда применяются к договорам возмездного оказания услуг, где сетевая организация будет рассматриваться как третья сторона в рамках субподрядных отношений. Их суть приведена в разд.1 ст. 706 ГК РФ: если закон или договор не предусматривает обязанность подрядчика выполнить по договору работы лично, подрядчик вправе привлечь к выполнению своих обязательств других лиц (субподрядчиков). В этой ситуации подрядчик выступает в роли генерального подрядчика.

В силу п. 3 ст. 38 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» [4] границы зон деятельности гарантирующих поставщиков в пределах территорий соответствующих субъектов Российской Федерации определяются Правительством Российской Федерации по согласованию с органами исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации.

При этом в границах территории одного гарантирующего поставщика не может производиться какая-либо деятельность других гарантирующих поставщиков.

Кроме того, в последнее время приобретают особую актуальность проблемы подачи стабильного и бесперебойного энергоснабжения гражданам и в промышленности. В этом направлении большое значение имеют не только организационно-экономические меры, но и наличие эффективного правового регулирования.

Считаем необходимым введение процедуры принуждения к заключению договора, что вызвано особой социальной значимостью отношений в энергетической отрасли, так как для потребителей электроэнергия считается товаром первой необходимости и является основой существования. В этом контексте клиенты часто испытывают потребность в материальных и процессуальных гарантиях защиты своих собственных интересов, которые предусмотрены институтом публичного договора.

Тем не менее энергоснабжающая компания, занимающая доминирующее положение на рынке оказания услуг по продаже электроэнергии, не может и не имеет права требовать заключения такого договора от потребителя.

Стоит отметить, что постановление Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 «Об утверждении правил функционирования розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» [5], Федеральный закон от 26 марта № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (гл. 7 «Розничные рынки») исключают гарантирующего поставщика из числа субъектов, имеющих право на заключение смешанных договоров [6, с. 23].

Данные обязательства возникают из договора поручения, комиссии или агентирования.

Учитывая ответственность поставщика за действия сетевой организации, а также то, что гарантирующий поставщик заключает договор на передачу электроэнергии от своего имени, на наш взгляд, наиболее подходящим следует считать договор комиссии с условием взятия на себя ручательства по исполнению сделки (делькредере).

Неоднозначная модель договора энергоснабжения вытекает из абз. 3 п. 6 Правил розничных рынков. В соответствии с ними представление гарантирующим поставщиком интересов обслуживаемых им покупателей электрической энергии в отношениях с территориальными сетевыми организациями, другими собственниками (владельцами) объектов электросетевого хозяйства и системным оператором (субъектом оперативно-диспетчерского управления в технологически изолированных территориальных электроэнергетических системах) не требует специально оформленных полномочий. Эта норма дает гарантию поставщику быть представителем покупателя. С точки зрения положений института представительства, закрепленного в ГК РФ, в соответствии с п. 1 ст. 182 ГК РФ сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, на указании закона или акта уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности.

Следовательно, использование института представительства в вопросе заключения договора возмездного оказания услуг будет означать, что в этом соглашении стороной будет являться покупатель и все правоотношения будут возникать между ним и сетевой организацией. В данном случае договор поставки может быть определен как некий симбиоз договоров купли-продажи и договора поручения на заключение договора об оказании услуг по передаче электрической энергии, что, однако, полностью противоречит правовой природе договора энергоснабжения, который включает в себя ответственность поставщика за действия сетевой организации.

Подробно проанализируем правовое регулирование договора оказания услуг по передаче электрической энергии, которые оказываются гарантирующим поставщиком для удовлетворения интересов потребителя. Оно содержится в Правилах недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг (далее – ПНДУП) [7] и сформировано таким образом, что дает возможность рассматривать этот договор как договор в пользу третьего лица.

Соглашение в пользу третьего лица рассматривается как договор, в котором стороны предусмотрели, что должник обязуется произвести исполнение не кредитору, а, как указано в договоре, третьему лицу, которое имеет право требовать исполнения должником обязательства в свою пользу (п. 1 ст. 430 ГК РФ). В этом смысле похожие отношения сторон возникают по договору оказания услуг по передаче электрической энергии, что означает, что сетевая организация-должник будет оказывать услуги не гарантирующему поставщику, а третьей стороне – потребителю, который имеет право требовать от сетевой организации исполнения обязательства в свою пользу. Отметим также, что с момента заключения договора в соответствии с п. 18 ПНДУП в сетевую организацию должна быть предоставлена информация о потребителе, что, соответственно, не вызовет затруднений при определении третьего лица в договоре.

Поэтому, предполагая, что соглашение об оказании услуг по передаче электрической энергии заключается поставщиком в интересах покупателя, неясно, как услуга может потребляться гарантирующим поставщиком, но в интересах потребителя. Таким образом, анализируя систему договорных отношений между покупателем, поставщиком и сетевой организацией, можно сделать вывод, что закон не дает четкого ответа на вопрос, как складываются отношения между ними. С точки зрения ПРР договор поставки энергии можно рассматривать как модель субподрядных отношений. Существуют основания для утверждения, что отношения по передаче электроэнергии в договоре энергоснабжения основаны на модели договора комиссии. В силу абз. 3 п. 6 ПРР договор энергоснабжения вообще предоставляет гарантирующему поставщику статус представителя во взаимоотношениях покупателя и сетевой организации и может состоять из договоров купли-продажи и поручения. С точки зрения ПНДУП гарантирующий поставщик заключает договор на оказание услуг по передаче в интересах покупателя электрической энергии, т.е. договор в пользу третьего лица. В то же время правовой статус гарантирующего поставщика как потребителя выглядит странно. Думается, что законодатель должен уточнить положение сторон при оказании услуг по передаче электрической энергии при заключении договора энергоснабжения.

Таким образом, ни Гражданский кодекс Российской Федерации, ни законодательство в сфере энергоснабжения не дают оснований для гарантирующего поставщика требовать заключения такого договора с лицами, желающими заключить договор на энергоснабжение.

Предлагаем четко разграничить ответственность гарантирующих поставщиков, сетевых компаний и потребителей. В частности, это достигается посредством четкого разграничения права собственности сторон договора на энергопринимающие устройства. Целесообразно передать на уровень гарантирующих поставщиков больше обязанностей по техническому обслуживанию потребителей, усилить контроль за их деятельностью. Это позволит избежать дополнительных расходов потребителей и повысит ответственность поставщиков энергии.

Таким образом, для устранения возникших противоречий и с целью дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего отношения в рассматриваемой сфере, целесообразно разработать новую концепцию энергоснабжения в Российской Федерации, суть которой сводилась бы к исключению ненужных посреднических звеньев, единообразию в договорных конструкциях, в том числе с субабонентами, детальному закреплению существенных условий договора энергоснабжения с потребителями, четкой ценовой политике властей в рассматриваемой сфере отношений.

1. Гражданский кодекс РФ: федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 15-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

2. Ильин И.М., Харитонов И.К. Особенности конституционно-правового статуса и основы взаимодействия публичных институтов в финансовой сфере // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2016. № 2.

3. Рецлов С.О. Проблемы оказания услуг по передаче электрической энергии в договоре энергоснабжения // Terra. № 3. 2010.

4. Об электроэнергетике: федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (в ред. от 3 нояб. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177

5. О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии: постановление Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 (в ред. от 4 сент. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.

6. Экономический вестн. Ростов. гос. ун-та. 2010. Т. 6. № 3.

7. Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2004 г. № 861 (в ред. от 30 сент. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2004. № 52, ч. II. Ст. 5525.

1. Civil Code of the Russian Federation: fed. law d.d. Jan. 26, 1996 № 15-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation.1996. № 5. Art. 410.

2. Iliyn I.M., Haritonov I.K. Features of constitutional and legal status and basis of interaction of public institutions in the financial sphere // Bull. of Krasnodar University of Russian MIA. 2016. № 2.

3. Retslov S.O. The problems of rendering services on transmission of electric energy in the contract of energy supply // Terra. № 3. 2010.

4. On electric power industry: fed. law d.d. March 26, 2003 № 35-FL (as amended on Nov. 11, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 13. Art. 1177.

5. On the functioning of retail electricity markets, the full and (or) partial restriction of electric power consumption mode: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. May 4, 2012 № 442 (as amended on Sept. 4, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 23. Art. 3008.

6. Economic Bull. of Rostov State University. 2010. Vol. 6. № 3.

7. On approval of rules of non-discriminatory access to services of power electric transmission and rendering of these services, the Rules of non-discriminatory access to services for dispatching management in the electric power industry and rendering of these services, Rules of non-discriminatory access to the services administrator of trading system of the wholesale market and rendering of these services and the Rules of technological connection of power receiving devices of consumers of electric energy facilities for the production of electrical energy and power grid facilities owned by the network organizations and other persons to electric networks: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Dec. 27, 2004 № 861 (as amended on Sept. 30, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2004. № 52, pt. II. Art. 5525.

Антонян Юрий Миранович
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры уголовного права
Московского государственного областного университета
(e-mail: antonyaa@yandex.ru)

Некрофилия: понятие, типология, объяснение

В статье раскрывается связь некрофилии с религиозными и мистическими представлениями разных народов о смерти. Анализируется происхождение страха смерти и его влияние на человека.

Ключевые слова: некрофилия, виды некрофилии, влечение к смерти, загробная жизнь, страх смерти.

Yu.M. Antonyan, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminal Law of the Moscow State Regional University; e-mail: antonyaa@yandex.ru

Necrophilia: definition, typology, explanation

The article reveals the connection of necrophilia with religious and mystical ideas of different peoples about death. The origin of the fear of death and its impact on human rights are examined.

Key words: necrophilia, kinds of necrophilia, attraction to death, afterlife, fear of death.

Греческое слово necros означает «труп, нечто мертвое, неживое, житель загробного мира». В латинском языке слова nex, necs имеют значение «насильственная смерть или убийство». Слово nekros совершенно определенно относится не к смерти, а к мертвому, мертвечине и убиенному (смерть которого, очевидно, отличается от естественной кончины). Слова «умирать» и «смерть» имеют другое значение, они относятся не к трупу, а к процессу ухода из жизни. В греческом языке аналогичное значение имеет слово Thanatos, а в латинском – mors и mori. Английские слова die и death (как и немецкие tod и tot) восходят к индоевропейскому корню dheu, dhou.

Хотя слово nekros и означает труп, нечто мертвое, образуемое им научное понятие некрофилии означает не только «любовь» к мертвецу, трупу. В современном терминологическом понимании это влечение, тяготение к смерти, в том числе к трупу, непреходящие навязчивые думы о смерти, удовлетворение своих сексуальных потребностей путем различных манипуляций с ним, а также особое отношение к смерти как способу достижения своих эгоистических, политических, военных и иных личных целей. Последнее – социальная (общесоциальная) некрофилия.

Э. Фромм писал, что понятие «некрофилия» обычно распространяется на два типа явлений. Во-первых, имеется в виду сексуальная некрофилия (страсть к совокуплению или иному сексуальному контакту с трупом). Во-вторых, речь может идти о феноменах несексуальной некрофилии, среди которых желание находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему и, наконец, специфическая страсть к расчленению мертвого тела [1, с. 280]. Правда, в ходе своего исследования Э. Фромм приходит к выводу о существовании еще одного вида некрофилии (социального), который он самым блестящим образом иллюстрирует на примере Гитлера.

Однако еще есть одна разновидность некрофилии – это убийство ради убийства, цель которого – приблизиться к смерти, соприкоснуться с ней, увидеть переход от жизни к смерти, наконец, насладиться убийством, показать свою силу и смелость, «создать» мертвеца. Речь, собственно, идет о некрофилии как мотиве убийства. Это достаточно распространенный мотив, но о нем следователи, прокуроры и судьи знают мало, потому что их этому не учили. Вот почему убийства по непонятным мотивам обычно квалифицируют как совершенные из хулиганских побуждений. Следовательно, большинство многоэпизодных и серийных убийц можно рассматривать в качестве некрофилов.

Некрофилия проявляет себя в качестве мотива агрессии еще в одном виде поведения – самоубийствах. Некоторыми самоубийцами

смерть предощущается как близкая, понятная. Она является выходом из самого трудного положения.

Итак, существует пять видов (типов) некрофилии:

сексуальная некрофилия;

несексуальная некрофилия, проявляющаяся в желании находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему, расчленять мертвое тело (по Э. Фромму);

некрофилия как мотив убийства;

некрофилия как мотив самоубийства, причем самоубийство вполне может сочетаться с убийством;

социальная (общесоциальная) некрофилия как особое отношение к смерти для решения своих эгоистических, корыстных, политических и иных личных целей.

Человечество биофильно, о смерти думают главным образом старики и тяжело больные, а стремятся к ней лишь те о, которых пойдет речь ниже. Тем не менее смерть имеет над человечеством необычайную власть. Она всегда была для него первостепенной загадкой и тайной, в которую он не проник и, возможно, не проникнет никогда. Смерть во всем ее многообразии является одним из самых мощных источников религии, мистики, мифологии, сказок и, конечно, искусства. Существенная часть мифов прямо или косвенно посвящена именно ей.

Необходимо отметить, что некрофилия – это не только влечение, тяготение к смерти как таковой, но и еще влечение, тяготение к трупу.

Все религиозные и мистические учения о загробной жизни есть описания смерти, а догмат о душе, столь важный для религиозного человека, представляет собой не что иное, как утешение для всех живых: их существование продлится после смерти в облике души. Сакральный мир – это мир смерти, как бы ни были настойчивы и «неопровержимы» утверждения, что после смерти люди или их часть будут жить в лучшем мире, смерть всегда была и остается наказанием, причем самым страшным. Даже многие древние модели инициации включали в себя очень важный элемент – смерть.

Боги, создатели всего сущего на земле и властители Вселенной, были той силой, от которой зависит жизнь и смерть. Все гимны, моления и жертвоприношения богам и другим потусторонним силам очень часто заключали в себе мольбу об избежании смерти.

Многие мифы и легенды посвящены происхождению смерти, сущности самой смерти и бессмертию, борьбе за бессмертие. Очень большое внимание уделяется смерти как процессу, самому умиранию («Египетская книга мертвых», « Тибетская книга мертвых»). Между тем, отношение к смерти, ее незримое присутствие стали стимулом создания величайших произведений в музыке, живописи, культуре, поэзии, прозе и т.д. Конечно, признание значимости и неотвратимости смерти не равнозначно страху перед ней, тем более немало людей, которые не испытывают такого чувства, хотя и не тянутся к ней.

По мнению Э. Фромма, есть только один способ преодолеть страх смерти – не цепляться за жизнь, не относиться к ней, как к собственности (этому учат Будда, Иисус, стоики, Майстер Экхарт). Страх смерти – это, в сущности, не страх, что жизнь прекратится. Как говорил Эпикур, смерть не имеет к нам никакого отношения, ибо «когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет». Но это высказывание Эпикура звучит как не слишком остроумная шутка и не раскрывает сущности явления. Несомненно, существует страх боли и страданий, которые могут предшествовать смерти, но этот страх отличен от страха смерти. Хотя в таком случае страх смерти мог бы показаться иррациональным, дело обстоит иначе, если относиться к жизни как к собственности. И тогда этот страх перестает быть страхом смерти, это страх потерять то, что человек имеет (свое тело, свое «Я», свою собственность и идентичность); это страх «потерять себя», столкнуться с бездной, имя которой – небытие [2, с. 134].

Не думаем, хотя и не располагаем на этот счет эмпирическими данными, что на свете есть много людей, которые относятся к жизни, как к собственности, тем более что множество людей не имеет никакой собственности и не знает поэтому, как к ней относиться, т.е. у них не сформировалось чувство собственности. В таком случае наблюдается не страх потерять собственность, т.к., в конце концов, собственность есть лишь одна из ценностей жизни, а потерять все, в том числе самые простые радости (видеть близких, ясный солнечный день, работать и т.д.). Утверждать же, что смерть не имеет к нам никакого отношения, можно лишь в качестве шутки или, как уже отмечено выше, неубедительного и неумного утешения. По Э. Фромму, люди должны бояться смерти, поскольку руководствуются в жизни принципом обладания. И никакое рациональное объяснение не в силах избавить их от этого страха. Однако даже в смертный час он может быть ослаблен, если воскресить чувство привязанности к жизни, откликнуться на любовь окружающих

ответным порывом любви. Э. Фромм считает, что исчезновение страха смерти начинается не с подготовки к смерти, а с постоянных усилий уменьшать начала обладания и увеличивать начала бытия.

Сами понятия «собственность» и «обладание» можно воспринимать и объяснять по-разному, в том числе и как не имеющие никакой материальной ценности. Но в большинстве случаев они понимаются как имущественно значимые, их реализация позволяет обрести некоторое блаженство после смерти. Как раз так можно понять слова Христа: «Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает, ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет» (Лк. 12, 33–34). Как отмечал И. Брянчанинов, причисленный в православии к лику святых, смерть – великое и сокровенное таинство. Она, как и жизнь, настолько велика и сокровенна, что в принципе непознаваема, какие бы мудрые и глубокие мысли по ее поводу не были высказаны.

Но слова о том, что смерть – это великое и священное таинство, ничего нового в себе не несут, поскольку об этом было известно еще до христианства. Смерть непознаваема, в этом ее сила и власть. Познать смерть путем самых глубоких рассуждений невозможно, и если здесь есть какой-то потенциал, то это научное использование каких-то (трудно сказать, каких) технических (или физических, химических) достижений.

В близкие отношения со смертью вступают не только убийцы-некрофилы, но и многие другие, например люди, играющие со смертью. Они в одиночку пересекают в лодке моря и океаны, поднимаются на недоступные вершины, играют в русскую рулетку и т.д. Ими, как можно предположить, движет бессознательное стремление не только заглянуть в неведомое, но и выковать свою стойкость перед ним.

Еще об одной категории лиц, тесно соприкасающихся со смертью, рассказывают С. и К. Грофы. По их мнению, это люди в состоянии духовного кризиса. Для многих из них этот процесс является быстрым и неожиданным. Внезапно они чувствуют, что их комфорт и безопасность исчезают, как будто они получили некий толчок в неизвестном направлении. Знакомые способы бытия больше не кажутся подходящими и сменяются новыми. Индивид чувствует себя неспособным зацепиться за какие-либо проявления жизни, испытывает страх и не может вернуться к прежнему поведению и старым интересам. Таким образом, он может быть поглощен огромной тоской по своей умирающей старой сущности.

Состояние освобождения от различных ролей, отношений, от мира и от самого себя – еще одна форма символической смерти. Это хорошо известно различным духовным системам как первейшая цель внутреннего развития. Такое освобождение от старого является необходимым в жизни событием, и оно происходит в момент смерти, когда каждый человек понимает, что не сможет унести с собой принадлежащие ему материальные вещи. Такие переживания дают возможность полнее радоваться всему, что человек имеет в жизни. Практика медитации и другие формы самоисследования приводят искателей к столкновению с этими переживаниями еще до того, как наступает момент физической смерти. В буддизме привязанность или пристрастие к проявлениям материального мира считается корнем всех страданий, а отказ от этой привязанности – ключом к духовному освобождению.

Одним из источников тяготения к смерти, которое находит свое наивысшее негативное проявление в некрофилии, может быть свойство человеческого ума видеть в том, что хорошо известно и понятно, выражение своего могущества и власти. Непонятное и непознанное вызывает, напротив, беспокойство, неуверенность, тревожность. Это хорошо представляли себе и наши далекие предки.

Так, по поверьям индейцев племени куна, для удачи на охоте нужно знать происхождение дичи. Если удается приручить некоторых животных, то только потому, что магам известен секрет их создания. Так, например, небезопасно держать в руках раскаленное железо или ядовитых змей, если неизвестно их происхождение. Верование это достаточно распространено и встречается не только у племен одного вида культуры. На Тиморских островах, например, при созревании риса в поле отправляется тот, кому известны мифические традиции риса. Он проводит там всю ночь, громко рассказывая легенды, объясняющие, как была получена культура риса (миф о происхождении). После рассказа, как произошел рис, эта культура должна расти особенно хорошо, дружно и густо, как тогда, когда ее сажали в первый раз, т.е. в мифологические времена всех начал. Рису напоминают, как он был создан, чтобы научить его, как следует себя вести, магически принуждают вернуться к своему генезису. В большинстве случаев знать миф о происхож-

дении недостаточно, его надо воспроизводить, демонстрировать, показывать [3, с. 25–27].

Весьма сомнительно, что примитивные общества наказывали смертью своих соплеменников-преступников и тем более врагов, зная, что смерть есть лишь пролог к возрождению, высшему существованию. Если не учитывать изначальный, психический, даже организмический, страх перед смертью, то окажется, что наказание ею в древности и сейчас есть вовсе не наказание, а поощрение и награда. Если у первобытного (или современного верующего человека) не было (и нет) страха смерти, почему он сражался с врагами, защищался от хищных животных и естественных бедствий вроде пожаров, наводнений или засухи, почему стремился излечиться от опасных болезней?

Конечно, в таинствах инициации, о которой написано большое количество литературы, посвящаемый испытывал ритуал смерти. Но он и его близкие хорошо знали, что это вовсе не настоящая смерть. Инициация преследовала цель превращения ребенка (подростка) во взрослого, и он проходил символический путь от смерти к выздоровлению. Кроме того, юноша приобретал прочнейшую связь с религиозной системой, выражаясь современным языком, поглощался соответствующей идеологией, что было непременным условием прочности общественного строя. Но не преследовал ли весь названный ритуал, помимо понятных целей, еще и другую – обмануть смерть, сделать ее менее страшной и психически более близкой?

Религии, в том числе архаические и христианство, основываются на том, что кризисы, провалы, падения, катастрофы, сама смерть – это не конец всего, а, напротив, важнейший этап, ведущий к новой, лучшей жизни. Смерть, следовательно, дает возможность жить заново и на более высоком уровне, поэтому она получает свое истинное позитивное значение и ее не следует страшиться. Однако даже примитивного человека не удалось убедить в этом. Страх перед смертью оказался сильнее.

Все легенды о чудесных воскрешениях, в том числе библейские и фольклорные сказания, выдают страстное человеческое желание бессмертия. Действительно, возможны случаи возвращения к жизни после клинической смерти, комы или летаргического сна. В большинстве стран к людям, которые пережили, это относились с пониманием и заботой, но так было не везде. Р. Киплинг рассказывал, что индусы были весьма отрицательно настроены к людям, которых вернули «с того света», содержали их в резервациях и не давали возможности общаться с другими. Думается, что такая строгая изоляция не случайна: очевидно, люди полагали, что побывавший в «другом мире» человек опасен, он может «оттуда» принести нечто, что представляет очень серьезную угрозу для людей. Ведь и древним людям тот, кто соприкасался со смертью, в том числе защищавший родину и убивший врагов воин, представлялся весьма опасным. Его не встречали, как сейчас, с почестями, барабанным боем и литаврами. Напротив, он обязательно должен был пройти длительный обряд очищения. Следовательно, страх смерти может реализовываться и в таких несколько опосредованных формах.

Практически у всех народов мира есть неисчислимое множество примет, поверий, суеверий, ориентированных на то, чтобы вовремя указать человеку на смертельную опасность и помочь избежать смерти. Связанные с опасностью смерти суеверия охватывают все сферы жизни и в том числе связаны с предметами и явлениями, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения к нашей бренности. Все указанные суеверия проникнуты страхом смерти.

Так, согласно поверью, существующему на Британских островах и в России, тот, кто нанесет ущерб можжевельнику, может погибнуть. Жители Уэльса считают, что тот, кто срубит это растение, не проживет и года. На юго-западе России сельские жители уверены, что хозяин дома, возле которого посадили можжевельник, вскоре умрет.

Попытаемся объяснить это суеверие и прежде всего понять, почему данное растение наделяется столь опасными свойствами: его нельзя «обидеть» (срубить), но в то же время его близкое соседство сулит смерть.

Нужно учитывать, что можжевельник является необходимой, важнейшей частью ритуала так называемого чистого огня. Его добывают следующим образом: берут два куска дерева, трут друг о друга до появления огня и бросают в него ветки можжевельника. От трений этих веток возникает дым, сквозь который прогоняют скот: больной – чтобы вылечить, здоровый – чтобы не заболел. Обратим внимание, что падеж скота отвращают не те куски дерева, которые трут друг о друга, чтобы получить огонь, а ветки можжевельника. Следовательно, данное растение обладает мощными и таинственными силами противодействия смерти, в данном случае скота, но смерть универсальна и едина, она угрожает и человеку, и животным. Очень опасно жить с ним рядом или каким-то образом разрушить. Можжевельник способен противостоять смерти скота, т.е. остановить

ее, прекратить ее действие, но в его власти и наслать гибель на человека. По такой же схеме мыслил первобытный человек: если шаман может вылечить от смертельной болезни, т.е. умеет каким-то таинственным способом воздействовать на смерть, даже укротить ее, то он, если захочет, и нашлет ее на человека. Поэтому шаман (в нашем случае – можжевельник) вызывает страх.

Как отмечал Л. Леви-Брюль, в очень многих первобытных обществах в случае тяжелой болезни или смерти человеку сразу же приходила мысль о дурном влиянии, вызванном гневом предка или действием колдуна. Австралийцы, например, считали, что смерть никогда не бывает естественной. Да и как могло быть иначе? Они не имели никакого представления о функциях организма, о том, что их нарушает, поэтому болезнь и смерть воспринимались как следствие сверхъестественной причины, т.е. колдовства [4, с. 155].

Наше особое отношение к памяти предков, их почитание, так украшающее современную цивилизацию, одним из основных своих источников имеет страх первобытного человека перед умершими. Ведь умерший – это тот, кто за гранью жизни постоянно общается со смертью, даже, образно говоря, существует в смерти, значит, обладает устрашающей возможностью наслать ее на живущих. Поэтому нельзя гневать усопших. Чтобы обеспечить их благоволение, первобытные люди совершали умилостивительные обряды, установленные традицией, пользующейся нетленным уважением (например, приношение жертв и даров). Мир покойников поддерживает постоянные сношения с миром живых. В этом смысле он составляет часть того, что мы называем природой. Недавно умершие покойники являются в полном смысле «иными членами клана». Почти во всех первобытных обществах к ним относились так же, как к соседям, с которыми ни за что не хочется испортить отношения. Включение предков в собственный клан (племя, род) делало их психологически значительно ближе и понятнее, следовательно, уменьшало страх перед ними. Конечно, не только страх детерминировал такое отношение к покойникам, но он был в числе главных факторов, определявших связь с ними древнего человека.

С. Рязанцев правильно отмечает, что ритуальные обряды имели предохранительную цель, они должны были оградить живых от злого, а подчас и губительного влияния мертвых. Даже до сегодняшнего дня в погребальной традиции сохранились отголоски древних ритуалов и верований.

Так, считается обязательным выносить покойника из дверей вперед ногами, чтобы он не вернулся. Еще в прошлом веке в этих же целях разбирали для выноса покойника потолок или стены избы, т.к. мертвый не должен был знать, где находится дверь, иначе он может возвратиться. Древние люди, чтобы избежать этого, даже связывали покойников. Особо опасны, согласно фольклорным представлениям, «злые мертвецы» (вампиры, упыри, вурдалаки), которые нападают на людей, пьют их кровь, могут наслать болезни и смерть. Считается, что укушенный вампиром сам становится таким же. У сербов и русских образ вампира смешался с мифологическим образом волка-оборотня, так появилось слово «вукодлак» (или «вурдалак»).

С. Рязанцев обращает внимание на особое отношение к тем покойникам, которые умерли неестественной смертью (были убиты, заблудились и поэтому погибли и т.д.). Исследователь не винит в этом церковь, так как она отказывала в погребении лишь самоубийцам, однако не пытается объяснить причину подобного отношения к ним. Между тем, если такой покойник оказывался похороненным на общем кладбище, то он мог, по народным представлениям, стать причиной больших общих несчастий. Погибший неестественной смертью считался опасным потому, что не сам пришел к естественной кончине, а, наоборот, смерть нашла его. Значит, он обладал какими-то качествами, которые притягивали к себе смерть, а поэтому был страшен для всех других людей. Такого человека следовало отделить от них даже в ином мире, показать смерти, что остальные не имеют с ним ничего общего, и таким способом отвести от них смерть.

Распространено мнение, согласно которому церковный запрет хоронить на общем кладбище самоубийц вызван тем, что только Бог может давать и забирать жизнь. Полагаем, что существует и другая причина: самоубийца вызывает страх у всех, в том числе у церковнослужителей, потому что сам позвал смерть, т.е. имеет к ней особое отношение. В то время как подавляющее большинство людей всеми силами пытается избежать смерти, самоубийца сам и обычно весьма активно ищет ее. Значит, он не боится ее, имеет с ней много общего и уже по этой причине весьма опасен. Таким образом, церковный запрет хоронить на общем кладбище самоубийц порожден обычным страхом смерти.

Страх смерти в той или иной форме сопровождает человека с его первых дней жизни. Первобытный индивид испытывал глобальный страх

перед всем, но большинство витально важных переживаний сводилось к одному – всепоглощающей боязни быть уничтоженным. У современного человека не меньше причин, объективных и субъективных, для возникновения страха смерти. Некоторые из них связаны с драматическими, даже катастрофическими событиями в индивидуальной жизни, когда появлялась угроза гибели. Как отмечают С. и К. Грофы, переживания, относящиеся к смерти, могут быть связаны с обстоятельствами рождения. Человек всегда переживает некоторые формы сущностного контакта со смертью, когда в нем оживают воспоминания о его рождении с сопутствующими им ощущениями удушья и угрозы для жизни. Полагаем, что авторы имели в виду какие-то особые состояния психики, при которых была получена эта информация. Слово «воспоминание» не может быть использовано в данном контексте, поскольку оно предполагает наличие рационального и сознательного компонента, отсутствующего, если речь идет о собственном рождении.

Можно полагать, что исследователи имели в виду трансперсональные переживания либо переживания, оставшиеся на инстинктивном или организмическом уровне. Во всяком случае, такая позиция представляется малоубедительной, тем более авторы не приводят никаких эмпирических материалов.

Трансперсональные области, пишут С. и К. Грофы, содержат в себе как светлые, так и темные элементы, страх могут вызывать и те и другие. Кто-то может бороться с чудовищным мифологическим демоном или пережить заново битву, состоявшуюся в другой эпохе. Чувства тревоги и страха в таких ситуациях неизбежны. В переживаниях, похожих на воспоминания прошлых жизней, могут ярко оживать ощущения убитого солдата, раба, мученика или матери, оплакивающей утрату детей во время войны. Человек может переживать столкновение со смертью в мифологических мирах, например, через свое отождествление с фигурой распятого на кресте Христа либо с расчленяемым на части Осирисом. Индивид может отождествляться с общечеловеческим опытом умирания, становясь каждой женщиной, которая умирает во время родов, и всеми мужчинами, которые на протяжении истории человечества были убиты в сражениях. Кто-то может пережить свое отождествление с архетипической фигурой самой Смерти, ощущая всю чудовищность этой вселенской силы [5, с. 66–67].

На наш взгляд, сомнительно, что ощущения убитого солдата, раба, мученика или матери, потерявшей детей, есть переживание воспоминаний прошлой жизни. Никаких доказательств этого Грофы не приводят. Но если такие ощущения у человека появляются, то это вовсе не воспоминания прошлых жизней, а просто знание об убитом солдате, рабе и т.д., полученное человеком в результате обучения, приобретения личного жизненного опыта, чтения книг, просмотра кинофильмов и т.д. Соответствующее знание переживается потому, что какие-то обстоятельства жизни, субъективные состояния делают его актуальным.

Разумеется, страх смерти не единственный страх, их множество – от откровенных и грубых до тонких проявлений, далеко не всегда охватываемых сознанием и вызывающих общие состояния тревожности и беспокойства. Большинство людей достаточно успешно справляется с ними в своей повседневной жизни, но они усиливаются в критических состояниях субъекта или общества, в ситуациях неопределенности, новых и неожиданных, когда неизвестное и непонятное воспринимается как реальная угроза.

Каково значение страха смерти для человечества и человека?

Полагаем, что знание, предчувствие, предощущение неизбежной кончины и страх перед ней стали началом духовной жизни, попыток осмысления ее и поисков ее смысла, источником трудовой и творческой активности, первопричиной полнокровного наслаждения земными радостями и в то же время преступного поведения. Жизнь предстала перед человеком во всем своем богатстве и разнообразии и по причине сопоставления со смертью, причем даже при наличии веры в загробную жизнь. Самая искренняя вера имела один весьма существенный изъян: в темных глубинах психики все-таки оставались сомнения в возможности такой жизни. Страх был всеобъемлющ и потому, что смерть настигала не только человека, но и все остальное живое.

Страх смерти – это архетип, наследуемый всеми. У отдельного человека он возникает еще в утробе матери, хотя ее лоно – самое защищенное место на свете. Но и его защищенность относительна, поскольку мать может стать жертвой насилия или болезней.

Страх смерти в числе других факторов положил начало и религиозной жизни, ибо религиозному человеку вполне естественно предположить, что смерть наступает по воле высших сил. В эпоху господства магии человек полагал, что он способен руководить миром и, зная его правила, в основном не очень сложные, но открытые лишь особо посвященным, может изменить его. Однако вследствие глу-

боких раздумий, в первую очередь по поводу смерти, человек пришел к выводу, что смерть насылается тем, кого он называл богом (или богами). Их бессмертие точно отражает общечеловеческий страх перед смертью, поскольку человек спроецировал на богов свое неистребимое желание жить вечно. Сейчас вера в бога во многом «проходит» через веру в загробную жизнь, которая покоится на страхе смерти. Таким образом, и с этой стороны духовность опирается на тот же страх. «И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр., 21:4). Если бы такое сбылось, человечество перестало бы быть человечеством, но скольких людей утешили эти замечательные слова и сколько страданий они сняли, вселив великую надежду.

Страх смерти – это таящееся в глубинах психики постоянное ощущение неизбежного небытия, несуществования, некоего обрыва, за которым не следует ничего. У подавляющего большинства людей образ смерти, мысли о ней вызывают негативные, деструктивные эмоции как нечто неведомое и ужасное. Исключение составляют, возможно, те, кто верит в загробную жизнь, причем в их числе могут быть и нерелигиозные люди. Не вызывает сомнений, что у человечества в целом однозначно негативное отношение к смерти, что способствует формированию аналогичной позиции у конкретных лиц.

Страх смерти способен оставаться в рамках нормы, всю жизнь незримо сопровождая человека и незаметно влияя на его поступки. Но в некоторых случаях, чаще всего в результате эмоционального отвергания родителями своего ребенка, необеспечения его своим попечением, этот страх может выйти за рамки. Тогда личность начинает острее ощущать угрозу скорой гибели и необходимость что-то предпринять, например упреждающие насильственные действия. Важно отметить, что острота угрозы далеко не всегда выражается только в том, что индивид начинает чаще думать о неизбежной кончине, ищет и находит предвестников, лишь определенным образом объясняет некоторые приметы и события, постепенно подчиняя подобным предчувствиям всего себя. Иногда смертельная опасность представляется ему в отношениях, высказываниях и поступках других лиц, хотя объективно они могут и не быть таковыми.

Повышенный страх смерти способен создавать соответствующую личностную диспозицию высокой тревожности и негативных ожиданий, причем человек чаще всего не знает, откуда ждать беду; появляется общая неуверенность в себе, в своем бытии, боязнь утраты себя, своей целостности и определенности, даже права на существование. Субъект с повышенной тревожностью совсем иначе видит мир и воспринимает внешние воздействия. У таких людей бессознательная борьба с угрозой жизни способна преодолеть любые нравственные преграды.

Именно поэтому, зная о таких преградах, человек не воспринимает их и не принимает во внимание. Конечно, возможна компенсация указанных черт с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни. Если такое воздействие имеет место, оно снимает страх и общую неуверенность в себе и относительно своего места в жизни. Однако чаще всего этого не происходит, и поэтому преступное насилие отчужденных личностей становится реальностью. Современное воспитание является неэффективным и по той причине, что оно, в частности, не дает возможности преодолеть страх смерти и тревожность в целом.

Сказанное позволяет считать, что защита своего бытия, своего «Я» является глубинным личностным смыслом большинства убийств, в частности сексуальных. При этом не имеет значения, действительно ли имело место посягательство (в любой форме и любой силы) на это бытие, важно, что какие-то факторы субъективно воспринимались как угрожающие.

Все это прежде всего относимо к убийцам, сексуальным в том числе, которых отличает импульсивность, ригидность (застреваемость аффективных переживаний), подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность в межличностных отношениях. Они бессознательно стремятся к психологической дистанции между собой и окружающим миром и уходят в себя. Эти данные можно интерпретировать как глубокое и длительное разрушение отношений со средой, которая начинает выступать в качестве враждебной, разрушительной и в то же время часто непонятной силы, несущей угрозу для данного человека. С этим, несомненно, связаны подозрительность, злопамятность, повышенная чувствительность к внешним воздействиям, непонимание среды, что повышает и поддерживает тревожность и страх смерти.

Жестокость при совершении серийных убийств тоже берет свое начало в страхе смерти. Поэтому жестокость выступает в качестве

средства, а также неистового протеста против того, что какие-то поступки другого лица могут показать сексуальную, эротическую несостоятельность виновного и тем самым снизить его самооценку. При этом сексуальное отвергание не следует понимать узко, лишь в смысле отказа от половой близости. Например, уход любимой жены – тоже проявление такого отвергания, которое может означать полную катастрофу для мужа, особенно если жена несла основную нагрузку в его социально-психологических связях с окружающим миром. Не менее болезненны случаи предпочтения одного мужчины другому.

Некрофилия может быть связана с алкоголизмом и наркоманией, в чем нас убеждает и судебно-следственная практика, заключения экспертов. Состояния алкогольного или наркотического опьянения способны облегчить некрофильское поведение, стимулировать его, снимая запреты. Возможны, как уже показано выше, убийства по некрофильским мотивам. Нередко прибегают к самоубийству наркоманы и алкоголики. Некрофилия сопровождает многие психические расстройства и болезни, во всяком случае, она обычно выявляется при проведении психиатрических экспертиз.

Некрофилия представляет собой сугубо психологическое явление, точнее – патопсихологическое, глубинные корни которого лежат в онтологической и филогенетической областях (есть и другие точки зрения, рассматривающие некрофилию в рамках психиатрии) [6, с. 251]. Некоторые проявления некрофилии с трудом поддаются учету, особенно те, которые не регистрируются как преступления. Здесь имеется в виду то, что Э. Фромм назвал несексуальной некрофилией: желание находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему, расчленять мертвое тело. Некрофильских же преступлений особенно много в периоды воин и тоталитарных репрессий.

Некрофилия соседствует с целым рядом других патопсихологических отклонений, в первую очередь с садизмом, который представляет собой причинение страданий и мучений ради получения удовольствия и удовлетворения. Однако во многих случаях садист не убивает свою жертву, поскольку тогда он лишится объекта своих издевательств, и именно этим он существенно отличается от некрофила. Но если садист может убить свою жертву и в любое время переключиться на другую, например, в концентрационном лагере, т.е. все основания говорить о садонекрофилии (или некросадизме, что одно и то же). В ряде случаев садизм очень трудно отличить от некрофилии, хотя может быть и так, что оба отклонения присутствуют одновременно.

Если некрофилия – влечение, тяготение к смерти и одновременно страх перед ней, а танатология – это наука о смерти, то, естественно, что некрофилия как научная проблема теснейшим образом связана с этой наукой. Многие смерти наступают по некрофильским мотивам. Все это означает, что нельзя исследовать некрофилию вне танатологии.

К несексуальной некрофилии Э. Фромм относил желание находиться вблизи трупа, разглядывать его, прикасаться к нему и, наконец, специфическую страсть к расчленению мертвого тела. Все лица, занимающиеся похоронной и кладбищенской деятельностью, от руководителей данного бизнеса до сотрудников ритуальных учреждений, кладбищ, моргов, не говоря уже о патологоанатомах, прямо или косвенно соприкасаются с покойником, но ни об одном из них не следует говорить как о некрофиле. Основанием для такого вывода могут быть лишь итоги изучения конкретного человека.

Итак, некрофилия может быть определена как тяготение человека к смерти, которое становится основанием для лишения других или себя жизни. По сравнению со стремлением к мертвому, разлагающемуся, неживому, если это не нарушает уголовный закон, такая некрофилия представляет собой чрезвычайно опасное явление. Тяготение к смерти может быть вызвано любопытством к этому неведомому и грозному, вызывающему страх, желание заглянуть за грань и тем самым снизить это «нечто». Среди причин некрофилии можно назвать потребностью показать свою силу и власть, древнейшее влечение, когда первый человек (или еще получеловек) не ощущал разницы между живым и мертвым и допускал, что это одно и то же. Если бы он был еще животным, то страшился бы смерти на организмическом уровне, но он уже не был животным, но еще не был и человеком. У конкретного человека могут, причудливо переплетаясь, наличествовать все названные мотивы, причем, как правило, на бессознательном уровне.

Существует мнение, что у некоторых народов, например ацтеков и майя, смерть не считалась чем-то особенно страшным, поэтому люди чуть ли не добровольно отдавали себя палачам с уверенностью, что в том мире все будет не хуже, чем в этом, а может быть, и

лучше. Естественно, что майя и ацтеков воспитывали так, чтобы они не боялись смерти и, возможно, даже стремились к ней. Но остается неясным, насколько они поддавались, подчинялись воспитанию и внушению. Вероятно, в глубине души они все-таки страшились смерти и хотели бы ее избежать.

Поистине необъятные возможности для проявления некрофилии и других отвратительных явлений, например садизма, предоставляет война (не только непосредственно военные действия, но и отношение к военнопленным и мирному населению). То же самое можно сказать о революциях и бунтах, но они в этом плане более ограничены. Однако агрессию во время войн, революций и бунтов ни в коем случае нельзя уравнивать с некрофилией, а тем более ею объяснять эти явления. Необходимо учитывать, что агрессия может быть использована и для защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека.

Некрофилия не есть следствие только инстинкта смерти, во всяком случае, полностью, целиком. Ведь инстинкт, согласно классической теории, является врожденным, биологически детерминированным побуждением, а некрофилии можно научить, воспитать некрофила, чтобы он получал от этого удовольствие. Разумеется, наряду с этим может существовать биологически врожденное, часто бессознательное влечение к причинению смерти, своей или чужой.

Возражая против безоговорочного отнесения некрофилии к инстинкту смерти (З. Фрейд достаточно обстоятельно исследовал инстинкты и жизни, и смерти), обращаем внимание на то, что влечение к смерти вообще может быть и инстинктивным, и к тому же вполне осознанным. Некрофилия бывает у человека и никогда – у животных, но их тоже ждет смерть. Таким образом, не отрицая существование инстинкта смерти, способного породить некрофилию, предлагаем другое понятие – движение к смерти. Это движение весьма многослойно и в некоторых случаях охраняет жизнь, когда, например, жертвуют собой ради другого. Движение к смерти может порождать новую жизнь, например, рыба идет на нерест и вслед за этим сразу умирает.

Наибольшую опасность представляют державные некрофилы типа Сталина и Гитлера, жертвами которых становятся миллионы людей.

1. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.,1994.

2. Фромм Э. Иметь или быть. М., 1990.

3. Элиаде М. Аспекты мифа. М.,1997.

4. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.

5. Гроф С., Гроф К. Неистовый поиск себя. М., 1996.

6. Справочник по психиатрии / под ред. А.В. Снежневского. М., 1985.

1. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Moscow, 1994.

2. Fromm E. To have or to be. Moscow, 1990.

3. Eliade M. Aspects of the myth. Moscow, 1997.

4. Levy-Bruhl L. Supernatural in primitive thinking. Moscow,1999.

5. Grof S., Grof K. Frantic search for yourself. Moscow, 1996.

6. Handbook of Psychiatry / ed. by A.V. Snezhnevsky. Moscow, 1985.

Ильяшенко Алексей Николаевич
доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России по научной работе
(тел.: +78612584050)

Проблемные вопросы привлечения к ответственности за мелкое хищение

В статье рассматриваются положения ст. 158.1 УК РФ, введенной Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ, и перспективы ее применения.

Ключевые слова: административная преюдиция, уголовная ответственность, мелкое хищение, кража.

A.N. Ilyashenko, Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050.

Problematic issues of criminal prosecution for petty stealing

The article devoted to the provisions of art. 158.1 of the Criminal code of the Russian Federation introduced by the Federal law d.d. July 3, 2016 № 323-FL and the prospects of its use.

Key words: administrative prejudice, criminal liability, petty stealing, theft.

Проблема привлечения к уголовной ответственности была и остается одной из наиболее актуальных для отечественной уголовной политики. Наметившийся курс на декриминализацию ряда составов УК РФ и на широкое внедрение административной преюдиции обусловлен рядом социальных и экономических факторов. Жесткая уголовная политика государства и, как следствие, появление большого пласта трудоспособного населения с уголовным прошлым предопределили необходимость пересмотреть подходы к практике применения уголовного закона. Немаловажным аспектом данной проблемы стало несоответствие ущерба, причиненного преступлением, и степени его общественной опасности стоимости уголовного преследования.

Широко распространенная в советский период административная преюдиция поначалу не была включена в УК РФ 1996 г. Впервые в новой России к широкому применению и возвращению «хорошо знакомого с советских времен» института административной преюдиции призвал в 2009 г. Д.А. Медведев в Послании Федеральному собранию Российской Федерации, отметив, что «уголовное наказание – как на уровне закона, так и на стадии его применения судами – должно быть адекватным совершенному преступлению и, соответственно, лучше защищать интересы общества и интересы потерпевшего» [1].

В научном мире полемика по данному вопросу ведется достаточно давно. Ученые высказывались как «за» [2, с. 11; 3; 4; 5, с. 299], так и «против» [6] введения административной преюдиции. Не вдаваясь в научную дискуссию, согласимся с Э.Л. Сидоренко, что «состав с административной преюдицией уже поздно рассматривать с позиции возможности его введения в УК РФ... преюдиционные нормы в УК РФ стали обычным явлением» [7].

3 декабря 2015 г. в Послании Федеральному собранию Президент РФ В.В. Путин также обратился к проблеме широкого внедрения административной преюдиции, попросив «Государственную Думу поддержать предложения Верховного Суда России о декриминализации ряда статей Уголовного кодекса и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние» [1].

Наказ Президента РФ был реализован в июле 2016 г. принятием ряда федеральных законов [8, 9]. Так, в УК РФ введена уголовная ответственность за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116.1 УК РФ), за совершение мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ), и за неоднократную неуплату средств на содержание детей и нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ).

Особый интерес, на наш взгляд, представляет введение административной преюдиции за

совершение мелкого хищения. Согласно официальной статистике ГИАЦ МВД России, почти половину всех зарегистрированных преступлений (43,7%) составляют хищения чужого имущества [10].

Внося очередные преюдиционные нормы в УК РФ, отечественный законодатель, как обычно, пренебрег принципом системности закона, о котором не раз упоминалось ведущими учеными-правоведами [11, с. 32]. Так, в ст. 158.1 УК РФ законодателем предусмотрена уголовная ответственность за совершение мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Вместе с тем, в уже существующих в УК РФ нормах с административной преюдицией установлено, что лицо подлежит уголовной ответственности, если:

1) ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений в определенный промежуток времени: более двух раз в течение 180 дней (ст. 212.1 УК РФ) либо два раза в течение 1 года (ст. 284.1 УК РФ);

2) совершает указанные деяния неоднократно (ст. 154, 180, 215.4 УК РФ);

3) повторно (в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию) совершает деяние, за аналогичное которому оно было подвергнуто административному наказанию (ст. 151.1, 264.1 УК РФ).

Целесообразность использования различных законодательных конструкций для описания тождественных юридических явлений весьма сомнительна. Данные нормы, в особенности те из них, в которых указывается на неоднократность совершения преступлений без привязки к конкретным составам КоАП РФ (ст. 154,180 УК РФ), создают значительные трудности при их применении.

Полагаем разумным отнести ст. 158.1 УК РФ к третьей группе. Используя формулировку «лицом, подвергнутым административному наказанию», законодатель, на наш взгляд, исходил именно из периода, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения указанного постановления. Так, в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ установлено, что совершение мелкого хищения чужого имущества стоимостью от 1000 до 2500 руб. путем кражи, мошенничества, присвоения и растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ, влечет наложение административного штрафа в размере до пятикратной стоимости похищенного имущества, но не менее 3000 руб., либо административный арест на срок от 10 до 15 суток, либо обязательные работы на срок до 120 часов. Следовательно, указанный в ст. 4.6 КоАП РФ срок исчисляется с момента полной выплаты штрафа, окончания содержания нарушителя в условиях изоляции либо выполнения нарушителем обязательных работ.

Введение ст. 158.1 УК РФ можно характеризовать как положительно, так и отрицательно. С одной стороны, неоспоримы «плюсы» в виде экономии уголовно-правового принуждения, снижения социальной напряженности в обществе за счет уменьшения доли населения с уголовным прошлым и настоящим. Но с другой стороны, появляется и ряд вопросов. Прежде всего, насколько обосновано увеличение с 2500 до 5000 руб. порога для признания хищения причиняющим значительный ущерб? Сумма 2500 руб. для большей части населения (при прожиточном минимуме в расчете на душу населения – 9956 руб. и для пенсионеров – 8163 руб. в месяц [12]) все же была весьма существенной. Увеличение порога до 5000 руб., на наш взгляд, для современной российской действительности является преждевременным. Конечно, если рассуждать с точки зрения инфляции и роста цен, то такой подход, возможно, и оправдан, но оценка значительности причиненного преступлением (правонарушением) ущерба все же должна исходить из материального положения лица, которому причинен вред. В особенности, это актуально для сельской местности, где распространено хищение мелкого домашнего скота и птицы, являющихся зачастую основным источником дохода, однако размер ущерба не превышает указанный порог.

Возникают сомнения и в эффективности административного расследования такого объема правонарушений органами дознания (а именно на них возложена данная функция). Существенно возрастет и нагрузка на дознавателей, учитывая, что часть краж, совершенных с причинением значительного ущерба, перейдет в их подследственность. Готова ли наша

правоохранительная система к такому перераспределению ресурсов? И не приведет ли это к злоупотреблениям со стороны сотрудников правоохранительных органов? Ведь, как известно, скрыть административное правонарушение гораздо проще, чем преступление.

Следует отметить тот факт, что и количество краж, составляющих основной массив преступлений, в результате введения в УК РФ ст. 158.1 по показателям текущего года снизится, ввиду чего можно прогнозировать и уменьшение количества регистрируемых преступлений. Такое «искусственное» улучшение криминальной картины, на наш взгляд, не совсем оправданно и может способствовать ухудшению криминальной обстановки и всплеску мелких хищений.

Серьезные опасения вызывает и эффективность применения ст. 158.1 УК РФ, учитывая существующие проблемы в фиксации правонарушений. К сожалению, ответы на указанные вопросы можно будет получить только по прошествии определенного времени, когда новелла покажет себя в действии.

В заключение, возвращаясь к проблеме широкого внедрения административной преюдиции в УК РФ, все же подчеркнем, что данный институт требует серьезного научного обоснования и согласования с теорией уголовного права, в том числе и такими его основами, как доктрина о понятии преступления, степени его общественной опасности. Как справедливо отмечает В.И. Колосова, целесообразность административной преюдиции обосновывается «не через признак общественной опасности самого деяния, а через признак, повышающий опасность виновного» [13, с. 246–254]. Существование указанного института в отечественном уголовном законодательстве без теоретического базиса может привести к серьезным нарушениям и сбоям в работе правоохранительных органов.

1. Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/5979

2. Малков В.П. Множественность преступлений: учеб. пособие. Уфа, 1995.

3. Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9.

4. Радченко В.И. Хорошо сидим // Рос. газ. 2008. № 4741.

5. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 2005.

6. Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 62–64.

7. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журн. рос. права. 2016. № 6. С. 125–133.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Official network resources of the President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/5979

2. Malkov V.P. Plurality of crimes: study aid. Ufa, 1995.

3. Bavsun M.V., Bavsun I.G., Tikhon I.A. Administrative prejudice and prospects of its application at the present stage // Administrative law and process. 2008. № 6. P. 6–9.

4. Radchenko V.I. Sit well // Rus. newsp. 2008. № 4741.

5. Shergin A.P. Administrative jurisdiction. Moscow, 2005.

6. Tarbagaev A.N. Administrative liability in criminal law // Jurisprudence. 1992. № 2. P. 62–64.

7. Sidorenko E.L. Administrative prejudice in criminal law: enforcement problems // Journal of Russian law. 2016. № 6. P. 125–133.

8. On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal procedure code of the Russian Federation on the improvement of the grounds and procedure for the release of criminal responsibility: fed. law d.d. March 7, 2016 № 323-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

9. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal law «On amendments to the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Состояние преступности – январь – июль 2016 г. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/8306504/

11. Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1.

12. Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации за II квартал 2016 г.: постановление Правительства РФ от 6 сент. 2016 г. № 882. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5. С. 246–254.

procedure code of the Russian Federation on the improvement of the grounds and procedure for the release of criminal responsibility»: fed. law d.d. March 7, 2016 № 326-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. Crime state – January – July 2016. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/8306504/

11. Rarog A.I. Legal attacks on the foundations of the criminal law // State and law. 2013. № 1.

12. On establishing the minimum subsistence level per capita and the main socio-demographic groups in the whole of the Russian Federation for the II quarter of 2016: resolution of the government of the Russian Federation d.d. Sept. 6, 2016 № 882. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

13. Kolosova V.I. Administrative prejudice as a means of preventing crime and improving the criminal legislation // Bull. of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. 2011. № 5. P. 246–254.

Прохорова Марина Леонидовна
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Полтавец Валерия Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

(e-mail: pvaleri111@gmail.ru)

Личность виновного в системе общих начал назначения наказания

Авторами анализируется структура личности виновного, учет которой является одним из общих начал назначения наказания, и изучаются пути дальнейшей оптимизации ее нормативного закрепления в УК РФ. На базе проведенного исследования обоснована необходимость законодательной конкретизации понятия личности виновного в УК РФ.

Ключевые слова: личность, личность виновного, структура личности виновного, назначение наказания, психологические особенности.

M.L. Prokhorova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University;

V.V. Poltavets, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; e-mail: pvaleri111@gmail.ru

Guilty personality in system of general beginnings of punishment assignment

The structure of guilty personality as one of general principles of punishment assignment is analyzed, the authors examine ways of further optimization of its normative consolidation in the Criminal code of the Russian Federation. On the basis of the carried-out research need of a legislative specification of the personality guilty of the Criminal code of the Russian Federation is reasonable.

Key words: personality, guilty personality, structure of guilty personality, assignment of punishment, psychological features.

Личность виновного представляет одну из наиболее сложных и в то же время имеющих весьма важное практическое значение уголовно-правовых и криминологических проблем. Несмотря на то, что ее изучению было посвящено значительное количество научных трудов, она не утрачивает своей актуальности и в настоящее время. Обусловлено это, главным образом, крайне важным, решающим значением личности виновного для индивидуализации уголовной ответственности и наказания, что нашло отражение, в частности, в законодательном определении принципа справедливости (ч. 1 ст. 6 УК РФ) и в общих началах назначения наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Вместе с тем, анализ практики назначения наказания свидетельствует о недостаточно полном и всестороннем исследовании и учете судом индивидуальных особенностей личности виновного при назначении наказания. На этот факт неоднократно обращали внимание многие ученые-криминалисты. Например, профессор Ю.М. Антонян так высказывается по этому поводу: «Приговор, вне всяких сомнений, является главным документом всего процесса правосудия. Все внимание в нем сосредоточено на доказывании вины или невиновности подсудимого, но практически нет никакой информации о том, что представляет собой осужденный, по каким мотивам было совершено им преступление. Некоторые приговоры даже по убийствам умещаются на 4–5 страницах. В целом в исправительные учреждения обычно поступают приговоры, которые мало что дают для индивидуально-воспитательной работы» [1]. Как справедливо отмечают М.Г. Коршик и С.С. Степичев, «…если в деле нет необходимых сведений о личности подсудимого, наказание назначается судом как бы вслепую, оно неизбежно обезличивается, оказывается не соответствующим личности осужденного, т.е. теряет свою индивидуальную направленность, а с ней и эффективность» [2, с. 9].

Закрепляя необходимость учета личности виновного при назначении наказания в ч. 3 ст. 60 УК РФ, законодатель не раскрывает содержание данного оценочного понятия. Пленум Верховного Суда РФ в своих постановлениях не раз пытался восполнить этот пробел (например, п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 29 июля 1979 г. № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания»; п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» и др.).

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» к сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, отнесены характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении лица, совершившего преступление, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц – супругов, родителей, других близких родственников (п. 1). Здесь же отмечается, что, исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ, суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей [3].

Некоторые индивидуальные особенности личности виновного конкретизируются законодателем в отдельных уголовно-правовых нормах (например, ч. 3 ст. 46; ч. 4 ст. 49; ч. 1, 5 ст. 50; ч. 1 ст. 51; ч. 6 ст. 53; ч. 7 ст. 53.1; ч. 2 ст. 54; ч. 1 ст. 55; ч. 2 ст. 57; ч. 2, 21 ст. 59; ч. 1 ст. 89 УК РФ), а также могут быть установлены судом в процессе реализации ряда положений УПК РФ (ч. 4 ст. 304 УПК РФ, абз. 3 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» (ред. от 16 апреля 2013 г.)).

Представленный анализ позволяет сделать вывод о практической необходимости и стремлении законодателя конкретизировать особенности личности виновного, которые должны быть учтены судом при назначении наказания. Однако отсутствие в Уголовном кодексе дефиниции понятия «личность виновного», предусмотренного в ч. 3 ст. 60 УК РФ, порождает насущную необходимость регулирования данного вопроса.

Нормы УК РФ содержат указание лишь на отдельные, разрозненные и несистематизированные характеристики личности виновного. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 г. перечисляются не согласованные между собой сведения. Более того, этот документ не имеет статуса нормативного акта и в силу этого носит лишь рекомендательный характер.

В уголовно-правовой доктрине вопрос о содержании дефиниции понятия «личность виновного» и необходимости ее законодательной конкретизации не нашел однозначного решения.

Так, М.И. Бажанов [4, с. 37], А.С. Горелик [5, с. 193], О.В. Чунталова [6, с. 10–11] считают необходимым конкретизировать сведения о личности виновного, подлежащие учету судом при назначении наказания, в отдельной норме УК РФ. Предложение о конкретизации обстоятельств, характеризующих личность виновного, в нормах, предусматривающих общие начала назначения наказания, было выдвинуто еще Г.Т. Ткешелиадзе, который предлагал наряду с иными обстоятельствами в ст. 32 Основ уголовного законодательства СССР и Союзных республик 1958 г. закрепить необходимость учета образа жизни виновного в прошлом и его поведение после совершения преступления [4, с. 37].

Г.Н. Борзенков предложил в практику следственных органов ввести заполнение специально разработанной «справки-анкеты» [7, с. 62]. Данную позицию поддерживает Т.В. Непомнящая, полагающая, что перечень обстоятельств, характеризующих личности виновного, должен зависеть от особенностей каждого конкретного дела [7, с. 62].

В.Н. Воронин имеет по данному вопросу противоположную точку зрения, высказываясь о нецелесообразности закрепления в УК РФ нормы, конкретизирующей особенности личности виновного, подлежащие учету судом при назначении наказания. Автор обосновывает свою позицию тем, что формулировки таких норм выглядят громоздкими, а все многообразие обстоятельств, характеризующих личность виновного, трудно выявить [8, с. 22].

Анализируя изложенную проблему, прежде всего следует исходить из философского понимания «личности», ее структуры, учитывая при этом важное уголовно-правовое значение рассматриваемой личности.

В самом общем виде личность в философии понимается как человеческий индивид в аспекте его социальных качеств, формирующихся в процессе исторически конкретных видов деятельности и общественных отношений [9, с. 289]. При этом в личности различают природную основу (ее биологические качества, например, тот или иной тип высшей нервной деятельности) и социально значимые качества (взгляды, способности, потребности, интересы, моральные убеждения), которые являются

определяющими факторами развития личности [9, с. 289]. Вместе с тем, изучение личности виновного судом осуществляется в связи с необходимостью назначения наказания за совершенное преступление либо применения иных мер уголовно-правового характера. Поэтому, говоря о личности виновного, следует выделять в ее структуре также уголовно-правовые характеристики, учет которых при индивидуализации наказания является обязательным в силу законодательно установленных требований в УК РФ.

В соответствии с пониманием структуры личности в целом суду необходимо учитывать при назначении наказания социально-демографическую, нравственно-психологическую, физико-биологическую и уголовно-правовую характеристики личности виновного. При этом следует согласиться с С.А. Велиевым, что успешность индивидуализации наказания с учетом личности виновного во многом зависит от системности исследования собранных о ней данных [10, с. 153–165]. Вместе с тем, представляется важным применение судом при учете индивидуальных особенностей личности виновного комплексного подхода, который направлен на многоаспектность исследования, обусловливает рассмотрение исследуемого объекта с разных сторон, способствует изучению всего многообразия свойств личности виновного.

Представляется верным полагать, что только учет предельно полной совокупности индивидуальных особенностей личности, имеющих значение для индивидуализации наказания, позволит суду назначить справедливое и гуманное наказание. Ограничение объема индивидуальных особенностей личности только «социально значимыми свойствами и особенностями, которые имеют уголовно-правовое значение» [11, с. 108], т.е. «в связи с совершением преступления» [11, с. 108], не позволит достичь целей наказания и реализовать принципы справедливости и индивидуализации наказания при его назначении. Более того, как свидетельствует анализ правоприменительной практики судов, осуществленный А.А. Батмановым, около 50% всех обстоятельств, влияющих на ответственность и указываемых в приговоре, относятся к обстоятельствам, характеризующим личность виновного, из них большинство – не связаны с преступлением [12, с. 4].

Видится спорным отрицание необходимости учета судом особенностей психического состояния виновного при отсутствии признаков его невменяемости, условий воспитания и роста, аргументируемое тем, что эти обстоятельства не способны оказать конкретное влияние на назначаемое наказание и даже способствуют затягиванию процесса рассмотрения дела [13, с. 45]. Как известно, в соответствии с ч. 2 ст. 22 УК РФ психическое расстройство, не исключающее вменяемости, должно быть учтено судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. Обязательным является учет таких особенностей личности при назначении наказания несовершеннолетним согласно ч. 1 ст. 89 УК РФ. Важным для индивидуализации наказания является и учет иных особенностей психики несовершеннолетнего, прежде всего, влияющих на мотивационную составляющую его поведения. Вместе с тем, психика несовершеннолетнего, виновного в совершении преступления, нередко может быть изменена либо нарушена вследствие употребления алкогольных, наркотических и иных негативно воздействующих на организм средств, семейного неблагополучия, остаточных явлений черепно-мозговых травм, заболевания центральной нервной системы [14, с. 17]. Именно поэтому суд должен комплексно исследовать биологические свойства, психику подростка и ее влияние на преступное поведение виновного.

Изучение психического состояния виновного представляется необходимым при совершении преступления в состоянии опьянения. В ч. 11 ст. 63 УК РФ предусмотрено, что суд (судья), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения.

Учет наличия у виновного заболевания наркоманией обусловливает применение к виновному в случаях, указанных в законе, специальных правил назначения наказания, предусмотренных ст. 721 УК РФ.

Изучение и учет психического состояния виновного может не только позволить оценить личность виновного, но и способствовать установлению ряда смягчающих (например, предусмотренных п. «д», «е» ч. 1 ст. 61 УК РФ) и отягчающих (в частности, указанных в п. «г», «е», «е.1», «з» ст. 63 УК РФ) обстоятельств.

Особую актуальность изучение психологических особенностей личности виновного приобретает в силу «ухудшения социально-психологических и криминогенных характеристик личности осужденных, увеличения степени их общественной опасности, увеличения количества лиц с повышенной агрессивностью и возбудимостью, с психическими отклонениями» [15, с. 7–8]. Так, в с соответствии с данны-

ми ФСИН России в 2013 г. в местах лишения свободы содержались более 600 тыс. человек, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду, в том числе 74 тыс. – с признаками психических отклонений, низким уровнем интеллекта; 127 тыс. – с повышенной агрессивностью и импульсивностью; 96 тыс. – с низким социально-психологическим статусом; 102 тыс. – с повышенной внушаемостью и слабыми волевыми качествами; 88 тыс. – склонных к суициду и членовредительству; 210 тыс. – склонных к другим формам деструктивного поведения; 51 тыс. – с лидерскими качествами и отрицательной направленностью [15].

Анализ практики назначения наказания позволяет говорить о том, что сведения, характеризующие личность виновного, не всегда могут быть оценены как положительно либо отрицательно влияющие на выбор меры наказания. К таким сведениям относится ряд социально-демографических признаков (пол, возраст, род занятий, трудовая деятельность, образование, наличие наград и т.д., наличие инвалидности или иной тяжкой болезни и др.). Тем не менее, их учет является обязательным условием назначения наказания. Вследствие этого сложно согласиться с мнением В.Н. Воронина о том, что, учитывая то или иное обстоятельство, суд обязан указать, каким образом оно характеризует виновного: положительно или отрицательно [8, с. 11].

При исследовании личности виновного с целью индивидуализации наказания суду следует использовать основные достижения юридической психологии, медицины, педагогики, криминологии и других наук о познании личности в целом, поскольку одних знаний уголовного права для этого явно недостаточно. В настоящее время наука обладает немалыми возможностями изучения психологических особенностей личности, в том числе и виновного в совершении преступления. Их исследованию и разработке посвящен ряд научных трудов [16; 14]. В ежегодно подготавливаемых ФСИН России докладах о результатах и основных направлениях деятельности также сообщается об использовании различных психодиагностических методик и современных психокоррекционных программ при работе с осужденными [17]. Изменение основных тенденций преступности, появление новых видов преступлений и новых способов их совершения, рост профессионализма и организованности групповой преступной деятельности, увеличение миграционных процессов и социально-экономической нестабильности в мире обусловливают появление ранее неизвестных характеристик в социально-психологическом портрете виновных. Вместе с тем, в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ суд обязан осуществлять прогностическую функцию: учитывать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Этому может способствовать использование на этапе подготовки к судебному заседанию по делу различных научно обоснованных методик изучения личности виновного, для применения которых представляется целесообразным привлечение судом соответствующих специалистов-экспертов и психологов-педагогов. Помощь специалистов имеет практическую необходимость в настоящее время, поскольку, как свидетельствует изучение уголовных дел, многие отраженные в них характеристики обвиняемых являются поверхностными и не позволяют в полной мере раскрыть их личность. Результаты изучения последней должны быть процессуально оформлены в виде экспертных заключений либо докладов, но, имея только вспомогательный характер, они должны оцениваться судом и учитываться при индивидуализации наказания и ответственности в целом.

Изучение личности виновного на этапе досудебного производства либо подготовки к судебному рассмотрению может осуществляться в рамках досудебной пробации, о необходимости которой в настоящее время ведутся острые дискуссии специалистами в области уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права. Для рассмотрения был подготовлен пакет нормативных актов, обеспечивающих введение ювенальных судов [18, с. 192–203], а также разработан законопроект «О пробации в Российской Федерации и системе органов и организаций, ее осуществляющих» [19]. В ходе опроса о необходимости внедрения службы пробации в пользу создания таковой высказалось 68,7% опрошенных судей и свыше 70% респондентов из числа сотрудников уголовно-исполнительной системы [20, с. 85].

В Ростовской области в ходе реализации с января 2001 г. пилотного проекта в соответствии с соглашением Ростовского областного суда, Управления Судебного департамента в Ростовской области и Программой развития ООН «Поддержка правосудия в отношении несовершеннолетних» (ПРООН) (2001–2003 гг.) была введена и опробирована служба социальных работников при суде. Она выполняла одну из функций службы пробации – предоставление суду доклада о личности несовершеннолетнего. При реализации данного проекта к участию в судопроизводстве по делам несовершеннолетних активно привлекались

специалисты – психологи и педагоги. Как свидетельствовал председатель Ростовского областного суда В.Н. Ткачев, в ходе реализации этого проекта подтвердилась его эффективность и необходимость сохранения института социального работника при суде. Поскольку именно социальный работник оказывал серьезную помощь судье в подготовке доклада о личности несовершеннолетнего подсудимого, ресурсах семьи по его воспитанию и исправлению (эта информация позволяла шире применять принудительные меры воспитательного воздействия, например, передачу несовершеннолетнего под надзор семьи, а также назначать наказания, отбываемые в обществе) [21].

Об эффективности применения ювенальных технологий в Ростовской области можно судить по положительной динамике сокращения случаев рецидива среди подростков на ее территории. Например, общий показатель рецидива в Ростовской области, по данным МВД России, в 2007 г. составлял 16,2%, а при работе «модельных ювенальных судов» Таганрогского, Шахтинского и Егорлыкского районов – от 0 до 3,5%. Имеются положительные отзывы практических работников о внедрении службы пробации и в иных регионах России [21; 22].

Полученный опыт целесообразно использовать и в отношении достигших совершеннолетия лиц, виновных в совершении преступлений. Однако законодательного закрепления институт пробации в РФ до сих пор не нашел.

В заключение следует отметить, что личность виновного, как, впрочем, и любого законопослушного человека, индивидуальна, неповторима и своеобразна. Учитывая многогранность ее природы, раскрыть содержание дефиниции «личность виновного» можно посредством конкретизации только основных и необходимых для индивидуализации наказания характеристик. Например, посредством закрепления в ч. 4 ст. 60 УК следующего положения: «Учитывая при назначении наказания личность виновного, суд должен исходить из анализа комплекса социально-демографических, нравственно-психологических, физиолого-биологических и уголовно-правовых характеристик личности, проявившихся до, во время и после совершения преступления». Это, с одной стороны, будет обязывать суд учитывать все многообразие индивидуальных особенностей личности виновного при назначении наказания, с другой – служить суду ориентиром в понимании положений ч. 3 ст. 60 УК РФ.

В целях оказания суду помощи в установлении полной характеристики личности виновного требуется привлечение специалистов на этапе досудебного производства либо подготовки к судебному заседанию для формирования доклада о социально-психологическом портрете обвиняемого (подсудимого), возможностях его исправления, склонности к рецидиву и т.д.

1. Антонян Ю.М. Наказание как адекватная реакция на преступление // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань, 2013. URL: http://apu.fsin.su/territory/Apu/forum2013/aterialy/st2013.pdf) (дата обращения: 05.04.2016).

2. Коршик М.Г., Степичев С.С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. 2-е изд., испр. и доп. М., 1969.

3. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 58 // Рос. газ. 2015. 29 дек. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=10588 (дата обращения: 05.04.2016).

4. Бажанов М.И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980.

5. Горелик А.С. Обстоятельства, влияющие на размер наказания // Актуальные во-

1. Antonyan Yu.M. Punishment as proper response to a crime // International penitentiary forum «Crime, punishment, correction» (to the 20 anniversary of adoption of the Constitution of the Russian Federation): coll. of speaking notes performances of participants (Ryazan, Dec. 5–6, 2013). Ryazan, 2013. URL: http://apu.fsin.su/territory/Apu/forum2013/aterialy/st2013.pdf) (date of access: 05.04.2016).

2. Korshik M.G., Stepichev S.S. Studying of the identity of the defendant on preliminary investigation. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 1969.

3. On practice of criminal sentencing by courts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Dec. 22, 2015 № 58 // Rus. newsp. 2015. Dec. 29. URL: http://www.supcourt.ru/Show_pdf.php?Id=10588 (date of access: 05.04.2016).

4. Bazhanov M.I. Assignment of punishment on the Soviet criminal law. Kiev, 1980.

просы правоведения на современном этапе. Томск, 1986.

6. Чунталова О.В. Личность виновного: проблемы назначения наказания по уголовному законодательству России и других стран СНГ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.

7. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006.

8. Воронин В.Н. Индивидуализация наказания: понятие, критерии, значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005569975#?page=22. (дата обращения: 05.04.2016)

9. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001.

10. Велиев С.А. Личность виновного и ее исследование при назначении наказания // Правоведение. 2002. № 4(243). С. 153–165. URL: http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=180992 (дата обращения: 05.04.2016).

11. Мельникова Ю.Б. Личность преступника и индивидуализация уголовного наказания // Советское государство и право. 1972. № 8.

12. Батманов А.А. Личность виновного вне связи с преступлением как критерий дифференциации ответственности и наказания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2008.

13. Джагрунов А.А. К вопросу об учете личности виновного при назначении наказания // Альманах современной науки и образования. 2013. № 7(74). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uchete-lichnosti-vinovnogo-pri-naznachenii-nakazaniya (дата обращения: 05.04.2016).

14. Булатов Р.М. Преодолевая навязанные стереотипы: социальное и биологическое в правонарушающем поведении: теоретико-экспериментальный аспект. Казань, 2014.

15. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний в 2013 г. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/Doklad%202010-2012/2010-2012.pdf (дата обращения: 05.04.2016).

16. Пастушеня А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: психологический аспект: дис. … д-ра психол. наук. М., 2000.

17. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/Doklad%202010-2012/2010-2012.pdf

5. Gorelik A.S. The circumstances influencing the demension of punishment // Actual issues of jurisprudence at the present stage. Tomsk, 1986.

6. Chuntalova O.V. Identity of the guilty person: problems of assignment of punishment by the criminal legislation of Russia and other CIS countries: auth. abstr. ... Master of Law. Krasnodar, 2006.

7. Nepomnyashaya T.V. Criminal sentencing: theory, practice, prospects. St. Petersburg, 2006.

8. Voronin V.N. Punishment individualization: concept, criteria, value: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2015. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01005569975#?page=22.

9. The philosophical dictionary / ed. by I.T. Frolov. 7th ed., proc. and add. Moscow, 2001.

10. Veliyev S.A. The identity of the guilty person and its research when sentencing // Jurisprudence. 2002. № 4(243). P. 153–165. URL: http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=180992 (date of access: 05.04.2016).

11. Melnikova Yu.B. Identity of the criminal and individualization of criminal penalty // Soviet state and law. 1972. № 8.

12. Batmanov A.A. The identity of the guilty person out of communication with a crime as criterion of differentiation of responsibility and punishment: auth. abstr. ... Master of Law. Kazan, 2008.

13. Dzhagrunov A.A. To a question of the accounting of the identity of the guilty person when sentencing // Almanac of modern science and education. 2013. № 7(74). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uchete-lichnosti-vinovnogo-pri-naznachenii-nakazaniya (date of access: 05.04.2016).

14. Bulatov R.M. Overcoming the imposed stereotypes: social and biological in the right breaking behavior: theoretical-experimental aspect. Kazan, 2014.

15. The report on results and the main activities of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2013 URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/Doklad%202010-2012/2010-2012.pdf (date of access: 05.04.2016).

16. Pastushenya A.N. Criminogenic essence of the identity of the criminal: psychological aspect: diss. ... Dr of Psychology. Moscow, 2000.

17. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/Doklad%202010-2012/2010-2012.pdf (date of access: 05.04.2016).

18. The drawt law «On the commissions on affairs of minors and protection of their rights in the

(дата обращения: 05.04.2016) .

18. Проект Закона «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Ростовской области» // Становление ювенальной юстиции в России: проблемы и перспективы развития»: материалы межрегион. науч.-практ. конф., 12–13 нояб. 2002 г. / под ред. В.Н. Ткачева. Ростов-н/Д., 2003.

19. О пробации в Российской Федерации и системе органов и организаций, ее осуществляющих: проект федер. закона. URL: http:// sartraccc.ru/Law_ex/testion.pdf (дата обращения: 05.03.2016).

20. Голодов П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России: организационно-правовые аспекты // Вестн. ин-та. 2011. № 14. URL: http://www.fsin.su/territory/Vipe/journal_bulletin_of_the_institute/archive/magazine/14/15.pdf (дата обращения: 05.04.2016).

21. Ткачев В.Н. Опытная модель ювенальной юстиции в Ростовской области и ее распространение в регионах России. URL: http:// www.rostoblsud.ru/juvenile/j_model/ (дата обращения: 05.03.2016).

22. Думина О.И. Система психолого-воспитательных и социальных мероприятий, направленных на снижение агрессии несовершеннолетних в пенитенциарных учреждениях (опыт работы УФСИН России по Архангельской области) // Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань, 2013. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_28_7.htm (дата обращения: 05.03.2016).

rostov region» // Formation of juvenile justice in Russia: problems and prospects of development»: proc. of interregional sci. and pract. conf., Nov. 12–13, 2002 / ed. by V.N. Tkachyov. Rostov-on-Don, 2003.

19. On a probation in the Russian Federation and system of bodies and organizations it carrying out: draft fed. law. URL: http://sartraccc.ru/Law_ex/testion.pdf (date of access: 05.03.2016).

20. Golodov P.V. Foreign experience and prospects of creation of service of a probation in Russia: organizational and legal aspects // Bull. of institute. 2011. № 14. URL: http://www.fsin.su/territory/Vipe/journal_bulletin_of_the_institute/archive/magazine/14/15.pdf (date of access: 05.04.2016).

21. Tkachyov V.N. Skilled model of juvenile justice in the Rostov region and its distribution in regions of Russia. URL: http://www.rostoblsud.ru/juvenile/j_model/ (date of access: 05.03.2016).

22. Dumina O.I. System of the psychology-educational and social actions directed to decrease in aggression of minors in penal institutions (experience of Administration of the Federal Penitentiary Service of Russia in Arkhangelsk region) // International penitentiary forum «Crime, punishment, correction» (to the 20 anniversary of adoption of the Constitution of the Russian Federation): coll. of speaking notes of participants (Ryazan, Dec. 5–6, 2013). Ryazan, 2013. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_28_7.htm (date of access: 05.03.2016).

Щербакова Людмила Михайловна
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(e-mail: L.scherbakova@list.ru)

Губжокова Диана Руслановна
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(e-mail: diana.gubzhokova@yandex.ru)

Панченко Алина Сергеевна
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(e-mail: a.s.panhenko@mail.ru)

Некоторые методологические вопросы криминологического исследования преступности

На основе анализа современных криминологических исследований в статье обозначены актуальные проблемы методологии в исследовании преступности. Акцент делается на корректном применении криминологических понятий, подходах, методах криминологического исследования. Использование статистических методов рассматривается на конкретных примерах анализа современной насильственной преступности.

Ключевые слова: криминология, предмет криминологии, социальные явления, социальные процессы, методы криминологических исследований, коэффициенты преступности.

L.M. Scherbakova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; e-mail: L.scherbakova@list.ru;

D.R. Gubzhokova, Postgraduate of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; e-mail: diana.gubzhokova@yandex.ru;

A.S. Panchenko, Postgraduate of the Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasus Federal University; e-mail: a.s.panhenko@mail.ru

Some methodological problems of criminological research of crime

Based on the analysis of contemporary criminological research in the article the actual problems of methodology in the study of crime are discussed. The emphasis is on correct application of criminological concepts, approaches, methods of criminological research. Using of statistical methods considered on concrete examples of analysis of contemporary perforce crime.

Key words: criminology, subject of criminology, social phenomenons, social processes, methods of criminological research, coefficients of crime.

Историю развития криминологии как науки в нашей стране нельзя назвать простой. Вплоть до середины 60-х гг. прошлого века она находилась в забвении, а с конца 60-х гг. до середины 80-х гг. (в период повышенного внимания к предупреждению преступности) криминология стала общетеоретической наукой для наук криминального цикла.

Криминология, как и любая другая наука, стала изучать закономерности. Она изучала закономерности не только отдельного преступления, но и преступности как массового преступного поведения, пытаясь ответить на вопросы, почему человек совершает преступление, по каким причинам многие люди для решения своих проблем избирают преступный путь, какие действия необходимо предпринять, чтобы не допустить этого.

Специфический предмет криминологии формировался постепенно. Так, в первых учебниках по криминологии, издававшихся в 60-х гг., при рассмотрении ее предмета и содержания

не упоминалась личность преступника. Позднее о ней стали писать наряду с закономерностями преступности во всех ее проявлениях, детерминацией и причинностью преступности, подверженностью преступности различным воздействиям.

Как справедливо отмечает А.И. Долгова, (президент Российской Криминологической ассоциации с 1991 г.), «криминолог смотрит на общество, человека как бы «через преступность», преступное поведение и, идя от преступности, он выходит на другие широкие и сложные проблемы, существующие в обществе и природе, по мере углубления в анализ ее причин, организации борьбы с ней, ее предупреждения» [1, с. 308]. При этом она подчеркивает, что «криминолог практически всегда оказывается в положении критика, указывающего обществу на его социальные язвы и просчеты в социальном управлении, ибо не достижения человечества и не положительные моменты порождают преступность» [1, с. 308].

Оценивая криминологическую науку и изучаемые ею процессы на современном этапе развития общества, автор учебника «Курс мировой и российской криминологии» (2015 г.) В.В. Лунеев отмечает: «Все озабочены ростом и совершенствованием преступности. Тема преступности не сходит с экранов телевизоров и со страниц газет. Но государственной потребности в криминологическом системном мониторинге преступности, ее анализе и прогнозе практически нет. Власти озабочены непрерывным изменением и дополнением уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства без крайне необходимых научных обоснований, напрасно полагая правовой догматикой минимизировать преступность. Их мало волнуют реальные причины растущей преступности и разработка более эффективных социально-экономических, организационных, социально-психологических и воспитательных мер. И это отрицательно сказывается на развитии наук социолого-криминального цикла вообще и криминологии в особенности» [2, с. 15]. Разделяем мнение В.В. Лунеева о том, что криминология в настоящее время переживает кризис, как и российская уголовная политика. Имеющиеся криминологические стратегии предупреждения и минимизации преступности не воспринимаются как эффективное средство борьбы с преступностью. Существует объяснение такого положения дел. Действительно, криминологическое предупреждение преступности – крайне трудная задача, выполнение которой требует огромных финансовых и материальных ресурсов, но общенаучный подход, опирающийся на солидную теоретическую базу, обстоятельно доказывает, что воздействие на причины и их возможное устранение – это наиболее надежный и фундаментальный путь борьбы с преступностью [2, с. 10–11].

Традиционно исследование проблем преступности в России ведется сотрудниками специализированных научно-исследовательских учреждений и юридических высших учебных заведений. В юридических вузах соответствующие исследования проводятся как кафедрами, обеспечивающими преподавание наук криминального цикла, так и специально создаваемыми лабораториями, в которых работают аспиранты.

Заметим, что основным объектом криминологического исследования является поведение человека, поэтому его должны проводить специалисты в области психологии, психиатрии. В историческом багаже криминологической науки содержится немало интереснейших работ специалистов данной сферы. Но на практике в последний период развития криминологии такой подход перерастает в рассмотрение криминологического исследования как комплексного, или междисциплинарного, т.е. осуществляемого юристами с учетом социологических, экономических, юридических и других познаний.

А.И. Долгова, подчеркивает, что криминолог – это не универсальный специалист, способный давать всеобъемлющие экономические, политические, социальные, правовые и другие рекомендации. По мере углубления в анализ экономической, политической и других сфер жизни общества, в вопросы разных отраслей права он начинает сотрудничать с другими специалистами, а затем передает «эстафету» им, и уже они разрабатывают конкретные пути устранения причин и условий, детерминирующих преступность. При этом у криминолога всегда остается область исследования, доступная только ему: выявление во взаимосвязи различных социальных явлений и процессов (экономических, политических, иных), непосредственно порождающих преступность. Он информирует о полученных результатах экономистов, политиков, социологов, правоохранительные и другие государственные органы, общественность. Криминологические выводы могут и должны быть

использованы в процессе социальных преобразований [1, с. 308].

Принципиально важно подчеркнуть, что ни одна наука, и криминология здесь не является исключением, не может существовать и развиваться без решения ею важных для практической деятельности людей проблем. Поэтому научные криминологические исследования должны содержать и указания на то, какого рода рекомендации они разрабатывают. Более того, внедрение научных исследований в практику – это двусторонний процесс, который зависит как от результативности криминологических исследований, качества научных рекомендаций, так и от готовности, умения практических работников их воспринять и применить. Здесь важное звено – совместное сотрудничество, желательно, чтобы оно не было формальным. Эффективными, в частности, могут быть пилотные проекты.

Безусловно, жизнь и преступность постоянно меняются, и догмы, сформулированные в один период, при менее полном знании о закономерностях преступности бывают иногда даже опасны в новых условиях. Однако это не означает, что допустимо игнорировать положения и выводы, закономерности, изучаемые как самой криминологией, так и другими науками.

Следует отметить, что в целом отечественной криминологической науке, несмотря на наличие просчетов в борьбе с преступностью, удается получать убедительные данные о крайне сложном ее характере. Научные криминологические исследования последних лет, как правило, проводятся с использованием такого методического приема, как условное выделение преступности в качестве относительно самостоятельного, целостного явления, противостоящего социальной среде, ориентированной на закон. Однако до настоящего времени в научной юридической литературе нет единого подхода к определению, в частности, понятия насильственной преступности. Существует как минимум два подхода:

1) отнесение к ней только совокупности таких преступлений, насилие при совершении которых является элементом мотивации, а не просто средством достижения цели;

2) оценка в качестве насильственных всех преступлений, при совершении которых применялось насилие, независимо от того, было ли оно элементом мотивации либо только средством достижения цели.

В таких случаях нередко происходит смешение корыстных и насильственных деяний: одно и то же деяние может быть отнесено и к числу корыстных, и к числу насильственных. Поскольку в специальных исследованиях отмечается необходимость более четкого разграничения насилия как самоцели и насилия-средства, или «инструментального насилия», то в современных криминологических исследованиях (научных статьях, диссертациях по данной проблематике) в большей мере рассматривается насилие в его уголовно-правовом смысле, т.е. насилие, применение которого прямо запрещено действующим уголовным законом. При этом выделяются самые различные совокупности уголовно наказуемых деяний: преступления против жизни, корыстно-насильственные преступления (грабежи и разбои) и т.д. Нередко в определении такого вида преступности авторы не ограничиваются понятием социального явления, а дополняют его явно вторичным – уголовно-правовым, что не представляется корректным [3, с. 8].

Не менее часто в криминологических исследованиях, да и в большинстве учебников по криминологии, воспроизводится тезис криминологов эпохи возрождения данной науки, согласно которому при исследовании преступности подлежат изучению ее состояние, структура и динамика, т.е. под состоянием понимается только совокупность преступлений, динамика отрывается от состояния, а термин «структура» часто не разъясняется, не конкретизируются критерии выделения подструктур.

Известно, что абсолютные величины не пригодны для проведения, в частности, сравнительного анализа. Однако в современных криминологических исследованиях такие примеры встречаются настолько часто, что следует остановиться на данном аспекте подробнее. Итак, на основании абсолютных величин нельзя говорить о преимущественном совершении насильственных преступлений, например, в каком-то субъекте или округе. Для подобных целей используется относительный показатель – коэффициент насильственной преступности, приведенный на определенную численность населения (как правило, на 100 тыс. человек, но можно рассчитывать и на 10 тыс. человек, при необходимости – на 1000 человек). Относительный показатель насильственной преступности (общий коэффициент) или ее структурной составляющей (дифференцированные коэффициенты преступности исполь-

зуются наряду с общими коэффициентами в целях реализации конкретных задач исследования) рассчитываются практически одинаково, разница лишь в том, что в числителе приводится общее число насильственных преступлений или их структурных составляющих. При этом специальные коэффициенты преступности, позволяющие выделить и глубоко проанализировать интенсивность антиобщественной активности отдельных специальных субъектов преступлений, рассчитываются как отношение числа выявленных преступников, принадлежащих к определенной группе, к численности данной группы среди населения региона в возрасте от 14 лет. Они показывают, какова антиобщественная активность представителей разных половозрастных и социальных групп, позволяют ее сравнивать.

В качестве примера проведем статистический анализ индексных насильственных преступлений, совершенных в России с 2010 по 2014 г. Индексные показатели включают в себя опасные и наиболее распространенные виды насильственных преступлений: убийство (ст. 105, 106, 107 УК РФ, включая покушение на убийство), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), изнасилование (ст. 131 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ). Грабежи и разбои отнесены к группе насильственных преступлений потому, что в исследовании преступности принято исходить из приоритета безопасности личности по сравнению с отношениями собственности. Это также те преступления, по которым данные статистики ежегодно публикуются на официальных сайтах правоохранительных органов.

Итак, в Российской Федерации в 2010 г. было зарегистрировано 15600 умышленных убийств и покушений на убийство, 39700 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, 4900 изнасилований и покушений на изнасилование, 24500 разбойных нападений, 164500 грабежей [4, с. 121–127, 177, 241, 243]. При этом численность населения в нашей стране в 2010 г., по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, составляла 142,8 млн человек [1]. Коэффициент умышленных убийств и покушений на 100 тыс. населения был равен 10,9 (15600*100000/142,8 млн); коэффициент умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – 27,8 (39700*100000/142,8 млн); коэффициент разбоев – 17,2 (24500*100000/142,8 млн); коэффициент изнасилований – 3,4 (4900*100000/142,8 млн); коэффициент грабежей – 115,2 (164500*100000/142,8 млн); общий коэффициент насильственной преступности – 174,5 (249200*100000/142,8 млн).

В 2011 г. при численности населения 142,9 млн человек было зарегистрировано 14305 умышленных убийств и покушений на убийство, 38512 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, из них 8865 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, 4800 изнасилований и покушений на изнасилование, 20100 разбойных нападений, 127800 грабежей. Таким образом, коэффициент умышленных убийств и покушений на 100 тыс. населения был равен 10; умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – 26,9; умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего – 6,2; разбойных нападений – 14,1; изнасилований – 3,4; грабежей – 89,4; общий коэффициент насильственной преступности – 143,8 (205517*100000/142,9 млн).

В 2012 г. при общей численности населения 143 млн человек правоохранительными органами выявлено 13265 фактов умышленных убийств и покушений на убийство, 37091 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, из которых 8046 повлекли по неосторожности смерть потерпевшего, 4500 изнасилований и покушений на изнасилование, 18600 разбойных нападений, 110100 грабежей [5]. Коэффициент умышленных убийств и покушений на убийство составил 9,3; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 25,9; умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего – 5,6; разбоев – 13; изнасилований – 3,1; грабежей – 76,99; общий коэффициент насильственной преступности – 128,4 (183556*100000/143 млн).

В 2013 г. зарегистрировано 12361 фактов умышленных убийств и покушений на убийство, 34786 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, из них 7529 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, 4246 изнасилований и покушений на изнасилование, 16416 разбойных нападений, 92069 грабежей [6]. Общая численность населения за указанный период составила 143,3 млн человек. Коэффициенты были равны: 8,6 – для умышленных убийств и покушений на убийство; 24,3 – для умышленных причинений тяж-

кого вреда здоровью; 5,3 – для умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего; 11,5 – для разбоев; 2,96 – для изнасилований; 64,2 – для грабежей. Общий коэффициент насильственной преступности составил 111,56 (159878*100000/143,3 млн).

В 2014 г. при численности населения 143,7 млн человек было зарегистрировано 11813 умышленных убийств и покушений на убийство, 32686 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, из них 6935 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, 4128 изнасилований и покушений на изнасилование, 14159 разбойных нападений, 76181 грабежей [7]. Таким образом, коэффициент умышленных убийств с покушениями на 100 тыс. населения – 8,2; умышленных причинений тяжкого вреда здоровью – 22,7; умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего – 4,8; разбойных нападений – 9,9; изнасилований – 2,9; грабежей – 53; общий коэффициент насильственной преступности – 96,7 (138967*100000/143,7 млн).

Из вышесказанного следует, что согласно данным уголовной статистики с 2011 по 2014 г. при увеличении численности населения от 142,8 до 143,7 млн человек [1] наблюдается снижение коэффициента насильственной преступности с 174,5 до 96,7. То есть в этот период преступность с выраженной агрессивной мотивацией шла на спад.

Анализируя данные официальной статистики по насильственным преступлениям, отметим, что с 2010 по 2014 г. такой показатель, как удельный вес насильственной преступности, в структуре преступности колебался от 6,4% (минимальное значение, зафиксированное в 2014 г.) до 9,5% (максимальное значение, зафиксированное в 2010 г.). За тот же временной период умышленные убийства (с покушениями) в структуре всей преступности изменялись в пределах от 0,55% (2014 г.) до 0,59 % (2010 г.); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – от 1,5% (2010, 2014 гг.) до 1,6% (2011 г.); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего – от 0,3% (2014 г.) до 0,37% (2011 г., за 2010 г. данные отсутствуют); разбои – от 0,65% (2014 г.) до 0,93% (2010 г.); грабежи – от 3,5% (2014 г.) до 6,26% (2010 г.); изнасилования – от 0,19% (2010, 2013, 2014 гг.) до 0,2% (2011, 2012 гг.).

Анализ динамики преступной агрессии в России за 2010–2014 гг. позволяет определить ее общий и абсолютный прирост (снижение), которые составляют соответственно - 54,2% и - 110233 преступления.

Данные показатели для убийств составляют - 26,81% и - 3787 преступлений; - 18,93% и - 7014 преступлений – для умышленных причинений тяжкого вреда здоровью; - 23,56% и - 1930 преступлений – для умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего; - 16,71% и - 772 преступлений – для изнасилований; - 50,91% и -10341 преступлений – для разбойных нападений; - 69,8% и - 88319 преступлений – для грабежей.

Итак, статистический анализ свидетельствует, что с 2010 по 2014 г. наблюдается снижение криминальной агрессии в стране. Предельная вредность насильственной преступности в России наблюдалась в 2010 г.

Однако при криминологической характеристике (анализе) насильственной преступности криминологами зачастую ставится под сомнение достоверность данных официальной статистики. Одна часть преступлений остается неизвестной правоохранительным органам, другая – в силу как объективных, так и субъективных причин – не получает должной фиксации и отражения в статистике. При таких обстоятельствах актуализируется проблема измерения реальных масштабов криминального насилия, его структурных составляющих в современной России, т.е. подключается более широкое по сравнению с анализом понятие «криминальная ситуация». При оценке криминальной ситуации решаются задачи выявления фактического, а отнюдь не статистического положения дел.

Так, согласно данным Федеральной службы статистики, в 2013 г. всего в розыске по стране находилось почти 103 тыс. граждан. Росстат также располагает данными по установлению пропавших без вести лиц, которые находились в числе разыскиваемых. В 2008 г. их количество составило 58% от количества находившихся в розыске, а в 2013 г. – 51% [8]. То есть в 2013 г. 50,5 тыс. человек так и остались без вести пропавшими. За 2013 г. было совершено 12361 убийств и покушений на убийство, 6935 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, а местонахождение 50,5 тыс. человек так и не было установлено. Таким об-

разом, сопоставив только приведенные выше цифры, вряд ли можно говорить о снижении количества данных преступлений в структуре насильственной преступности и, соответственно, о снижении насильственной преступности в целом.

Следует отметить, что в группу насильственных преступлений также входит изнасилование, которое обладает, пожалуй, наиболее высоким уровнем латентности. Так, по данным опроса жителей России, у 42,9% женщин отсутствует вера в то, что виновный может быть задержан; 27,3% респондентов высказали нежелание быть втянутыми в процесс расследования; 16,2% женщин испытывают страх перед насильником [9, с. 182].

Анализ современных криминологических исследований показывает, что некоторые авторы берут на себя смелость точно указывать, во сколько именно раз латентная часть меньше или больше зарегистрированной, называют и абсолютные цифры латентных (скрытых) преступлений. Такие данные трудно опровергнуть – их конкретная аргументация практически отсутствует. Известно, что латентная часть преступности – это «черный ящик» со всеми его характеристиками. При этом существует система методик, позволяющих судить о степени распространенности соответствующей преступности с учетом ее латентности. Этот аспект обстоятельно изложен в проведенном коллективом ученых Академии Генеральной прокуратуры РФ под руководством С.М. Иншакова исследовании латентной преступности, в котором показано, что коэффициент латентности убийств (ст. 105 УК РФ) в 2009 г. составил 2,3; убийств матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) – 2,0; убийств, совершенных в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), – 1,2. Коэффициент латентности в 2009 г. умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) составил 2,2; а по таким преступлениям, как изнасилование (ст. 131 УК РФ) – 7,5; грабеж (ст. 161 УК РФ) – 4,0; разбой (ст. 162 УК РФ) – 3,0 [4, с. 121, 177, 241, 243.].

Как уже отмечалось, основная задача криминологических исследований – выявление во взаимосвязи различных социальных явлений и процессов, непосредственно порождающих преступность. В этих целях статистический анализ преступности должен сопровождаться исследованием социальной среды, при этом исследование должно осуществляться: а) в динамике; б) в разрезе разных уровней социальной среды (метасреда, макросреда, социально-государственная среда, среда среднего уровня и микросреда); в) с учетом дифференциации разных сфер жизнедеятельности, обычно выделяя экономическую, социальную, политическую, духовную сферы. Здесь широко должен использоваться системно-структурный анализ, в процессе которого необходимы не только статистические, динамические, сравнительные методы, но следует шире использовать математические методы, включая практику проведения корреляционного, кластерного анализа с использованием электронно-вычислительных программ, а также методы математического моделирования.

Следует четко представлять, что путем нахождения и измерения общих свойств явления и осуществляется поиск статистических закономерностей, но обнаружение характера этих закономерностей (причинного, связи состояний или иного) требует применения комплекса методов, где особое место должно быть отведено конкретно-социологическим методам. Более того, исследование социальной среды необходимо осуществлять во взаимодействии с характеристиками личности разных ее типов. Личностные данные значимы как в аспекте раскрытия механизмов детерминации преступлений, так и при разработке рекомендаций, на которые можно опираться в предупредительной, ресоциализационной деятельности.

Поскольку в рамках одной статьи невозможно раскрыть затронутые вопросы, подчеркнем, что многие из них, в том числе такой аспект, как личность преступника, впрочем, как и другие элементы предмета криминологии, требуют проведения весьма тщательных научных исследований [10, с. 36].

1. Российская криминологическая энциклопедия: преступность и борьба с ней в понятиях и комментариях / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2000.

2. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть: учеб. для магистров. М., 2015.

3. Криминологическая характеристика молодежной корыстно-насильственной преступности и ее предупреждение (на примере Восточно-Сибирского региона): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2016.

4. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.

5. Правонарушения: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru

6. Основные показатели преступности: официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#

7. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России: портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/analytics

8. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры: официальный сайт Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data.

9. Кондратюк Л.В., Овчинский В.С. Криминологическое измерение / под ред. К.К. Горяинова. М., 2008.

10. Щербакова Л.М., Белая О.П. Индивидуально-психологический профиль женщин, осужденных за насильственные преступления // Криминологический журнал Байкальского гос. ун-та экономики и права. 2013. № 4(26). С. 35–44.

1. Russian Criminological encyclopedia: crime and fight with it in terms and comments / gen ed. by A.I. Dolgova. Moscow, 2000.

2. Luneev V.V. Course of world and Russian criminology. General part: textbook for masters. Moscow, 2015.

3. Criminological characteristic of youth selfish and violent crime and its prevention (evidance from East-Siberian region): auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 2016.

4. Theoretical basis of research and analysis of latent crime / ed. by S.M. Inshakov. Moscow, 2011.

5. Offences: official website of the Federal service of state statistics. URL: http://www.gks.ru

6. Basic crime indicators: official website of the Federal service of state statistics. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#

7. Monthly collection about the state of crime in Russia: portal of legal statistics of the General Procuracy of the Russian Federation. URL: http://crimestat.ru/analytics

8. Basic statistics on the activities of the procuracy authorities: official website of the General Procuracy of the Russian Federation. URL: http://genproc.gov.ru/stat/data.

9. Kondratyuk L.V., Ovchinsky V.S. Criminological measurement / ed. by K.K. Goryainov. Moscow, 2008.

10. Scherbakova L.M., Belaya O.P. Individual and psychological profile of women condemned for violent crimes // Criminological journal of the Baikal State University. 2013. № 4(26). P. 35–44.

Безбородов Дмитрий Анатольевич
кандидат юридических наук,
профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
(e-mail: d.bezborodoff@yandex.ru)

Совпадение действия (бездействия) в неосторожном преступлении и его уголовно-правовое значение

В статье раскрываются понятие, признаки и юридическая природа совпадения действия (бездействия) в неосторожном преступлении, проводится разграничение со смежными уголовно-правовыми явлениями, прежде всего с неосторожным сопричинением преступного результата.

Ключевые слова: неосторожное сопричинение, соучастие, неосторожное преступление, совместность последствия преступления, совпадение деяний.

D.A. Bezborodov, Master of Law, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Penitentiary Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; e-mail: d.bezborodoff@yandex.ru

Coincidence of action (inaction) in negligent crime and its criminal and law meaning

The article reveals the concept, features and legal nature of coincidence action (inaction) in negligent crime, makes a distinction with related criminal law phenomenons first of all with negligent simultaneous infliction of criminal result.

Key words: negligent simultaneous infliction, abetting, negligent crime, simultaneity of crime effect, coincidence of acts.

Неосторожное сопричинение, являясь наиболее часто встречающимся видом неосторожных многосубъектных преступлений, тем не менее, не единично. Правоприменение знает достаточно большое количество случаев, не вписывающихся в общую концепцию неосторожного сопричинения в силу отсутствия совместности и представляющих самостоятельное уголовно-правовое явление. Данное явление в теории уголовного права получило название «совпадение действия». Особая форма деяния имеет место, если есть совместность поведения нескольких лиц, если ее нет, наблюдается единство времени и места совершения преступления, иначе говоря, совпадение деяния (действий или бездействия нескольких лиц). При совпадении деяния совместного совершения преступления нет, поскольку каждый причиняет вред своими действиями без взаимодействия с другими лицами, у каждого из виновных в такой ситуации свое преступление. Поэтому при совпадении действия, даже в сравнении с неосторожным сопричинением, общественная опасность практически не повышается. Учет данного обстоятельства представляется перспективным, поскольку позволяет уяснить, что не всякое умышленное или неосторожное стечение нескольких лиц в одном преступлении представляет совместное преступное деяние, требующее специальной уголовно-правовой оценки. А.П. Жиряев применительно к соучастию в преступлении пришел к выводу о том, что окончательное решение вопроса о сущности соучастия, особенно в науке, не представляется возможным. Следует, однако, отметить, что он, пожалуй, одним из первых в отечественной уголовно-правовой науке, о чем наглядно свидетельствует название его сочинения, не отделяет соучастие от случаев стечения нескольких лиц в одном преступлении. Думается, что это не содействовало упорядочению понятийного аппарата [1, с. 6]. Очевидно, что сам преступный результат появляется по той причине, что два или более лица действовали совместно в направлении, вызвавшем преступный результат или не предотвратившем его наступление. Непонимание этого обстоятельства порой ведет к довольно курьезным выводам. Так, по всей видимости, не учитывая данного обстоятельства и чрезмерно широко толкуя неосторожное сопричинение преступного результата, В.А. Нерсесян утверждает, что неосторожное сопричинение – это неосторожное поведение нескольких лиц, действия которых в результате совпадения времени и места приводят к

наступлению преступного последствия. Такое понимание данного явления позволило указанному автору отнести к неосторожному сопричинению, например, последствие, наступившее в результате обоюдного нарушения правил дорожного движения со стороны водителя и пешехода [2, с. 19; 3, с. 19].

Судебно-следственной практике известны случаи, когда двое или более лиц одновременно участвовали в совершении неосторожного преступления, однако их действия все же оценить как неосторожное сопричинение не представляется возможным. Действительно, область неосторожного сопричинения имеет четкие границы, определяемые именно совместностью поведения участников деяния. Многочисленные же формы сосуществования нескольких лиц в одном преступлении никакого отношения к нему не имеют. Из числа указанных случаев, прежде всего, могут быть выделены такие, для которых характерно совпадение именно действий (бездействия) двух или более лиц. Причем характерно это и для умышленных, и для неосторожных преступлений. Следует отметить, что вопрос о юридической природе совпадения действий (бездействия) в умышленных преступлениях требует самостоятельного углубленного рассмотрения. Кроме того, специальную оценку должен получить факт, когда одно из лиц, объединенных единством места и времени преступления, совершает неосторожное преступление, а другое – умышленное.

Следовательно, с неосторожным сопричинением преступного результата такие деяния как раз позволяет разграничить именно совместность, которой в данном случае нет. Только совместность позволяет провести четкую границу между фактами стечения нескольких не связанных между собой деяний, каждое из которых выполнено отдельными лицами самостоятельно, однако все эти деяния в силу сложившихся конкретных обстоятельств вызвали одно последствие. О такого рода деятельности писал еще Н.С. Таганцев, указывая на то, что она «сопредельна, но не совместна» [4, с. 329]. К ней можно отнести случаи, когда преступление совершается несколькими субъектами в одно время и в одном месте, что дает некоторым ученым основания относить такого рода деяния к сопричинению. Следует согласиться с мнением О.Д. Ситковской о том, что «в отдельных случаях, вопреки сложившейся практике, речь идет не о совместном совершении неосторожного преступления, а об исключительной вине нарушителя. То обстоятельство, что, попав, например, в созданную не им аварийную обстановку, водитель не сумел предотвратить тяжкие последствия, не может быть поставлено ему в вину, так как степень предусмотрительности оператора всегда базируется на предположении о соблюдении всеми участниками эксплуатации источника повышенной опасности предписанных правил безопасности» [5, с. 46]. Хотя следует отметить, что в правоприменении такие ситуации оцениваются иначе. Так, Черкесским городским судом Карачаево-Черкесской Республики 8 ноября 1995 г. Г. и И. осуждены по ч. 3 ст. 211 УК РСФСР (ч. 5 ст. 264 УК РФ). Они оба были признаны виновными в нарушении безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшем смерть двух лиц. 6 июня 1993 г. Г., управляя автокраном «УРАЛ», ехал с запада на восток по ул. Крупской г. Черкесска, а И. – на мотороллере «Муравей» с грузовым прицепом, в котором находились пассажиры Ч. и Г., по ул. Кабардинской. Нарушив Правила дорожного движения, Г. не уступил дорогу приближавшемуся справа мотороллеру под управлением И., который также, нарушая правила, не принял мер к снижению скорости и продолжил движение, совершая поворот направо. В результате действий обоих водителей произошло столкновение транспортных средств, повлекшее смерть пассажиров мотороллера [6]. Представляется, что в данной ситуации не было обоюдной вины Г. и И., нарушение допустил Г. Границы участия в неосторожном преступлении должны определяться индивидуальным и виновным деянием каждого из участников, находящимся в причинной связи с преступным результатом. Поэтому четкая фиксация круга уголовно наказуемых действий (бездействия) каждого из субъектов совпадения деяния поможет снять проблему оценки роли потерпевшего в создании преступного последствия.

Подобные конкретные формы совпадения деяний нескольких лиц могут быть:

а) выделены из числа других внешне сходных с ними форм по тому основанию, что на стороне двух или более лиц есть конкретное преступное деяние;

б) отграничены от неосторожного сопричинения по признаку отсутствия совместности поведения таких лиц.

Не учитывая данных обстоятельств и чрезмерно широко толкуя неосторожное сопричинение, В.А. Нерсесян утверждает, что неосторожное сопричинение – это неосторожное поведение нескольких лиц, действия которых в результате совпадения времени и места приводят к наступлению преступного последствия [2, с. 19]. Таким образом, В.А. Нерсесян практически отождествляет неосторожное сопричинение и совпадение действия (бездействия).

Поэтому правильная квалификация совпадения действия (бездействия), во-первых, является гарантией установления круга всех участников преступления и причинно-след-

ственной связи между всеми компонентами (причина, условие, последствие), во-вторых, способствует сравнительной оценке роли отдельных субъектов в причинении результата и четкому определению объема противоправных действий каждого из них.

В целом основными проблемами, требующими разрешения при уголовно-правовой оценке совпадения действия (бездействия) двух или более лиц в неосторожном преступлении, являются: а) определение оснований уголовной ответственности; б) определение пределов уголовной ответственности. Трудности обусловлены тем, что, с одной стороны, совпадение действия (бездействия) практически не изменяет показатели общественной опасности совершенного неосторожного преступления, а с другой стороны, различные виды и объем участия субъектов в совершении неосторожного преступления порождают опасность объективного вменения. Основанием уголовной ответственности для лиц – участников совпадения действия (бездействия) является совершение ими деяния, содержащего все признаки состава выполненного ими преступления. Представляется, что при определении пределов уголовной ответственности нужно учитывать, что каждый из виновных должен нести ответственность за свои действия (бездействие), определяющие его собственный вклад в преступление, а не за причинение преступного последствия в целом (как в неосторожном преступлении, совершенном единолично).

Совпадение деяния (действия или бездействия) в неосторожном преступлении имеет много сходных с неосторожным сопричинением признаков. Среди объективных признаков необходимо прежде всего выделить следующие: множественность субъектов (два или более субъекта); единство места и времени совершения деяния (действия или бездействия); результат, явившийся следствием совпадения деяния; причинно-следственная связь между деянием каждого из субъектов и наступившим последствием. К субъективным признакам совпадения деяния можно отнести неосторожный характер совершаемого деяния, отсутствие осознания факта взаимодействия, приведшего в итоге к наступлению преступного последствия.

Оказание влияния на формирование преступных последствий в совпадении действия, так же как и в неосторожном сопричинении, возможно в следующих вариантах:

а) каждый из участников совпадения деяния совершает активные действия, влекущие наступление преступного результата;

б) все участники бездействуют при наличии обусловленной различными обстоятельствами обязанности действовать;

в) один (несколько) участник(-ов) действует(-ют), другой (другие) бездействует(-ют).

Случаи совпадения деяния (действия или бездействия) в неосторожном преступлении можно подразделить на два основных вида.

1. Совпадение во времени нескольких разобщенных и единолично выполненных неосторожных преступлений, в силу ситуации повлекших один результат.

Типичным примером такого рода поведения может служить, например, обоюдное нарушение правил дорожного движения водителями, повлекшее причинение вреда здоровью: один нарушил скоростной режим, а другой выехал на полосу встречного движения. В этой связи спорным представляется предложение Н.Ф. Кузнецовой и В.Н. Кудрявцева об уголовно-правовой оценке подобного рода действий как неосторожного сопричинения [7, с. 15]. В таком случае в полном объеме несет ответственность каждый из виновных. На это обстоятельство было указано в разъяснениях Верховного Суда РФ. Так, абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» содержит указание на то, что случаях, когда нарушения Правил дорожного движения были допущены двумя или более участниками дорожного движения, содеянное ими влечет уголовную ответственность по ст. 264 УК РФ, если их действия по управлению транспортным средством находились в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в названной статье УК РФ. В качестве примера можно привести следующий казус: Г., управляя автомобилем, нарушил Правила дорожного движения, что повлекло по неосторожности тяжкий вред здоровью человека; М., управляя автомобилем, нарушил Правила дорожного движения, что также повлекло по неосторожности тяжкий вред здоровью человека. Преступления совершены при следующих обстоятельствах: Г., управляя технически исправным автомобилем ВАЗ 210511, двигался по автодороге Темрюк – Краснодар – Кропоткин на 127 км + 300 м со стороны г. Краснодара в сторону г. Славянск-на-Кубани, в пути следования проявил невнимательность, преступную небрежность и в нарушение требований Правил дорожного движения при выполнении поворота налево в запрещенном месте пересек сплошную линию дорожной разметки, выехав на полосу, предназначенную для движения встречного транспорта, где допустил столкновение с автомобилем Лэнд Ровер под управлением М., осуществлявшего обгон двигавшегося впереди транспортного средства и в нарушение Правил дорожного движения пересекшего сплошную линию и выехавшего на полосу, предназначен-

ную для встречного движения. В результате дорожно-транспортного происшествия пассажир автомобиля ВАЗ 210511 получил телесные повреждения, которые квалифицируются экспертом как причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни [8].

Некоторый интерес для исследования в рамках этого вида совпадения деяния представляет собой состав преступления, предусмотренный ст. 224 УК РФ и устанавливающий ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия. Следует задаться вопросом: небрежное хранение огнестрельного оружия одним лицом, создавшее условия для его использования другим лицом и вызвавшее последствия в виде смерти человека или иные тяжкие последствия, – это учтенное уголовным законом совпадение деяния или иное, требующее самостоятельной оценки, уголовно-правовое явление (не представляет ли оно собой ответственность «за чужую вину», т.е. объективное вменение, грубо нарушая ч. 2 ст. 5 УК РФ) [9]?

2. Совершение каждым из субъектов совпадения деяния (действия или бездействия) самостоятельного неосторожного преступления.

Трудности, которые могут возникнуть, связаны и с реализацией принципа справедливости, и с квалификацией преступления. Они обусловлены сложностью определения последствий, подлежащих вменению каждому из субъектов совпадения деяния. Так, например, если бы в рассмотренной выше ситуации в результате ДТП уголовно значимый вред здоровью был причинен одному или нескольким пассажирам ВАЗ 210511, а также наступила смерть одного или нескольких пассажиров автомобиля Лэнд Ровер, возник бы вопрос, кому из виновных и какие последствия вменять. Представляется, что найти ответ не так-то просто, хотя наиболее оптимальным является вменение каждому из участников совпадения деяния наиболее тяжких последствий их деятельности.

Как видим, вопросов, возникающих при определении совпадения деяния, выделении его основных признаков, разграничении с неосторожным сопричинением и определении его юридических границ, на сегодняшний момент остается достаточно много. Поэтому данное уголовно-правовое явление нуждается в дальнейшей и тщательной разработке.

1. Жиряев А.П. О стечении нескольких преступников в одном и том же преступлении. Дерпт, 1850.

2. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступные деяния в свете научно-технической революции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1983.

3. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006.

4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1.

5. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999.

6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 окт. 1997 г.

7. Кузнецова Н.Ф., Кудрявцев В.Н. Квалификация соучастия в преступлении // Сов. юстиция. 1962. № 19. С. 14–17.

8. Приговор Красноармейского районного суда Краснодарского края от 30 июля 2012 г. № 1-145/12 г.

9. Курсаев А.В. Дифференциация уголовной ответственности за неосторожное сопричинение вреда: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

1. Zhiryaev A.P. About confluence of several criminals in the same crime. Derpt, 1850.

2. Nersesyan V.A. Responsibility for negligent criminal actions in the light of scientific and technological revolution: auth. abstr. … Master of Law. Moscow, 1983.

3. Nersesyan V.A. Responsibility for negligent crimes: auth. abstr. … Dr of Law. Moscow, 2006.

4. Tagantsev N.S. Russian criminal law. Lectures. General part: in 2 vol. Moscow, 1994. Vol. 1.

5. Sitkovskaya O.D. Psychological comment to the Criminal code of the Russian Federation. Moscow, 1999.

6. Definition of Judicial division on criminal cases of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Oct 14, 1997.

7. Kuznetsova N.F., Kudryavtsev V.N. Qualification of partnership in a crime // Soviet justice. 1962. № 19.

8. A sentence of Red Army district court of Krasnodar region d.d. July 30, 2012 № 1-145/12.

9. Kursayev A.V. Differentiation of criminal liability for negligent simultaneous infliction of harm: auth. abstr. … Master of Law. Moscow, 2011.

Марьина Евгения Владимировна
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
(e-mail: evgeniya.maryina@legalclinic.ru)

Посредничество во взяточничестве: особенности правоприменительной практики

В статье изучается проблема квалификации посредничества во взяточничестве в России, проводится отграничение мошенничества от посредничества во взяточничестве, анализируется правоприменительная практика по данной категории дел.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве, мошенничество, правоприменительная практика, уголовное законодательство, борьба с коррупцией.

E.V. Marina, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Samara National Research University of the Academic S.P. Korolev; e-mail: evgeniya.maryina@legalclinic.ru

Mediation in bribery: features of law-enforcement practice

The article examines the classification problem of mediation in bribery in Russia, swindling and mediation in bribery are differentiated, law-enforcement practice for this category of cases is analysed.

Key words: mediation in bribery, swindling, law-enforcement practice, criminal legislation, fight against corruption.

Продолжающаяся антикоррупционная кампания в Российской Федерации требует активности не только от правоприменителей, но и от законодателя, который должен искать оптимальные способы борьбы с коррупционными преступлениями и проступками. Также необходимо отметить особую роль Президента РФ, который в своих указах определяет план борьбы с коррупцией. Не стал исключением и 2016 г., поскольку был издан Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы». Поставленные в плане задачи указывают, с одной стороны, на то, что, проблема коррупции остается актуальной, коррупцией поражены многие институты государства: сфера закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд; федеральные целевые программы, крупнейшие инвестиционные проекты; фонд, предназначенный для проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах; коммерческие и некоммерческие организации (см. п. 12 указанной программы). С другой стороны, столь пристальное внимание к этой проблеме всех представителей власти говорит о том, что на всех уровнях власти ведется работа, направленная на предупреждение коррупционных правонарушений. Так, сравнительно недавно (в 2011 г.) в Уголовном кодексе РФ появился самостоятельный состав преступления – посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Прежде действия посредника во взяточничестве могли подпадать под действия пособника либо в даче, либо в получении взятки или иных соучастников преступления, при этом на практике возникали сложности в определении статьи Уголовного кодекса (ст. 290 или ст. 291), которая должна быть вменена обвиняемому, так как не всегда точно можно определить, на чьей стороне выступал посредник.

Статья, предусматривающая ответственность за посредничество во взяточничестве, не нова для нашего уголовного законодательства. УК РСФСР 1960 г. включал ст. 174.1 «Посредничество во взяточничестве», которая, в отличие от ст. 291.1 УК РФ, не раскрывала сущность данного преступного деяния и содержала значительно меньше квалифицирующих признаков.

Вопрос о целесообразности введения самостоятельной статьи за посредничество во взяточничестве, казалось бы, должен быть решен однозначно, т.к. статья необходима правоприменителям в борьбе со взяточничеством. Однако у посредничества во взяточничестве как самостоятельного состава в УК РФ всегда были и сторонники, и противники. В российском уголовном законе посредничество во взяточничестве определяется как непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или

взяткополучателя либо иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере. Под значительным размером понимается сумма, превышающая 25 тыс. руб. Обратимся к практике применения этой статьи в Самарской области. Из 124 уголовных дел о посредничестве во взяточничестве, размещенных на сайте «РосПравосудие», больше половины представлено по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ – «Обещание или предложение посредничества во взяточничестве» [1].

Типичная фабула большинства проанализированных уголовных дел такова: лицо, которое в дальнейшем становится обвиняемым в посредничестве во взяточничестве, предлагает свои услуги по разрешению возникшей проблемы, например оформление санитарной книжки без прохождения медицинской комиссии [2], выдача водительского удостоверения без сдачи экзамена [3], выдача государственных регистрационных знаков для автотранспортного средства с определенной комбинацией цифр и букв [4] и т.д.

Следует отметить, что в материалах уголовных дел либо вообще не говорится о лицах, которым должны были передать деньги, либо указывается, что это неустановленные должностные лица или данные должностные лица не были осведомлены о преступном намерении обвиняемого в посредничестве во взяточничестве. Однако посредник является связующим звеном между взяткодателем и взяткополучателем, у него должна быть возможность передачи денег. Если у посредника нет договоренности с взяткополучателем, то отсутствует и возможность передать ему деньги. В таком случае противоправное деяние является мошенничеством. Р.А. Степаненко подобного рода деяния называет «мнимым посредничеством во взяточничестве», когда взятка принимается «под должностное лицо», но без ведома последнего [5, с. 4]. Но подпадают ли эти действия под ст. 291.1 УК РФ, или их следует квалифицировать как мошенничество (ст. 159 УК РФ)? В п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» указано, что в случае, когда лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, заведомо не намеревалось передавать ценности в качестве взятки должностному лицу либо посреднику и, получив указанные ценности, обратило их в свою пользу, содеянное следует квалифицировать как мошенничество без совокупности с преступлением, предусмотренным ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Таким образом, «мнимое посредничество» – это все-таки мошенничество, при посредничестве во взяточничестве или обещании такового лицо полагает, что полученный предмет взятки будет передан должностному лицу, т.е. последнее тоже нужно устанавливать при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ. Почему же этого не происходит?

В качестве причины можно назвать конструкцию данного состава преступления: состав преступления формальный, т.е. оно считается оконченным с момента принятия посредником денег от взяткодателя. В силу этого на практике расследование осуществляется недостаточно полно, т.е. без установления всех участников цепочки. Нежелание устанавливать возможного взяткодателя кроется именно в моменте окончания преступления. Зачем тратить время и ресурсы на его изобличение, если преступление окончено? Подобная позиция опасна и даже незаконна. В ст. 73 УПК РФ указано, что наряду с событием преступления необходимо устанавливать виновность лица, форму вины и мотивы. При этом необходимо устанавливать субъект преступления, но субъекты будут отличаться в зависимости от того, является ли преступление посредничеством во взяточничестве или мошенничеством.

Если речь идет о посредничестве, то участников будет как минимум трое: взяткодатель, посредник, взяткополучатель. Недопустима ситуация, когда к уголовной ответственности привлечен только посредник, а взяткополучатель не установлен или отсутствует. Данные деяния подпадают под мошенничество, в котором минимальное количество участников: взяткодатель и мошенник.

Любопытным для анализа является следующий пример. В 2013 г. по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ был осужден преподаватель З. за обещание помочь в поступлении в образовательное учреждение высшего профессионального образования [6]. Вместе с ним на скамью подсудимых попали преподаватель и инструктор данного учебного заведения, все были признаны виновными по ч. 5 ст. 291.1 УК РФ как посредники во взяточничестве, разумеется, сами они не обладали должностными полномочиями, позволяющими принять абитуриента в высшее учебное заведение. Но ответственности потенциальные взяткополучатели не понесли, в их отношении не было возбуждено уголовное дело, потому что они не знали, как следует из материалов уголовного дела, о преступном умысле этой группы. Получается, что виновные ввели взяткодателя в заблуждение относительно своих полномочий и возможностей по решению вопроса о поступлении в вуз, что является признаком

мошенничества, а не посредничества во взяточничестве.

Изучая материалы уголовных дел, можно встретить приговоры по делам об обещании посредничества, где должностное лицо, которому, со слов посредника, причиталось незаконное вознаграждение, «не было осведомлено о преступном намерении обвиняемого» [7].

При этом если посредник полагает, что у него есть возможность передачи денег должностному лицу, но последнее отказывается от их принятия, действие должно быть квалифицировано как покушение на посредничество во взяточничестве (ст. 30, 291.1 УК РФ).

На практике можно встретить уголовные дела, где должностное лицо обвиняется в получении взятки, при этом есть основания полагать, что лицо являлось посредником во взяточничестве, однако сотрудниками правоохранительных органов не устанавлены иные лица, причастные к коррупционному преступлению, в том числе и потому, что преступление с формальным составом уже окончено и нет необходимости усложнять работу дополнительными оперативными и следственными действиями. Так, ранее судимая за получение взятки О. получила незаконное вознаграждение за выставление экзаменов и зачетов без их сдачи. В результате оперативных действий О. передала студенту зачетную книжку, в которой были поставлены оценки не только ею, но и другими преподавателями, которые позже стали свидетелями по уголовному делу. Эти свидетели указали, что О. действительно просила их поставить оценки без сдачи экзамена, они согласились, но какого-либо вознаграждения не получали [8].

Таким образом, установление характера отношений передающего незаконное вознаграждение с должностным лицом позволит правильно квалифицировать деяние как посредничество во взяточничестве, мошенничеством или получение взятки.

Взяточничество, как любое коррупционное преступление, обычно имеет системный характер, взяткополучатель и посредник совершают преступления неоднократно. В существующих методиках расследования взяточничества указывается, что «обязательной проверке подлежит версия о систематических «поборах» со стороны... должностного лица» [9, с. 17]. При этом преступления, которые могут быть выявлены в результате расследования, подпадают под признаки сложнейших совокупностей составов преступлений. К сожалению, при изучении материалов уголовных дел коррупционной направленности не всегда наблюдается поиск возможных совокупностей.

В то же время существует ошибочное мнение, что при обещании или предложении посредничества взяткополучатель может отсутствовать, т.е. посредник предлагает свои услуги по поиску соответствующего должностного лица, которое сможет решить возникшую проблему. Еще Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 31 июля 1962 г. № 9 «О судебной практике по делам о взяточничестве» указывал, что лицо, которое организует дачу взятки, подстрекает к этому либо является пособником дачи или получения взятки и одновременно выполняет посреднические функции, несет ответственность за соучастие в даче или получении взятки. Таким образом, данное лицо является организатором получения или дачи взятки либо подстрекателем, но не посредником во взяточничестве.

При расследовании коррупционных преступлений необходимо устанавливать предмет взятки, обязательно определяя, всю ли сумму планировал передать посредник взяткополучателю или только ее часть. Исследование последнего обстоятельства крайне редко встречается в материалах уголовных дел. При мошенничестве не предлагается передача незаконного вознаграждения должностному лицу, т.е. это еще один критерий, позволяющий разграничить анализируемые преступления.

Также следует отметить, что в последнее время все чаще в материалах уголовных дел данной категории встречаются ходатайства об особом порядке принятия судебного решения и постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением. Получается, что если обвиняемый или подсудимый (в зависимости от того, заявляется ли ходатайство в момент ознакомления с материалами на предварительном слушании, когда оно является обязательным) соглашается с предъявляемым обвинением, судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. А это означает только одно: взяткополучатель, если его личность не была установлена в ходе предварительного расследования, и в суде не будет установлен.

Таким образом, в соответствии с положениями общей теории права посредничество во взяточничестве является частным элементом уголовно-правового отношения между взяткодателем и взяткополучателем в виде уголовно наказуемого злоупотребления своими должностными полномочиями, нарушения субъективных прав и законных интересов других лиц, организаций, общества и государства и невыполнения должностных обязанностей (содержание такого отношения). Поскольку в

большинстве случаев прямое взаимодействие субъектов этого отношения по тем или иным причинам затруднено, посредник выполняет важную роль фактического катализатора данного отношения.

Следовательно, рассматривая уголовно наказуемые действия посредника во взяточничестве в отрыве от основной линии уголовно-правового отношения, правоприменитель не только совершает логическую ошибку, но и неоправданно не дает должной уголовно-правовой оценки деянию взяткополучателя, которое, как правило, носит систематический характер.

В результате как уголовно-правовая, так и криминологическая характеристика такого рода преступлений является неполной.

1. Сайт «РосПравосудие». URL: https://rospravosudie.com/etapd-pervaya-instanciya/vidpr-ugolovnoe/region-samarskaya-oblast-s/category-291.1-q/section-categories/ (дата обращения: 30.08.2016).

2. Архив Центрального районного суда г. Тольятти. Уголовное дело № 1-222/2013.

3. Архив Советского районного суда г. Самары. Уголовное дело № 1-519/2015.

4. Архив Волжского районного суда г. Самары. Уголовное дело № 1-267/2015.

5. Степаненко Р.А. Особенности методики расследования преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.

6. Архив Советского районного суда г. Самары. Уголовное дело № 1-481/2013.

7. Архив Волжского районного суда Самарской области. Уголовное дело № 1-153/2014.

8. Архив Ленинского районного суда г. Самары. Уголовное дело № 1-185/2013.

9. Гармаев Ю.П. Методика уголовного преследования по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе // Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Специализированный учебный курс / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2006.

1. Website «RosPravosudie». URL: https://rospravosudie.com/etapd-pervaya-instanciya/vidpr-ugolovnoe/region-samarskaya-oblast-s/category-291.1-q/section-categories/ (date of access: 30.08.2016).

2. Archive of the Central district court of Tolyatti. Criminal case № 1-222/2013.

3. Archive of the Soviet district court of Samara. Criminal case № 1-519/2015.

4. Archive of the Volzhskiy district court of Samara. Criminal case № 1-267/2015.

5. Stepanenko R.A. Features of technique of investigation of crimes related to mediation in bribery: auth. abstr. … Master of Law. Saratov, 2015.

6. Archive of the Soviet district court of Samara. Criminal case № 1-481/2013.

7. Archive of the Volzhskiy district court of Samara. Criminal case № 1-153/2014

8. Archive of the Leninsky district court of Samara. Criminal case № 1-185/2013.

9. Garmaev Yu.P. The method of criminal prosecution in cases of bribery and commercial bribery // Shesler A.V. Group crime: criminological and criminal law aspects. Specialize taught course / ed. by N.A. Lopashenko. Saratov, 2006.

Юшина Юлия Владимировна
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: sevas1981@yandex.ru)

Евтушенко Инна Ивановна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: inna-evt@yandex.ru)

О совершенствовании мер уголовно-правового противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности

Предлагается разделить в диспозициях статей Особенной части УК РФ преступления террористической направленности и экстремизм, ввести уголовную ответственность за публичное оправдание экстремизма и экстремистский мотив как квалифицирующий признак целого ряда составов преступления.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, оправдание экстремизма, экстремистский мотив.

Yu.V. Yushina, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: sevas1981@yandex.ru;

I.I. Evtushenko, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: inna-evt@yandex.ru

About improvement of measures criminal and law counteraction to offences terrorist and extremist

It is proposed in the dispositions of articles of the Special part of the Criminal code of the Russian Federation to divide terrorist crimes and extremism, to introduce criminal responsibility for public justification of extremism and extremist motive as qualifying characteristic of many crime components.

Key words: terrorism, extremism, justification of extremism, extremist motive.

Анализ уголовного законодательства Российской Федерации за последние годы достаточно убедительно свидетельствует о приоритетности совершенствования мер противодействия преступлениям террористической и экстремистской направленности.

Противодействие экстремистским проявлениям потребовало от государства принятия адекватных мер. Так, Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ установлена уголовная ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ), за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ), за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ введена Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ).

В период с 2013 по 2014 г. аналогичная ответственность установлена за пособничество в совершении террористического акта, финансирование терроризма (ч. 3, 4 ст. 205.1 УК РФ), за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ), за заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ). Часть 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» дополнена пунктом: «р) совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма».

Согласно официальным данным портала правовой статистики Генеральной прокурату-

ры РФ, только за 12 месяцев 2015 г. на территории Российской Федерации при общем росте количества зарегистрированных преступлений число преступлений экстремистской направленности возросло на 28,5%. Наибольший рост наблюдается в Брянской области (с 1 до 12; в 12 раз), Забайкальском крае (с 3 до 10; в 3,3 раза), Республике Адыгея (с 3 до 8; в 2,66 раза). Число преступлений экстремистской направленности в Республике Крым за январь − июнь 2015 г. выросло в 2,5 раза, а число выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, − в 2 раза [2].

При этом приведенные статистические данные − только надводная часть айсберга, они не отражают объективную картину распространенности экстремистских проявлений в стране.

В чем же причина роста статистических показателей количества экстремистских преступлений? Напрашиваются два возможных варианта ответа: либо больше совершается таких деяний, либо чаще возбуждаются уголовные дела по поступившим материалам проверок. Полагаем, оба ответа являются правильными.

В настоящий момент мы можем совершенно точно констатировать, что как в доктрине, так и в законодательстве отсутствует общепринятая концепция экстремизма и противодействия ему.

Разработанные различными учеными подходы указывают на отсутствие единых критериев определения понятия и признаков экстремизма, в том числе и его особо опасной преступной формы, что и является одним из главных условий его широкомасштабного безнаказанного распространения [5; 1]. Законодательство не содержит признаков экстремизма, а лишь определяет запрещенную экстремистскую деятельность, перечень видов которой постоянно уточняется. Так, в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» любое деяние, совершенное по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, признается экстремистским.

Как справедливо указывает А.В. Петрянин, «законодатель при создании указанного нормативного правового акта не заложил в него основной концептуальной идеи, отражающей непосредственную сущность экстремизма, остановившись лишь на мотивации» [5, с. 193−196].

Как следствие, это приводит к многочисленным разночтениям в толковании норм уголовного права на практике, субъективизму, псевдоэффективной работе правоохранительных органов, средневековой «охоте на ведьм», посягательству на свободу слова и мысли. Особенно это проявляется в таких показателях статистики, как количество зарегистрированных материалов проверки, количество возбужденных уголовных дел, количество постановленных по ним обвинительных приговоров. Часто оперативные сотрудники Центров по противодействию экстремизму, созданных в каждом из субъектов России, усмотрев признаки экстремистской деятельности в чьих-либо действиях, предпринимают усилия по собиранию и закреплению доказательств, передают их по подследственности в СК России или ФСБ России, а следователь, его руководитель, прокурор либо не усматривают признаков преступления вообще, либо еще на этапе согласования спорят о квалификации и юридической оценке содеянного. Причем в различных субъектах РФ практика применения одних и тех же норм законов существенно отличается. И различные показатели уровня экстремистских проявлений во многом связаны именно с этим. Например, по данным Прокуратуры Республики Крым, за 2015 г. поступило 13 сообщений о преступлениях экстремистской направленности. Только по 3 сообщениям принято решение о возбуждении уголовного дела, 2 сообщения находятся на рассмотрении [4, с. 357−358]. При этом самым распространенным преступлением является «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ).

По мнению большинства ученых, «экстремизм и терроризм − это явления не только взаимосвязанные, но и взаимопроникающие. Экстремизм означает приверженность к крайним формам разрешения социальных конфликтов, поэтому он допускает и обосновывает необходимость применения насильственных методов, в числе которых и различные проявления терроризма. Терроризм является крайней и наиболее опасной формой экстремизма, эти понятия соотносятся как видовое и родовое» [7; 9; 1].

Разделяя эту позицию, законодатель в целях противодействия экстремизму в целом, а не только его наиболее опасной форме (терроризму) в примечании № 2 к ст. 282.1 УК РФ сформулировал понятие преступлений экстремистской направленности, избрав единственным критерием экстремистский мотив. Именно по этому критерию, а не объекту преступного посягательства осуществлена их имплантация в качестве квалифицирующих признаков основного состава в статьи, главы и разделы Особенной части Уголовного закона. Вместе с тем, процесс законодательного определения преступлений экстремистской направленности представляется незавершенным.

Более обоснованным международно-правовыми документами и нормативно-правовыми актами России представляется мнение, со-

гласно которому терроризм обладает всеми признаками экстремизма, а также специфическими признаками, присущими именно данному проявлению экстремизма [7].

И в законодательстве, и на практике, как справедливо замечает С.С. Борисов, мы наблюдаем «смешение двух различных понятий и соответствующих им явлений – экстремизма (экстремистской деятельности) и терроризма (террористической деятельности)» [1, с. 36]. В связи с чем практически значимо для целей единообразия правоприменения было бы исключить дублирование отдельных проявлений этих явлений за счет четкого разделения терроризма и экстремизма на уровне федеральных законов, изъяв из Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» упоминание о проявлениях террористической деятельности, определив терроризму и террористической деятельности самостоятельное место в системе крайних проявлений экстремистской деятельности, характеризуемых в первую очередь специфическим способом реализации радикальных идей – с применением насилия.

Сравнительный анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, сигнализирует о наличии в их конструкции пробелов, требующих законодательного разрешения.

Так, ст. 205.2 УК РФ установлена ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Понятие публичного оправдания терроризма поясняется в примечании к этой статье как публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

В этой связи представляется пробелом отсутствие уголовной ответственности за публичное оправдание экстремизма и установление такой ответственности только за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в редакции ч. 1 ст. 280 УК РФ. Возможные ссылки оппонентов на п. «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ, изложенный в редакции: «совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма», в котором отсутствует слово «экстремизм», представляются недостаточно убедительными.

Правовым нонсенсом представляется ситуация, когда виновное лицо имеет право безнаказанно делать публичное заявление о признании идеологии и практики экстремизма правильными, о необходимости и поддержке преступлений экстремистской направленности (умышленного убийства, истязаний, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, возбуждения ненависти или вражды, а равно унижения человеческого достоинства и т.д.), совершенных «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Логически возникает вопрос и об алгоритме действий работника правоохранительного органа (следователя, прокурора, судьи) в случае заявления обвиняемого, что он признает себя виновным в публичном оправдании экстремистской деятельности, но отрицает оправдание терроризма.

Чтобы устранить указанный пробел, представляется целесообразным дополнить название и редакцию ч. 1 ст. 282 УК РФ словами «или публичное оправдание экстремизма», а п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ дополнить фразой «а также совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки экстремизма».

Кроме этого, отсутствие в ст. 205 УК РФ указания на экстремистский мотив совершения данного деяния, как отмечает А.И. Рарог, «следует рассматривать как пробел в законе, не позволяющий дать надлежащую уголовно-правовую оценку террористическому акту, совершаемому по этому мотиву, но не сопровождаемому целями воздействия на принятие решений органами власти или международными организациям» [7].

Вместе с тем, следует отметить уязвимость его предложения о дополнении ч. 1 этой статьи словами «либо совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» [7] и не согласиться с ним.

Во-первых, в теории уголовного права аксиомой считается положение, что отсутствие специальной цели совершения преступления исключает наличие состава преступления вообще, в том числе и предусмотренного ст. 205 УК РФ.

Во-вторых, отметим позицию законодателя, который при конструкции конкретных статей Особенной части УК РФ обстоятельства, отягчающие наказание, в том числе совершение преступления «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» (п. «е» ч. 1

ст. 63 УК РФ), в подавляющем большинстве случаев относит к квалифицирующим признакам основного деяния, независимо от объекта посягательства. Подтверждением обоснованности такого вывода могут служить редакции п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 4 ст. 150 УК РФ, ч. 2 ст. 214 УК РФ и др.

Общий смысл действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, состоит в стремлении виновного лица (в нашем случае террориста) посеять между людьми различных социально-демографических групп взаимное недоверие, отчуждение, подозрительность, мнительность, напряженность, неприязнь, переходящие в устойчивую враждебность.

Совершение же террористического акта по экстремистским мотивам, исходя из повышенной степени общественной опасности, квалифицирует это преступное деяние в сравнении с основным составом ст. 205 УК РФ.

Приведенные аргументы позволяют нам предложить несколько иной путь устранения отмеченного пробела в законодательстве: в ч. 2 этой статьи ввести квалифицирующий признак совершения террористического акта, а именно пункт «г» («по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»).

Кроме этого, указанными выше мотивами, по нашему мнению, может руководствоваться виновное лицо и в следующих случаях: неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или специальным правилом, особенно в случаях, когда это деяние повлекло по неосторожности смерть больного (ст. 124 УК РФ); похищение человека (ст. 126 УК РФ); незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ); необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнения беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ); невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 168 УК РФ).

Повышенная общественная опасность таких деяний (в сравнении с основным составом) выражается, по мнению Ю.Е. Пудовочкина, «в стремлении виновного показать свое превосходство и неполноценность потерпевшего по причине его принадлежности к конкретной (иной) нации, по причине его расовой принадлежности, исповедования им определенной религии (неисповедования религии вообще) либо по причине его политических взглядов или социального происхождения и положения и вследствие этого выразить свое ненавистное к нему отношение, спровоцировать вражду или рознь либо отомстить за вероотступничество или нежелание примкнуть к какой-либо конфессии, политической или социальной группе» [6, с. 18].

Поэтому для выполнения одной из задач УК РФ, а именно предупреждения преступлений (в том числе и экстремистской направленности), в целях препятствования распространению питательной среды для роста экстремистских побуждений, настроений, мотивации и, как следствие, пополнения рядов экстремистских сообществ и организаций, оказания ими пособничества в осуществлении преступной деятельности полагаем целесообразным рассмотреть вопрос об изменении редакций перечисленных статей УК РФ, дополнив их квалифицирующим признаком совершения таких деяний «по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

1. Борисов С.С. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.

2. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения 29.01.2016).

3. Действующее международное право: в 3 т. / отв. ред. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 1996–1997. Т. 3

4. Евтушенко И.И. Трудности применения уголовно-правовых норм по противодействию

1. Borisov S.S. Extremist crimes: problems of legislation and enforcement: auth. abstr. … Dr of Law. Moscow, 2012.

2. General Procuracy of the Russian Federation. Legal statistics portal. URL: http://crimestat.ru/ (date of access: 29.01.2016).

3. Existing international law: in 3 vol. / resp. ed. Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. Moscow, 1996–1997. Vol. 3

4. Evtushenko I.I. Difficulties of application of criminal law standarts to combat extremism in Crimea // Response to extremism and terrorism in the Crimea federal district: problems of theory and

экстремизму в Крыму // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 8 окт. 2015 г. Симферополь, 2015.

5. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. д-ра юрид. наук. М., 2014.

6. Бриллиантов А.В., Долженкова Г.Д., Жевляков Э.Н., Пудовочкин Ю.Е. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 2.

7. Рарог А.И. Соотношение между экстремизмом и терроризмом. URL: http://www.kai.ru/info/security/ex-terr.pdf (дата обращения: 19.05.2015).

8. Рудик М.В. Современные информационные технологии в террористической деятельности // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 3 окт. 2014 г. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар, 2014. Т. III.

9. Скудин А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. URL: http://www.dissercat.com/content/pravovye-mery-protivodeistviya-ekstremizmu (дата обращения: 19.05.2015).

10. Сборник информационно-методических документов Следственного комитета Российской Федерации / под ред. А.П. Короткова. М., 2013.

11. Юшина Ю.В. О неиспользованных возможностях ряда статей главы 31 УК РФ для противодействия терроризму и экстремизму // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики / под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь, 2015.

12. Иванцов С.В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // Общество и право. 2015. № 3(53).

13. Кашкаров А.А., Игнатов А.Н. Основные причины совершения преступлений экстремистского характера в Крыму в современных условиях // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики / под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь, 2015.

practice: proc. of the All-Russian sci.-pract. conf., Oct. 8, 2015. Simferopol, 2015.

5. Petryanin A.V. Response to extremist crimes: criminal law and criminological aspects: diss. … Dr of Law. Moscow, 2014.

6. Brilliantov A.V., Dolzhenkova G.D., Zhevlyakov E.N., Pudovochkin Yu.E. Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (article-for-article): in 2 vol. / ed. by A.V. Brilliantov. Moscow, 2015. Vol. 2.

7. Rarog A.I. The relationship between extremism and terrorism. URL: http://www.kai.ru/info/security/ex-terr.pdf (date of access: 19.05.2015).

8. Rudik M.V. Modern information technologies in terrorist activities // Current issues of criminal policy: proc. of the Vth Intern. sci.-pract. conf., Krasnodar, Oct. 3, 2014 / ed. by A.N. Ilyashenko. Krasnodar, 2014. Vol. III.

9. Skudin A.S. Legal measures of counteraction to extremism: auth. abstr. … Master of Law. Moscow, 2011. URL: http://www.dissercat.com/content/pravovye-mery-protivodeistviya-ekstremizmu (date of access: 19.05.2015).

10. Collection of informative and methodical documents of the Russian Federation Investigative Committee / ed. by A.P. Korotkov. Moscow, 2013.

11. Yushina Yu.V. About untapped possibilities of a number of articles in chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation to combat terrorism and extremism // Countering extremism and terrorism in the Crimean federal district: theory and practice / gen. ed. by S.A. Butkevitch. Simferopol, 2015.

12. Ivantsov S.V. Criminological forecasting in the planning of crime prevention // Society and law. 2015. № 3(53).

13. Kashkarov A.A., Ignatov A.N. The main causes of crimes of an extremist nature in the Crimea in modern conditions // Countering extremism and terrorism in the Crimean federal district: theory and practice / gen. ed. by S.A. Butkevitch. Simferopol, 2015.

Хомутов Максим Владимирович
преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

Эволюция юридической ответственности за самоуправство (X–XIX века) в контексте современного состояния уголовной политики

Статья представляет собой анализ источников отечественного права, на основании которого рассматривается процесс эволюции норм отечественного законодательства о самоуправстве со времен Древней Руси до конца XIX в., выделены основные этапы и тенденции их развития. На основе исторического опыта выдвигаются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: уголовная политика, самоуправство, уголовное право, история права, эволюция ответственности за самоуправство.

M.V. Khomutov, Lecturer of the Chair of Theory and Histoty of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Evolution of legal responsibility for arbitrariness (X–XIX centuries) in the context of the current status of criminal policy

The article is an analysis of the sources of domestic law by which examines the evolution of the rules of domestic law of arbitrariness since the days of ancient Russia before the end of the XIX century, highlighted the main stages and their development trends. Based on historical experience put forward proposals to improve the current legislation

Key words: criminal policy, arbitrariness, criminal law, history of law, evolution of responsibility for arbitrariness.

Формирование культуры противодействия преступности [1, с. 119] и преодоление кризиса современной уголовной политики [2, с. 22] невозможно без обстоятельного научного исследования эволюции различных уголовно-правовых институтов в контексте современного состояния уголовной политики. Современное законодательство устанавливает обязательный для всех граждан порядок реализации их прав. Нарушение соответствующих нормативных предписаний причиняет вред интересам граждан, организаций и государства. За причинение существенного вреда при нарушении порядка осуществления гражданами своих прав устанавливается уголовная ответственность. К числу таких посягательств относится самоуправство, ответственность за которое предусмотрена ст. 330 УК РФ.

Исследование развития отечественного законодательства об ответственности за самоуправство позволяет раскрыть эволюцию этого правового института в нашей стране, выявить основные этапы и тенденции его развития.

Понятие «самоуправство» неразрывно связано с возникновением и развитием системы права, возникновением органов государства как организованного аппарата власти. На раннем этапе развития Древнерусского государства действовали нормы обычного права. Как таковой дифференциации на преступление и гражданское правонарушение не существовало. Любое причинение вреда именовалось «обидой». Едва ли не единственным способом защиты нарушенного права на данном этапе развития Древнерусского государства были вековые обычаи кровной мести или же восстановление справедливости по принципу талиона – «око за око, зуб за зуб».

В этот период особое положение среди источников Древнерусского права занимают договоры Руси с Византией, свидетельствующие о большом весе Киевской Руси в международных отношениях X в. Помимо политических, культурных и социально-экономических связей Руси с Византийской империей, в них просматриваются и начала международного права. Несмотря на несовершенство право-

вых норм, в этих договорах уже предусмотрена ответственность за самоуправные действия: «Если кто-либо – русский у христианина или христианин у русского, – причиняя страдания и явно творя насилие, возьмет что-нибудь принадлежащее другому, пусть возместит убытки в тройном размере» [3, с. 28]. Основываясь на нормах обычного права Древней Руси и Византии, самовольными, самоуправными признавались любые действия, нарушавшие права как русских, так и греков. Однако, изучая эти древнейшие источники, можно сделать вывод о постепенном отходе в отечественном праве от практики восстановления справедливости путем кровной мести.

Наиболее интересным из источников права Древнерусского государства является Русская Правда – сборник правовых норм Киевской Руси периода феодальной раздробленности, во всех своих редакциях и списках имеющий большое историческое значение. Прямого упоминания о самоуправстве в ней нет, однако устанавливается достаточно серьезная ответственность, например, за уничтожение либо перенос межи или за «раззнаменование борти» без соответствующего разрешения суда или должностного лица (ст. 71–73 Русской Правды Пространной редакции) [3, с. 170]. И Краткая, и Пространная редакции Русской правды предписывали задержанного ночью и не убитого до рассвета вора доставлять на княжеский двор для суда. Убийство же вора после рассвета расценивалось как преступление против порядка управления, которое каралось существенным штрафом (12 гривен) (ст. 40 Русской Правды Пространной редакции) [3, с. 156].

Наиболее приближенной к современному понятию самоуправства являлась норма, прямо предписывающая порядок действий владельца в случае отыскания похищенной вещи. Если правомерность обладания какой-либо вещью оспаривалась другим лицом, владелец должен был идти на свод, где и решалась судьба спорной вещи. При нарушении такого порядка виновный обязан был уплатить штраф (ст. 35 Русской Правды Пространной редакции) [3, с. 153]. На данном примере видны попытки установить порядок решения споров путем введения определенного механизма регулирования.

Следующим этапом развития отечественного законодательства являются Новгородская, Двинская и Псковская судные грамоты.

Новгородская судная грамота содержит прямой запрет на расправу, самоуправные действия: «...а до суда над ним силы не деять, а кто силу доспеет ино тым его и обвинить» (ст. 36 Новгородской судной грамоты) [4, с. 308]. То есть любое насилие над человеком до решения суда является противозаконным, а лицо, совершившее такие действия, считается виновным и подлежит ответственности. Таким образом, можно говорить об одном из первых запретов внесудебного порядка решения споров, встречающихся в Русском праве.

Как и Русская Правда, Новгородская судная грамота уделяет особое внимание спорам о земле. Так, ст. 7 определяет порядок ведения судебного спора о земле, запрещая при этом ее самовольные захваты. Вместе с тем, Новгородский закон разрешал самостоятельный захват отсуженной земли после получения судебного решения (грамоты судьи) [4, с. 305].

Псковская судная грамота во многом схожа с Новгородской, и вопросы землевладения в ней решаются на той же основе. Однако есть и определенные отличия. Так, ст. 67 гласит: «А истец, приехав с приставом, а возьмет что за свои долг силою, не утяжет своего истца, ино быти ему у грабежу, а грабеж судить рублем, и приставное платить виновному» [5, с. 203]. То есть прямо запрещается самоуправство истца, приехавшего вместе с приставом и пожелавшего взять силой имущество ответчика за долги, не выиграв дело в суде. В таком случае он будет обвинен в грабеже и понесет соответствующее наказание.

Следует отметить, что Новгородская и Псковская судные грамоты впервые устанавливают публично-правовую, а не частноправовую ответственность за самоуправство. Кроме этого, именно средневековое законодательство княжеств Северо-Западной Руси впервые дает понятие самовольных действий и указывает обязательный признак самоуправства – насилие.

В законодательстве XV–XVII вв. интерес представляет Соборное уложение 1649 г., в котором самоуправство запрещается, однако санкция за него предусмотрена лишь в случае применения насилия. Примером может служить ст. 213 Уложения, которая декларативно, не устанавливая никакой ответственности, предписывала защищать нарушенные права в судебном порядке: «...искати судом, а собою не управливлятися» [6, с. 316]. Тем же законо-

дательным актом было запрещено самоуправство ратных людей, имевших право на покупку хлеба на льготных условиях. Принудительно эта норма должна была реализовываться с привлечением воеводы и приставов. Изъятие хлеба помимо этого порядка было наказуемым: «А будет кто... имати хлебные запасы... насильством, учнут кого грабити... убытки правити вдвое» (ст. 22 гл. VII Соборного уложения 1649 г.) [6, с. 278].

С началом эпохи царствования Петра I продолжало применяться Соборное уложение, однако оно, как и многие нормы права XVII в., фактически потеряло силу после государственных преобразований начала XVIII в. Особенно интенсивной законодательная деятельность Петра I была в области уголовного права. И нормы указов, и нормы общих актов, подобно Соборному уложению, часто устанавливали устрашение как одну из целей применения наказания. Наибольший интерес из уголовно-правовых документов Петровского времени представляет Артикул воинский 1715 г., сыгравший большую роль в развитии уголовного и процессуального законодательства России. Впоследствии, в 1719 г., повелением Петра I Артикул воинский был опубликован вместе с Уставом воинским 1716 г. под общим названием «Книга Устав воинский о должности генералов, фелт маршалов и всего генералитета, и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно. Купно при сем Артикул воинский и с процессом надлежащим к судящим, и Экзерцицею, о церемониях и должностях воинским людем надлежащим» [7, с. 317]. Внимание Петра I особо привлекал вопрос ответственности за государственные преступления и установления за них наиболее тяжких наказаний. В связи с этим и самоуправство начинает определяться как преступление против государственной власти. Так, Воинский Устав 1716 г. устанавливал наказание за «самовольство», т.е. любые действия, направленные на ограбление, совершаемые «без указу», «без позволения» [7, с. 330]. Кроме этого, воспрещалось самовольное занятие квартир («сам собою не дерзать иную квартиру занимать или на имя другого подписывать»), самоуправство в отношении хозяина квартиры и его людей, нанесение им убытков, а также несоблюдение правил поведения и поддержания чистоты в лагерях. Законодатель определяет как самоуправство грабеж «вне обоза... без позволения и ведома начального» [7, с. 228], а также нарушение установленных правил поведения в лагерях, то есть действия самовольные, без разрешения, причиняющие ущерб гражданам.

В период царствования Петра I произошло изменение подхода к пониманию предмета самоуправства. Если ранее под самоуправством понимался спор в связи с претензиями по поводу имущества или долговых обязательств, то позже самоуправством стали называть своевольство, сопровождаемое насилием. В качестве преступления выделяли именно неподчинение законному порядку разрешения спорной ситуации, т.е. рассматривали самоуправство в качестве преступления против порядка управления и суда. В этой ситуации возможно провести параллели между современным понятием самоуправства и самовольными действиями, совершаемыми во времена царствования Петра I, поскольку самоуправство впервые определяется как неподчинение законному порядку решения споров. Специфика законодательства данного периода заключается в том, что оно в первую очередь распространяет свое действие на военнослужащих. Так, например, к самоуправным действиям относился грабеж, под которым понимался грабеж мирного населения в ходе военных действий, наказанием за него могла быть даже смертная казнь.

Следующим этапом развития уголовно-правововых норм, касающихся самоуправства, становится утвержденное 15 августа 1845 г. Указом императора Николая I Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, введенное в действие с 1 мая следующего года. По существу оно представляло собой первый Уголовный кодекс России, поскольку предшествующие законодательные источники объединяли, как правило, нормы различных отраслей права. В гл. 1 «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям» раздела IV «О преступлениях и проступках против порядка управления» содержится ст. 300, которая гласит: «Кто и в случае оказанной ему какой-либо несправедливости или же неисполнения законных его требований вместо того, чтобы просить об удовлетворении надлежащим установленным на то порядком, употребит для сего самовольно какие-либо, соединенные с насилием, меры, тот за сие самоуправство подвергается: или заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года; или аресту на время от трех недель до трех месяцев; или денежному взысканию от пяти до пятидесяти рублей; или же токмо строгому выговору и в присутствии суда, смотря по обстоятельствам, более

или менее увеличивающим или уменьшающим вину его» [8, с. 244].

По сравнению с современным составом самоуправства (ст. 330 УК РФ), в Уложении, на наш взгляд, более полно раскрыты элементы состава уголовно наказуемых самоуправных действий, что значительно облегчает правоприменителю отграничение самоуправства от смежных составов преступления. Как следует из ст. 300 Уложения, уголовно наказуемое самоуправство совершается с определенным мотивом, который отсутствует в современной трактовке данного преступления. Таким образом, с учетом исторического опыта представляется возможным внести изменения в диспозицию ст. 330 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Самоуправство, т.е. самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, с целью исполнения законных требований и восстановления нарушенных прав, если такими действиями причинен существенный вред...».

Эволюция правовых норм об ответственности за самоуправство может быть представлена следующим образом:

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: «Кто и в случае оказанной ему какой-либо несправедливости или же неисполнения законных его требований вместо того, чтобы просить об удовлетворении надлежащим установленным на то порядком, употребит для сего самовольно какие-либо, соединенные с насилием меры…» [8].

2. Уголовный кодекс Росийской Федерации: «Самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред…» [9].

3. Предлагаемый вариант редакции: «Самоуправство, т.е. самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, с целью исполнения законных требований и восстановления нарушенных прав, если такими действиями причинен существенный вред…».

Проанализировав эволюцию норм отечественного права об ответственности за самоуправство со времен Древней Руси до периода Российской империи, можно выделить ряд основных этапов: полное дозволение самоуправных действий как единственно возможный способ защиты нарушенных прав; постепенное ограничение возможности самоуправства; полный запрет самоуправных действий и отнесение их в разряд преступлений против порядка управления. Эти этапы могут быть представлены следующим образом:

I этап – договоры Руси с Византией, Русская правда. Характерно применение термина «обида» для всех случаев нарушения права, отсутствие дифференциации на преступления, административные правонарушения, гражданско-правовые деликты; кровная месть является легитимным и одним из основных средств восстановления нарушенных прав.

II этап – Новгородская, Двинская, Псковская судные грамоты. Особенностью этого этапа является установление публично-правовой ответственности за самоуправство и наличие насилия как обязательного признака самоуправства.

III этап – Соборное уложение. Решение спорных вопросов осуществляется исключительно через суд, вводится полный государственный запрет на самоуправные действия, однако ответственность наступает лишь за самоуправство, сопряженное с насилием.

IV этап – Воинские уставы Петра I. Спецификой данного этапа можно назвать развитие норм о самоуправстве через законодательство, регламентирующее права и обязанности военнослужащих; в этот же период устанавливается ответственность за неподчинение законному порядку разрешения спорной ситуации.

V этап – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Это заключительный этап развития норм о самоуправстве дореволюционного периода, когда, на наш взгляд, удалось выявить суть самоуправства и представить его как совершение насильственных действий вопреки установленному порядку, в случае несправедливости в отношении лица. или же неисполнения его законных требований.

1. Симоненко А.В., Грибанов Е.В. Культура противодействия преступности в деятельности органов внутренних дел // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 4.

2. Грибанов Е.В. Кризис современной уголовной политики и пути его преодоления // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25 сент. 2015 г. Краснодар, 2015. Т. 2.

3. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952.

4. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984.

5. Памятники русского права. Вып. 3: Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV–XV вв. / под ред. С.В. Юшкова. М., 1955.

6. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3: Акты Земских соборов / под ред. О.И. Чистякова, А.Г. Манькова. М., 1984.

7. Российское законодательство X-XX веков. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова, А.Г. Манькова. М., 1984.

8. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И.Чистякова. М., 1988.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Simonenko A.V., Gribanov E.V. Culture combating crime in the activities of internal affairs bodies // Bull. of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 4.

2. Gribanov E.V. Crisis of the modern criminal policy and ways to overcome // Current issues of criminal policy: proc of the VI Intern. sci.-pract. conf., Sept. 25, 2015. Krasnodar, 2015. Vol. 2.

3. Monuments of Russian law. Iss. 1: Monuments of law of the Kievan state X–XII centuries / ed. by S.V. Yushkov. Moscow, 1952.

4. Russian legislation X–XX centuries. Vol. 1: Legislation of Ancient Rus / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1984.

5. Monuments of Russian law. Iss. 3: Monuments of law during the formation of Russian centralized state XIV–XV centuries / ed. by S.V. Yushkov. Moscow, 1955.

6. The Russian legislation X–XX centuries. Vol. 3: Acts of Zemsky Sobors / ed. by O.I. Chistyakov, A.G. Mankov. Moscow, 1984.

7. The Russian legislation X–XX centuries. Vol. 4: Legislation during the formation of absolutism / ed. by O.I. Chistyakov, A.G. Mankov. Moscow, 1984.

8. The Russian legislation X–XX centuries. Vol. 6: The legislation of the first half of the XIX century / ed. by O.I. Chistyakov. Moscow, 1988.

9. Criminal code of the Russian Federation: fed. law d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on July 6, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

Бахметьев Павел Владимирович
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
(e-mail: kup_kubgu@mail.ru)

Оценка норм об ответственности за преступления против свободы совести и вероисповедания в контексте их компаративистского анализа

В статье дается оценка норм об ответственности за преступления против свободы совести и вероисповедания в контексте их компаративистского анализа. Формулируется вывод о том, что, несмотря на достаточно высокий уровень развития российского уголовного законодательства в указанной сфере, имеются существенные резервы для его оптимизации в будущем.

Ключевые слова: преступление, ответственность, оценка, свобода совести, свобода вероисповедания, компаративистский анализ.

P.V. Bahmetiev, Postgraduate of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; e-mail: kup_kubgu@mail.ru

Assessment of the norms on the responsibility for crimes against freedom of conscience and religion in the context their comparative analysis

The article provides an assessment of norms about responsibility for crimes against freedom of conscience and religion in the context of their comparative analysis. We conclude that despite the relatively high level of development of Russian criminal legislation in this area, there are significant reserves for its optimization in the future.

Key words: crime, responsibility, evaluation, freedom of conscience, freedom of religion, comparative analysis.

Одним из ценных направлений использования сравнительного метода в правоведении выступает компаративистика. Изучение законодательства зарубежных стран, как отмечает Р. Давид, полезно для лучшего понимания и совершенствования собственного национального права и весьма значимо для взаимопонимания народов и создания лучших правовых форм отношений, складывающихся в международном общении [1, с. 5]. Особенную роль сравнительно-правовой метод играет в ситуации исследования уголовно-правовых феноменов, которые непосредственно связаны с соблюдением прав человека в процессе межкультурной коммуникации, поскольку здесь он позволяет выявить, оправдать или, наоборот, показать неоправданность специфики национальных подходов к решению глобальной, универсальной для всех стран проблемы.

В этом отношении свобода совести и вероисповедания выступает одновременно очень важной и очень удобной «исследовательской площадкой». Динамичные процессы современной миграции, межнационального, межкультурного и межрелигиозного взаимодействия закономерным образом усилили процессы размывания национальных границ и барьеров для свободного общения людей. Любое современное общество, по сути, есть общество мультикультурное, в котором тесно переплетены традиции, обычаи, верования, модели поведения представителей самых разных групп. В условиях такого социума создание гарантий его целостности и безопасности при одновременном соблюдении интересов отдельных лиц, касающихся сохранения собственной культурной идентичности, представляет серьезную проблему, в решении которой уголовному закону отводится специальное место.

Учитывая, что эта проблема носит общий для всех стран характер, от сравнительно-правового исследования можно было бы ожидать установления единых стандартов ее решения. Однако проведенный анализ демонстрирует, что это не совсем так. При безусловном наличии некоторых общих подходов и нормативных оценок уголовное законодатель-

ство зарубежных стран существенно различается в содержательном наполнении и юридико-техническом оформлении предписаний, ориентированных на защиту права граждан на свободу совести и вероисповедания.

В связи с этим полагаем, что последующее изложение материала целесообразно представить, несколько отойдя от традиционного порядка проведения компаративного исследования. В основу группировки стран нами будет положен не факт их принадлежности к той или иной правовой системе, как это обычно принято, а специфика отражения в уголовном законе норм о защите свободы совести и вероисповедания, учитывающая три взаимосвязанных фактора: а) наличие или отсутствие отдельной главы в структуре уголовного закона; б) нормативно определяемый объект преступного посягательства; в) содержание уголовно-правовых норм.

С этой точки зрения уголовные законы иностранных государств могут быть сведены в пять групп:

законодательство ряда исламских стран (Судан, Иран, Саудовская Аравия), в которых правовая система основана на нормах шариата или использует их, а уголовное право призвано охранять саму религию и освященный ею образ жизни;

законодательство стран (Германия, Австрия, Испания, Израиль, Турция, Япония), в котором предусматривается самостоятельная глава о посягательствах на отношения, связанные с религией;

законодательство стран (Китай, Сербия, Туркменистан), где свобода совести и вероисповедания защищается специальными нормами, устанавливающими ответственность за посягательства на личность;

законодательство стран (Дания, Нидерланды, Швеция, Швейцария, Македония), в котором свобода совести и вероисповедания охраняется специальными нормами, устанавливающими ответственность за посягательства на общественный порядок;

законодательство стран (Франция, некоторые штаты США), где нет специальных норм, предусматривающих ответственность за посягательства на свободу совести и вероисповедания.

Принимая во внимание, что представленная типология охватывает собой все возможные проявления криминализации деяний в области охраны свободы совести и вероисповедания, полагаем, что цели сравнительно-правового исследования будут достигнуты и при условии того, что по объективным причинам мы не в состоянии провести анализ уголовного законодательства всех без исключения стран мира. Вместе с тем, важно понимать, что даже в рамках одного типа законы разных стран могут порой существенно различаться.

Анализ текстов уголовного закона перечисленных иностранных государств позволяет сделать ряд общих выводов, которые имеют значение как для оценки зарубежной и на ее фоне отечественной практики регулирования исследуемой нами проблемы, так и для определения возможных перспектив развития российского уголовного права. В частности, к числу таких выводов можно отнести следующие.

1. Уголовно-правовая защита права на свободу совести и вероисповедания является объективной потребностью любого современного государства, адекватным ответом на существующие в этой сфере угрозы безопасности. При этом, пожалуй, только в странах, тяготеющих к религиозной системе права, сохраняется подход, согласно которому объектом уголовно-правовой охраны выступает не свобода совести как таковая, а веротерпимость, продиктованная в том числе и самими религиозными учениями, догмы которых также поставлены под охрану уголовного закона. Это позволяет рассматривать уголовно-правовые гарантии веротерпимости как часть общей системы уголовно-правовой охраны религиозных норм.

2. Система норм о защите отношений в области религиозного самоопределения граждан оказывается относительно единообразной во всех странах, гарантирующих свободу совести, и включает в себя: а) нормы о запрете дискриминации по мотивам религиозной принадлежности, призывов к дискриминации, организационной и финансовой поддержки такой деятельности; б) нормы о запрете принуждения граждан к каким-либо действиям или бездействию, к претерпеванию какого-либо действия со стороны третьих лиц; в) нормы о запрете незаконного воспрепятствования проведению общественных мероприятий и деятельности общественных организаций; г) собственно специальные нормы о запрете посягательств на свободу совести, вероисповедания, религиозного и иного идеологического самовыражения граждан.

3. Специальные нормы о защите свободы совести, вероисповедания и религиозного

самоопределения граждан с юридико-технической точки зрения представлены либо как отдельный (автономный), структурно обособленный элемент уголовного закона, либо как часть содержания иных глав элементов (разделов или глав) последнего, что само по себе не является показателем качества и полноты охраны соответствующих отношений.

4. С социально-правовой точки зрения вне зависимости от того, как эти нормы структурированы, они призваны охранять правовое благо, в понимании которого ранее названные страны условно можно классифицировать на две группы: а) в рамках одной (наименее численной) таким правовым благом выступают конституционные права человека и гражданина; в рамках второй (численно преобладающей) – общественное спокойствие и общественный порядок. Ко второму варианту решения вопроса склоняются исследователи и в тех странах, законодательство которых позиционирует преступления против свободы совести и вероисповедания на уровне самостоятельного раздела Уголовного кодекса. В частности, японские исследователи Сугияма и Вати, анализируя положения главы УК своей страны о преступлениях против мест отправления культа, подчеркивают, что наказуемыми здесь признаются деяния, наносящие ущерб стабильности в религиозной среде или религиозным чувствам, однако при этом не охраняется религия как таковая [2, с. 475]. Немецкий ученый Отто отмечает, что по уголовному законодательству Германии охраняемым правовым благом является не право или свобода конкретного человека, а общественное спокойствие в целом, предполагающее обязанность уважать религиозные и мировоззренческие чувства другого человека [3, с. 109].

5. В рамках специализированной охраны права на свободу совести и вероисповедания типичным подходом большинства стран является конструирование норм: а) о воспрепятствовании проведению религиозных обрядов и богослужений; б) альтернативно или совместно – об оскорблении группы людей по признаку их религиозной принадлежности, оскорблении чувств такой группы людей или конфессии и оскорблении догм, учения, предметов и мест отправления культа.

6. Законодательство многих стран сталкивается, как представляется, с серьезной проблемой определения того, что считать религией, в связи с чем значимыми представляются наличествующие здесь терминологические различия: «религия», «исповедание», «гарантированная Конституцией религия», «мировоззрение».

На общем фоне результатов анализа зарубежного законодательства российское уголовное право не выглядит отсталым, предубедительным или конфессионально пристрастным. Не подтверждается и представленная в литературе оценка российского закона как отражающего тенденцию клерикализации государства и права [4, с. 71]. Для Уголовного кодекса РФ характерны следующие черты:

отсутствует отдельная глава о преступлениях против религиозных прав и свобод, как и в УК многих стран мира (Франции, Голландии, Македонии, Швеции, Швейцарии, Сербии, Китая);

по аналогии с УК Сербии и Китая самостоятельная норма о защите религиозных прав сформулирована в главе, ориентированной на охрану конституционных прав и свобод граждан, что отражает признанное данной нормой правовое благо;

защите подлежат не сами догмы вероучения (как в УК Дании или Ирана), а чувства определенной группы лиц (как это предусмотрено в Испании или Швейцарии);

в рамках общемировых тенденций религиозные права и свободы защищаются с учетом возможного ущерба для общественного порядка и спокойствия в результате их нарушения.

Таким образом, российское уголовное право в целом находится на уровне общеевропейских подходов к охране свободы совести и вероисповедания. Однако сказанное вовсе не означает отсутствия в данной области вытекающих из результатов сравнительно-правового исследования перспектив для дальнейшего совершенствования УК РФ. Наиболее значимыми, как представляется, здесь выступают:

провозглашение и неукоснительное соблюдение принципа равной охраны мировоззренческих чувств верующих и лиц, которые отрицают веру в бога;

предоставление охраны только таким мировоззренческим чувствам, которые зиждятся на признанной и незапрещенной законом идеологической платформе;

уточнение объекта посягательства и содержания охраняемого правового блага на основе баланса законодательной охраны индивидуальных прав и общественного спокойствия;

установление гарантий безопасности личности от любого вида принуждений, в том числе в религиозной сфере.

Представляется, что учет этих факторов в процессе дальнейшего развития отечественного уголовного законодательства будет способствовать повышению его качества и созданию эффективных гарантий безопасности личности, соблюдения принципа равенства граждан, а также оптимального баланса индивидуальных и общественных интересов.

1. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с франц. В.А. Туманова. М., 1988.

2. Уголовное право зарубежных государств. Особенная часть: учеб. пособ. / под ред. и с предисл. И.Д. Козочкина. М., 2004.

3. Серебренникова А.В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии. М., 2005.

4. Ермакова Т.Н., Петухов К.В. Уголовно-правовая защита свободы совести и вероисповеданий в России и за рубежом // Вестн. Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 3.

1. David R. Major legal systems of the present / transl. from French V.A. Tumanov. Moscow, 1988.

2. Criminal law of foreign states. Special part: study aid / ed. and forew. by I.D. Kozochkin. Moscow, 2004.

3. Serebrennikova A. V. Criminal law ensuring of constitutional rights and freedoms of man and citizen according to the legislation of the Russian Federation and Germany. Moscow, 2005.

4. Ermakova T.N., Petukhov K.V. Criminal law protection of freedom of conscience and religion in Russia and abroad // Bull. of Vyatka State Humanities University. 2015. № 3.

Жарких Екатерина Александровна
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета
(e-mail: hooligang@mail.ru)

Генезис рецидива преступлений как количественно-качественной основы формирования профессиональной и организованной преступности

В статье рассматривается процесс возникновения, развития и современного понимания института рецидива преступлений, его роль в формировании профессиональной и организованной преступности, влияние правоприменительной практики на состояние рецидивной преступности.

Ключевые слова: рецидив преступлений, уголовная ответственность, профессиональная преступность, организованная преступность, правоприменительная практика.

E.A. Zharkich, Postgraduate of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; e-mail: hooligang@mail.ru

Genesis of recidivism as the quantitative-qualitative bases of formation of professional and organized crime

The article considers the process of origin, development and modern understanding of the institution of repetition of offences, its role in the formation of professional and organized crime and the impact of law enforcement practice on the state of repetition of offences.

Key words: repeated offence, criminal responsibility, professional criminality, organized criminality, law enforcement practice.

Термин «рецидив» как особое профессиональное понятие уходит корнями в область медицины. В лечебной практике он означает возвращение, повторение у больного одной и той же болезни [1, с. 154]. Такое значение зафиксировано в соответствующих словарях. Этот термин был заимствован представителями юридической науки в период, когда среди специалистов уголовного права широкое распространение имела теория преступления как социально-патологического явления. В этой связи профессор Франц фон Лист отмечал, что «с биологической точки зрения преступление является событием в жизни отдельного человека, которое должно быть объяснено природой и индивидуальностью этого отдельного человека. Эта точка зрения всем давно известна как психологическая мотивировка преступления. Различные писатели всех времен и народов стремились в эпосе, драме и романе выяснить человеческие страсти и раскрыть перед нами те сокровенные импульсы, которые ведут к преступлению» [2, с. 89–97]. В итоге сформировалась биологическая, или физиологически-анатомическая (антропологическая), точка зрения на преступление.

Однако наряду с антропологической точкой зрения формировалась и другая – социологическая, согласно которой преступление является событием в жизни конкретного общества и корни его следует искать в общественных отношениях. Дальнейшее параллельное развитие антропологической и социологической концепций преступления показало, что принципиально они не противоречат друг другу, а взаимно дополняют причинное объяснение преступности. В данном случае вполне уместен следующий вывод профессора Франца фон Листа о том, что каждое преступление есть, с одной стороны, продукт личности преступника, а с другой – тех общественных условий, под влиянием которых преступник находился в момент совершения преступления, т.е. продукт одного индивидуального фактора и бесчисленных общественных факторов. При этом нельзя не отметить, что социологический подход к пониманию преступления намного моложе биологического, в силу чего ранее сформировавшиеся понятия сохранили свои позиции. Повторение одним лицом общественно опасного деяния, как своего рода заболевание, образовывало рецидив.

На основе такого подхода впоследствии сложилось криминологическое понимание рецидива как повторения умышленного преступления. Рецидив преступлений, как правило, свидетельствует о повышенной общественной опасности виновного. Чем опасней рецидив, тем выше его общественная опасность, что

подлежит учету при организации мер по его предупреждению. При этом выделяют следующие виды в зависимости от количества совершенных преступлений, характера и степени общественной опасности: общий, специальный, однократный, многократный, пенитенциарный, опасный, особо опасный одного и того же или однородного преступления.

Дефиниция рецидива получила законодательное закрепление и в уголовно-правовом смысле. Законодатель в ст. 18 УК РФ наделяет рецидив дополнительными специальными признаками. То есть рецидив будет иметь место в следующих случаях:

а) лицом совершено два преступления или более (средней тяжести, тяжкое или особо тяжкое);

б) преступления являются умышленными;

в) лицо ранее уже было осуждено за совершение умышленного преступления;

г) преступления совершены лицом, достигшим восемнадцати лет;

д) судимость у данного лица не погашена и не снята [3, с. 40–41].

Рецидивная преступность как явление представляла и представляет особую опасность и для лица, и для общества, так как существует вероятность совершения нового преступления со стороны лица, уже претерпевшего меры воздействия уголовно-правового характера. Образно говоря, вследствие повторения болезни (преступлений), связанного с неэффективностью лечения, т.е. исправительно-воспитательных мер, личность деградирует, а это, в свою очередь, создает опасность заражения данной болезнью других членов общества [4, с. 208–213].

Увеличение количества рецидивных преступлений, по мнению Франца фон Листа, являлось, да и сейчас является, «более угрожающим симптомом, чем рост числа преступлений, основанных на насилии, грубости и невежественности». Этот вывод он убедительно иллюстрировал статистическими данными. Так, в 1882 г. судами Германии были вынесены обвинительные приговоры в отношении 329968 лиц. Среди них 25% осужденных были ранее уже наказаны за совершение умышленных преступлений. Через 10 лет число осужденных увеличилось до 422327, а рецидив составил уже 34,7% от общего числа осужденных [2, с. 95].

Отмеченные тенденции развития этого болезненного явления (рецидивной преступности), как показывают исследования, сохранились в общих чертах и по настоящее время [5; 6]. Повышенная опасность рецидивной преступности, составляющей значительную долю в общей структуре преступности, заключается прежде всего в опасности самой личности преступника, повторно совершающего преступные деяния.

Однако в УК РФ 1996 г. при определении сущности рецидива в уголовно-правовом смысле акцент был перенесен с личности преступника на совершаемые преступления [7]. Понятия «рецидивист», «опасный рецидивист», «особо опасный рецидивист» (ст. 24.1 УК РСФСР) уступили место понятию «рецидив преступлений» (ст. 18 УК РФ) [8].

Важнейшее обстоятельство, способствующее развитию рецидива, связано со сроком назначенного наказания и порядком его отбывания. Вероятность рецидива существенно увеличивается в случае применения кратковременных сроков лишения свободы, особенно к молодым и несовершеннолетним преступникам. Современная система исполнения уголовного наказания, исключение такого средства воздействия, как труд не способствуют исправлению осужденного и предупреждению преступлений. Хронологию развития рецидива в таких условиях можно проследить на примере Ч. 1966 года рождения, осужденного 8 раз с 1992 по 2009 г.:

1) 21 декабря 1992 г. Ч. осужден по ч. 1 ст. 144 УК РСФСР (кража) и ч. 2 ст. 145 УК РСФСР (грабеж) к 2 годам лишения свободы условно;

2) 15 марта 1994 г. он был осужден по ч. 2 ст. 145 УК РСФСР к 1 году 6 месяцам лишения свободы;

3) 20 декабря суд приговорил его по ч. 1 ст. 206 РСФСР (хулиганство) к штрафу;

4) 6 сентября 2001 г. Ч. был осужден по ч. 1 ст. 158 УК РФ (кража) к штрафу в 6000 рублей;

5) 12 августа 2002 г. за совершение грабежа (пп. «г», «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ) суд приговорил его к 4 годам лишения свободы; 17 августа 2004 г. Ч. был освобожден от отбывания наказания условно-досрочно;

6) 19 февраля 2005 г. он вновь осужден по ч. 1 ст. 157 УК РФ (уклонение от уплаты алиментов) к 6 месяцам исправительных работ;

7) 28 марта 2005 г. Ч. был осужден за грабеж (пп. «а», «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ) к 3 годам лишения свободы, а 22 мая 2007 г. освобожден от отбывания наказания условно-досрочно;

8) через 1,5 года (23 апреля 2009 г.) Октябрьский районный суд г. Краснодара приговорил Ч. к 4 годам лишения свободы за причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ) [9].

Высокому уровню рецидивной преступности способствуют причины различного характера: недостатки системы исполнения наказаний, низкая эффективность превентивного воздействия законодательства, влияние криминальной субкультуры, асоциальный образ жизни

преступника и т.д. Получает подтверждение мысль о том, что вероятность нового преступления, нередко более тяжкого, увеличивается вместе с числом прежних наказаний. Например, Р. 1950 года рождения неоднократно судим:

1) 26 января 1970 г. года был осужден по ч. 2 ст. 260 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы; 25 мая 1972 г. условно-досрочно освобожден;

2) 4 июня 1997 г. Р. вновь осужден за хулиганство (ч. 1 ст. 213 УК РФ) к 1 году лишения свободы условно;

3) через 7 месяцев он был осужден за самоуправство (ч. 1 ст. 330 УК РФ) к штрафу в размере 500 рублей;

4) 26 апреля 2000 г. осужден по пп. «б», «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ (принуждение к совершению сделки) к 3 годам лишения свободы; освобожден от отбывания наказания по постановлению Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 26 мая 2000 г. № 398-III ГД «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»;

5) 2 июля 2001 г. судебной коллегией по уголовным делам Краснодарского краевого суда осужден по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное организованной группой и сопряженное с разбоем), по пп. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 162 (разбой), ч. 2 ст. 210 УК РФ (участие в преступном сообществе), ч. 3 ст. 222 УК РФ (незаконный оборот оружия, совершенный группой лиц) и ч. 1 ст. 222 УК РФ (незаконное приобретение оружия) к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества [10].

В данном случае мы наблюдаем довольно поучительную хронологию развития рецидива со стабильным увеличением степени опасности вновь совершаемых преступлений. Лицо отбывает лишь часть наказания за первое преступление и его условно-досрочно освобождают. За следующее преступление он осужден условно, за третье – к штрафу, за совершение четвертого преступления назначенное наказание только начал отбывать, но был амнистирован. В конечном итоге лицо совершает ряд особо тяжких преступлений уже в составе преступного сообщества.

Общество не может не волновать развитие рецидивной преступности, ведь именно она лежит в основе формирования профессиональной и организованной преступности [11; с. 138–146], генезис которой в России в XX–XXI вв. представляет особый интерес [12]. В отечественной криминологии подходы к определению профессиональной преступности неоднозначны, но в содержании ее основных количественно-качественных характеристик принципиальных разногласий нет. Авторы подчеркивают, что в настоящее время негативные изменения рецидивной профессиональной преступности выражены особо рельефно. Они указывают на стабильность преступного занятия для определенных категорий ранее судимых. С начала 70-х гг. XX в. число рецидивистов, совершающих однородные преступления, увеличилось в 1,3 раза. Профессиональная преступность, как отмечала Н.Ф. Кузнецова, слагается из преступлений, совершаемых в виде преступного промысла как основного либо дополнительного, но значительного источника существования виновного. Профессиональная преступность характеризуется более или менее узкой специализацией виновных с приобретением необходимого «инструментария» для совершения преступлений [13; с. 180].

Профессиональные преступники-рецидивисты являются активными носителями и, естественно, распространителями уголовной субкультуры и традиций преступной среды. Они негативно влияют на социально неустойчивых лиц, склоняя их к совершению преступлений. Профессиональная преступная деятельность характеризуется повышенной интенсивностью, значительной общественной опасностью, целенаправленностью и изощренностью. Она представляет собой наиболее опасную структурную часть рецидивной преступности, имеющую ряд особенностей, связанных с причинами профессиональной преступности, личностью преступника-профессионала, а также спецификой предупреждения профессиональной преступной деятельности [14].

Э.Ф. Побегайло, подчеркивая взаимосвязь профессиональной и рецидивной преступности, отмечал, что «профессиональная преступность есть обладающая высокой степенью общественной опасности форма социальной патологии, выражающаяся в постоянном и относительно массовом воспроизводстве криминальной деятельности, являющейся постоянным занятием и основным источником существования лиц, ее осуществляющих» [15, с. 17].

Механизм уголовно-правового рецидива лежит и в основе функционирования организованной преступности, получившей характер транснациональной. В отечественном уголовном законодательстве моделирование понятий организованной преступной группы и преступного сообщества (преступной организации) уже предполагает, как правило, совершение нескольких преступлений (ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ).

Криминологические исследования показывают, что организованная преступность в XXI в. приобрела качественно новые черты, ей присущи глобализационные процессы [11, с. 138–146]. Особая опасность организованной преступности заключается в том, что она, имея ярко выраженный антисоциальный характер, в силу высокого уровня латентности существует параллельно с жизнью законопослуш-

ного общества [16, с. 32–35]. Единой модели транснациональной преступной организации не существует. Такие группировки отличаются по форме и размерам, специализации. Они действуют в различных регионах и на рынках различных товаров, используя разнообразную тактику и механизмы, скрываясь от правоохранительных органов. Хотя транснациональные преступные организации являются по своей сути полностью независимыми структурами, они все же идут на образование союза с другими преступными организациями, террористическими формированиями, а иногда – даже с правительствами.

В дополнение к оперативно-розыскным мероприятиям, регламентированным ст. 6 Федерального закона РФ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности в РФ», следует предусмотреть особые оперативно-розыскные мероприятия, а также продлить сроки проведения оперативной проверки организованных криминальных групп.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2004. Т. 4.

2. Франц фон Лист. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2004.

3. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Уголовное право: учеб. М., 2004.

4. Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Проблемы повышения эффективности социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы // Общество и право. 2011. № 3.

5. Волженкин Б.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1998. № 12.

6. Крук В.А. Отягчающие наказание обстоятельства в реализации принципа справедливости: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

7. Панько К.А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988.

8. Коротких Н. Виды рецидива преступлений // Уголовное право. 2005. № 4.

9. Архив Октябрьского районного суда г. Краснодара за 2009 г.

10. Архив Краснодарского краевого суда за 2001 г.

11. Прохоров Л.А. Дискуссионные вопросы понятия организованной преступности // Ученые записки. Краснодар, 2003. Вып. 2.

12. Гуров А.И. Криминальный профессионализм и борьба с ним. М., 1983.

13. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность М., 1969.

14. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. М., 2004.

15. Побегайло Э.Ф. Тенденция современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею. М., 1990.

16. Арутюнов А.А. Современные тенденции групповой и организованной преступности // Рос. следователь. 2012. № 22.

1. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Moscow, 2004. Vol. 4.

2. Franz von Liszt. Criminal Policy Tasks. Crime as a socio-pathological phenomenon / comp. and forew. by V.S. Ovchinsky. Moscow, 2004.

3. Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. Criminal Law: textbook. Moscow, 2004.

4. Prokhorov L.A., Prokhorova M.L. Problems of increasing the efficiency of the social adaptation of persons released from places of deprivation of freedom // Society and Law. 2011. № 3.

5. Volzhenkin B.V. The principle of justice and problems of multiple offenses under the Criminal code of the Russian Federation // Legality. 1998. № 12.

6. Crook V.A. Aggravating circumstances in the implementation of the principle of justice: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2004.

7. Panko K.A. Questions of the general theory of repetition of offences in Soviet criminal law. Voronezh 1988.

8. Korotkih N. Types of repetition of offences // Criminal Law. 2005. № 4.

9. Archive of Oktyabrsky district court of Krasnodar in 2009.

10. Archive of Krasnodar regional court in 2001.

11. Prokhorov L.A. Discussion questions the concept of organized crime // Scientific notes. Krasnodar, 2003. Vol. 2.

12. Gurov A.I. Crime professionalism and fight against it. Moscow, 1983.

13. Kuznetsova N.F. Crime and criminality. Moscow, 1969.

14. Antonian Yu.M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Criminal personality. Moscow, 2004.

15. Pobegailo E.F. The trend of contemporary crime and improving criminal law fight. Moscow, 1990.

16. Arutyunov A. Contemporary group trends in group and organized crime // Russian investigator. 2012. № 22.

Иванова Оксана Сергеевна
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184488777)

Субъект семейного насилия и регламентация его признаков в истории, современности и перспективах развития уголовного законодательства России

В статье проведен анализ истории становления и перспектив развития уголовно-правовой регламентации признаков субъекта семейно-насильственных преступлений в уголовном законодательстве России, отражены особенности дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершенные в отношении родственников.

Ключевые слова: семейное насилие, семейно-насильственная преступность, преступления против несовершеннолетних, субъект преступления.

O.S. Ivanova, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184488777.

Subject of family violence and regulation of its sings in the history, present and prospects of development of the criminal legislation of Russia

In the article the analysis of history of formation and prospects of development of criminal-legal regulation of the subject characteristics of family violent crimes in the criminal legislation of Russia. It also describes the features of differenziali criminal responsibility for crimes committed against relatives.

Key words: family violence, family violent crime, crimes against minors, the offender.

Насилие как форма разрешения внутрисемейного конфликта – достаточно распространенное явление, уходящее своими корнями в глубокую древность.

Расценивая насилие испокон веков как крайнюю, исключительную форму разрешения семейных конфликтов, реализуя такую оценку в содержании «уголовных» законов, общество, тем не менее, по-разному оценивало характер и степень опасности семейного насилия в зависимости от семейных статусов виновного и потерпевшего, степени и законности их родства, пола, малолетнего или престарелого возраста пострадавшего, его беспомощности или зависимости от виновного, наличия особой обязанности виновного заботиться о потерпевшем, а также в зависимости от причины конфликта, мотивов его насильственного разрешения и других обстоятельств.

Изменяясь с совершенствовавшимся уголовным законодательством, регламентация ответственности за семейное насилие в той или иной степени всегда находила отражение в отечественном уголовном законодательстве на всех этапах его развития. Необходимо отметить, что такие изменения касались не только содержания объекта, объективной или субъективной стороны составов семейно-насильственных преступлений, но и признаков их субъекта.

На ранних этапах развития отечественного уголовного законодательства констатируется практически абсолютная, законодательно регламентированная власть родителей над детьми и, соответственно, фактическое бесправие последних перед родителями. Так, в ст. 97 Псковской судной грамоты в отдельное преступление выделялось убийство отца и братоубийство; Соборное уложение 1649 г. за убийство сыном или дочерью отца или матери регламентировало единственный безальтернативный вид наказания – смертную казнь [1]. В то же самое время убийство рожденных в браке детей своими родителями считалось привилегированным и в соответствии со ст. 3 гл. XXII предусматривало санкцию в виде тюремного заключения на один год с последующим церковным покаянием. При этом ст. 6 гл. XXII Соборного уложения 1649 г. фактически определяла родительский иммунитет от уголовного преследования и, кроме того, предусматривала уголовное наказание детей за поиск судебной защиты от неправомерных, по их мнению, действий родителей.

Констатируя подобного рода неравенство в правах детей и родителей, Н.С. Таганцев отмечал, что оно является прямым следствием «дисциплинарной власти семьи и ее главы, в особенности в той ее форме, в какую она вылилась в древнем римском праве. Его власть по объему была безгранична… такой же по своему объему являлась она и в древнейшем праве других народов, например, у германцев и у славян» [2].

Прогрессивные новеллы в части установления уголовной ответственности за убийства родственников были внесены в российское законодательство Артикулом воинским Петра Первого 1716 г., уравнявшего наказание за убийство родителей и убийство родителями младенцев [3].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. относило к квалифицированным составам убийство родителей, жены, мужа, сына, дочери, родных деда или бабки, внука или внучки и вообще одного из родственников восходящей или нисходящей прямой линии в какой бы то ни было степени, родных брата или сестры, родных дяди или тети [4, с. 481]. Кроме того, в Уложении о наказаниях наличие родственной связи между субъектом преступления и потерпевшим существенно ужесточало санкцию за причинение вреда здоровью.

Необходимо отметить, что в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. семейно-родственные связи между виновным и потерпевшим выступали не только основанием дифференциации ответственности за семейное насилие, но и подспудно регламентировались в качестве основания для индивидуализации наказания. Так, ст. 135 «О обстоятельствах, увеличивающих вину и наказание» регламентировала перечень отягчающих обстоятельств, среди которых в п. «6» значилось совершение преступления, сопряженное с нарушением личных обязанностей, не исключая брачно-семейных обязанностей, в отношении потерпевшего («Вина учинившего какое-либо преступление, а с тем вместе и мера следующего за сие наказания увеличиваются по мере того… 6) Чем более им нарушено особых личных обязанностей в отношении к… лицам, против коих оное предпринято») [4, с. 481].

В Уголовном уложении 1903 г. продолжались сложившиеся тенденции дифференциации ответственности за внутрисемейное насилие [5, с. 268]. Статья 454 Уголовного уложения регламентировала дифференцированную, по сравнению с простым убийством, ответственность за убийство матери или законного отца, а п. 1 ст. 455 – за убийство родственника по восходящей или нисходящей линии, убийство мужа или жены, брата или сестры.

В отличие от Уложения о наказаниях 1845 г., в Уложении 1903 г. ответственность за убийство дифференцировалась только на основе законных родственных связей и не дифференцировалась в зависимости от того, что виновный «был обязан воспитанием своим и содержанием» потерпевшему, что, с нашей точки зрения, является не вполне обоснованным и последовательным решением. Так, Н.С. Таганцев, характеризуя справедливость дифференциации ответственности за отцеубийство, отмечает, что «особенного уважения требовали законы от детей к родителям в оплату за те бессонные ночи, которые провела мать у изголовья ребенка, в оплату за те лишения, которым подвергал себя отец, чтобы доставить средства существования» [6, с. 8]. По мнению Н.С. Таганцева, отцеубийство предполагало «забвение виновным одного из инстинктов, присущего человеческой природе, забвение, предполагавшее в нем в свою очередь особенную испорченность преступной воли, а потому должествовавшее повлечь и усиление ответственности» [6, с. 8]. В связи с этим, с нашей точки зрения, логично было бы признать одним из видов отцеубийства в качестве квалифицированного вида убийства умышленное причинение смерти лицу, которому виновный «был обязан воспитанием своим и содержанием». Представляется, что не государственно-правовая регистрация брачно-семейных отношений, а фактическое наличие таковых должно определять особые правовые последствия насильственного попрания семейных ценностей и служить основой дифференциации ответственности за семейное насилие по отношению к общеуголовной насильственной преступности.

Кроме того, бессистемность вышеобозначенных подходов можно констатировать, исходя из следующего: «В 1902 году Россия отказалась подписать Гаагскую конвенцию о взаимном признании браков, заключенных в иностранных государствах по их законам, гражданский брак допускался лишь за некоторыми исключениями для отдельной категории лиц (раскольников, старообрядцев, сектантов). Это обстоятельство способствовало трудностям в определении брачного союза как института гражданского права» [7, с. 58]. С другой стороны, подобный подход определял фактическое

неравенство граждан единого государства в процессе уголовно-правовой оценки совершенных ими преступлений.

Необходимо отметить, что Уголовное уложение 1903 г. содержало специальную гл. 19 «О преступных деяниях против прав семейственных», субъектами которых, помимо родителей, выступали также опекуны, попечители или иные лица, «имеющие надзор за несовершеннолетним». Так, в ст. 422 Уложение регламентировало ответственность таких лиц за принуждение к вступлению в брак. По ст. 420 ответственности подлежали «родитель, опекун, попечитель или имеющий надзор за несовершеннолетним, виновные в жестоком обращении с не достигшим семнадцати лет, в его к нищенству или иному безнравственному занятию или в отдаче его для этой цели; в принуждении не достигшего двадцати одного года, посредством злоупотребления родительской или опекунской властью к вступлению в брак, если брак последовал» [5, с. 268]. В соответствии со ст. 421 регламентировалась особая ответственность родителей, опекунов, попечителей или иных лиц, «имеющих надзор за малолетним», не достигшим установленного для этого возраста, за его «отдачу на завод, фабрику, горный промысел или в ремесленное заведение». Статья 507 Уложения предусматривала ответственность за «злоупотребления родительскою, опекунскою или иною властью» и «принуждение выполнить или допустить что-либо, нарушающее право или обязанность принуждаемого, или отказаться от осуществления права или от исполнения обязанности». Такое принуждение несовершеннолетнего к совершению преступления наказывалось в соответствии со ст. 508 Уголовного уложения.

В гл. 27 «О непотребстве» Уголовного уложения 1903 г. квалифицированными видами преступлений признавалось их совершение в отношении лица, «находящегося под властью или попечением виновного». Пункт 1 ч. 2 ст. 516 регламентировал квалифицированный вид мужеложства, совершенного «с лицом, находящимся под властью или попечением виновного». Нахождение потерпевшей девицы «под властью или попечением виновного» являлось составообразующим признаком любодеяния (в современном прочтении – понуждения к действиям сексуального характера), предусмотренного ст. 517 Уголовного уложения. Часть 2 ст. 523 регламентировала ответственность за любодеяние (изнасилование), совершенное с малолетними и несовершеннолетними, «находящимся под властью или попечением виновного». Статья 524 регламентировала ответственность за сводничество жены, дочери или «состоящей под его властью или попечением». Статья 525 регламентировала специальную ответственность «родителя, опекуна, попечителя или имеющего надзор за не достигшим семнадцати лет несовершеннолетним или находящегося при нем для услуг, виновного в потворстве непотребству такого несовершеннолетнего». Статья 526 регламентировала ответственность за склонение к непотребству (в современном прочтении – занятию проституцией), совершенное (помимо прочих способов) путем «злоупотребления своею над сим лицом властью, или пользуясь беспомощным его положением или зависимостью такого лица от виновного».

Таким образом, в отечественном уголовном законодательстве конца XIX – начала XX в. получили легальное закрепление представления о повышенной общественной опасности преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, не только со стороны родителей, но и лиц, их замещающих (опекунов и попечителей, а также иных лиц, имеющих надзор за несовершеннолетним или наделенных в отношении них иной властью).

Уголовное законодательство РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. фактически не содержало специальных норм, буквально регламентировавших дифференциацию ответственности за совершение преступлений в отношении именно родственников или супругов (ни в виде привилегированных, ни в виде квалифицированных составов преступлений).

Вместе с тем, в качестве специальных норм в УК РСФСР 1922 и 1926 гг., содержательно включавших семейное насилие, можно отметить п. «д» ст. 142 УК РСФСР 1922 г. и п. «д» ст. 136 УК РСФСР 1926 г., предусматривавшие ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах «при условии его совершения… д) лицом, на обязанности которого лежала особая забота об убитом». Данные квалифицирующие признаки, к сожалению, не нашли отражения в УК РСФСР 1960 г.: ст. 102 УК РСФСР об ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах не предусматривала в качестве таковых нарушения виновным обязанности «особой заботы о потерпевшем» [8]. Кроме того, неисполнение обязанности по «особой заботе о потерпевшем» не было включено в обстоятельства,

отягчающие ответственность, по УК РСФСР 1960 г., что исключало возможность индивидуализации наказания на основе рассматриваемых обстоятельств.

Дальнейшее развитие уголовного законодательства о семейном насилии находит отражение в расширении его специальных субъектов в УК РФ 1996 г. В частности, в ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» регламентируется уголовная ответственность за жестокое обращение с несовершеннолетним со стороны не только родителя, но и иного лица, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, а равно со стороны работника какой-либо организации, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним.

Вместе с тем, необходимо отметить, что не всякое преступление, совершенное в отношении несовершеннолетнего, есть проявление жестокости в уголовно-правовом понимании данного термина. Так, например, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий, совершенное «родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего», является квалифицированным видом соответствующих преступлений в ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ. Наряду с этим обоснованным представляется дополнение перечня отягчающих обстоятельств, регламентированных ч. 1 ст. 63 УК РФ, п. «п»: совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней)». Данная норма предусматривает ужесточение наказания в отношении тех же категорий лиц, что и в рассмотренной выше ст. 156 УК РФ – не только родителей, но и лиц их заменяющих, включая работников организаций, осуществляющих надзор за несовершеннолетним.

Представляется, что перечень таких лиц должен быть расширен за счет специального указания не только на иных лиц, на которые законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, но и на иных лиц, фактически осуществляющих такие функции, т.е. лиц, состоящих в незарегистрированном браке и совершающих преступления в отношении детей своего сожителя. Представляется, что закон должен регламентировать дифференциацию ответственности и индивидуализацию наказания таких лиц при совершении ими преступлений в отношении детей, de facto находящихся под их властью и попечительством, как члена семьи над своими домочадцами. Безусловно, при этом определяющую роль должно играть объективно выраженное и понятное для ребенка отношение его законного родителя к своему сожителю как к одному из старших, наравне с родителем, членов семьи, что обусловливает обязанность ребенка подчинения его семейному статусу, а в связи с этим – власти и авторитету.

На основании вышеизложенного предлагаем дополнить положения ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего», ч. 2 ст. 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», ч. 2 ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий», а также п. «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ ссылкой на совершение преступления в отношении несовершеннолетнего лицом, фактически выполняющим обязанности по воспитанию и (или) содержанию несовершеннолетнего, и изложить обозначенные нормы в следующих редакциях.

Пункт «п» ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание»: «п) совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены или фактически осуществляются обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней)…».

Часть 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»: «То же деяние, совершенное родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены или фактически осуществляются обязанности по воспитанию несовершеннолетнего…».

С учетом вышеизложенного соответствующие изменения, с нашей точки зрения, должны быть внесены и в нормы УК РФ об иммунитете от уголовного преследования на основе брачного или семейного статуса лица (примечания к ст. 151, 308, 316 УК РФ).

Представляется, что предлагаемые изменения и дополнения УК РФ будут способствовать систематизации уголовно-правового регулирования и квалификации ответственности за семейно-насильственные преступления, обеспечат реализацию принципов вины и справедливости в процессе регламентации преступности и наказуемости семейно-насильственных преступлений, а также в процессе назначения наказаний за их совершение.

1. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm (дата обращения: 03.03.2016).

2. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Ч. 1. По изданию 1902 г. URL: http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/item756.html (дата обращения: 20.03.2016).

3. Артикул воинский с кратким толкованием. URL: http://history.scps.ru/regulations/1716-02.htm (дата обращения: 20.03.2013).

4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, с приведением статей других томов Свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении. М., 1867.

5. Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.

6. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. СПб., 1871. Т. 2.

7. Колинько А.Ю. Развитие семейного права в России в XIX – начале XX века: дис. канд. ... юрид. наук. Краснодар, 2006.

8. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Tihomirov M.N., Epifanov P.P. Cathedral Code of 1649. Moscow, 1961. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm (date of access: 03.03.2016).

2. Tagantsev N.S. Criminal law (General part). Pt. 1. According to the edition 1902. URL: http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum105/item756.html (date of access: 20.03.2016).

3. Article military with short interpretation. URL: http://history.scps.ru/regulations/1716-02.htm (date of access: 20.03.2013).

4. Code about criminal and penitentiary punishments, with reduction of articles of other volumes of the Code of laws, on which references and instructions in this code are made. Moscow, 1867.

5. Criminal code, which is most highly approved on March 22, 1903. St. Petersburg, 1903.

6. Tagantsev N.S. About crimes against life by the Russian law. St. Petersburg, 1871. Vol. 2.

7. Kolinko A.Yu. Development of a family law in Russia at 19th and beginning of the 20th century: diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2006.

8. Criminal code of the RSFSR: appr. by the Supreme Soviet of the RSFSR on Oct. 27, 1960. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

Заброда Дмитрий Григорьевич
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zabroda_dg@mail.ru)

Заброда Светлана Николаевна
заместитель начальника отдела – начальник отделения
(методического обеспечения учебного процесса)
учебного отдела Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: ivdmzab@mail.ru)

Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России

В статье обобщается опыт правового регулирования и организации предупреждения насилия в семье, накопленный в Австрии. Высказываются предложения, направленные на усовершенствование российской системы профилактики насилия в семье, реагирования на факты бытового насилия, реабилитации жертв такого насилия и воздействия на правонарушителя со стороны государства и общества.

Ключевые слова: австрийский опыт, профилактика, домашнее насилие, полиция, взаимодействие, общественные организации.

D.G. Zabroda, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Administrative Law and Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Cimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zabroda_dg@mail.ru;

S.N. Zabroda, Deputy Head of Department – Head of Office (methodical provision of the study process) of Study Department of the Cimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: ivdmzab@mail.ru

Austrian experience to prevent home violence: characteristics and suggestions to employ in Russia

The article summarizes experience of legal regulation and organization of home violence prevention, accumulated in Austria. Proposals are directed at of Russian system to prevent family violence, to correspond to the facts of domestic violence, rehabilitate the victims of this type of violence and influence on offender from the state and society.

Key words: Austrian experience, prevention, home violence, police, interaction, public organizations.

Проблема противодействия насилию в сфере семейно-бытовых отношений является актуальной не только для России, но и для других государств. В частности, согласно исследованию Всемирной организации здравоохранения распространенность физического и/или сексуального насилия варьируется от 29 до 62% женщин, участвовавших в исследовании. Совет Европы предполагает, что в государствах, являющихся его членами, каждая четвертая-пятая женщина хотя бы один раз в своей взрослой жизни прошла через физическое насилие, и больше чем каждая десятая была жертвой сексуального насилия с применением силы [1, с. 5].

Пытаясь преодолеть это негативное явление, государства формируют различные системы воздействия на факторы, способствующие существованию насилия в семье, а также на его последствия.

Российское общество сосредоточивает усилия правоохранительных и судебных органов, общественных организаций на создании атмосферы непримиримости к насильственному построению семейных отношений, осуществлении ранней профилактики правонарушений

и преступлений в быту, обеспечении защиты от насилия детей, лиц пожилого возраста, инвалидов и других категорий граждан, которые в силу особенностей своего развития могут подвергаться насилию со стороны членов семьи.

Так, в 2013 г. в результате каждодневной работы полиции удалось добиться снижения числа убийств на бытовой почве на 13%, а умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 12% [2]. Однако в 2014 г. не удалось снизить количество преступлений, совершенных на бытовой почве (135,1 тыс.; + 15,6%) [3]. Так, 40% всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье. Ежегодно более 14 тыс. женщин погибает от рук мужей или других близких родственников. 26 тыс. детей ежегодно становятся жертвами преступных посягательств, из них около 2 тыс. погибают, 8 тыс. получают телесные повреждения [4]. Еще 2 тыс. детей и подростков, спасаясь от жестокого обращения со стороны родителей, кончают жизнь самоубийством.

По данным Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, в России в 93% случаев жертвами домашнего насилия становятся женщины, в 7% – мужчины. Ежедневно 36 тыс. женщин терпят побои мужей. Ежегодно около 7 тыс. звонков принимает всероссийский телефон доверия для женщин, пострадавших от домашнего насилия. Более 50% женщин, страдающих от домашнего насилия, терпят его годами, в половине случаев домашнее насилие происходит под воздействием алкоголя. На учете в полиции стоят более 200 тыс. «семейных дебоширов» [5].

Помощь в ситуации семейно-бытового насилия оказывают учреждения различного типа, созданные в субъектах Российской Федерации: 508 центров социальной помощи семье и детям; 17 центров психолого-педагогической помощи населению; 6 центров экстренной психологической помощи по телефону; 762 социально-реабилитационных центра для несовершеннолетних; 272 реабилитационных центра для детей и подростков с ограниченными возможностями; 239 центров социального обслуживания населения; 847 комплексных центров социального обслуживания населения, в которых имеются кризисные отделения для женщин; 21 кризисный центр для женщин и 2 кризисных центра для мужчин [6].

Указанные данные иллюстрируют лишь официальную часть проблемы домашнего насилия, отличающегося существенным уровнем латентности. При этом недостаточная развитость правового и социального механизмов преодоления стереотипа замалчивания фактов насилия в семье приводит не только к установлению традиций насильственного способа урегулирования семейно-бытовых отношений, но и к тяжким последствиям для личности и общества: от распада и разрыва дальнейших семейных связей до телесных повреждений либо смерти члена семьи.

В связи с этим все большую значимость приобретает потребность в выработке государственной семейной политики на долгосрочный период, следует изложить мероприятия по ее реализации, связанные с предупреждением насилия в семье.

Анализ проекта Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, разработанной Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, показывает, что эту проблему предлагается решать в контексте профилактики семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности, путем развития кризисных центров (приютов, центров временного пребывания и отделений) для женщин и мужчин, в том числе с детьми, подвергшимися насилию, в том числе в семье; развития программ по работе с лицами, подвергающими психологическому или физическому насилию членов своей семьи; реализации просветительских программ среди молодежи по профилактике насилия, проведения информационных кампаний о ресурсах, возможностях и услугах, доступных пострадавшим от насилия, осуществления общенациональной кампании по противодействию совершению правонарушений в отношении детей [7].

На наш взгляд, положения данного проекта носят достаточно общий характер, требуют конкретизации. Так, необходимо уточнить следующие направления: усовершенствование деятельности правоохранительных органов по профилактике семейно-бытового насилия в целом, координация и взаимодействие при выполнении задач в этой сфере; развитие общественно-государственного партнерства, в том числе и с привлечением зарубежных негосударственных организаций; учет региональных особенностей формирования системы противодействия данному явлению. Кроме этого, следует ввести такой целевой индикатор эффективности реализации государственной семейной политики, как «снижение количества преступлений, совершенных на семейно-бытовой почве».

Усовершенствование указанного сегмента государственной семейной политики может

быть осуществлено и путем изучения зарубежного опыта формирования системы предупреждения насилия в семье.

При выборе страны для анализа опыта решения обозначенной проблемы нами учитывались следующие факторы: наличие правовой основы для регулирования деятельности государственных и негосударственных институций по профилактике семейного насилия; уровень имплементации положений международных актов и рекомендаций международных организаций в правовые акты государства; длительный позитивный результат проактивного реагирования на факты насилия и адекватного воздействия на лиц, совершающих насильственные действия по отношению к членам семьи; соединение репрессивных и других, в том числе психотерапевтических, средств коррекции агрессивного поведения лиц, совершивших насилие в семье; возможность использования отдельных положений такого опыта при организации профилактики насилия в семье органами внутренних дел России.

Изучение научных публикаций и обзоров практики противодействия насилию в государствах – членах ЕС, десятилетний опыт исследования указанной проблематики позволяют отнести к числу стран, деятельность по предупреждению насилия в которых заслуживает внимание, Австрийскую Республику [8–12].

Система противодействия насилию в Австрии характеризуется как многоакторная, т.е. включает в себя большое количество субъектов реализации государственной политики противодействия насилию в семье.

Основы этой системы определены в Австрийском Федеральном Акте по защите от домашнего насилия с последующими трансформациями в процессе развития законодательства в этой сфере, в первую очередь с учетом внедрения международных стандартов и практики его реализации [11]. В частности, он состоит их трех взаимодействующих элементов: разрешение полиции удалить агрессивного человека из дома на период от 10 до 20 дней; закрепление права пострадавшей обратиться за долгосрочным «защитным ордером» через систему гражданской юстиции; механизм немедленной и эффективной помощи жертвам после вмешательства полиции.

В систему правого механизма предупреждения насилия в Австрии интегрированы также и положения уголовного законодательства, в соответствии с которым предусматривается судебное преследование за любые акты насилия, в том числе за мелкий проступок, независимо от согласия потерпевшей; развивается законодательство, направленное против преследования, криминализируются изнасилования в браке, женское обрезания и принудительные браки.

В свою очередь, принятие в Австрии целого блока политических решений и законодательных актов повлекло за собой специализацию правоохранительных органов, общественных организаций и создание специализированных интервенционных центров для оказания помощи пострадавшим от домашнего насилия, а так же членам их семей.

Так, обязанности по противодействию насилию в семье распределены между государственными органами (Министерством внутренних дел Австрии, в структуре которого созданы специальные подразделения для работы со случаями насилия в семье, Министерством по делам женщин), соответствующими службами на уровне муниципалитетов, государственными социальными приютами и некоммерческими общественными организациями.

При этом в Австрии осуществлено делегирование части правозащитных полномочий от государственных органов к неправительственным организациям. В первую очередь это касается функционирования сети центров интервенции (вмешательства), которые осуществляют координацию действий полиции и социальных служб и реализуют активный подход к помощи пострадавшим. Центры финансируются Министерством внутренних дел и Министерством по делам женщин, но управляются женскими неправительственными организациями (в стране функционирует 30 убежищ для женщин и 40 консультативных центров, поддерживающих женщин и девочек, переживших насилие) [1, с. 5].

Основными задачами Центра интервенции являются оценка опасности в случаях домашнего насилия; оказание поддержки и помощи в планировании безопасности пострадавшей и любых зависимых от нее лиц; юридическое консультирование жертв насилия в семье и поддержка их в государственных органах и судах; содействие в социальном обустройстве жертв насилия, их психологической и медицинской реабилитации; предоставление фактического убежища женщинам, детям. Так, в Вене женщины могут оставаться в пяти из приютов в течение 4–6 месяцев, а в остальных – 7–12 месяцев.

Предоставление услуг в таких центрах отвечает высоким стандартам оказания социальной помощи, к ним относятся безопасность,

женская взаимопомощь, неравнодушие, анонимность, безвозмездность, расширение собственных прав и возможностей сотрудников, простота доступа, равенство доступа к предоставляемым услугам. Помощь осуществляется квалифицированными специалистами и волонтерами-женщинами, имеющими дополнительную подготовку.

Центры обеспечивают круглосуточный доступ к услугам, оборудованы необходимыми предметами мебели и домашнего обихода, игровыми комнатами для детей, аудиториями для обучения и др.

Оперативность оказания услуг повышается и благодаря использованию горячих многоканальных телефонных линий, чатов.

Эффективность функционирования рассматриваемого механизма обеспечивается надлежащим финансированием деятельности неправительственных общественных организаций через государственный и местный бюджеты. Так, Министерство по делам женщин финансирует национальную бесплатную телефонную линию, которая обслуживается негосударственной Сетью женских убежищ, а в Верхней Австрии финансирование приютов предусмотрено местным социальным законодательством – «Sozialhilfegesetz», в Вене четыре из существующих приютов для женщин и аффилированный консультационный центр заключают постоянный контракт с городом.

Важное значение в пресечении домашнего насилия и предупреждении его рецидива в Австрии имеет использование таких форм государственного принуждения, как предписания о выселении, выдаваемые полицией, и защитные предписания, выдаваемые судом.

Первая форма воздействия на лиц, совершивших насилие в семье, введена Законом «О судебных приказах о защите членов семьи в случаях семейных конфликтов» (1997 г.). В настоящее время такие предписания предоставляют защиту потерпевшим в течение 14 дней после факта физического или психологического насилия или угрозы применить такое насилие, а также в случаях преследования, а по заявлению пострадавшей стороны этот срок может быть продлен. Действие таких защитных мер может распространяться на обширные территории – дом пострадавшего и окружающую территорию, рабочее место и школу, посещаемую детьми, также запрещаются любые контакты. Ежегодно полицией Австрии выносится более 6,5 тыс. таких предписаний [12, с. 20].

Полиция, реагируя на случай домашнего насилия, выселяет из жилища лицо, угрожающее проживающим рядом с ним, чтобы обеспечить им безопасность. При этом нарушитель должен сдать ключи от квартиры, ему разрешается взять из дома только самые необходимые вещи (документы, одежду, предметы личной гигиены и т.д.), а также ему разъясняется возможность воспользоваться услугами специальных кризисных комнат, финансируемых государством, в которых насильник может временно пребывать на период действия полицейских и судебных предписаний.

Сотрудники полиции информируют «Центр интервенции в случае насилия в семье» о каждом случае выселения; работники Центра связываются с каждым пострадавшим индивидуально, предлагая бесплатные услуги психосоциального характера или правовую поддержку. Первоначально агрессора выселяют на 14 дней, но по заявлению пострадавшей стороны этот срок может быть продлен. Эти предписания могут действовать от 4 до 6 месяцев либо до момента расторжения брака. Защитные предписания по гражданским делам о преследовании могут иметь срок действия до 1 года. Они предусматривают защиту от тех же преступлений, что и предписания о выселении, выносимые полицией, и могут охватывать те же области права. В Австрии защитное предписание может выноситься в отношении места жительства на срок до 6 месяцев, а в отношении других мест (место работы, детский сад) – на срок до 1 года. Защитные предписания обеспечивают длительную защиту. Австрийскими судами выносится более 2,5 тыс. таких предписаний.

Кроме того, для обеспечения профилактики домашнего насилия, информирования о социальных услугах, предоставляемых жертвам насилия в семье, обеспечения взаимодействия между субъектами противодействия этому явлению в Австрии предприняты следующие действия: в отделениях скорой помощи, хирургических отделениях и многих других местах, где женщины бывают часто (женские центры, детские сады, женские союзы при церквях и т.д.), предлагаются информационные буклеты на нескольких языках, специально разработанные с учетом нужд пострадавших от насилия; введено использование специализированных документальных форм (полицейских рапортов и протоколов, клинических протоколов) для стандартизации полицейских и медицинских процедур при фиксации случаев насилия в семье; внедрены программы коррекционной работы с мужчинами, совершившими насилие в семье; проводятся специализированные

тренинги для работников системы здравоохранения с целью профилактики, установления и учета случаев домашнего насилия, а также оказания помощи пострадавшим и направления их в соответствующие службы; внедрен специальный курс для сотрудников полиции по реагированию на факты насилия в семье; осуществляется сбор и систематизация данных от независимых поставщиков услуг и государственных структур (полиции и Министерства внутренних дел) о фактах насилия в семье.

Проведенный нами обзор свидетельствует о возможности использования отдельных элементов австрийского опыта для усовершенствования профилактики и пресечения семейно-бытового насилия в России.

С учетом тенденций в законодательном урегулировании системы предупреждения и профилактики насилия в семье, действующих механизмов социально-правовой защиты от семейно-бытового насилия предлагается: окончательно решить вопрос о принятии специализированного закона, регулирующего общественные отношения, возникающие в области противодействия насилию в семье; конкретизировать статус неправительственных организаций, которые предоставляют услуги для жертв насилия в семье, а также лиц, совершивших такое насилие, финансирование которых может осуществляться за счет государственного и местных бюджетов; закрепить формы взаимодействия между государственными и негосударственными организациями, в том числе и в процессе выявления и пресечения фактов семейного насилия, ведения их учета, а также в случае повторных обращений в эти структуры и организации; определить порядок создания приютов для временного пребывания пострадавших от насилия в семье, а также в случае необходимости и лиц, совершивших такое насилие; включить суды в перечень субъектов профилактики семейно-бытового насилия, а также до внедрения ювенальной юстиции предусмотреть специализацию судей, рассматривающих дела о семейном насилии; закрепить административную ответственность за совершение насилия в семье, не повлекшего за собой физического вреда, нарушение защитных предписаний, выносимых полицией, а также уголовную – за повторное совершение насилия, ответственность за которое предусмотрена административным законодательством, физическое насилие в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица, нарушение судебного защитного предписания; предусмотреть возможность подготовки ежегодного общественного доклада о состоянии семейно-бытового насилия в Российской Федерации и деятельности по его предупреждению; активизировать пропагандистско-просветительную кампанию, направленную на формирование в обществе нетерпимости к любым формам насилия в семье; предусмотреть выделение показателей, связанных с домашним насилием, в государственной и ведомственной статистической отчетности; шире использовать арсенал уполномоченных по правам человека и защите прав детей как важных институтов защиты прав и свобод человека в России; закрепить обязанность лиц, обеспечивающих выявление, пресечение и профилактику насилия в семье (сотрудники полиции, школьные психологи и др.), проходить обучение формам и методам выполнения возложенных на них задач, а также стимулировать приобретение необходимых навыков лицами, имеющими возможность получить информацию фактах домашнего насилия (врачи-педиатры, учителя, члены общественных организаций).

Использование австрийского опыта при реформировании российской системы противодействия насилию в семье позволит сократить время для апробации новаций, повысить качество нормопроектной работы, более оптимально распределить ресурсы при формировании структур, ответственных за реализацию государственной политики в этой сфере, а также определении порядка координации их совместной деятельности.

---

1. Принося безопасность домой: борьба с насилием в отношении женщин в регионе ОБСЕ. Сборник примеров хорошего опыта. Секретариат ОБСЕ, 2009.

2. Выступление главы МВД России на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России, 21.03.2014. URL: http://mvd.ru/kollegiya_03_2014

---

1. Bringing security home: fight with violence related to women in OSCE region. Collection of the good experience examples. OSCE, 2009.

2. Report of the Head of the Ministry of the Interior of Russia at the broadened meeting of the collegium of Russian MIA, 21.03.2014. URL: http://mvd.ru/kollegiya_03_2014

3. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. М., 2015.

4. Не частное дело: третья попытка остановить домашнее насилие. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20120607/263350627.html

5. Домашнее насилие в России. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2794440

6. Тезисы доклада директора Департамента Светланы Решетниковой на 57-ой сессии Комиссии ООН по положению женщин. URL: http://www.rosmintrud.ru/social/social/115

7. Проект Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/90

8. Блага А.Б., Журавель Т.В., Заброда Д.Г., Милорадова Н.Е Деятельность службы участковых инспекторов милиции по профилактике насилия над детьми и взрослыми членами семьи: учеб.-метод. пособие / под ред. А.О. Христовой. Киев, 2012.

9. Заброда С.Н. Взаимодействие милиции и общественности по предупреждению насилия в семье: науч.-практ. рекомендации. Симферополь, 2013.

10. Березняк В.С., Заброда С.Н., Логвиненко Б.А., Опацкий Р.Н., Ревина А.В. Методика действий сотрудников ОВД по противодействию и предупреждению фактов насилия в семье: метод. рекомендации. Днепропетровск, 2011.

11. Austrian Federal Act on the Protection against Domestic Violence: entered into force on May 1, 1997 // Fed. Law Gazette. 1996/759.

12. Обзор международного опыта и передовой практики противодействия домашнему насилию в 5 странах (Австрия, Украина, Великобритания, Израиль, Казахстан) отдельные аспекты. 2-е. изд. 2012.

3. Report about the results and general directions of the activity of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, 2015.

4. Not a private affair: the third attempt to stop home violence. URL: http://rapsinews.ru/incident_publication/20120607/263350627.html

5. Home violence in Russia. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2794440

6. Abstracts of the Director of the Department Svetlana Reshetnikova at the 57th session of the UN Commission on the Status of Women. URL: http://www.rosmintrud.ru/social/social/115

7. Draft State Family Policy Concept of the Russian Federation for the period till 2025. URL: http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/90

8. Blaga A.B., Zhuravel T.V., Zabroda D.G., Miloradova N.E. Activity of the district inspector of police to prevent violence on children and adult members of the family: guidance manual / ed. by A.O. Khristova. Kiev, 2012.

9. Zabroda S.N. Militia and public interaction on the prevention facts of family violence: sci.-pract. recommendations. Simferopol, 2013.

10. Bereznyak V.S., Zabroda S.N., Logvinenko B.A., Opatsky R.N., Revina A.V. Method of actions of law enforcement officers on combating and preventing family violence: guidelines. Dnepropetrovsk, 2011.

11. Austrian Federal Act on the Protection against Domestic Violence: entered into force on May 1, 1997 // Fed. Law Gazette. 1996/759.

12. Review of the international experience and advanced practice to counteract domestic violence in 5 countries (Austria, Ukraine, Great Britain, Israel, Kazakhstan) separate aspects. 2nd ed. 2012.

Костенко Роман Валерьевич
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(e-mail: rom-kostenko@yandex.ru)

Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с процессуальным порядком исключения доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовным делам.

Ключевые слова: доказательства в уголовном процессе, допустимость доказательств в уголовном процессе, исключение недопустимых доказательств, досудебное производство по уголовным делам.

R.V. Kostenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Kuban State University; e-mail: rom-kostenko@yandex.ru

Exclusion of evidence obtained in violation of the Criminal procedure code of the Russian Federation during pre-trial proceedings on criminal cases

This article considers the problematic issues related to the procedural order of exclusion evidence obtained in violation of the Criminal procedure code of of the Russian Federation during pre-judicial proceedings on criminal cases

Key words: evidence in criminal proceedings, admissibility of evidence in criminal proceedings, exclusion of inadmissible evidence, pre-trial proceedings in criminal cases.

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что своевременное исключение доказательств, полученных с нарушением закона, может быть реализовано в полной мере на досудебном производстве по уголовному делу. Для этого необходимо обратиться к положениям ч. 3 ст. 88 УПК РФ, в которой сказано, что прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого или по собственной инициативе. При этом доказательство, признанное недопустимым, не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление. В таком виде законодатель предлагает два варианта (процедуры), при которых на досудебном производстве по уголовном делу доказательства могут быть признаны недопустимыми. Во-первых, исключение доказательств, полученных с нарушением закона, возможно по ходатайству подозреваемого либо обвиняемого. Во-вторых, признать доказательства недопустимыми вправе по собственной инициативе прокурор, следователь, дознаватель.

Прежде всего, согласно ч. 3 ст. 88 УПК РФ, прокурор, следователь, дознаватель вправе признать показания обвиняемого недопустимым по ходатайству подозреваемого, обвиняемого. Как отмечают некоторые процессуалисты, законодатель таким образом необоснованно ограничивает право других лиц ходатайствовать о признании доказательств недопустимыми, поскольку указывает на возможность признания прокурором, следователем, дознавателем показаний подозреваемого недопустимыми только по ходатайству самого подозреваемого, обвиняемого [1, с. 147]. В свою очередь, ст. 235 УПК РФ указывает на право стороны заявлять ходатайство об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, любого доказательства. Следовательно, в досудебном производстве, в отличие от судебного, законодатель необоснованно ограничивает права участников на заявление ходатайств об исключении доказательств.

По общему правилу, заявлять ходатайство можно в любой момент досудебного производства по уголовному делу. Просьба о признании недопустимым доказательства на предварительном расследовании, по аналогии со ст. 234, 235 УПК РФ, должна именоваться ходатайством об исключении доказательства. Письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное – заносится в протокол следственного действия.

Отклонение подобного рода ходатайства не лишает участников процесса права вновь обратиться с аналогичным ходатайством.

Также по аналогии со ст. 235 УПК РФ ходатайство об исключении доказательства должно содержать следующие указания:

1) на доказательство, об исключении которого ходатайствует участник уголовного процесса;

2) на основания для исключения доказательства, предусмотренные УПК РФ, и обстоятельства, обосновывающие ходатайство.

Как уточняет Ю.А. Кожевникова, в ходатайстве должно содержаться:

1) название доказательства с номерами листов дела;

2) конкретное основание из ст. 75 УПК РФ для признания его недопустимым;

3) если основанием является нарушение закона, то конкретные требования конкретных статей Кодекса (Конституции РФ, других правовых актов), которые нарушены; если основание иное, то подтверждение связи между «плодами» и «отравленным деревом», либо подтверждение неизвестности происхождения оспариваемого доказательства, либо подтверждение незначительной доказательственной ценности материала, по сравнению с опасностью предубеждения присяжных и т.п.; в любом случае возможно приобщение дополнительных доказательств;

4) оценка существенности допущенных нарушений;

5) вывод о необходимости исключить доказательство в целях вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора (иного решения) по рассматриваемому уголовном делу [2, с. 173–174].

Ходатайство об исключении доказательства, полученного с нарушением УПК РФ, подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. Согласно ст. 121 УПК РФ в случаях, когда немедленное принятие решения по ходатайству, заявленному в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее 3 суток со дня его заявления.

По смыслу гл. 15 УПК РФ в случае удовлетворения ходатайства об исключении недопустимого доказательства либо о полном или частичном отказе в его удовлетворении дознаватель, следователь, прокурор выносят постановление, которое доводится до сведения лица, заявившего ходатайство. Такое постановление может быть обжаловано в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ.

При этом согласно ст. 159 УПК РФ прокурор, следователь, дознаватель обязаны реагировать на ходатайство стороны мотивированным постановлением лишь в случае его отклонения. Соответственно, как справедливо указывает Е.В. Ларина, «если доказательство исключается по ходатайству стороны, значит, оно удовлетворено и постановление в деле не появляется. Если следователи или дознаватели самостоятельно приходят к выводу о наличии в доказательственной базе информации, не отвечающей требованиям процессуальной допустимости, то, как правило, используются два варианта исключения юридически ничтожной информации. В первом случае выносится постановление в произвольной форме об исключении доказательства, во втором доказательство изымается из материалов уголовного дела без процессуального оформления и в деле вообще не остается никакого документа, объясняющего исчезновение доказательства. На такие доказательства просто не ссылаются в обвинительном заключении» [3, с. 154–155]. В итоге Е.В. Ларина делает вывод, что такой подход к решению вопроса о допустимости доказательств не отвечает принципу законности уголовного судопроизводства [3, с. 155]. Поэтому следует поддержать тех процессуалистов, которые считают, что орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор должны вынести соответствующее постановление о признании доказательств недопустимыми [1, с. 147].

Следующим способом исключения доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовному делу может быть, в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ, процессуальная деятельность, осуществляемая по собственной инициативе прокурором, следователем, дознавателем.

Обращает на себя внимание, что законодатель называет только прокурора, следователя и дознавателя в качестве тех должностных лиц, которые вправе по собственной инициативе признать доказательство недопустимым на досудебном производстве по уголовному делу.

Вместе с тем, субъектами получения доказательств на предварительном расследовании могут быть также руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания. В связи с этим ч. 3 ст. 88 УПК РФ необходимо дополнить указанием о том, что по собственной инициативе вправе признать доказательство недопустимым руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания.

По собственной инициативе дознаватель вправе признать доказательство недопустимым в ходе его проверки и оценки. Проверка и оценка допустимости доказательств дознавателем осуществляются в нескольких случаях.

Во-первых, во время непосредственного их получения, т.е. в ходе собирания доказательств путем следственных или иных процессуальных действий.

Во-вторых, в ходе принятия дознавателем процессуальных решений по уголовному делу, обоснованием которых выступают доказательства. Такими решениями, которые может вынести дознаватель, являются обвинительный акт, обвинительное постановление, постановление о прекращении уголовного дела или прекращении уголовного преследования. Эти решения дознавателя должны быть основаны на допустимых доказательствах. Поэтому ч. 3 ст. 88 УПК РФ предусматривает, что доказательство, признанное недопустимым, не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление. Однако в рассматриваемой норме законодатель, на наш взгляд, необоснованно ограничился только названными видами решений. Как представляется, в случае признания доказательств недопустимыми они должны не подлежать включению во все основные процессуальные решения на предварительном расследовании. Другой вывод будет означать, что проверка и оценка допустимости доказательств на предварительном расследовании происходят лишь при вынесении обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Значит ч. 3 ст. 88 УПК РФ необходимо усовершенствовать указанием о том, что доказательство, признанное недопустимым, не подлежит включению в решения, которыми устанавливаются обстоятельства и факты, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела.

По мнению А.В. Горбачёва, при оценке и проверке собранных доказательств дознаватель может выявить допущенное им нарушение закона. В этом случае он вправе вынести постановление о признании такого доказательства недопустимым. Однако вынесение отдельного постановления является правом, а не обязанностью дознавателя [4, с. 165].

В-третьих, дознаватель обязан проверить и оценить законность получения доказательств при принятии уголовного дела к своему производству в том случае, когда по уголовному делу собирались доказательства иными лицами, в производстве которых находилось уголовное дело. «Установление таких обязанностей в отношении дознавателя, в то же время, предполагает наличие лишь одной процессуальной санкции в случае их невыполнения – исключение доказательств в суде и невозможность их восполнения» [4, с. 165].

Отдельные авторы предлагают обращать особое внимание на оценку допустимости доказательств, которые были получены не лично дознавателем, а по его поручению органами дознания. Именно здесь, как отмечается, чаще всего нарушается уголовно-процессуальный закон. Так, в частности, приводятся данные, согласно которым из общего числа доказательств, признанных судом недопустимыми, более 70% случаев приходится на те из них, которые были получены работниками органов дознания [5, с. 88].

Следователь, так же как и дознаватель, по собственной инициативе производит проверку и оценку допустимости доказательств при непосредственном их получении, при принятии основных процессуальных решений по уголовному делу и при принятии уголовного дела к своему производству в том случае, когда по уголовному делу собирались доказательства иными лицами, в производстве которых находилось уголовное дело.

Следователь, установив, что доказательство получено с нарушением уголовно-процессуального закона, должен предпринять возможность устранения допущенных нарушений. При необходимости следователь проводит дополнительные следственные или процессуальные действия, направленные на проверку допустимости доказательств. Как указывает А.А. Зубарев, «исходя из назначения положения о недопустимых доказательствах в уголовном процессе России, правоприменитель должен стремиться нейтрализовать любое влияние недопустимого доказательства на участников уголовного судопроизводства. В этой связи законодателю необходимо деталь-

но проработать вопрос о возможности изъятия из уголовного дела доказательств, признанных недопустимыми, с целью исключить их влияние на судью в процессе ознакомления с материалами уголовного дела. В настоящее же время есть необходимость указать в ч. 2 ст. 88 УПК РФ обязанность суда, прокурора, следователя, дознавателя принять меры к нейтрализации влияния недопустимого доказательства на дальнейшее производство по уголовному делу» [6, с. 23].

Руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания выступают в качестве субъектов, обладающих полномочиями по собственной инициативе признавать доказательства недопустимыми по уголовному делу. Исключение недопустимых доказательств может реализовываться указанными должностными лицами, если они принимают уголовное дело к своему производству и самостоятельно проводят следственные и иные процессуальные действия. В таких случаях руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания обладают соответственно статусом следователя или дознавателя, проверяя и оценивая доказательства с точки зрения их допустимости.

С другой стороны, руководитель следственного органа и начальник органа дознания при поступлении материалов уголовного дела соответственно от следователя с обвинительным заключением или от дознавателя с обвинительным актом, обвинительным постановлением вправе в ходе проверки и оценки доказательств самостоятельно исключить доказательства, полученные с нарушением требований действующего уголовно-процессуального закона.

Исключение доказательств, полученных с нарушением требований УПК РФ, в ходе досудебного производства по уголовному делу может осуществляться также по инициативе прокурора.

Прокурор проводит проверку и оценку всех собранных доказательств с точки зрения их допустимости при поступлении от следователя уголовного дела с обвинительным заключением либо при поступлении от дознавателя уголовного дела с обвинительным актом или обвинительным постановлением. Указанные полномочия прокурор реализует в рамках надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Как отмечают некоторые процессуалисты, исходя из анализа полномочий прокурора по осуществлению надзора за исполнением законов органами дознания и следствия, а также требований Генерального прокурора Российской Федерации, можно сделать вывод об особом процессуальном статусе, позволяющем ему выносить отдельное постановление о признании доказательств недопустимыми [7, с. 233]. В связи с этим М.А. Сильнов пишет, что прокурор имеет особый процессуальный статус, позволяющий ему выносить отдельное постановление об исключении из указанных в обвинительном заключении доказательств тех доказательств, которые он признал недопустимыми в связи с тем, что они получены с нарушением закона [8, с. 24].

Однако необходимо обратить внимание на то, что ч. 3 ст. 88 УПК РФ прямо не предусматривает обязанность вынесения прокурором отдельного постановления о признании какого-либо доказательства недопустимым. Решения прокурора, которые он может вынести по уголовным делам, поступающим ему с обвинительными заключениями, обвинительными актами, обвинительными постановлениями, определяются соответственно ст. 221, 226, 226.8 УПК РФ. В указанных же нормах не содержится предписаний прокурору выносить мотивированные постановления о признании доказательств недопустимыми и об их исключении из обвинительных заключений, обвинительных актов либо обвинительных постановлений. Поэтому, на наш взгляд, в ст. 221, 226, 226.8 УПК РФ следует внести изменения, предусмотрев в них предписания о том, что прокурор при выявлении в уголовном деле доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК РФ, обязан выносить мотивированное постановление о признании таких доказательств недопустимыми и об их исключении из обвинительного заключения, обвинительного акта либо обвинительного постановления. Аналогичным образом ч. 3 ст. 88 УПК РФ необходимо дополнить указанием на то, что прокурор обязан выносить мотивированное постановление о признании недопустимыми доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, и об их исключении из обвинительного заключения, обвинительного акта либо обвинительного постановления.

1. Быков В.М., Ситникова Т.Ю. Основания и процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми по УПК РФ // Правоведение. 2004. № 5.

2. Кожевникова Ю.А. Исключение недопустимых доказательств из разбирательства уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2005.

3. Ларина Е.В. Признание доказательств недопустимыми в российском уголовном судопроизводстве (в стадии предварительного расследования): дис. … канд. юрид. наук. М., 2005.

4. Горбачёв А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004.

5. Зеленский Д.В. Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе: учеб. пособие. Краснодар, 1997.

6. Зубарев А.А. Правовые последствия признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2010.

7. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 1999.

8. Сильнов М.А. Вопросы обеспечения допустимости доказательств в уголовном процессе (досудебные стадии). М., 2001.

1. Bykov V.M., Sitnikova T.Yu. Basis and procedure of recognition of evidence inadmissible in the Criminal procedure code of the Russian Federation // Jurisprudence. 2004. № 5.

2. Kozhevnikov Yu.A. Exclusion of invalid evidence from the criminal proceedings: diss. ... Master of Law. Voronezh, 2005.

3. Larina E.V. Recognition of evidence inadmissible in the Russian criminal proceedings (at the stage of preliminary investigation): diss. ... Master of Law. Moscow, 2005.

4. Gorbachev A.V. Recognition of evidence inadmissible in criminal proceedings: grounds and procedure: diss. ... Master of Law. Moscow, 2004.

5. Zelensky D.V. Problems of admissibility of evidence in criminal process: study aid. Krasnodar, 1997.

6. Zubarev A.A. Legal effects of recognition of evidence inadmissible in criminal proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2010.

7. Zolotyh V.V. Validation of the evidence in criminal process. Rostov-on-Don, 1999.

8. Silnov M.A. Issues of ensuring the admissibility of evidence in criminal proceedings (pre-trial stage). Moscow, 2001.

Попов Алексей Павлович
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Пятигорского филиала Российского экономического
университета им. Г.В. Плеханова
(e-mail: p.alexsey777@mail.ru)

Зинченко Игорь Анатольевич
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Калининградского филиала
Международного университета
(e-mail: zinchenko3939@mail.ru)

Развитие состязательных начал досудебного производства в Доктринальной модели доказательственного права Российской Федерации

В статье авторы обращаются к вопросам развития состязательных начал досудебного производства в Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ, разработанной коллективом авторов под руководством профессора А.С. Александрова.

Ключевые слова: теория доказывания, доказательственное право, состязательность, доктринальная модель доказательственного права.

A.P. Popov, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Pyatigorsk branch of the Plekhanov Russian Economic University; e-mail: p.alexsey777@mail.ru;
I.A. Zinchenko, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of the Kaliningrad branch of the International University; e-mail: zinchenko3939@mail.ru

Development of adversarial beginings in the pre-trial proceedings in the Doctrinal model of evidence law of the Russian Federation

In this paper the authors refer to the development of adversarial beginings of pre-trial proceedings in Doctrinal model of criminal procedure evidence law of the Russian Federation developed by a team of authors, led by professor A.S. Alexandrov.

Key words: theory of proof, evidence law, adversarial, doctrinal model of evidence law.

Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ (далее – ДМ) была представлена на суд юридической общественности в апреле 2015 г. [1]. В политико-идеологическом отношении ДМ – леволиберальный проект. Его оценка – преимущественно критическая – в литературе в принципе уже прозвучала [2]. Тем не менее, следует отметить, что в последней четверти века создание ДМ – одно из ярких событий в науке уголовного процесса. Ее значение в правовом отношении в какой-то мере сопоставимо с подготовкой первых проектов УПК РФ, в доктринальном (в совокупности с другими произведениями создателей ДМ) – с солидной разработкой отраслевого НИИ. На протяжении более 10 лет авторы ДМ публиковали вызывающие порой недопонимание, а чаще горячие споры, работы, направленные на формирование новой теории доказательств [3, с. 68–77]. В ДМ они получили не только теоретическое, но и бесценное для размышлений и обсуждения предметное воплощение. Порой разрозненные правовые, философские, лингвистические, семиотические и иные построения заключены в ней в юридическую форму – в оболочку важнейших фрагментов кодифицированного законодательного акта. Предлагаемая нами оценка основывается, во-первых, на степени масштабности ДМ, во-вторых, на значимости ДМ для будущего законодательства РФ (для современного – отдельный вопрос), и, в-третьих, на ее научной и практической состоятельности. Исходим из того, что после приня-

тия УПК РФ в теории доказывания было создано не много работ, способных оказать заметное влияние на законотворчество. Подтверждение этому обстоятельству нам видится в стабильности норм разд. III УПК РФ «Доказательства и доказывание».

Научная состоятельность ДМ видится в ее целостности. Практическую же значимость можно проиллюстрировать хотя бы тем фактом, что сформулированные в ДМ институты и нормы находят все большее реальное воплощение и апробацию в новейшем уголовно-процессуальном законодательстве государств ближнего зарубежья.

Однако мы не беремся утверждать, что все в обсуждаемой ДМ ясно и однозначно. ДМ, поскольку она создана, конечно, можно обсуждать. О ее реализации можно грезить. Однако адаптация ее положений к современным российским реалиям, в том числе рассматриваемым в их развитии, представляется проблематичной.

Создатели ДМ в качестве образчика постоянно ссылаются на опыт западноевропейских государств. Но в большинстве этих стран (например, в Германии, во Франции), при развитом в обществе либерализме и демократии, на высоком уровне функционирует достаточно консервативная организация досудебного уголовного производства. При этом она никак не отвергает такие провозглашаемые авторами ДМ ценности, как свобода и справедливость, состязательность и равноправие сторон, достоинство личности, равенство всех перед законом. Они успешно сосуществуют.

С этими фактами нельзя не считаться. При этом заметим, что в дискуссиях 2013 – начала 2016 г. наибольшую остроту приобрели проблемы совершенствования предварительного расследования. Именно им, на наш взгляд, принадлежит первостепенная роль в преобразовании уголовного процесса в целом.

Говоря о предмете настоящей статьи – развитии состязательных начал досудебного производства – хотелось бы, прежде всего, отметить, что мы однозначно являемся сторонниками смешанной формы уголовного процесса, такой его организации, в которой сочетаются мощное розыскное досудебное производство (при максимально допустимом участии защиты) и развитое состязательное судебное разбирательство [4, с. 34–38; 5, с. 28–31]. Эта позиция во всех отношениях согласуется с идеей укрепления процессуальной самостоятельности следователя, его независимости [6, с. 229]. Сторонники же состязательной парадигмы доказательственного права, в том числе и авторы ДМ, постулируют: не существует идеального субъекта доказывания. Не может существовать и объективная истина, поскольку у каждой из сторон истина своя, своя «правда»: каждая из сторон заботится о своих интересах, и это предопределяет односторонность освещения и относительность результатов досудебного доказывания. Из этого следует, что обе стороны – обвинения и защиты – должны быть в равных правах, касающихся собирания доказательств [1, с. 8].

Не только для непосвященных, но и для специалистов в области теории уголовного процесса перечисленные идеи звучат заманчиво и убедительно. Но если идеи равенства сторон в доказывании абсолютизировать, то можно прийти к абсурдной идее о том, что уголовные дела к производству должны принимать два «следователя» (детектива): один – по уголовному преследованию, другой – по государственному ограждению невиновного от незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Если же говорить серьезно, то отношение к принципу состязательности в уголовном судопроизводстве должно быть осмотрительным. В его исследованиях целесообразно придерживаться реальной практики и правового поля. К сожалению, в литературе можно встретить суждения, авторы которых в борьбе «с пережитками советского прошлого» (а всего вероятнее, с собой самими – со своими совсем недавними убеждениями) привлекают в качестве инструментария сомнительные аргументы. Например, С.Б. Россинский, анализируя принцип состязательности, упрекает судей и следователей, осмелимся сказать, в психической неполноценности, в неспособности адекватно «воссоздать в своем сознании мыслительные образы… соответствующие событию преступления». Лечение же этого недуга автору видится не в визите к врачу, а в участии субъектов со стороны защиты [7, с. 89]. Стремление избавиться от натурализма, согласно которому объект познания предстает перед исследователем в готовом виде, понятно, но согласитесь, так называемый обвинительный уклон в работе части субъектов доказывания правоохранителей и их «неспособность создавать мыслительные образы» – не одно и то же, и как эти аргументы авто-

ра увязываются с идеями состязательности, представить сложно.

Конечно, обсуждаемая нами ДМ свободна от подобного рода аберраций. Она построена так, что следователь в ней, на первый взгляд, логично отнесен к стороне обвинения. Однако совершенно очевидно присутствие в ДМ другого уклона: в ней следователь лишен процессуальной самостоятельности, представляя обвинительную власть прокурора. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы [1, с. 7] позволяют сделать предположение об общем замысле ДМ: в перспективе организационно заменить следственные подразделения и следователей органами федеральной полиции. Свидетельство тому – выведение в ДМ досудебного производства из состава судебного доказывания, превращение следователя в детектива, в «слугу прокурора», сочетающего в своей работе производство гласных и негласных следственных действий (суть – оперативно-розыскных мероприятий). Однако верна ли подобная конструкция? Думается, нет, по крайней мере, не во всех отношениях. Ведь на обвинительных (следственных) принципах построена положительно зарекомендовавшая себя на протяжении многих десятилетий современная система российского досудебного производства. Мы склонны считать, что ее развитие целесообразно осуществлять в рамках укрепления и совершенствования именно этого направления.

Еще одной, не разделяемой нами позицией, заявленной в ДМ, является лишение доказательственного значения фактических данных (сведений), сформированных в досудебном производстве. Руководитель авторского коллектива, создавшего ДМ, профессор А.С. Александров утверждает: «Мы предлагаем вывести досудебное уголовное производство из состава судебного доказывания и одновременно с этим снять различия между оперативно-розыскной деятельностью, предварительным следствием и адвокатским расследованием. Такова модель поведения во всех развитых уголовно-процессуальных порядках» [1, с. 7].

Каким же способом можно лишить материалы, собранные в ходе досудебного производства, статуса доказательств? Путь, очевидно, один – провести соответствующие преобразования в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако, как свидетельствует опыт, реализовать подобную идею оказывается не совсем просто. Подтверждение этому факту – постоянное использование терминов «доказательства» и «доказывание» – мы неминуемо находим и в самой ДМ, и в других произведениях ее создателей, на словах отрицающих доказательственное значение сведений, собираемых, проверяемых, оцениваемых и используемых в досудебном производстве [8]. Другое дело, что доказательства в рамках существующей конструкции уголовного судопроизводства можно успешно делить на «досудебные» и «судебные». Эта точка зрения возвращает нас к традиционным концепциям.

Рассмотрим далее следующие три из большой совокупности закрепленных в ДМ новелл. Во-первых, о процессуальных функциях следователя. Во-вторых, о равенстве сторон в полномочиях, касающихся собирания доказательств в досудебном производстве, и, в-третьих, об общих условиях производства негласных следственных действий.

1. В решении вопроса о процессуальных функциях можно сделать немало ошибок (ведь любая деятельность, даже работа на конвейере, состоит из действий и операций, а значит – многофункциональна), чему примеров в литературе достаточно, если прежде не определиться с дефиницией «основная процессуальная функция следователя». Думается, например, не правы авторы, допускающие существование в работе следователя не одной, а нескольких таких – основных – функций: расследование преступлений, обвинение и разрешение уголовного дела [9, с. 14].

После принятия УПК РФ в уголовно-процессуальной доктрине все большее распространение находит идея (она выражена и в ДМ) о существовании в уголовно-процессуальной деятельности трех основных функций – обвинения, защиты и разрешения дела. Специфическому виду деятельности – расследованию преступления – в этой триаде нет места. Она включена в состав функции обвинения. Конечно, сам закон создает для этого основания: в п. 47 ст. 5 УПК РФ следователь, наряду с другими участниками (прокурором, дознавателем, потерпевшим, частным обвинителем и др.), назван стороной обвинения. В наименовании гл. 6 УПК РФ редакция этой формулировки смягчена. Думается, она более удачна. В ней следователь назван не «стороной обвинения», а «участником со стороны обвинения», но суть при этом остается неизменной.

Исключение предварительного расследования из числа основных уголовно-процессуаль-

ных функций – абсурд. Логичнее допустить, что суд и государственный обвинитель должны поделиться частью своих полномочий со следователем. Конечно, пишущие об этой проблематике коллеги способны подобрать любые аргументы для защиты того или иного мнения или для опровержения точки зрения оппонента, но самостоятельный и весьма специфический вид государственной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений не перестает существовать. Он реализуется независимо от позиции теоретиков [6, с. 29].

Рассуждения же о характере познаваемой следователем истины, о необходимости выявления всех подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу обстоятельств и т.п. не должны заслонять или опровергать это, как представляется, очевидное положение. Что же касается обвинения, являющегося неотъемлемой составляющей государственной обязанности по уголовному преследованию, то оно – важнейший компонент функции предварительного расследования, обусловленный характером выполняемых ею задач, который, однако, им – обвинением – не исчерпывается. Заметим, что в иных правовых системах функция предварительного расследования может возлагаться на должностное лицо, не обязательно называемое следователем (например, по УПК Республики Молдовы соответствующее должностное лицо именуется «офицером по уголовному преследованию»). Но в любом случае эти сотрудники реализуют одни и те же функции: осуществляют мероприятия по своевременному предупреждению и раскрытию преступлений, изобличению виновных, подготовке доказательственной базы для предстоящего судебного разбирательства.

Обратим внимание еще на один аспект этой проблемы. В традиционных классификациях участников уголовного процесса, ни у кого не вызывающих принципиальных возражений, выделение в них группы субъектов, именуемой «участники, имеющие в деле самостоятельный правовой интерес, их представители и защитники» (следователя в этой группе быть не может). В нее включаются субъекты, представляющие обе стороны – обвинения и защиты. Характерная черта участников (потерпевшего, обвиняемого, защитника и др.) – наличие правового интереса в уголовном деле. И не только правового: судьба уголовного дела – это и их судьба. Правовой и личный интересы глубоко переплетены.

Защитник – особая фигура. Помимо правового интереса клиента, в его работе также совмещаются профессиональный и личный интересы. Не побоимся сказать, что для защитника участие в деле еще и игра, ибо исход уголовного производства, оценивается им и окружающими – клиентами, обществом – как поражение или победа.

Должен ли следователь, будучи стороной, «соревноваться», бороться с защитником? Казалось бы, можно сказать, что нет, поскольку в уголовном процессе состязаются не персоны, а обвинение и защита. Но стороны при этом персонифицированы, они олицетворяются процессуальными противниками. В этом смысле следователь – процессуальный противник обвиняемого и его защитника. Вместе с тем, у следователя нет личного интереса. Для него предварительное следствие – исключительно публичная (от лат. ex officio) государственная должностная обязанность. Думается, в контексте обсуждения ДМ высказанные аргументы могут представлять интерес.

2. В действующем законодательстве принцип равенства сторон в уголовном процессе не абсолютизируется. Согласно УПК РФ (ч. 4 ст. 15, ст. 244) равенство сторон заключается лишь в равных возможностях по заявлению ходатайств, представлению суду доказательств и участию в их исследовании, а также участию в судебных прениях. В ДМ предлагается наделить стороны дополнительными полномочиями и в досудебном производстве, что в принципе не вызывает нареканий. Претензии же наши заключаются в предоставлении ДМ (ст. 4.17 и 4.18 ДМ) сторонам полномочий на самостоятельное производство следственных действий по собиранию доказательств. В ДМ они, правда, не перечисляются (разграничиваются лишь гласные и негласные действия), в силу чего презюмируется, что речь в данном случае идет обо всех известных доказательственному праву следственных действиях. Здесь невольно вспоминается вымышленная, но популярная в определенную эпоху фраза о том, что «любая кухарка должна уметь управлять государством». Если экстраполировать ее на анализируемые нормы, то можно дойти еще до одного парадоксального вывода: каждый гражданин должен будет уметь проводить следственные действия по собиранию доказательств – допросы, обыски, выемки, следственные эксперименты, назначение экспертиз и др.

С этой точки зрения в ДМ действительно включены нормы, требующие содержательного разъяснения. Например, в ч. 2 ст. 4.17 ДМ содержится правило, согласно которому «сторона защиты, равно как и частный обвинитель, вправе в пределах, установленных настоящим Кодексом, сама производить следственные действия». Специальная оговорка есть лишь относительно следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав человека и гражданина или нарушением прав на охраняемую законом тайну: с ходатайством об их производстве сторонам надлежит обратиться к следственному судье. В ч. 1 ст. 4.18 ДМ закреплено право обвиняемого и частного обвинителя за собственный счет самостоятельно или с помощью защитника, представителя собирать материалы для представления суду в качестве доказательств.

ДМ не является не законопроектом. Несмотря на то, что представленные в ней идеи и заключены в форму нормативного акта, она не перестает быть моделью доктринальной. Тем не менее, в нее следовало бы, пусть даже в самых общих чертах, включить разъяснения относительно механизма реализации права обвиняемого, потерпевшего и других представителей сторон на самостоятельное производство следственных действий.

Заметим, что зарубежному законодательству этот механизм известен. Например, в ст. 111 УПК Грузии включены нормы, согласно которым:

по ходатайству стороны защиты, на основании определения суда (судьи-магистрата) следственные действия производит следователь, который не может являться лицом, ведущим следствие по данному делу;

следователя подбирает руководитель следственного органа, о его личности и контактных данных уведомляется сторона защиты;

возмещение расходов, связанных с производством следственного действия, возлагается на обвиняемого;

сторона защиты не вправе обращаться в суд с ходатайством о производстве обыска и выемки.

Подобные правила можно в будущем использовать также и авторам ДМ.

3. Глава 11 ДМ «Тайные следственные действия» предоставляет следователю полномочия производства действий, по сути являющихся оперативно-розыскными. В случае преображения лица, ведущего досудебное производство, из следователя в детектива, подобные полномочия, вероятно, вполне естественны. Известно, что негласные (в иной терминологии – «специальные», «оперативные») следственные действия уже успешно интегрированы в уголовный процесс стран Балтии, Грузии, Молдовы, Украины. Включены они и в проект нового УПК Армении.

Нам уже доводилось писать о целесообразности интеграции розыскных начал в досудебное производство [10, с. 19–20; 11, с. 145–164], поэтому в целом наше отношение к этой новации положительное. Более того, нами выдвигался ряд конструктивных предложений, которые авторами ДМ, вероятно, были учтены. Это, во-первых, суждение о том, что тайные следственные действия не должны умалять самостоятельного значения оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой на основании действующего законодательства. Во-вторых, это ряд ограничений по их применению (например, возможность производства лишь по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях при условии, что иными способами не представляется возможным получить сведения о преступлении и лице, его совершившем).

В заключение еще раз сформулируем мысль, высказанную в начале статьи. Многие из содержащихся в ДМ новелл могут быть учтены в ходе работы по совершенствованию УПК РФ. Но в целом она ориентирована, скорее, не на современное законодательство и даже не на уголовно-процессуальное право РФ ближайшего будущего, а на некую идеальную «среду обитания». Создавая свою правовую конструкцию доказательственного права, ее авторы абстрагировались от существующей системы правоохранительных органов, политического режима и состояния российского общества. Именно поэтому в ходе обсуждения, не отвергая доктринального значения, мы допускаем реализацию ДМ в условиях некоего воображаемого правового государства, обеспеченного высококвалифицированными и высоконравственными служителями уголовной юстиции. Такими, какими им надлежит быть.

1. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М., 2015.

2. Адаменко И.Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты. М., 2016.

3. Александров А.С., Никонов М.А. К основаниям теории доказательств в состязательном уголовном процессе // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2013. № 2(25). С. 68–77.

4. Попов А.П. Оперативно-розыскная инициация уголовно-процессуальной деятельности // Профессионал. 1998. № 5–6. С. 34–38.

5. Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

6. Попов А.П. Уголовный процесс России: целеполагание, система задач и средства. Пятигорск, 2016.

7. Россинский С.Б. Методологические проблемы доказывания в состязательном уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2016. № 1(24). С. 79–92.

8. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015.

9. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М., 2014.

10. Зинченко И.А., Попова И.А. Интеграция розыскных начал в уголовное судопроизводство (компаративистский взгляд) // Библиотека криминалиста. 2013. № 4(9). С. 19–29.

11. Попов А.П., Попова И.А., Зинченко И.А. Уголовный процесс: проблемы доказательственного права современной России. Пятигорск, 2014.

1. Doctrinal model of the criminal procedure law of evidence of the Russian Federation and the comments to it / ed. by A.S. Alexandrov. Moscow, 2015.

2. Adamenko I.E. Criminal procedure activity: the base and the backbone components. Moscow, 2016.

3. Aleksandrov A.S., Nikonov M.A. To the foundations of the theory of evidence in adversarial criminal process // Bull. of the Volgograd academy of Russian MIA. 2013. № 2(25). P. 68–77.

4. Popov A.P. Police searching the initiation of criminal procedure // Professional. 1998. № 5–6. P. 34–38.

5. Popov A.P. Targeting the modern domestic criminal proceedings: auth. abstr. ... Dr of Law. N. Novgorod, 2006.

6. Popov A.P. Russian criminal process: goal setting, task system and means. Pyatigorsk, 2016.

7. Rossinsky S.B. Methodological problems of evidence in adversarial criminal process // Criminalist's library. 2016. № 1(24). P. 79–92.

8. Pastukhov P.S. Modernization of criminal procedure evidence in the information society: auth. abstr. ... Dr of Law. Moscow, 2015.

9. Bykov V.M. The investigator in the criminal trial of Russia. Moscow, 2014.

10. Zinchenko I.A., Popova I.A. Integrating of search beginings in the criminal proceedings (comparative view) // Criminalist's library. 2013. № 4(9). P. 19–29.

11. Popov A.P., Popova I.A., Zinchenko I.A. Criminal proceedings: problems of evidence of modern Russia. Pyatigorsk, 2014.

Демин Дмитрий Владимирович
начальник Главного следственного управления
ГУ МВД России по Краснодарскому краю

Алексеев Игорь Михайлович
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

(e-mail: Kaspar555@mail.ru)

К вопросу об институциализации подозрения

В статье анализируются положения социологии о социальных институтах и процессе их институциализации. Подозрение и обвинение исследуются с позиции их социальной сущности. Аргументируется несостоятельность гносеологического понимания подозрения и обвинения, в качестве метода познания сущности подозрения и обвинения предлагается типология, что позволяет выявить различия в указанных институтах и сделать предложения по оптимизации уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, социальный институт, правовой институт, институциализация, подозрение, обвинение, подозреваемый, обвиняемый.

D.V. Demin, Head of the Main Investigation Department of the Main Directorate of the Ministry of the Interior of Russia across Krasnodar Region;
I.M. Alekseev, Master of Law, Lecturer of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: Kaspar555@mail.ru

The issue of institutionalizing suspicion

The article analyzes the provisions of the sociology of social institutions and the process of their institutionalization. Suspicion and accusation are examined from the standpoint of their social nature. It is argued that the failure of epistemological understanding of suspicions and accusations, as a method of cognition of the essence of the suspicions and accusations a typology, which allowed to identify differences in these institutions and make proposals on improving the criminal justice process.

Key words: criminal process, social institution, legal institution, institutionalization, suspicion, prosecution, suspect, accused.

Термин «институт» (лат. institutum) означает «устройство, установление». Понятие «социальный институт» социология заимствовала у юридических наук. В социологии этот термин используется в более широком смысле, обозначая социально организованное и регулируемое поведение людей. Термин «институциализация» («институционализация») используется социологами для обозначения процесса превращения социальных отношений в социальный институт. То есть институциализация – это замена спонтанного и экспериментального поведения на предсказуемое поведение, которое ожидается, моделируется, регулируется [1].

Уголовный процесс по своей сути является институциализированным способом решения конфликтов. Следовательно, на уголовное судопроизводство распространяются законы социологии.

Соответственно, взаимоотношения людей в процессе конфликта, возникшего между ними по поводу виновности одного из них в совершении преступления, – это социальные отношения, которые со временем ввиду своей значимости для общества были упорядочены и превратились в полноценные социальные институты – подозрения и обвинения.

В России оба указанных социальных института упорядочены уголовно-процессуальным законодательством. Правовой институт вторичен по отношению к институту социальному, поскольку его нормы только фиксируют систему объективно сложившихся общественных отношений. Однако и правовой, и социальный институты находятся в диалектическом единстве, соотносятся между собой как форма и содержание.

Следовательно, как только социальный институт обвинения утратит свое значение, сразу

же возникнет необходимость ликвидировать соответствующий правовой институт.

Так, Н.И. Матузов и А.В. Малько отмечают: «Под системой права понимается определенная внутренняя его структура (строение, организация), которая складывается объективно как отражение реально существующих и развивающихся общественных отношений. Она не результат произвольного усмотрения законодателя, а своего рода слепок с действительности. Фактический социальный строй общества, государства определяет в конечном счете ту или иную систему права, его отрасли, институты, другие подразделения» [2, с. 394].

На основании вышеизложенного считаем необходимым рассмотреть законы возникновения, развития и упадка социального института. Становление социального института включает в себя несколько этапов:

1) возникновение некой потребности, осознаеваемой как общесоциальная, а не частная, удовлетворение которой требует совместной деятельности;

2) формирование общих целей в ходе совместной деятельности;

3) появление социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия;

4) складывание определенных процедур, связанных с нормами и правилами;

5) принятие норм, правил и процедур людьми и их применение на практике;

6) формирование системы санкций для закрепления и поддержания норм и правил;

7) создание системы статусов и ролей, которая охватывает всех людей, причастных к данному институту [3].

В результате данного процесса возникает определенная структура, одобряемая и принимаемая большинством ее участников, называемая социальным институтом, который способствует повышению организованности в обществе и укреплению социального порядка.

Все указанные этапы прошли институты подозрения и обвинения, которые осуществляются в установленной УПК РФ процедуре участниками, наделенными соответствующими процессуальными статусами.

Институциональный кризис по своему содержанию противоположен институционализации. Он характеризуется падением авторитета конкретного института, неэффективностью исполнения основных задач, нарастанием дисфункций, ростом недоверия людей к этому институту. И хотя институциональные нормы продолжают существовать, они продекларированы и общеизвестны, но мало кто их придерживается. Институциональные кризисы не только связаны с дисфункциями социальных институтов, но и являются аспектом их изменения, развития. Кризис, указывая на недостатки в структуре и функционировании института, позволяет модернизировать его в соответствии с меняющимися условиями [4].

Так, этап предъявления обвинения при производстве предварительного следствия, продолжая оставаться закрепленным УПК РФ, на практике проходит формально, практические работники и ученые все чаще поднимают вопрос об его упразднении, что свидетельствует о кризисе социального института обвинения в целом, о необходимости его модернизации в соответствии с условиями современности.

В первую очередь считаем необходимым определить границу между институтами подозрения и обвинения. Авторы, исследуя институты подозрения и обвинения, ограничиваются их гносеологической стороной, разграничивая их по степени обоснованности выводов следователя о причастности лица к преступлению. Соответственно, подозрение выступает в качестве вероятностного вывода о виновности, а обвинение – как достоверный вывод, обоснованный совокупностью имеющихся доказательств [5]. Только в таком случае не понятно, зачем нужен суд и почему именно судебный приговор должен констатировать факт совершения лицом преступления. Ведь обвинение подкреплено совокупностью достоверных доказательств. Подобный подход к исследованию институтов подозрения и обвинения, по нашему мнению, несостоятелен. Он позволяет выявить только внешние признаки указанных институтов. Более того, подозрение и обвинение, на наш взгляд, к теории познания имеют отношение только как гипотезы, проверка которых осуществляется посредством доказывания при производстве по уголовному делу. Поэтому с точки зрения гносеологии между подозрением и обвинением необходимо ставить знак равенства.

Различия между подозрением и обвинением необходимо искать в типологии уголовного судопроизводства. Институт подозрения свойственен розыскному типу уголовного судопроизводства, поскольку процесс такого типа не знает сторон обвинения и защиты. Государственный орган возбуждает уголовное дело, осуществляет доказывание, следит за соблюдением законности при производстве по делу, принимает решения по делу. Уголовный процесс розыскного типа направлен на поиск объективной истины. Поэтому

подозреваемое лицо не является стороной в данном процессе, а выступает в качестве подследственного [6].

В свою очередь, институт обвинения свойственен состязательному процессу, где предъявление обвинения или применение мер уголовно-процессуальной репрессии влечет незамедлительное наделение данного лица набором прав, позволяющим осуществлять эффективную защиту при производстве по уголовному делу.

Однако основным отличием подозрения от обвинения, по нашему мнению, является то, что обвинение – это утверждение о виновности лица, объявленное перед субъектом, уполномоченным рассмотреть данное дело, в то время как подозрение – это утверждение о виновности лица, выдвинутое и проверяемое одним и тем же должностным лицом.

Российский уголовный процесс относится к смешанному типу, когда на досудебных стадиях преобладают розыскные начала, судебное производство построено на основе принципа состязательности сторон.

Так, следователь может только подозревать лицо в совершении преступления, поскольку отсутствует субъект, уполномоченный разрешить дело по существу. Предъявление обвинения в порядке гл. 23 УПК РФ превращается в фарс, т.к. в рамках досудебного производства обвиняемый будет защищаться от следователя, выступающего на стороне обвинения и в качестве судьи. Обвинение поддерживается прокурором в суде, однако предъявлено обвинение в окончательной редакции должно быть заблаговременно, чтобы дать достаточное время и возможность для подготовки обвиняемым защиты. В настоящее время порядок производства дознания отражает сущность указанных институтов.

В контексте нашего исследования отдельно стоит обратить внимание на позицию О.Я. Баева, который, рассматривая деятельность прокурора с позиции осуществления уголовного преследования, утверждает, что на стадии предварительного расследования следователь формирует следственное обвинение, а прокурор, получив уголовное дело с обвинительным заключением (актом, постановлением), формирует уже обвинение государственное, которое затем будет поддерживаться в суде [7, с. 337–349].

Автор совершенно верно указывает на различия в обвинениях, формулируемых следователем и прокурором, однако делает неверный вывод о различной силе указанных обвинений. На предварительном следствии не формулируется следственного обвинения, вместо этого подозрение аргументируется достаточными доказательствами, дающими основание сделать вывод о виновности обвиняемого в совершении преступления. Прокурор, в свою очередь, формулирует обвинение, с изложения которого начинается судебное следствие. В связи с этим хотелось бы отметить, что в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. по окончании следствия судебный следователь знакомил участников с материалами уголовного дела и направлял их прокурору, который составлял обвинительный акт, т.е. формулировал обвинение [8].

Соответственно, институты подозрения и обвинения в российском уголовном процессе сосуществуют на паритетных началах, когда каждому из них отведена своя стадия процесса. Причем каждый из указанных институтов имеет своих участников – подозреваемого и обвиняемого, однако данные участники наделены практически одинаковыми правами, за тем исключением, что у обвиняемого еще есть права, обусловленные его участием на заключительном этапе производства по уголовному делу. По нашему мнению, наличие обоих участников вызвано скорее вопросами законодательной техники ввиду формализованного построения уголовного судопроизводства России, нежели реальной необходимостью защиты их прав.

Например, в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано, что каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

a) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

e) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке [9].

Таким образом, Конвенция о защите прав человека и основных свобод определяет, что всякое лицо, обвиненное в совершении преступления, является обвиняемым.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В ходе досудебного производства по уголовному делу деятельность по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, осуществляется в рамках института подозрения.

2. Этап предъявления обвинения в ходе производства предварительного следствия является инородным телом, которое не отражает сущности института обвинения в уголовном судопроизводстве.

3. Процессуальные статусы подозреваемого и обвиняемого обусловлены формализованным построением российского уголовного судопроизводства и не отражают различий институтов подозрения и обвинения.

1. Волков Ю.Г. Социология: учеб. 3-е изд., стер. Ростов н/Д, 2014.

2. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

3. Фролов С.С. Социология: учеб. URL: http://www.polbu.ru (дата обращения: 31.03.2016).

4. Добреньков В., Кравченко А. Социология: в 3 т. URL: http://www.voluntary.ru (дата обращения: 05.04.2016).

5. Петров И.В. Теоретические и практические аспекты подозрения в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

6. Антонов И.А., Горленко В.А. Цели уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальной реформы на современном этапе развития российского государства // Уголовное судопроизводство. 2008. № 3. С. 7–12.

7. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2008.

8. Устав уголовного судопроизводства от 20 нояб. 1864 г. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Рос. газ. 1995. 5 апр.

1. Volkov Yu.G. Sociology: textbook. 3rd ed., ster. Rostov-on-Don, 2014.

2. Theory of state and law: course of lectures / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Malko. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2006.

3. Frolov S.S. Sociology: textbook. URL: http://www.polbu.ru (date of access: 31.03.2016).

4. Dobrenkov V., Kravchenko A. Sociology: in 3 vol. URL: http://www.voluntary.ru (date of access: 05.04.2016).

5. Petrov I.V. Theoretical and practical aspects of suspicion in the criminal trial of Russia: auth. abstr. ... Master of Law. Krasnodar, 2012.

6. Antonov I.A., Gorlenko V.A. The objectives of the criminal justice and criminal procedure reform at the present stage of development of the Russian state // Criminal proceedings. 2008. № 3. P. 7–12.

7. Baev O.Ya. Tactics prosecution and professional protection from it. Moscow, 2008.

8. Statute of criminal proceedings d.d. Nov. 20, 1864. Access from legal reference system «Garant».

9. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms d.d. Nov. 4, 1950 // Rus. newsp. 1995. Apr. 5.

Сидоренко Мария Васильевна
кандидат юридических наук,
консультант Московского института
государственного управления и права
(e-mail: prorectormvs@yandex.ru)

Правовая определенность системы российского уголовно-процессуального права: методическая константа проблемы (часть 2)

Автор анализирует систему подходов российской уголовно-процессуальной доктрины относительно перечня и иерархии источников российского уголовно-процессуального права с целью констатации реальной определенности этой системы как для сугубо методических целей, так и для разрешений коллизий практической правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: источники права, законы, иерархия и конкуренция норм, коллизии практического применения права.

M.V. Sidorenko, Master of Law, Advisor of the Moscow Institute of Public Administration and Law; e-mail: prorectormvs@yandex.ru

Legal certainty of the Russian system of criminal procedure: constant methodological problems (part 2)

The author analyzes the approaches of the Russian system of criminal procedure doctrine of the list and the hierarchy of sources of Russian criminal procedural law, for the purpose of ascertaining the real definition of this system, for purely methodological purposes, and for the resolution of collisions practical enforcement.

Key words: sources of law, laws, hierarchy and competition of rules, conflict of practical application of the law.

В настоящее время есть вопросы к иерархии источников российского уголовно-процессуального права. Прежде всего, необъяснимо отсутствие в системе «общепризнанных принципов и норм международного права». Не нашлось в иерархии «места» и для нормативных указов Президента РФ или актов Государственной Думы РФ. Кроме того, с учетом нормативных предписаний ч. 3 ст. 1 УПК РФ несколько сомнительно «место», отведенное международным договорам Российской Федерации, которые, по букве закона, явно имеют приоритет перед системой внутреннего законодательства и, по идее, не должны располагаться на последней ступени.

Конвенциально на эти вопросы «отвечает» система источников права, предложенная А.Д. Прошляковым [1]. В отстаиваемой им системе форм выражения российского уголовно-процессуального права их иерархия выстроена следующим образом: 1) Конституция РФ; 2) федеральные конституционные законы; 3) УПК РФ; 4) иные федеральные законы; 5) законы СССР (в качестве примера автор приводит Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. № 4891-X «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей»); 6) указы Президента РФ [1, с. 25–27]. Здесь же указывается, что подзаконные нормативные акты не являются источниками исследуемой отрасли права, но, несомненно, оказывают влияние на уголовно-процессуальную деятельность.

В качестве иных источников российского уголовно-процессуального права автор называет общепризнанные принципы и нормы международного права, а также постановления и определения Конституционного Суда РФ. Правда, отдельного комментария относительно их места и роли в правовом регулировании в работе не наблюдается; поэтому нельзя понять, как они конкурируют с теми источниками, которые объединены в иерархию. Здесь же А.Д. Прошляков признает нормативное значение для уголовного судопроизводства России актов Государственной Думы об амнистии, акцентируя внимание на том, что это своеобразный и специфический источник [1, с. 28–30]. В чем именно их специфика и своеобразие в правовом регу-

лировании, отдельно не поясняется. Отметим, что постановления Пленума Верховного суда РФ, напротив, не признаются в качестве источника уголовно-процессуального права, а рассматриваются как акты судебного толкования.

Более «скромно» система источников исследуемой отрасли права представлена в работе Н.С. Мановой «Уголовный процесс: курс лекций» (2010 г.) [2]. Раскрывая систему действующего уголовно-процессуального законодательства, автор, не дифференцируя отдельно те или иные формы выражения права, выстраивает следующую их иерархию: Конституция РФ, УПК РФ; федеральные законы (где в едином синонимическом ряду приведены как собственно федеральные законы, так и федеральные конституционные законы). Составной частью указанной системы, по мнению Н.С. Мановой, являются общепризнанные принципы и нормы международного права (при этом ни иерархии, или содержательной характеристики оных, ни собственно разграничения в главе не имеется).

Для обеспечения единообразного и правильного применения всех указанных законов большое значение, продолжает автор, имеют постановления Пленума Верховного суда РФ (которые нельзя считать источниками уголовно-процессуального права, т.к. они не создают новых норм). Особое место в уголовно-процессуальном применении имеют решения Конституционного Суда РФ; однако и в таких решениях не создаются новые процессуальные нормы [2, с. 27–29]. На этом собственно анализ форм выражения российского уголовно-процессуального права в данной работе заканчивается.

Перейдем к позициям авторов учебника «Уголовно-процессуальное право» под общей редакцией В.М. Лебедева (2012 г.) [3]. Первой в системе источников российского уголовно-процессуального права в этом издании, естественно, названа Конституция РФ. Следующим источником, как отмечает В.И. Кононенко, являются принципы и нормы международного права и международные договоры.

По поводу международных договоров спорить не будем: как по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, так и в соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ нормы международного договора должны a priori иметь преимущество перед нормами внутреннего законодательства государства. По поводу общепризнанных принципов международного права возразим. У нас есть некоторые сомнения в том, что в целом мировое сообщество обязано изначально согласовывать (общепризнанные) принципы своего функционирования с Конституцией РФ. В связи с этим отстаиваемая «соподчиненность» указанных принципов нормам национальной конституции как минимум вызывает вопросы.

Основным источником уголовно-процессуального права назван Уголовно-процессуальный кодекс РФ, характеризуемый как федеральный закон. Однозначен автор и в том, что к источникам исследуемой отрасли права следует отнести акты Президента РФ и Правительства РФ, касающиеся сферы уголовного судопроизводства.

Несколько нивелирована указанная однозначность при оценке актов национального конституционного правосудия, ибо применительно к последним В.И. Кононенко лишь отмечает, что «в системе источников важную роль играют постановления Конституционного Суда РФ». Определения высшего органа конституционного правосудия, видимо, указанной роли не играют, во всяком случае, к ним автор не апеллирует [3, с. 83–84].

Важным источником российского уголовно-процессуального права названы разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, которые, как подчеркивается, для судов носят обязательный характер. Завершает систему несколько неожиданный тезис о том, что источниками российского уголовно-процессуального права являются также постановления судов второго звена судебной системы РФ [3, с. 85]. Посредством данного тезиса мы имеем объективацию вывода, суть которого состоит в признании источником российского права судебного прецедента. Причем прецедента не высшей судебной инстанции государства, а суда субъекта РФ. Учитывая, что исследуемое издание в основном подготовлено сотрудниками Российского университета правосудия (на момент подготовки издания исследуемой работы – Российской академии правосудия) и «освящено» общей редакцией Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, ценность и практическую значимость последнего тезиса трудно переоценить.

Аналогичным «открытием» для целей работы явилась и позиция А.В. Гриненко, изложенная в учебнике «Уголовный процесс» (2013 г.) [4]. По юридической силе источники российского уголовно-процессуального права, пишет автор, располагаются следующим образом: международные договоры РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права; Конституция РФ; федеральные конституционные законы; УПК РФ; иные федеральные законы, касающиеся уголовного судопроизводства. Напротив, подзаконные нормативные акты

(ведомственные и межведомственные), по мнению автора, не применяются и не входят в механизм уголовно-процессуального регулирования исследуемой отрасли права. Также постановления Пленума и постановления и определения судов общей юрисдикции не создают новых норм, но позволяют унифицировать судебную практику, иногда изменить законодательство [4, с. 23–27].

Как видим, в указанной иерархии безусловный приоритет в правовом регулировании отдан не Конституции РФ, а международным договорам, ратифицированным Российской Федерацией и, следовательно, априори обязательным для императивного исполнения. При официальном признании указанной иерархии достаточно очевидно и то, что невыполнение условий и норм международного договора национальными органами не может быть «оправдано» тем, что нормы этого договора не соответствуют конституции или иному основному (органическому…) закону суверенного государства. Возможно, не случайно и то, что исследуемый источник приводится в едином синонимическом ряду (без иерархии!) с общепризнанными принципами международного права.

Оставим без комментария как систему источников российского уголовно-процессуального права, так и необходимые к ней пояснения, изложенные в учебнике «Уголовный процесс. Общая часть» под общей редакцией М.П. Полякова (2013 г.) [5], т.к., несмотря на изменение авторов раздела об источниках исследуемой отрасли права, при изучении текста работы усматриваются явные содержательные и структурные аналоги позиций нижегородских процессуалистов, ранее проанализированных применительно к учебнику 2003 г. [6] .

В учебнике «Уголовный процесс» под редакцией А.И. Бастрыкина и А.А. Усачева (2013 г.) анализ форм выражения российского уголовно-процессуального права предваряет исходный посыл, согласно которому «…источники уголовно-процессуального права закреплены в ч. 1 ст. 1 УПК РФ» [7, с. 30]. Соответственно, как резюмируют авторы, к ним относятся: Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры. Приоритет Конституции РФ, оговариваются далее авторы, обусловлен существующей в России иерархией законов, основным из которых является Конституция. Вторым по значимости источником является УПК РФ, основанный на Конституции РФ.

К общепризнанным международно-правовым принципам в сфере уголовного судопроизводства, по мнению авторов учебника, относятся принципы, которые не позволяют распространять юрисдикцию одного государства на территорию другого; обязывают государства выполнять взятые на себя обязательства в сфере уголовно-процессуальной деятельности и т.д. К нормам международного права, которые также признаются источником данной отрасли права, исследователи «традиционно» относят Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 г.). Международные договоры при этом исследуются самостоятельно, а не в контексте реальной юридической природы указанной конвенции [7, с. 33]. Отсюда следует, что Европейской конвенции отведена роль как минимум акта международного правового характера.

Далее к источникам права отнесены федеральные конституционные и федеральные законы, содержащие нормы, регламентирующие уголовно-процессуальные отношения. Аналогичный, по сути, вывод делается в отношении постановлений Конституционного Суда РФ, при условии, что правовые позиции последних меняют нормы позитивного права. И, напротив, оговариваются авторы издания, последнее a priori не относится к определениям высшего органа конституционного правосудия; видимо, в силу убеждения в том, что эти акты новых норм не порождают, не изменяют. Не признаются источниками исследуемой отрасли права и разъяснения Верховного Суда РФ, а равно приказы и указания Генеральной прокуратуры РФ, Следственного Комитета РФ, иных правоохранительных ведомств. Как видим, итоговая иерархия источников «выстроена» несколько хаотично, не позволяя однозначно понять приоритеты в правовом регулировании.

Не отличаются принципиально и позиции авторов учебника «Уголовный процесс» под редакцией В.П. Божьева (2014 г.) [8]. Справедливости ради отметим, что в отличие от авторов, чьи позиции рассмотрены выше, В.П. Божьев однозначен в вопросе о недопустимости конкуренции между нормами УПК РФ и нормами иных федеральных законов. Решающим для исследователя является вывод о том, что «процессуальные» нормы вновь принимаемых федеральных законов должны императивно включаться в текст единого и кодифицированного уголовно-процессуального закона (УПК РФ) [8, с. 43–44]. Не признаются в качестве легитимных источников российского уголовно-процессуального права и акты высшего органа конституционного правосудия.

В заключение остановимся на учебнике «Уголовный процесс» под редакцией А.И. Ан-

дреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. (2015 г.) [9]. Сразу отметим, в данном издании нет ни согласованной системы источников, ни отдельно выстроенной их иерархии, ни обсуждения механизма разрешения коллизий между источниками различной юридической силы. Основным источником уголовно-процессуального права признается УПК РФ. Вместе с тем, буквально в следующем предложении Н.Г. Стойко пишет о том, что «…высшими по своей значимости и силе законодательными источниками являются международно-правовые акты и Конституция РФ» [9, с. 24]. При этом, какой именно акт (акты) имеет приоритет в правовом регулировании (Конституция или акт международного правового характера), автор не уточняет. Вместо этого констатируется, что «…международно-правовые акты рассматриваются в качестве неотъемлемой части российского уголовно-процессуального законодательства, по отношению к которому носят приоритетный характер» [9, с. 24]. Каким именно образом «неотъемлемая часть» системы имеет приоритет к целому (российскому уголовно-процессуальному законодательству), Н.Г. Стойко по тексту учебника не поясняет. Далее признается значение актов Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, однако не ясно, в каком качестве: как непосредственно источников этой отрасли права или как актов ориентирующего характера.

Авторы отмечают, что к уголовно-процессуальной сфере относится ряд федеральных конституционных и федеральных законов [11, с. 27]. Признается и то, что подзаконные нормативные акты могут быть направлены на регулирование (отдельных) процессуальных вопросов. Своеобразным источником уголовно-процессуального права, по мнению Н.Г. Стойко, являются указания Генерального прокурора РФ и Председателя Следственного Комитета РФ. В чем именно состоит «процессуальное» своеобразие указанных актов, в учебнике не раскрыто. Не указано и их возможное «место» в иерархии источников российского уголовно-процессуального права.

По идее, можно и далее приводить позиции тех или иных исследователей, отмечать методическую точность отдельных элементов предложенных ими систем или, напротив, коллизионность их основополагающих элементов. Однако указанное вряд ли оправдано как с методических, так и сугубо практических позиций. Предложенного к анализу методического материала, как представляется, достаточно, чтобы в целом понять как исходную структуру системы источников исследуемой отрасли права, так и основные проблемы в «построении» их практической иерархии.

Как уже отмечалось, потребность в последней явно объективирует себя применительно к практическим задачам правового регулирования уголовного судопроизводства России. В связи с этим для целей правовой определенности и в сугубо методическом плане видится, прежде всего, оптимальным уяснение сути основных коллизий при обращении к источникам различной юридической силы. Указанное, в свою очередь, требует определенности как в реальной юридической силе тех или иных форм выражения российского уголовно-процессуального права, так и в правилах конкуренции норм равной, по идее, юридической силы. Вне данной определенности, заложенной в том числе в правосознании основных деятелей реализующихся уголовно-процессуальных отношений и, прежде всего, суда, мы будем как данность иметь не состояние определенности права, правовых отношений, итоговых правовых состояний, а субъективно окрашенный волюнтаризм органов судебной, обвинительной, следственной власти, лишь для формы завуалированный под акты практического явления права.

Указанная постановка проблемы имеет не только и даже не столько методический характер (признаем, также значимый для формирования правосознания будущих юристов – субъектов правовых отношений), но и важна непосредственно для сферы практического применения права. Именно в этой сфере неопределенность в вопросе о реальной системе источников права и правилах их конкуренции в текущем правовом регулировании, в повседневном практическом применении явно объективирует себя через систему фактически неразрешимых негативных коллизий, которые в принципе не обеспечивают ни состояния правовой защищенности, ни легитимного правового режима. В связи с этим формирование режима (состояния) правовой определенности в сфере уголовного судопроизводства России требует, прежде всего, теоретического, нормативного и методического разрешения коллизий не столько в дискуссии, сколько в практическом понимании и применении права. Указанное, в свою очередь, требует ясности и точности в следующих вопросах:

1) о сути и перечне общепризнанных принципов и норм международно-правового характера, их роли в правом регулировании национального уголовного судопроизводства в целом и правосудия в частности;

2) о реальном «месте» Конституции РФ в системе и иерархии источников российского уголовно-процессуального права и (возможной) конкуренции ее предписаний с нормами международного правового характера и международными договорами;

3) о сути, правовой природе, роли в правовом регулировании актов высшего органа конституционного правосудия, их иерархии в системе источников (возможных) российского уголовно-процессуального права;

4) об иерархии источников исследуемой отрасли права федерального значения, императивных правилах конкуренции норм федерального законодательства при регулировании однородных (уголовно-процессуальных) или специальных правовых отношений;

5) о роли, правовой природе и «месте» в правовом регулировании толковательных актов Пленума Верховного Суда РФ и прецедентов высших судебных инстанций страны;

6) о нормативной силе для уголовного судопроизводства России подзаконных нормативных актов (указы Президента РФ, постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ, постановления Правительства РФ);

7) о ведомственных нормативно-правовых актах правоохранительной системы государства в уголовно-процессуальном правовом регулировании.

1. Уголовный процесс Российской Федерации: учеб. / отв. ред. А.П. Кругликов. М., 2009.

2. Манова Н.С. Уголовный процесс: курс лекций. М., 2010.

3. Уголовно-процессуальное право: учеб. / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2012.

4. Гриненко А.В. Уголовный процесс: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.

5. Уголовный процесс. Общая часть: учеб. / под общ. ред. М.П. Полякова. Н. Новгород, 2013.

6. Уголовный процесс России: учеб. / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. М., 2003.

7. Уголовный процесс: учеб. для бакалавров / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. М., 2013.

8. Уголовный процесс: учеб. для вузов / под ред. В.П. Божьева. 4-е изд., перераб и доп. М., 2014.

9. Уголовный процесс: учеб. для бакалавриата юрид. вузов / под ред. А.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д, 2015.

1. Criminal procedure of the Russian Federation: textbook / resp. ed. A.P. Kruglikov. Moscow, 2009.

2. Manova N.S. Criminal proceedings: course of lectures. Moscow, 2010.

3. Criminal procedural law: textbook / gen. ed. by V.M. Lebedev. Moscow, 2012.

4. Grinenko A.V. Criminal procedure: textbook for higher education institutions. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2013.

5. Criminal procedure. General part: textbook / gen. ed. by M.P. Polyakov. Nizhny Novgorod, 2013.

6. Criminal trial of Russia: textbook / A.S. Aleksandrov, N.N. Kovtun, M.P. Polyakov, S.P. Serebrova; sci. ed. V.T. Tomin. Moscow, 2003.

7. Criminal proceedings: textbook for bachelors / ed. by A.I. Bastrykin, A.A. Usachev. Moscow, 2013.

8. Criminal procedure: textbook for universities / ed. by V.P. Bozhyev. 4th ed., rev. and add. Moscow, 2014.

9. Criminal procedure: textbook for higher education institutions / ed. by A.I. Andreeva, A.D. Nazarov, N.G. Stoyko and A.G. Tuzov. Rostov-on-Don, 2015.

Стельмах Владимир Юрьевич
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России
(e-mail: vlstelmah@mail.ru)

Полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации в уголовном судопроизводстве

В статье рассматриваются уголовно-процессуальные полномочия палат Федерального Собрания Российской Федерации, анализируется порядок их реализации, формулируются предложения по оптимизации законодательства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, следственные действия, Федеральное Собрание, Государственная Дума, Совет Федерации.

V.Yu. Stelmach, Master of Law, Deputy Head of the Chair of Criminal Procedure of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vlstelmah@mail.ru

Powers of the chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation in criminal proceedings

In the article criminal procedural powers of the chambers of the Federal Assambly of the Russian Federation, the procedure of its implementation are analyzed, proposals for optimization of legislation are made.

Key words: criminal legal proceedings, preliminary investigation, investigative actions, Federal Assembly, State Duma, Federation Council.

Участниками уголовного судопроизводства являются специально уполномоченные органы, должностные лица, а также иные физические и юридические лица, наделенные правами и обязанностями по совершению действий и принятию решений при производстве по уголовному делу. В некоторых случаях в уголовном судопроизводстве непосредственно участвуют субъекты, осуществляющие в Российской Федерации высшую законодательную и исполнительную власть (Президент Российской Федерации и палаты Федерального Собрания – Государственная Дума и Совет Федерации).

Государственная власть в Российской Федерации разделена на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции Российской Федерации). Законодательную власть представляет двухпалатное Федеральное Собрание, состоящее из Государственной Думы и Совета Федерации. Палаты Федерального Собрания имеют некоторые прямые полномочия в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, Государственная Дума полномочна принимать решения об объявлении амнистии (п. «ж» ч. 1 ст. 103 Конституции Российской Федерации). Решение об амнистии оформляется постановлением Государственной Думы. Помимо этого, в практике сложился стандарт, в соответствии с которым Государственная Дума в дополнение к «основному» постановлению принимает еще одно – о порядке реализации собственно постановления об амнистии. Поскольку постановление Государственной Думы является нижестоящим по отношению к федеральному закону, оно не может противоречить общим правилам, установленным в уголовном и уголовно-процессуальном законах применительно к амнистии. Вместе с тем, в правоприменительной практике иногда имеют место определенные коллизии. Например, в п. 1 постановления Государственной Думы от 22 сентября 2006 г. № 3498-4-ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших преступления в период проведения контртеррористических операций на территориях субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа» было предусмотрено, что уголовные дела в отношении некоторых категорий (участники незаконных вооруженных формирований и сотрудники силовых органов, принимавшие участие в контртеррористических операциях на территории ряда регионов Российской Федерации в пределах Южного

федерального округа) не только подлежат прекращению, но и не подлежат возбуждению. Таким образом, Государственная Дума фактически предписала использовать амнистию как повод для отказа в возбуждении уголовного дела, чего законом не предусмотрено. На первый взгляд, в указанной ситуации Государственная Дума вышла за пределы полномочий, предоставленных законом, на что обратили внимание некоторые процессуалисты [1, с. 8]. Однако очевидно, что палата Федерального Собрания в данном случае руководствовалась наивысшими интересами национального примирения, превосходившими в конкретно-исторический момент необходимость наказания лиц, совершивших предусмотренные уголовным законом деяния. Можно согласиться с И.Г. Баранниковой, отмечающей, что «исключительная государственная принадлежность амнистии, ее публично-правовое значение свидетельствуют, что амнистия является важным показателем государственного суверенитета, как самостоятельности, верховенства и независимости государственной власти, единственно полномочной отказываться от юридического преследования и наказания в интересах укрепления престижа и безопасности государства» [2, с. 7]. Именно поэтому указанное постановление Государственной Думы было выполнено, и каких-либо запросов в высшие судебные органы по поводу его законности не поступило. Вместе с тем, представляется целесообразным предусмотреть в УПК РФ амнистию не только как основание прекращения уголовного дела, но и как основание для отказа в возбуждении дела.

Во-вторых, палаты Федерального Собрания участвуют в возбуждении уголовного дела в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы.

Нормы отраслевого законодательства, касающиеся лишения неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, конструируются с учетом ч. 2 ст. 98 Конституции Российской Федерации, устанавливающей, что данный вопрос решается по представлению Генерального прокурора Российской Федерации соответствующей палатой Федерального Собрания.

На основании и в развитие конституционных положений ч. 1 ст. 448 УПК РФ устанавливает, что в отношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы уголовное дело возбуждается Председателем Следственного комитета с согласия соответствующей палаты Федерального Собрания, полученного на основании представления Генерального прокурора Российской Федерации.

Более детально процедура возбуждения уголовного дела в отношении указанных категорий лиц законом не регламентирована. По смыслу УПК РФ, доследственная проверка должна производиться следователями Следственного комитета, поскольку Председатель Следственного комитета имеет полномочия руководителя следственного органа только применительно к следователям данного ведомства. Соответственно, направление материалов доследственной проверки Генеральному прокурору осуществляется Председателем Следственного комитета. Материалы доследственной проверки в течение трех суток представляются Генеральному прокурору Российской Федерации, который обязан изучить как наличие оснований для возбуждения уголовного дела, так и соблюдение процессуальных требований сотрудниками, производившими доследственную проверку. Очевидно, что подобная процедура должна быть произведена в рамках общего срока доследственной проверки, поскольку каких-либо особых правил в этой части УПК РФ не содержит. Соответственно, Председатель Следственного комитета обязан перед направлением материала Генеральному прокурору продлить срок доследственной проверки в соответствии с правилами, предусмотренными ч. 3 ст. 144 УПК РФ (максимум до 30 суток), а Генеральный прокурор обязан принять решение в пределах имеющегося срока доследственной проверки.

При наличии оснований Генеральный прокурор составляет письменное представление о лишении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы неприкосновенности и в течение одной недели (т.е. 7 суток) вносит его в соответствующую палату Федерального Собрания (ч. 4 ст. 19 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»).

По смыслу закона, подписать представление вправе только Генеральный прокурор Российской Федерации. Вместе с тем, присутствовать на заседании палаты Федерального Собрания и обосновывать представление вправе по поручению Генерального прокурора его заместитель.

Порядок рассмотрения представления в палатах Федерального Собрания определен их Регламентами.

Поступившее представление Генерального прокурора предварительно направляется:

в Государственной Думе – в Комитет по регламенту;

в Совете Федерации – в Комитет по регламенту и Комитет по конституционному законодательству и государственному строительству.

Комитет Государственной Думы готовит проект постановления Государственной Думы и вносит его на рассмотрение палаты. Комитеты Совета Федерации готовят заключения (ст. 1853 Регламента Государственной Думы, ч. 3 ст. 8 Регламента Совета Федерации).

В соответствии с ч. 5 ст. 8 Регламента Совета Федерации член Совета Федерации, в отношении которого решается вопрос о лишении неприкосновенности, вправе выступить на заседаниях указанных Комитетов и дать пояснения. В Регламенте Государственной Думы такое правило прямо не закреплено, но очевидно, что депутат имеет соответствующее право.

Государственная Дума вправе запросить у Генерального прокурора дополнительные материалы. Очевидно, что это имеет право сделать и Совет Федерации, хотя в Регламенте данной палаты такое положение прямо не сформулировано.

Представление Генерального прокурора должно быть рассмотрено:

в Государственной Думе – на ближайшем пленарном заседании по истечении 7 дней со дня внесения представления, а если представление внесено в период между сессиями – в течение 7 дней со дня начала очередной сессии (ч. 2, 3 ст. 1852 Регламента Государственной Думы);

в Совете Федерации, который, в отличие от Государственной Думы, действует постоянно – на очередном заседании (ч. 4 ст. 8 Регламента Совета Федерации).

Возникает резонный вопрос, как данные сроки соотносятся с установленным УПК РФ сроком доследственной проверки. Совершенно очевидно, что 10-суточный срок в указанных случаях соблюден не будет, оснований для его продления до 30 суток в соответствии с УПК РФ не имеется, кроме того, рассмотрение представления Генерального прокурора палатой Федерального Собрания может происходить и в срок, превышающий 30 суток с момента направления представления.

В настоящий момент в законе имеется явный пробел. В перспективе возможны два варианта решения проблемы: либо не включать время рассмотрения палатой Федерального Собрания представления Генерального прокурора в срок возбуждения уголовного дела, особо оговорив это в законе, либо предусмотреть в нормах УПК РФ специальное основание продления срока доследственной проверки для категорий граждан, указанных в гл. 52 УПК РФ. В любом случае не вызывает сомнения факт, что указанный вопрос требует дополнительной нормативной регламентации.

Вопрос о лишении депутата Государственной Думы или члена Совета Федерации неприкосновенности рассматривается на пленарном заседании соответствующей палаты с участием Генерального прокурора Российской Федерации либо его заместителя (по поручению Генерального прокурора), а также того депутата Государственной Думы или члена Совета Федерации, в отношении которого внесено представление, при этом их неявка без уважительных причин не является препятствием для рассмотрения вопроса.

В Государственной Думе представление Генерального прокурора зачитывается представителем Комитета по регламенту, который докладывает решение, принятое Комитетом. После этого слово предоставляется Генеральному прокурору, а затем депутату для выступления и для ответов на вопросы депутатов, которые также вправе выступить по окончании ответов (ст. 185.4 Регламента Государственной Думы). Последовательность выступлений в Совете Федерации прямо не установлена, но, бесспорно, она должна быть такой же, как в Государственной Думе. Совет Федерации и Государственная Дума должны выяснить, не обусловлено ли решение о возбуждении уголовного дела мнением, выраженной им позицией при голосовании в палате Федерального Собрания или другими его законными действиями. Поскольку члены выборных органов законодательной власти обладают индемнитетом («неответственностью»), то они не подлежат привлечению к ответственности за высказанное мнение или выражение позиции. Установив соответствующие обстоятельства, Совет Федерации или Государственная Дума не должны давать согласие на лишение лица неприкосновенности.

После оглашения представления Генерального прокурора и всех выступлений производится голосование. Решение о лишении неприкосновенности как депутатов Государственной Думы, так и членов Совета Федерации считается полученным, если за дачу согласия проголосовало большинство от общего числа членов соответствующей палаты, и оформляется постановлением соответственно Государственной Думы и Совета Федерации (ст. 185.5 Регламента Государственной Думы, ч. 8 Регламента Совета Федерации).

Отказ палаты Федерального Собрания в даче согласия на возбуждение уголовного дела является обстоятельством, исключающим производство по делу в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы (ч. 4 ст. 448 УПК РФ). Следовательно, в возбуждении уголовного дела должно быть отказано, а при наличии возбужденного уголовного дела уголовное преследование соответствующего лица подлежит немедленному прекращению (п. 6 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ).

В ч. 8 ст. 8 Регламента Совета Федерации уточнено, что постановление Совета Федерации в течение 3 суток должно быть направлено Генеральному прокурору.

Генеральный прокурор должен отправить постановление палаты Федерального Собрания Председателю Следственного комитета немедленно после его получения.

В-третьих, палаты Федерального Собрания дают согласие на исполнение в отношении своих членов меры пресечения в виде заключения под стражу, а также производства обыска (ч. 2, 3 ст. 450 УПК РФ). Кроме того, Государственная Дума дает согласие на исполнение судебного решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, а также на производство обыска в отношении Уполномоченного по правам человека Российской Федерации (ч. 2, 3 ст. 450 УПК РФ). Следует отметить, что само избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении названных лиц осуществляется в общем порядке, однако фактическое исполнение данной меры пресечения возможно только после получения согласия соответствующей палаты Федерального Собрания.

Нормативное регулирование обыска вызывает определенные вопросы.

Во-первых, трудно объяснить, чем вызваны отличия в процессуальной регламентации обыска и иных следственных действий, многие из которых имеют даже большую степень проникновения в личную жизнь граждан (например, контроль и запись телефонных и иных переговоров).

Во-вторых, вызывает большие сомнения необходимость установления столь сложных процедур для назначения следственных действий, которые, в отличие от задержания и мер пресечения, являются прежде всего средствами доказывания, а не принудительными мерами. А.С. Шаталов правильно отмечает, что «обретение разного рода иммунитетов от уголовного преследования лицами, совершающими или уже совершившими преступления, существенно осложняет процесс их изобличения и наказания за содеянное» [3, с. 61]. В результате ситуация может пойти по замкнутому кругу: для установления виновности или невиновности лица требуется производство следственных действий, а это невозможно без согласия органа, которому для принятия данного решения необходимы сведения о причастности лица к совершению преступления.

Думается, что получение судебного разрешения на производство следственных действий является необходимой гарантией, позволяющей обеспечить как обоснованность проведения следственного действия, так и соблюдение прав граждан. В связи с этим представляется целесообразным изменение УПК РФ путем исключения из него норм о необходимости получения согласия палаты Федерального Собрания для производства следственных действий в отношении ее членов.

В-третьих, палаты Федерального Собрания участвуют в процедуре возбуждения уголовного дела в отношении Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий.

В соответствии со ст. 91 Конституции Российской Федерации, действующий Президент Российской Федерации обладает неприкосновенностью от уголовного преследования. Привлечение к уголовной ответственности лица, занимающего должность Президента, возможно исключительно после его отрешения от должности. Основанием отрешения Президента от должности является только совершение им государственной измены или иного тяжкого и особо тяжкого преступления.

Процедура отрешения Президента от должности носит конституционно-правовой характер и включает в себя 4 этапа:

1. Выдвижение обвинения Государственной Думой.

2. Заключение Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента признаков соответствующего преступления.

3. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении порядка выдвижения обвинения.

4. Решение Совета Федерации об отрешении Президента от должности (ст. 93 Конституции Российской Федерации).

Отрешение Президента от должности носит конституционно-правовой характер и не является уголовным преследованием.

Президент, прекративший исполнение своих полномочий, продолжает обладать неприкосновенностью от уголовного преследования, причем не только в отношений преступлений, совершенных во время занятия должности Президента, но и в отношении тех деяний, которые совершены им после прекращения полномочий главы государства.

Возбуждение уголовного дела в отношении бывшего Президента производится только Председателем Следственного комитета Российской Федерации (п. 8 ч. 1 ст. 448 УПК РФ).

Вопрос о лишении бывшего Президента неприкосновенности от уголовного преследования вправе ставить только Председатель Следственного комитета Российской Федерации независимо от состава преступления и предметной подследственности дела.

Процедура лишения бывшего Президента неприкосновенности и возбуждения уголовного дела в отношении него включает в себя несколько этапов.

1. Внесение Председателем Следственного комитета в Государственную Думу представления о лишении бывшего Президента неприкосновенности. Данное представление должно быть внесено в течение 3 суток после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 7 ст. 448 УПК РФ).

2. Дача Государственной Думой согласия на лишение бывшего Президента неприкосновенности.

В случае если Государственная Дума отказывает в даче согласия на лишение бывшего Президента неприкосновенности, соответствующая процедура немедленно прекращается и выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного преследования (ч. 7 ст. 448 УПК РФ).

3. Направление представления Председателя Следственного комитета и решения Государственной Думы в Совет Федерации. Указанные документы должны быть направлены в Совет Федерации в течение 3 суток с момента получения соответствующего согласия Государственной Думы (ч. 3 ст. 448 УПК РФ).

4. Принятие решения Советом Федерации. Срок принятия решения – не позднее 3 месяцев со дня вынесения постановления Государственной Думой.

Совет Федерации вправе принять одно из двух решений:

а) о лишении бывшего Президента неприкосновенности;

б) об отказе в лишении бывшего Президента неприкосновенности (ч. 7 ст. 448 УПК РФ).

Если Совет Федерации принимает решение об отказе в лишении неприкосновенности, уголовное преследование бывшего Президента прекращается на основании п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ (ч. 7 ст. 448 УПК РФ). О любом из принятых решений Совет Федерации в течение 3 суток извещает Председателя Следственного комитета (ч. 7 ст. 448 УПК РФ).

В качестве итога необходимо отметить, что участие высших органов законодательной власти в уголовном судопроизводстве отнюдь не является «ручным управлением», а позволяет обеспечить необходимый баланс ценностей и интересов и вполне соответствует общепринятой практике развитых государств мира.

1. Скутина Е.В. Амнистия в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

2. Баранникова И.Г. Институт амнистии в России: конституционно-правовые начала: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владикавказ, 2010.

3. Шаталов А.С. Современное состояние процессуального механизма уголовного преследования специальных субъектов и вопросы его оптимизации // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1. С. 57–70.

1. Skutina E.V. Amnesty in criminal proceedings: auth. abstr. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2009.

2. Barannikova I.G. Institute of amnesty in Russia: constitutional and legal principles: auth. abstr. ... Master of Law. Vladikavkaz, 2010.

3. Shatalov A.S. The current state of the procedural mechanism for the prosecution of special subjects and questions of its optimization // Man: crime and punishment. 2015. № 1. P. 57–70.

Волынский Александр Фомич
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры криминалистики
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
(e-mail: bul303@rambler.ru)

Уроки исторического опыта использования опыта других стран в борьбе с преступностью

В статье приводятся поучительные исторические примеры негативного влияния идеологизированных и субъективно навязанных решений в освоении и использовании в нашей стране международного опыта борьбы с преступностью, подчеркивается необходимость реализации в этой деятельности принципов экономичности и эффективности.

Ключевые слова: уголовный процесс России, зарубежный опыт, заключение специалиста, экспертиза, оперативно-розыскная деятельность, опыт, следственный комитет.

A.F. Volynsky, Doctor of Law, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Chair of Criminalistics of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: bul303@rambler.ru

The lessons of the historical experience of using the experiences of other countries in the fight against crime

The article presents the instructive historical examples of the negative impact of ideological and subjectively imposed solutions to learn and use in our country the international experience of combating crime, stresses the need for the implementation of these activities efficiency and effectiveness principles.

Key words: Russian criminal process, international experience, professional judgment, expertise, operational-search activity, experience, investigative committee.

«Его пример – другим наука...» – эти слова А.С. Пушкина заключают в себе принцип развития науки, техники и в целом социально-экономических отношений, особенно в условиях рыночной конкуренции. Наша страна живет в таких условиях уже четверть века. Соответственно, формируется новая правовая база, идет поиск новых организационных форм жизнедеятельности общества и государства, в том числе в обеспечении правопорядка и безопасности. При этом принципиально важное значение имеет международный опыт организационного, правового, научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов.

Отечественная история организации борьбы с преступностью изобилует поучительными примерами проявления крайностей в использовании опыта других стран: от огульного его отрицания, причем по формально-идеологическим причинам, до безоглядного, некритического восприятия. Конечно, были примеры и продуманного, взвешенного подхода к решению этой проблемы. Впрочем, наглядно свидетельствует об этом история российской криминалистики и в целом практики борьбы с преступностью в нашей стране.

1. Еще у истоков этой науки в нашей стране отмечается определяющее влияние достижений зарубежных криминалистов. В 1890 г. в России вводится разработанная А. Бертильоном (Франция) антропометрия; в 1895–1896 гг. издается в русском переводе книга Г. Гросса (Швейцария) «Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции», позже (1908 г.) переизданная под измененным названием «Руководство для судебных следователей как система криминалистики»; в 1906 г. в тюрьмах России, а в 1908 г. – в отделениях полиции вводится разработанная англичанами (У. Гершель, Г. Фолдс, Ф. Гальтон, Э. Генри) дактилоскопическая регистрация. И все это спустя 4–5 лет после внедрения указанных новшеств на родине изобретателей.

В это же время довольно основательно заявили о себе и отечественные криминалисты. Их деятельность в этом отношении заметно активизировалась после судебной реформы

1864 г. В ее результате формируется, опять же не без влияния опыта западноевропейских стран (прежде всего Германии, Франции), новая система уголовного судопроизводства, вводятся суды присяжных; создается сыскная полиция (1866 г. – в Санкт-Петербурге, 1881 г.– в Москве, позже в Риге, Варшаве и других городах); открывается Е.Ф. Буринским первая в России судебно-фотографическая лаборатория (1889 г.) [1, с. 476–478].

Кстати, именно с этого года, а не с 1919 г. и следовало бы исчислять зарождение российской судебно-экспертной, в том числе криминалистической, службы. Таким образом мы отдали бы должное памяти нашего знаменитого соотечественника, который, разработав метод фотографического исследования документов, по образному выражению Д.И. Менделеева, «подарил человечеству второе зрение, позволяющее увидеть невидимое». А вскоре (1893 г.) в России была создана и государственная судебно-фотографическая лаборатория.

Заимствованию передового по тому времени зарубежного опыта научно-технического обеспечения раскрытия и расследования преступлений способствовали и личные контакты отечественных ученых, и не только криминалистов, с коллегами из других стран. Имеются в виду ученые прежде всего естественно-технических отраслей науки (медицины, химии, биологии и др.), достижения которых являются важнейшим источником развития криминалистики. Тесные контакты отмечаются по линии органов полиции. В этом контексте следует вспомнить и поездку в 1911 г. чинов русской полиции в Лозанну (Швейцария), где Р. Рейсс, издавший к тому времени книгу по криминалистике для экспертов, прочитал им курс лекций, конспекты которого С.Н. Трегубов опубликовал в России (1912 г.) под названием «Научная техника расследования преступлений», а несколько позже (1915 г.), дополнив и переработав его, издал книгу «Основы уголовной техники».

Именно в то время в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе появились такие образные выражения растущих возможностей научно-технических методов и средств в собирании, исследовании и использовании доказательств, как «научное доказывание», «научный судья» и т.п.

2. Последствиями революции 1917 г. и гражданской войны были не только разграбленные кабинеты научно-судебной экспертизы и уничтоженные криминалистические учеты полиции, но и нигилистическое, порой враждебное отношение ко всему буржуазному. Отмечались факты уничтожения переводной литературы по криминалистике, ранее изданной в России. Многие известные криминалисты были вынуждены выехать из страны. И тем не менее сложная криминогенная обстановка в стране вынуждала отечественных криминалистов обращать все более пристальное внимание на опыт борьбы с преступностью полиции буржуазных стран, несмотря на то, что нередко ею используются в этих целях классово чуждые методы и средства.

Такая обстановка в стране накладывала свой отпечаток на предмет и характер научных дискуссий по проблемам криминалистической теории и практики, в ходе которых нередко звучали личные оскорбления, а порой и обвинения в отступления от марксизма, в ломброзианстве, неумении или нежелании разоблачать реакционную сущность буржуазной криминалистики [1, с. 74–81].

В противостоянии двух мировых систем в нашей стране по идеологическим соображениям отвергалось все, что «не наше». Критиковалась «лжекибернетика», разоблачалась «лжегенетика». Во всех учебниках в области юриспруденции, включая сферу борьбы с преступностью, считалось патриотическим долгом представить главу о реакционной сущности буржуазного права, судопроизводства, уголовного процесса, криминалистики. Даже дактилоскопия представлялась как средство «преследования империалистами прогрессивных и революционных сил» (Юридический словарь, 1953). А упоминавшиеся ранее «научное доказывание» и «научный судья» использовались как наглядные примеры стремления буржуазных апологетов права «извратить сущность правосудия». Хотя таким образом всего лишь подчеркивалось значение науки и техники в борьбе с преступностью.

Такая обстановка сохранялась до середины 50-х гг. XX в. и во многом предопределила то, что до сих пор негативно сказывается на общественном сознании и, как следствие, на дальнейшем совершенствовании организации и правового регулирования использования достижений науки и техники в деятельности правоохранительных органов страны.

3. Но наступило время критики культа личности и борьбы с его последствиями (1956 г.). Основным объектом этой критики оказался «создатель культа», а борьбы – правоохранительные органы и используемые ими методы и средства. Никто тогда не придавал значения тому, что эти органы были всего лишь орудием в руках политической власти и выполняли

ее волю. Не обращали внимание и на то, что существовали органы борьбы с уголовной преступностью и с политической. Первые, как более открытые обществу, оказались под основным ударом критиков.

Так было ликвидировано МВД СССР, а вместо него созданы республиканские министерства охраны общественного порядка. Во вновь принятом УПК РСФСР (1961 г.) упоминается право следователя взаимодействовать с органами дознания, но ничего не говорилось о правах и обязанностях самих этих органов в части негласных, оперативно-розыскных методов и средств борьбы с преступностью. Они оказались вне этого закона.

Непоследовательно, противоречиво в данном УПК решалась проблема использования в расследовании преступлений специальных знаний и криминалистической техники. Не определялись критерии допустимости технических средств; их перечень излагался применительно к отдельным следственным действиям и в необъяснимо разном содержании; доказательственное значение имели только результаты экспертиз (заключения экспертов); появилась фигура специалиста, но ограниченно определялись его права и обязанности. И это уже в то время (к вопросу о международном опыте), когда в УПК ряда зарубежных стран (Франция, Румыния и др.) наряду с судебной экспертизой средством доказывания являлось и исследование специалиста, а его заключение было признано доказательством [2]. При этом даже в социалистических странах Европы все большее признание получала идея постоянного участия специалиста в технико-криминалистическом сопровождении всего процесса раскрытия и расследования преступлений.

А в нашей стране в это же время (1966 г.) принимается дополнение к ст. 67 УПК РСФСР – п. 3а, запрещавший назначать экспертизу лицу, которое по тому же делу участвовало в осмотре места происшествия в качестве специалиста. Абсурдность этого предписания была очевидна не только в аспекте зарубежного опыта, но и с точки зрения реального состояния организационного обеспечения участия специалистов-криминалистов в данном следственном действии.

Тогда в этой роли в нашей стране выступали только сотрудники экспертно-криминалистических подразделений (ЭКП) милиции. Они же проводили около 80% криминалистических экспертиз, назначаемых в стране по уголовным делам. Следовательно, надо было исключить их участие в осмотрах мест происшествий, но других специалистов-криминалистов в стране не было, либо не назначать им экспертизы, но НИИ судебных экспертиз и соответствующие учреждения юстиции, в основном в республиканских центрах, с их малочисленными штатами выполнить весь объем экспертных исследований были не в состоянии физически. Выход из этой тупиковой ситуации, проявляя нигилистическое отношение к закону, нашла практика: эксперты-криминалисты ЭКП по-прежнему участвовали в осмотрах мест происшествий в качестве специалистов, но это не отражалось в протоколе данного следственного действия.

В это время, конечно, генетику и кибернетику уже никто не отвергал, но критиковалась реакционная сущность применения их достижений в целях борьбы с преступностью. В частности, уже в конце 80-х гг. прошлого века современные информационные технологии представлялись не иначе как «кибернадзор», «компьютерная слежка», «электронная диктатура» [3, с. 71–85].

Все это до сих пор крайне отрицательно сказывается на научно-техническом обеспечении деятельности правоохранительных органов в борьбе с преступностью, в частности на освоении ими современных достижений этих отраслей науки и техники. Например, в Англии всеобщая геномная регистрация граждан введена в 1995 г., а в нашей стране – 13 лет спустя (в 2008 г.) и только для отдельных категорий граждан. Аналогичные ситуации отмечаются с дактилоскопической регистрацией, с одорологией и некоторыми иными криминалистическими методами и средствами собирания, исследования и использования доказательств.

4. Но настало время «перестройки». Наши реформаторы столь же отчаянно и решительно, по-большевицки революционно переносят на почву российских реалий то, что сформировалось в совершенно иных исторических условиях. В виде лозунгов обозначая общие цели реформирования судопроизводства и его принципы, они не придают должного значения тем методам, средствам, организационным формам деятельности правоохранительных органов, посредством которых эти принципы реализуются и развиваются. Свою роль при этом сыграли и многочисленные советники из зарубежных стран, а прежде всего наследники тех, кто создавал в свое время в США «свободу политического, экономического и уголовного гангстеризма» [4, с. 96–97].

В результате был «изобретен» уголовно-процессуальный кодекс, в котором с благими намерениями, известно куда ведущими, были «сли-

ты три в одном» положения англо-саксонской, западноевропейской (континентальной) правовых школ и УПК РСФСР, причем зачастую, как пишет Е.П. Ищенко, противоречивые, взаимоисключающие [5, с. 18–102]. Не случайно за 15 лет действия УПК РФ в него внесено около двух тысяч изменений, дополнений, поправок, и, судя по всему, конец этому законотворчеству будет положен только разработкой и изданием концептуально нового уголовно-процессуального кодекса.

Свою негативную роль имели последствия культа личности и борьбы с ними. Во всяком случае, спекуляции на трагических событиях истории нашей страны, огульное осуждение негласных методов и средств борьбы с преступностью предопределили явное расхождение в УПК РФ (2001 г.) между целями уголовного судопроизводства и средствами их достижения, между явно расширенными возможностями сторон защиты и явно ограниченными – стороны обвинения.

К концу XX в. в УПК практически всех западноевропейских стран оперативно-розыскная деятельность, с учетом многовекового опыта борьбы с рыночной преступностью и ее особенностей в условиях глобализации международных отношений, признается как средство доказывания. Негласно осуществляемые в форме этой деятельности мероприятия представляются в виде специальных (негласных) следственных действий, а их результаты используются в качестве доказательств. В настоящее время этот опыт восприняло большинство восточноевропейских стран, в том числе и бывших советских республик.

Россия остается практически единственной среди них, в УПК которой взаимодействие следователя с органами дознания, т.е. с оперативными аппаратами, осуществляется в порядке переписки (п. 4 ч. 2 ст. 38), а не совместных действий; результаты оперативно-розыскной деятельности «в процессе доказывания запрещается использовать…» (ст. 89); а в состав следственной группы «могут быть привлечены» (а могут быть и не привлечены?) должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ч. 2 ст. 163).

5. Проблемы оперативно-розыскного сопровождения и научно-технического обеспечения борьбы с преступностью явно осложнились в связи с созданием в нашей стране полисистемы правоохранительных министерств и ведомств вместо ранее существовавшей их моносистемы (МВД + КГБ). Позаимствовали, что очевидно, опыт других стран, прежде всего США, где действует более десятка различных организационно обособленных правоохранительных министерств, ведомств и служб. Однако при этом не было учтено самое главное – особенности правовой системы, определяющей организацию и порядок их деятельности и в целом систему уголовного судопроизводства. Осуществляемое ими полицейское расследование предполагает реализацию всех гласных и негласных методов и средств, всего арсенала полицейской техники, и каждое из них имеет в своем распоряжении такие возможности.

У нас создали Следственный комитет Российской Федерации с возложением на него сложнейших задач в борьбе с преступностью, таких как раскрытие и расследование тяжких и особо тяжких преступлений, но непосредственно в его распоряжении, кроме мозгов в основном молодых и пока малоопытных следователей, ничего нет! Есть еще, конечно, надежда на взаимодействие с соответствующими подразделениями МВД и ФСБ, но всем хорошо известно, что внутриведомственное взаимодействие небезпроблемно, а межведомственное – тем более, что реально оно срабатывает не по приказу, а на основе личностных, психологически сбалансированных отношений.

6. Точно также в УПК РФ противоречиво, под влиянием искусственно нагнетаемого примерами из прошлого страха решена проблема научно-технического обеспечения борьбы с преступностью. Надо сказать, что в некоторых западноевропейских странах традиционно были разграничены функции научной полиции (экспертов-криминалистов) и технической полиции (специалистов-криминалистов). В конце XX в. такое положение закреплено европейским стандартом и стало обязательным для всех стран Евросоюза.

Существенно возросшая техноемкость деятельности правоохранительных органов, особенно в результате освоения ими современных информационных технологий и высокочувствительных приборных комплексов, объективно обусловливает необходимость более основательной специализации и экспертов, и специалистов, что фактически невозможно при совмещении их функций в одном лице.

Однако опыт в этом отношении стран Евросоюза для нас не является примером. Не показательно для нас и то, что даже союзнические нам государства – Республики Беларусь и Казахстан – реформировали свои судебно-экспертные учреждения и экспертно-криминалистические подразделения. В дискуссии по этому поводу иногда, в оправдание наше-

го консерватизма и инертности, раздаются голоса: «Да они прогнулись под Европой». Мы убеждены, что действительно «прогнулись», но не перед Европой, а перед рыночной преступностью и, вместе с тем, перед возможностью и необходимостью более эффективного использования современных достижений науки и техники в борьбе с ней в условиях глобализации международных отношений, что пока с трудом дается нашему пониманию.

7. Учитывая территориальные, национальные, демографические особенности нашей страны и исторически сложившиеся традиции, можно по-разному относиться к зарубежному опыту борьбы с преступностью. Однако, признавая, что в целом наше уголовное судопроизводство не в пример другим забюрократизировано и чрезмерно затратно, особое внимание необходимо обратить на реализуемые в ряде западноевропейских стран такие принципы организации борьбы с преступностью, как прагматизм, экономичность и эффективность (рынок обязывает!). С этих позиций нам также следовало бы определить приоритетность данных принципов и пересмотреть всю систему уголовно-процессуальной деятельности, включая порядок возбуждения и отказа в возбуждении уголовных дел; организацию многоуровневого надзора и контроля за их расследованием; реализацию принципа процессуальной самостоятельности следователя; методы и средства формирования доказательственной базы; научно-техническое и оперативно-розыскное обеспечение процесса раскрытия и расследования преступлений и др.

Особо следует отметить необходимость государственного, а не узковедомственного подхода к организации научно-технического обеспечения деятельности вновь созданных правоохранительных министерств и ведомств. Многие современные приборно-исследовательские комплексы (для ДНК-анализа, электронные микроскопы и т.п.) слишком дорого обходятся для государственной казны, чтобы их «разбрасывать» по ведомствам, предопределяя к тому же крайне низкий коэффициент их использования. Может быть, и нам следует присмотреться к опыту теперь уже наших союзников – Республики Беларусь и Казахстана – и тоже создать единую государственную службу судебной экспертизы, а вместе с тем приступить к формированию института специалистов-криминалистов непосредственно в службах, раскрывающих и расследующих преступления, во всех вновь созданных правоохранительных министерствах и ведомствах.

1. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М., 1999.

2. Волынский А.Ф. Экспертиза и специальные научно-технические исследования по новому УПК Социалистической Республики Румынии // Советская юстиция. 1970. № 24.

3. Батурин Ю.М. Право и политика в компьютерном круге. М., 1987.

4. Торвальд Ю. Век криминалистики. М., 1990.

5. Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М., 2013.

1. Belkin R.S. The history of Russian criminalistics. Moscow, 1999.

2. Volynsky A.F. The examination and the special technical and scientific studies on the new Criminal procedure code of the Socialist Republic of Romania // Soviet justice. 1970. № 24.

3. Baturin Yu.M. Law and politics in the computer circle. Moscow, 1987.

4. Torvald Yu. Criminalistics century. Moscow, 1990.

5. Ishchenko E.P. Is reform ruled by criminals? Moscow, 2013.

Игнатов Александр Николаевич
доктор юридических наук, старший научный сотрудник,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
(e-mail: aleksandrignatov@mail.ru)

Пахомов Сергей Валерьевич
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: svpakhomov@inbox.ru)

Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления

Внешняя среда может выступать в качестве одного из факторов, влияющих на выбор и реализацию способа совершения преступления. Исследование качественно-пространственных особенностей преступности, которые могут быть обусловлены местом и обстановкой совершения отдельных видов преступления (топографии преступности), способствует углублению криминологического и криминалистического познания отдельных видов преступлений и разработке эффективных частных методик их расследования, раскрытия и профилактики.

Ключевые слова: способ совершения преступления, качественно-пространственные особенности местности, топография преступности.

A.N. Ignatov, Doctor of Law, Senior Researcher, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksandrignatov@mail.ru;

S.V. Pakhomov, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry the Interior of Russia; e-mail: svpakhomov@inbox.ru

Impact of qualitative and spatial features of the territory on the selection and implementation of the method of committing a crime

The external environment can act as one of the factors which affecting on the choice and implementation of the method of crime. Study of quality and spatial characteristics of crime, which can be caused by the space and environment of commission of the certain types of crime (crime topography) contributes to the deepening of criminology and criminalistics knowledge of the certain types of crimes and development effective methods of private investigation, detection and prevention.

Key words: method of committing a crime, qualitative and spatial features of the territory, crime topography.

Деятельность субъектов раскрытия и расследования преступлений связана с установлением значительного круга информации. Статус данной информации определяется возможностью ее использования в ходе осуществления указанной деятельности. Выявление любой информации осуществляется с целью выработки и определения направления поисково-познавательной и процессуальной функции субъектов раскрытия и расследования преступления. Причем сама информация может носить материально-фиксированное отражение (например, различные данные, содержащиеся в системе учетов органов внутренних дел, имеющие конкретную характеристику объекта или комплекса сведений), или информация, отраженная в процессуальных и иных документах и зафиксированная в установленном порядке). Эта группа информационных признаков может быть связана с конкретным преступлением и использоваться для цели его раскрытия и расследования. Дру-

гая разновидность информации носит гносеологический характер на основе эмпирического обобщения ряда преступных событий, порождающих специфический комплекс признаков. Как правило, подобная информация направлена на познание сущности преступления определенного вида (либо группы преступлений) как результата преступной деятельности вообще. Использование такой информации опосредовано научно-исследовательской целью для дальнейшей разработки конкретных рекомендаций по предупреждению, раскрытию, расследованию и профилактике преступлений. Решением задач, порождаемых обозначенной целью, занимается криминалистическая и криминологическая наука.

О взаимосвязи этих наук ведется продолжительная научная полемика. Вместе с тем, мы умышленно устраняемся от участия в таковой, поскольку ставим иную цель в данной работе. Однако укажем, что совпадение объектов двух указанных наук объективно существует, поскольку обе изучают преступную деятельность. Естественно, каждая из них исследует данную проблему под собственным углом зрения, поэтому каждая формирует для себя аутентичный научный предмет. Вышеуказанное убедительно свидетельствует о том, что сфера научных интересов криминологии и криминалистики, лежащая в плоскости познания преступности, имеет явно выраженные межпредметные связи, наполняя и дополняя друг друга новой информацией. Ярким примером такой взаимосвязи является криминалистическая характеристика преступления как научная категория, прочно укоренившаяся в системе научно-теоретических знаний.

Не секрет, что при разработке криминалистической характеристики преступления используются данные криминологической науки. При получении и обобщении сведений о личности преступника и потерпевшего как элементов криминалистической характеристики применяются криминологические данные, в рамках изучения обстановки преступления также применяются методы и знания криминологической науки. В равной мере это касается и проблемы изучения мотивов и цели совершения преступления. Превалирование криминологических данных в структуре криминалистической характеристики породило волну дискуссий относительно целесообразности дальнейшей разработки криминалистической характеристики преступления. Тем не менее, в условиях продолжающихся споров криминалистическая характеристика по-прежнему остается предметом научного интереса.

Разные авторы предлагают различную структуру элементов криминалистической характеристики, их разную последовательность и, в определенной степени, содержание. Но так или иначе, неизменным элементом криминалистической характеристики преступления всегда остается «способ совершения преступления». Это логично с любых позиций, поскольку, как известно, способ присущ любому волевому поведению человека, поэтому имманентен преступлению как явлению реальной действительности [1, с. 6–7]. Таким образом, не существует ни одного преступления без присущего ему способа совершения, который представляет собой форму проявления преступного деяния и, соответственно, тесно связан с последствием [2, с. 182].

Практически ни в одной криминалистической работе, посвященной рассматриваемой теме, данный элемент не подвергается критической оценке (вместе с тем, в криминалистической науке существуют разные подходы к терминологическому определению способа совершения преступления, с указанием на целесообразность его обозначения как «способа преступления») [3, с. 14]. Профессор Р.С. Белкин, впоследствии выступавший за необходимость отказа от криминалистической характеристики преступления, называя ее «криминалистическим фантомом», по причинам, указанным нами выше, утверждал, что только способы совершения преступления (а точнее их описание) являются чисто криминалистической категорией в структуре криминалистической характеристики. Он писал, что способ совершения преступления есть «основная криминалистическая классификация преступлений и, в сущности, определяющая среди всех других подобных классификаций, ибо признаки, по которым преступление классифицируется применительно к иным элементам состава преступления, как правило, отражаются в способе совершения и сокрытия преступления…» [4, с. 359; 5, с. 114]. Поэтому попытки определить место криминалистической характеристики преступления в структуре методики расследования преступлений приводили ученых к пониманию главенствующей роли «способа совершения преступления» в системе криминалистической характеристики [6, с. 82–85; 7, с. 20; 8, с. 64–66]. Предложения же ряда ученых отказаться от изучения криминалистической характеристики в пользу развития теории

«механизма преступления» не умалили тем самым роль «способа совершения преступления», поскольку они так же включали его в элементную структуру механизма преступления.

К определению способа совершения преступления разные ученые подходили по-разному. Так, в учебнике Е.П. Ищенко и А.А. Топоркова указано, что способ совершения преступления – это «система действий по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления, объединенных единым преступным замыслом, заданная условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности преступника» [9, с. 36]. Иначе определяется способ совершения преступления в другом источнике: «Детерминированная личностью, предметом и обстоятельствами преступного посягательства система действий субъекта, направленная надостижение преступной цели и объединенная единым преступным замыслом. В этой системе могут быть выделены действия по подготовке, непосредственно совершению и сокрытию следов преступления» [10, с. 46].

Изучение способа совершения преступления направлено на выявление определенных закономерностей, связанных с подготовкой, непосредственным совершением и его сокрытием. Любое преступление как факт реальной действительности является результатом индивидуального человеческого поведения. Поскольку поведение человека как процесс, который разворачивается в пространстве и во времени, – это взаимодействие с окружающей средой, опосредованное внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью человека, любое преступление является результатом взаимодействия личности и внешней среды. На развитие взаимодействия элементов механизма индивидуального преступного поведения как открытой системы, которое приводит к совершению конкретного преступления, влияет совокупность субъективных и объективных факторов (явлений и процессов) действительности. Таким образом, охватываемый единым преступным замыслом способ совершения преступления реализуется в зависимости от складывающихся условий, в которых протекает совокупность действий, направленных на подготовку, непосредственное совершение и сокрытие преступления.

Следовательно, внешняя среда может выступать в качестве одного из факторов, влияющих на выбор (а в некоторых случаях определяющих его) и реализацию способа совершения преступления. А значит, можно предположить существование причинно-следственной связи (закономерности) между внешней средой и способом совершения преступления. С точки зрения экономической теории внешняя среда может рассматриваться как некая совокупность условий, факторов и сил, которые воздействуют на организацию извне, определяя ее поведение. Вполне применима данная теория и в контексте рассматриваемой нами проблемы.

Изучая закономерности выбора и реализации способа совершения преступления в условиях конкретной внешней среды, можно вывести конкретную взаимосвязь. Познание данной связи преследует определенную цель – наполнить поисково-познавательную деятельность субъекта расследования сведениями о том, что конкретное преступление может быть совершено только в данных условиях внешней среды. Обратное же может свидетельствовать о нетипичности преступного события, об инсценировке, о придании одному преступлению вида другого.

Изучение сущности приведенной взаимосвязи важно и с точки зрения разработки средств предупреждения преступлений, принятия конкретных мер профилактического характера. В данном контексте криминалистические знания о способе совершения преступления создают питательную среду для детального исследования качественно-пространственных особенностей преступности, которые могут быть обусловлены местом и обстановкой совершения отдельных видов преступления. В этой связи позволим себе обозначить вышеуказанное таким термином, как «топография преступности».

Исследование топографии преступности предусматривает получение соответствующих данных путем анализа мест и обстановки совершения преступлений с целью исследования криминологической и криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, а также оценки криминогенного потенциала отдельных точек пространства и, соответственно, учета полученных данных в криминалистических, оперативно-розыскных и превентивных целях.

При этом точка пространства понимается в широком смысле: от определенного участка местности (берег водоема, парк, лес, кладбище и т.д.), архитектурных или иных сооружений (город, паркинг, недостроенное сооружение, жилой комплекс, больница и т.д.) до конкретных мест (квартира, подвал здания, лифт и т.д.). Под криминогенным потенциалом отдель-

ных точек пространства следует понимать их определенные характеристики, которые могут влиять на проявления преступного поведения и интенсивность такого влияния.

Необходимость исследования топографии преступности обусловливается взаимосвязью совершения отдельных преступлений с характеристиками (географическими и пространственно-геометрическими) определенных точек пространства, в пределах которых они совершаются. В соответствии со спецификой объекта преступного посягательства и (или) способа его совершения внешняя обстановка совершения преступлений предусматривает определенную их классификацию на основании качественно-пространственных особенностей: совершаемые в городской или сельской местности; в помещении или на улице; в общественных местах или на автодорогах (автотранспорте) и др.

Часто преступные деяния, отражая особенности субъективных детерминант преступного поведения, имеют «атрибутивный» характер, что может быть связано как с местом совершения преступления, умышленно или подсознательно выбранным преступником (помещение, подъезд жилого дома, открытая местность, специально оборудованное место), так и с обстановкой его совершения: умышленно или подсознательно выбраны особые характеристики обстановки, прежде всего, связанные с предметами обстановки (детская площадка, кладбище, строительная площадка), звуками (железная дорога, детская площадка, дискотека и т.д.), явлениями природы (дождь и гроза, шум водоема, полнолуние и т.д.), деятельностью людей (наличие очевидцев и т.п.), возможностью преодоления сопротивления жертвы и исключением наличия возможных очевидцев (строительная площадка, подвал дома, лес и т.д.).

Выбор преступником места и обстановки совершения преступления, а следовательно, и особенностей качественно-пространственных характеристик преступления, также может быть связан с демографическими особенностями потенциальной жертвы преступления, родом ее занятий, способом проведения досуга и т.д.

Что касается оценки криминогенного потенциала отдельных точек пространства, то, например, проектные просчеты при строительстве или недостаточные меры по обеспечению охраны паркингов могут способствовать совершению краж из автотранспорта, а наличие проходных парадных в многоквартирных домах или отсутствие освещенного тротуара, ведущего от остановки транспорта и жилому массиву, – совершению грабежей и разбоев и т.д. Соответствующие оценки должны учитываться в первую очередь при планировании и строительстве населенных пунктов и застройке других местностей, а также при нормативно-разрешительном регулировании порядка функционирования отдельных объектов.

Развитие обозначенной нами концепции будет, на наш взгляд, способствовать дальнейшей разработке теории «взаимосвязи наук» в части выработки приемов, методов и средств, направленных на выявление, раскрытие и расследование преступлений. Формирование предмета любой науки не должно осуществляться безотносительно выявления взаимообусловливающих положений; связь материального, процессуального и прикладного компонентов – триумвират, формирующий единый правоохранительный механизм. Определить главенствующую роль указанных компонентов сложно, да и вряд ли в этом есть необходимость и целесообразность. Важнее всего то, что все они (компоненты), кроме решения частных задач, должны быть ориентированы на общую цель – превенцию преступного поведения.

В то же время исследование качественно-пространственных особенностей преступности, которые могут быть обусловлены местом и обстановкой совершения отдельных видов преступления, возможно, прежде всего, посредством выявления и изучения объективных взаимосвязей «место – способ» в системе конкретного преступления, осуществляемых на уровне массового воспроизводства преступного поведения. Таким образом, разработка концептуальных основ «топографии преступности» и практическое наполнение данной теории эмпирическими данными будет способствовать углублению криминологического и криминалистического познания отдельных видов преступлений (убийств, изнасилований, краж, грабежей и др.) и, соответственно, разработке эффективных частных методик их расследования, раскрытия и профилактики.

1. Панов Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1987.

2. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963.

3. Коврижных Б.Д. Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1969.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997.

5. Рябов Е.В. Способы квалифицированного хулиганства как один из элементов его криминалистической характеристики // Вестн. криминалистики. М., 2011. Вып. 1(37).

6. Коновалов С.И. Теоретико-методологические проблемы криминалистики. Ростов н/Д, 2001.

7. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестн. криминалистики. М., 2000. Вып. 1.

8. Сергеев К.А. Криминальное рейдерство: элементный состав криминалистической характеристики // Вестн. криминалистики. М., 2011. Вып. 2(38).

9. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учеб. / под ред. Е.П. Ищенко. М., 2007.

10. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

1. Panov N.I. The main problems of the method of committing a crime in the Soviet criminal law: auth. abstr. ... Dr of Law. Kharkov, 1987.

2. Brainin Ya.M. Criminal liability and its basis in Soviet criminal law. Moscow, 1963.

3. Kovrizhnykh B.D. Activities of the prosecution of cases of unsolved murders: auth. abstr. ... Master of Law. Kharkov, 1969.

4. Belkin R.S. Criminalistics course: in 3 vol. Vol. 3: Criminalistic tools, techniques and recommendations. Moscow, 1997.

5. Ryabov E.V. Methods of qualified hooliganism as one of the elements of its criminalistics characteristics // Bull. of criminalistics. Moscow, 2011. Iss. 1(37).

6. Konovalov S.I. Theoretical and methodological problems of criminology. Rostov-on-Don, 2001.

7. Bakhin V.P. Forensic characteristic of crimes as an element of the investigation // Bull. of criminalistics. Moscow, 2000. Iss. 1

8. Sergeev K.A. Pulp raiding: elemental composition of criminological characteristics // Bull. of criminalistics. Moscow, 2011. Iss. 2(38).

9. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. Criminalistics: textbook / ed. by E.P. Ishchenko. Moscow, 2007.

10. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Criminalistics: textbook. 4th ed., rev. and ext. Moscow, 2016.

Павличенко Николай Владимирович
доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель начальника ВНИИ МВД России
(e-mail: aldan1973@rambler.ru)

Проблемы взаимодействия оперативно-розыскных органов и населения: теоретические и прикладные проблемы

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при организации взаимодействия оперативно-розыскных органов и населения. Автором анализируется группа факторов, негативно влияющих на желание граждан оказывать помощь оперативно-розыскным органам в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, содействие, взаимодействие, население, оперативно-розыскные органы.

N.V. Pavlichenko, Doctor of Law, Professor, First Deputy Head of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aldan1973@rambler.ru

Problems of interaction between operational search units and the public: theoretical and legal issues

The article addresses the problems occurring in the process of interaction between operational search units and the public. The author analyses the group of factors which negatively affects people's attitude to cooperating with operational search units in their crime counteracting activity.

Key words: operational search activity, cooperation, interaction, the public, operational search units.

Взаимодействие оперативно-розыскных органов и населения имеет принципиальное значение при рассмотрении данного вопроса сквозь призму обеспечения общественного порядка, безопасности общества и государства от преступных посягательств. Формы и направления этого взаимодействия серьезно изучены современными учеными. Каждый из них подтверждает, что в помощи граждан правоохранительным органам скрыт значительный потенциал в борьбе с преступностью [1, с. 36–40]. Вместе с тем, вопрос конфиденциального содействия оперативно-розыскным органам остается наиболее проблемным. Среди факторов, негативно влияющих на эффективность данного процесса, можно назвать: недостатки в формировании социального статуса лиц, оказывающих конфиденциальное содействие правоохранительным органам [2, с. 99–104], а также проблемы пропаганды социально полезной деятельности конфидентов и предоставления государственных гарантий лицам, оказывающим содействие. Рассмотрим указанные факторы последовательно.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в своих нормативных предписаниях зафиксировал, с одной стороны, право органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (ч. 2 ст. 15), а с другой – право самих этих лиц исключительно с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту (ч. 1 ст. 17).

Вторая составляющая данного процесса в виде согласия имеет не только внешнее выражение, но, что значительно важнее, включает в себя духовное (психологическое) состояние претендентов на содействие, которые не только соглашаются на участие в оперативно-розыскной деятельности, но и планируют принимать в ее осуществлении практическое участие (представляется, что подобная формулировка максимально приближена к праксиологическому значению термина «согласие»). Данный внутренний процесс зависит от многих факторов, первое место среди которых, по нашему мнению, занимает значимость социального статуса лица, оказывающего конфиденциальное содействие.

Социальный статус личности – интегративное понятие, в его содержание традиционно включают атрибутивные (принадлежность к определенной социальной группе, объединению), функциональные (поступки, роль лично-

сти в процессе деятельности), оценочные (престиж выполняемой функции) и нормативные признаки (правовое регулирование положения человека в обществе, социальной группе) [3, с. 331]. По мнению Е.А. Ануфриева, статус личности с наибольшей полнотой и объемностью выражает единство общественной роли личности и ее престижа. Это понятие объединяет в себе функциональную и оценочную стороны, показывает то, что личность может делать, что она делает, каковы результаты ее действий и как они оцениваются другими людьми, обществом [4, с. 176–178].

Именно эти две составляющие социального статуса личности, вовлеченной в оперативно-розыскную деятельность, играют ключевую роль в принятии решения об оказании содействия. С одной стороны, понимание социально полезной деятельности конфидента, направленной на предупреждение и раскрытие преступлений, а с другой – оценка этой деятельности социумом.

У большинства опрошенных нами респондентов при отсутствии глубоких знаний о вкладе, месте и роли оперативно-розыскных органов в противодействии преступности в целом не возникло проблем в понимании общественной роли и необходимости негласной работы в борьбе с преступностью. Однако в процессе исследования выявлена негативная оценка конфиденциальной работы различными социальными группами. В частности, изучение взаимоотношений граждан и оперативных подразделений правоохранительных органов, включающее опрос 456 человек в четырех регионах Российской Федерации, показало, что респонденты стремятся избегать контактов с оперативными подразделениями. Так, более 70% опрошенных посчитали невозможным в любой форме участвовать в проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также оказывать содействие оперативным подразделениям, обьясняя свою позицию стыдом (65,4%); негативной оценкой окружающих (93,4%); моралью (81,4%) и др. (24,3%).

Вышеприведенные сведения свидетельствуют о слабой заинтересованности граждан в сотрудничестве с оперативными подразделениями правоохранительных органов [5, с. 1–4], что подтверждает вывод Ю.С. Калягина, Е.Н. Тверитиновой и А.Г. Есипова о том, что сейчас деятельность граждан, связанная с оказанием содействия правоохранительным органам, лишена широкой общественной поддержки [1, с. 36–40].

Причина негативной оценки работы конфидентов лежит на поверхности, любой исследователь может сделать вывод, к которому мы пришли, проанализировав ряд факторов.

Первый из них – формирование отрицательного образа негласного сотрудника в средствах массовой информации. Краткий анализ публикаций, рассматривающих отдельные вопросы работы конфидентов, показал, что они содержат негативные комментарии, характеризующие как «стукачество», «предательство», «доносительство» и т.п работу лиц, оказывающих содействие.

Полагаем, что отдельные «журналисты», изучающие работу конфидентов, не задумываются о том, что эти так называемые стукачи, сексоты, доносители содействуют в раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений, предотвращают террористические акты, не допускают массовых беспорядков, в которых могут погибнуть люди, а также о том, что наносят непоправимый имиджевый ущерб сложной и опасной работе людей, рискующих жизнью ради их безопасности. Наверное, так происходит потому, что работа лиц, оказывающих конфиденциальное содействие, остается за рамками сухих цифр статистики, а дешевая популярность становится приоритетом в карьере многих современных представителей масс-медиа.

Однако факт остается фактом. Количество публикаций негативного характера о работе конфидентов не уменьшается. Вот некоторые выдержки из названий статей популярных интернет-изданий и краткая характеристика их содержания:

«МВД запросило на ‘‘стукачей’’ 280 млн рублей» [6]. Авторы данной статьи признают, что большинство преступлений спецслужбы во всем мире предотвращают или раскрывают именно благодаря помощи конфидентов, вместе с тем, пренебрежительно называют их стукачами, а их деятельность – доносами.

«Теперь стукач на России – это почетная профессия!». В аннотации к статье авторы говорят: «Павлики Морозовы и Иуды получили возможность получать на России пенсию за свою ‘‘работу’’» [7].

«В народные ‘‘стукачи’’ записались 39 тыс. татарстанцев». В статье описывается работа сервиса «Народный инспектор», позволяющего активным гражданам оставлять уведомления о нарушениях правил дорожного движения [8].

Дальнейшие комментарии публикаций такого рода, полагаем, излишни.

Наряду с печатными средствами массовой информации, негативное отношение к негласному содействию правоохранительным органам поддерживает кино и телевидение. В этой связи приведем цитату одного из авторов интернет-публикации, который, отвечая на свой вопрос, кто такие стукачи на кино- и телеэкранах, говорит, что это, как правило, «некрасивые, ущербные, порочные люди. Герои практи-

чески никогда не стучат. Стукачей показывают сравнительно нечасто и, как правило, в неприглядном свете. …стукач постоянно прячется, стыдится своих поступков, боится их афишировать, никогда, например, не хвастается типа, как здорово получилось – он сообщил ценную информацию, и опасный преступник тут же был задержан и арестован» [9].

С учетом перечисленных выше факторов в обществе сформировался устойчивый образ негласного сотрудника, который в обобщенном виде можно описать так: опустившийся в социальном плане мужчина 35–40 лет без семьи и перспектив морального и физического развития.

Таким образом, можно констатировать, что оценка социумом работы негласных сотрудников резко отрицательная, соответственно, их социальный статус имеет негативную окраску. Подобное состояние вещей отрицательно сказывается на инициативе в осуществлении негласного содействия и желании активно противостоять криминалу, что подтверждает мнение А.Г. Залужного и С.М. Тохтарбаевой, аргументированно утверждающих, что в настоящее время отсутствует механизм взаимодействия и система надежных каналов обратной связи граждан с органами государственной власти всех уровней, в том числе с ОВД, в сфере противодействия преступности [10].

Следующим фактором, негативно влияющим на взаимодействие оперативно-розыскных органов и населения, является отсутствие пропаганды социально полезной деятельности конфидентов и закрытость от неограниченного количества заинтересованных субъектов информации о принимаемых мерах, направленных на обеспечение социальных и правовых гарантий лицам, оказывающим конфиденциальное содействие. Постановка вопроса с подобной позиции, полагаем, нова и требует пояснения.

С одной стороны, учитывая риски, которым подвергаются лица, оказывающие конфиденциальное содействие, государство предусмотрело нормы, обеспечивающие негласность их деятельности. Это касается самого факта содействия и распространения сведений о нем (ч. 1 и 2 ст. 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Несмотря на сложности в реализации указанных нормативных предписаний, влияющих на процесс взаимодействия оперативно-розыскных органов и населения, в целом данные нормы соблюдаются. С другой – граждане, заинтересованные в противодействии преступности, должны адекватно воспринимать и понимать политику государства в области охраны общественного порядка, осуществляемой с использованием помощи граждан, в том числе и конфиденциальной.

Это возможно путем реализации активной правовой пропаганды в институтах гражданского общества и разъяснения социально полезной роли лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам, деятельность которых направлена на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Кроме того, достижение поставленной цели возможно в случае реализации принципа «гласности (открытости) практических мер охраны конфиденциального содействия».

Данный принцип должен выражаться в формировании доступного для понимания всеми категориями граждан законодательства, регламентирующего работу лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам. Вопросы социальной защиты лиц, оказывающих содействие, изложены «эзоповым языком», сформулированы некорректно и не отражают в полной мере объективные реалии настоящего времени. Это касается вопросов пенсионного обеспечения конфидентов; реализации мер устранения реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; освобождения от уголовной ответственности лица из числа членов преступной группы, совершивших противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченных к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавших раскрытию преступлений, возместивших нанесенный ущерб или иным образом загладивших причиненный вред, и т.п. При таком подходе к формированию норм оперативно-розыскного законодательства понимание сущности изучаемого нами содействия, а также мер, предпринимаемых государством в лице его правоохранительных органов в целях обеспечения безопасности содействующих им лиц, вызывает серьезные затруднения.

Нам представляется, что в современных условиях антипропаганды конфиденциального содействия в средствах массовой информации принцип гласности должен рассматриваться в гипертрофированном варианте, как принцип «демонстративности». То есть любой человек, как вовлеченный в оперативно-розыскную сферу, так и не являющийся субъектом подобных правоотношений, должен не только знать, что негласные сотрудники находятся под защитой государства, но и видеть реальные практические шаги по реализации мер обеспечения

безопасности лиц, оказывающих негласное сотрудничество.

Реализация данного принципа возможна лишь в том случае, если информация о методах и средствах защиты лиц, оказывающих содействие, а также ее результатах будет доступна неограниченному кругу субъектов. Основным критерием подобной информации должна являться ее объективность. Так, требование объективности информации предполагает и публикацию достоверных данных, и всестороннее освещение деятельности правоохранительных органов, включая как негативные, так и положительные моменты, а также встречающиеся здесь трудности [11, с. 43–48]. При этом требование объективности информации должно касаться не только настоящего, но и прошлого. Историческая гласность о деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по обеспечению безопасности лиц, оказывающих содействие, должна стимулировать активность подобных лиц.

Затронутые в статье проблемы не являются исчерпывающими. Проблемы взаимодействия оперативно-розыскных органов и населения значительно шире. Вместе с тем, решение обозначенных проблем позволит объективно изменить ситуацию с организацией помощи граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

1. Калягин Ю.С., Тверитинова Е.Н., Есипов А.Г. Правосознание в контексте психологии содействия граждан субъектам оперативно-розыскной деятельности // Юрид. психология. 2014. № 1.

2. Павличенко Н.В. Проблемы взаимодействия оперативно-разыскных органов и населения // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. 2015. № 3(34).

3. Политология: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М., 1997.

4. Ануфриев Е.А. Социальный статус и активность личности. Личность как объект и субъект социальных отношений. М., 1984.

5. Сухаренко А. Сотрудничество с полицией нынче в цене // ЭЖ-Юрист. 2012. № 19.

6. URL: http://izvestia.ru/news/493023

7. URL: http://cheslavsky.livejournal.com/

8. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/136676/

9. URL: http://www.jamajo.lv/sshow.php3/id-10/lang-R

10. Залужный А.Г., Тохтарбаева С.М. Взаимодействие органов внутренних дел с институтами гражданского общества в борьбе с коррупцией. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Супонев С.П. Проблемы реализации принципа гласности в деятельности органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2.

1. Kalyagin Yu.S., Tveritinova E.N., Yesipov A.G. Sense of justice in the context of psychology behind people's assisting the subjects of operative search activity // Juridical psychology. 2014. № 1.

2. Pavlichenko N.V. Problems of cooperation between the operational search units and the public // Bull. of Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 3(34).

3. Politology: course of lectures / ed. by M.N. Marchenko. Moscow, 1997.

4. Anufriev E.A. Social status and activity of an individual. An individual as an object and a subject in social relations. Moscow, 1984.

5. Sukharenko A. Coooperation with the police is valued nowadays // EJ-Lawyer. 2012. № 19.

6. URL: http://izvestia.ru/news/493023

7. URL: http://cheslavsky.livejournal.com/

8. URL: http://www.business-gazeta.ru/article/136676/

9. URL: http://www.jamajo.lv/sshow.php3/id-10/lang-R

10. Zaluzhny A.G., Tokhtarbayeva S.M. Cooperation between law enforcement agencies and the civil society institutions in their fight against corruption. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

11. Suponev S.P. Problems of realization of the principle of transparency in the activity of the units and institutions of the Federal penitentiary service // Penal system: law, economics, management. 2006. № 2.

Титова Кристина Александровна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583563)

Криминалистическая характеристика судебного рассмотрения уголовных дел о хищениях, совершаемых должностными лицами в сфере жилищно-коммунального хозяйства, как структурный компонент криминалистической методики

В статье исследуется проблема формирования криминалистической характеристики судебного следствия по делам о хищениях, совершаемых должностными лицами в сфере ЖКХ, как необходимого компонента построения целостной методики предварительного расследования и судебного следствия по делам о хищениях в сфере ЖКХ. Обосновывается идея применения криминалистических знаний в суде. Рассматривается структура криминалистической характеристики судебного следствия.

Ключевые слова: тактика следствия, методика расследования отдельных видов преступлений, хищение, жилищно-коммунальное хозяйство, классификация следственных ситуаций.

K.A. Titova, Master of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583563.

Forensic characteristic of judicial review of criminal cases on the embezzlement committed by officials in the sphere of housing and communal services as a structural component of forensic techniques

The article considers the problem of formation of criminological characteristics of the trial of cases of embezzlement by officials in the sphere of housing and communal services, as an essential component of building an integrated methodology of the preliminary investigation and trial of cases of theft in the housing sector. It substantiates the idea of the use of forensic expertise in court. We consider the structure of forensic characteristics of the trial.

Key words: investigation tactics, methods of investigation of certain types of crime, theft, housing and communal services, classification of investigative situations.

На сегодняшний день в криминалистической литературе продолжает анализироваться вопрос о возможностях применения криминалистических знаний в процессе судебного рассмотрения уголовных дел.

Учеными-криминалистами не был выработан единый подход к использованию криминалистических данных в стадии судебного разбирательства уголовных дел. Так, Л.Е. Ароцкер писал, что «суд имеет возможность, используя все предоставленные ему законом права и разработанные криминалистикой приемы и методы получения и проверки доказательств, проверить все то, что сделано следователем, и восполнить пробелы предварительного следствия, если они были допущены» [1, с. 223].

О.Я. Баев не признает существование криминалистической методики судебного следствия, ведя речь о тактике поддержания государственного обвинения и тактике профессиональной защиты от него [2, с. 639].

А.А. Эксархопуло считает, что «криминалистика исторически формировалась и успешно развивалась как наука, содействующая своими разработками борьбе с преступностью, а не успешному противостоянию обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве» [3, с. 112].

Мы разделяем точку зрения авторов, считающих необходимой разработку криминалистических рекомендаций для судебного разбирательства уголовных дел, в том числе о

хищениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Действующий УПК РФ закрепляет положение о том, что суд лишен возможности самостоятельно проводить следственные действия, которые будут направлены на сбор новых доказательств, в то же время полагаем, что без использования криминалистических знаний судебное следствие будет малоэффективным. Однако если обратиться к гл. 37 УПК РФ, можно увидеть, что она предусматривает возможность проведения следственных действий в судебном процессе (производство судебной экспертизы, допросы, осмотры местности и помещений и т.д.). Это, на наш взгляд, вызывает необходимость разработки соответствующих тактико-криминалистических рекомендаций по их проведению. Тактика проведения отдельных судебно-следственных действий в суде в любом случае отличается от предварительного следствия. Так, в суде основными сторонами являются стороны защиты и обвинения. Прокурор встречается с подсудимым, как правило, в судебном заседании и информацию о совершенном преступлении он получает из материалов уголовного дела. Успешному поддержанию государственного обвинения в суде способствует знание тактики проведения отдельных следственных действий, а также поддержания обвинения.

Базовой для построения криминалистической характеристики судебного следствия по делам о хищениях в сфере ЖКХ является криминалистическая характеристика их расследования [4]. Одним из первых предложил использовать понятие криминалистической характеристики расследования преступлений В.К. Гавло [4, с. 333]. По его мнению, криминалистическая характеристика расследования является, наряду с криминалистической характеристикой преступления, необходимым структурным компонентом методики расследования. Основные компоненты криминалистической характеристики расследования – следственные ситуации, следственные версии и направления расследования, складывающиеся на первоначальном и последующем этапах, система следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий и тактических операций, обеспечивающих выполнение целей расследования [5, с. 212–214].

С.А. Шейфер подробно исследовал вопрос о соотношении предварительного и судебного следствия. По его мнению, «нормы УПК РФ не дают оснований ставить под сомнение признаваемый многими юристами факт: доказательственная база, необходимая для правильного разрешения дела, формируется в основном на предварительном следствии; от его эффективности в немалой степени зависит и эффективность правосудия» [6, с. 139].

Особое значение для тактики судебного следствия по делам о хищениях в сфере ЖКХ имеет познание закономерностей исследования и анализа доказательств в судебном процессе. Суд не дублирует следователя, а решает другие задачи, присущие ему. Как мы уже писали, суд может провести любые следственные действия в целях уточнения, проверки выводов следователя. В связи с этим суд может избрать наиболее эффективную тактику судебного следствия.

Планирование судебного следствия по делам о хищениях в сфере ЖКХ представляет собой: определение обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу; перечень доказательств, необходимых для установления этих обстоятельств; выбор тактики и очередности исследования добытых доказательств; решение организационно-технических вопросов суда.

Необходимо затронуть вопрос о выдвижении судебных версий. Так, версии по делам о хищениях в сфере ЖКХ выдвигаются в суде исходя из материалов уголовного дела. Часто версии могут проверяться повторно, если не были проверены до конца на стадии досудебного производства, причем об этом могут ходатайствовать участники процесса. Специфика судебного следствия по делам о хищениях в сфере ЖКХ заключается также и в ситуациях, складывающихся в суде при рассмотрении дел о хищениях в данной сфере и влияющих на тактику проведения судебно-следственных действий в суде.

На наш взгляд, какой бы ни была складывающаяся судебная ситуация, необходимо учитывать механизм ее возникновения, а это может быть связано: 1) с обстановкой, в которой протекает судебное разбирательство; 2) с воздействием на эту обстановку подсудимого (его соучастников), в результате чего могут появиться новые вещественные доказательства, которые влияют на перспективу развития судебной ситуации; 3) с поведением лиц, имеющих отношение к слушанию дела, и их показаниями (к данным лицам относятся свидетели, специалисты и др.); 4) с действиями судьи, направленными на исследование, оценку фактических данных уголовного дела и формулирование своего решения – вынесение приговора подсудимому [7, с. 124].

Исходя из этого ситуацию судебного следствия по делам о хищениях в сфере ЖКХ можно представить как определенную обстановку, складывающуюся во время судебного следствия, влияющую на подготовку, проведение и итоги судебного рассмотрения уголовного дела.

Таким образом, в качестве структурных компонентов криминалистической характеристики судебного следствия по делам о хищениях в сфере ЖКХ можно выделить: следственные ситуации; следственные версии и планирование судебного следствия; тактические приемы проведения отдельных следственных действий в суде; особенности поведения и взаимодействия участников уголовного судопроизводства.

1. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М., 1964.

2. Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. М., 2008.

3. Эксархопуло А.А. Предмет и система криминалистики: Проблемы развития на рубеже XX–XXI вв. СПб., 2004.

4. Лозовский Д.Н. Методы расследования преступлений. М., 2010.

5. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.

6. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2009.

7. Гавло В.К., Титова К.А. Проблемы теории и практика предварительного и судебного следствия по делам о хищениях, совершаемых лицами с использованием служебного положения, в сфере жилищно-коммунального хозяйства. М., 2011.

1. Arotsker L.E. Using data forensics in court proceedings. Moscow, 1964.

2. Baev O.Ya. Tactics of prosecution and professional protection from it. Moscow, 2008.

3. Eksarhopulo A.A. Forensics subject and system: Problems of development at the turn of XX–XXI centuries. St. Petersburg, 2004.

4. Lozovsky D.N. Crime investigation techniques. Moscow, 2010.

5. Gavlo V.K. Theoretical problems and practice of a technique of investigation of certain types of crimes. Tomsk, 1985.

6. Shafer S.A. Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation. Moscow, 2009.

7. Gavlo V.K., Titova K.A. Problems of the theory and practice of preliminary and judicial investigation in cases of embezzlement committed by persons with jobbery in the sphere of housing and communal services. Moscow, 2011.

Денисенко Виктор Васильевич
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79298391875)

Прут Евгений Викторович
адъюнкт кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79615919295)

Дуализм административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел в сфере реализации государственной социально-правовой политики

В статье анализируются особенности административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел в сфере реализации государственной социально-правовой политики, которые, с одной стороны, выступают субъектами, проводящими названную политику, с другой – являются ее объектами, адресатами.

Ключевые слова: служба в органах внутренних дел, социальная политика, социальные гарантии, стимулирование службы, престиж службы в органах внутренних дел.

V.V. Denisenko, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel: +79298391875;

E.V. Prut, Adjunct of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79615919295.

Dualism of administrative legal status of staff of law-enforcement bodies in the sphere of realization of the state social policy of law

In the article authors analyze features of administrative legal status of staff of law-enforcement bodies in the sphere of realization of the state social policy of law who, on the one hand, act as the subjects pursuing the called policy with another are its objects, addressees.

Key words: service in law-enforcement bodies, social policy, social guarantees, stimulation of service, prestige of service in law-enforcement bodies.

Россия в соответствии с Конституцией РФ (ст. 1 и ч. 1 ст. 7) является правовым и социальным государством, в котором признается верховенство права и «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1].

Наряду с этим, в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ выделяются в качестве основных приоритетов социальной политики охрана труда и здоровья человека, развитие системы социальных служб, установление гарантированного минимального размера оплаты труда, государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты, а также обеспечение государственной поддержки таких базовых институтов, как семья, материнство, отцовство и детство и наиболее нуждающихся в социальной защите категорий граждан, включая инвалидов и пожилых людей.

Таким образом, объектами социальной защиты, с одной стороны, выступают все граждане России, поскольку каждому из них государство обязуется создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека, с другой – конкретные социальные категории и группы граждан, для каждой из которых предусматривается целевая социальная помощь.

Вместе с тем, конкретно названными в Конституции РФ объектами социальной защиты их круг не исчерпывается и фак-

тически охватывает значительно большее количество категорий граждан, которые могут быть объединены в несколько самостоятельных групп:

лица, не достигшие трудоспособного возраста (дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, дети из неполных либо многодетных семей, безнадзорные дети и подростки, а также иные категории нуждающихся в социальной защите детей и подростков) [2];

лица старше трудоспособного возраста (неработающие пенсионеры по возрасту; не имеющие трудового стажа, дающего право на пенсию; одинокие престарелые граждане; инвалиды и участники Великой Отечественной войны);

лица в трудоспособном возрасте, имеющие длительную либо постоянную нетрудоспособность (инвалиды [3]; лица, приобретшие профессиональное заболевание либо утратившие здоровье вследствие техногенных катастроф [4]);

трудоспособные граждане трудоспособного возраста, временно не имеющие работы в силу своего статуса, смены рода деятельности или места жительства (лица, уволенные из Вооруженных сил России; безработные незанятые граждане; беженцы и вынужденные переселенцы);

граждане трудоспособного возраста, временно нетрудоспособные по болезни (лица, имеющие на руках выданный медицинским учреждением листок временной нетрудоспособности) [5];

граждане трудоспособного возраста, ограниченно трудоспособные либо временно нетрудоспособные в связи с материнством (беременные женщины; женщины, находящиеся в отпуске по беременности и родам; женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком) [6];

лица трудоспособного возраста, имеющие право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости (военные пенсионеры, пенсионеры органов внутренних дел; лица, занятые на производстве с особыми условиями, установленные законодателем, например, мужчины по достижении возраста 50 лет и женщины по достижении возраста 45 лет, если они проработали соответственно не менее 10 лет и 7 лет 6 месяцев на подземных работах, на работах с вредными условиями труда и в горячих цехах и имеют страховой стаж соответственно не менее 20 и 15 лет; отдельные категории граждан, установленные законодателем, например женщины, родившие пять и более детей и воспитавшие их до достижения ими возраста 8 лет, по достижении возраста 50 лет, если они имеют страховой стаж не менее 15 лет; один из родителей инвалидов с детства, воспитавший их до достижения ими возраста 8 лет: мужчины по достижении возраста 55 лет, женщины по достижении возраста 50 лет, если они имеют страховой стаж соответственно не менее 20 и 15 лет) [7, ст. 27, 27.1, 28];

лица, нуждающиеся в социальной защите в силу особенностей своего статуса и конкретной жизненной ситуации (малообеспеченные граждане, т.е. лица со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума; граждане, имеющие детей; многодетные семьи; иные семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации; молодые семьи) [8];

лица, находящиеся на государственной службе и нуждающиеся в социальной защите в силу особенностей осуществляемой ими профессиональной деятельности (депутаты, судьи, прокуроры, сотрудники органов внутренних дел и другие категории государственных служащих).

В частности, Федеральным законом от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» для сотрудников органов внутренних дел предусмотрены пособия и другие денежные выплаты в связи с прохождением службы и увольнением со службы, единовременная социальная выплата для строительства или приобретения жилья, денежная компенсация за наем жилого помещения, медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение и др. [9].

Примечательно, что содержание мер социальной защиты сотрудника органов внутренних дел и членов его семьи в одних случаях не зависит от занимаемой сотрудником должности, а в других – находится в прямой зависимости от нее.

Так, в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» при переводе сотрудника органов внутренних дел на новое место службы в другой населенный пункт сотруднику, не имеющему жилого помещения в данном населенном пункте, а также проживающим совместно с ним членам его семьи может предоставляться жилое помещение специализиро-

ванного жилищного фонда (служебное жилое помещение или жилое помещение в общежитии), формируемого органом внутренних дел. В заключаемом между органом внутренних дел и сотрудником договоре найма определяется порядок предоставления, содержания, оплаты и освобождения выделяемого жилого помещения. При отсутствии в органе внутренних дел жилых помещений специализированного жилищного фонда сотрудникам, не имеющим жилого помещения, по месту службы ежемесячно выплачивается денежная компенсация за наем (поднаем) жилого помещения. Одновременно предусмотрен и порядок сохранения права на пользование служебным жилым помещением за членами семьи сотрудника, погибшего или умершего вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных им в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного сотрудником в период прохождения им службы в органах внутренних дел, до получения или приобретения ими другого жилого помещения. Право на получение ежемесячной денежной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения за вдовами либо вдовцами выше охарактеризованных сотрудников сохраняется до их повторного вступления в брак.

По иным правилам, закрепленным в ст. 9 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», осуществляется предоставление жилых помещений сотрудникам, занимающим должности участковых уполномоченных полиции. Во-первых, предоставление жилого помещения участковому уполномоченному предусмотрено не в связи с назначением его на службу в новый для него населенный пункт, а в связи с самим назначением на указанную должность. Во-вторых, оговорены сроки предоставления органом внутренних дел жилого помещения специализированного жилого фонда участковому, не имеющему жилого помещения на территории муниципального образования, в котором он замещает должность (6 месяцев со дня вступления в должность). В-третьих, при отсутствии в органе внутренних дел своего специализированного жилого фонда участковому уполномоченному полиции и членам его семьи предоставляется в те же сроки жилое помещение муниципального жилищного фонда. В-четвертых, при отсутствии вышеназванных помещений орган внутренних дел арендует для участкового уполномоченного и его семьи иное жилое помещение. В-пятых, при переводе участкового уполномоченного сотрудника полиции на иную должность, не связанную с исполнением обязанностей участкового уполномоченного полиции на территории муниципального образования, выделившего муниципальное жилое помещение, сотрудник и проживающие с ним члены семьи обязаны освободить данное жилое помещение. При этом на них распространяются общие правила предоставления сотрудникам органов внутренних дел жилых помещений.

Таким образом, объектами социальной защиты выступают как все население Российской Федерации, так и отдельные категории граждан.

Наряду с объектами социальной защиты, рассмотрим вопрос о субъектах социальной защиты. Прежде всего это субъекты, составляющие в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [10] систему социального обслуживания, которую образуют:

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации;

органы государственной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющие полномочия в сфере социального обслуживания населения;

государственные организации социального обслуживания, находящиеся в ведении федеральных органов власти либо субъекта Российской Федерации;

негосударственные коммерческие и некоммерческие организации социального обслуживания либо предоставляющие социальные услуги социально ориентированные некоммерческие организации;

индивидуальные предприниматели, осуществляющие социальное обслуживание.

Однако это лишь часть субъектов, которые осуществляют социальное обслуживание населения, т.е. деятельность по предоставлению социальных услуг получателям социальных услуг, т.е. гражданам, признанным нуждающимися в социальном обслуживании посредством получения социальных услуг, выражающихся в оказании разовой, периодической или постоянной помощи в целях улучшения условий их жизнедеятельности и/или расширения их воз-

можностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности.

Социальные услуги, оказываемые получателям этих услуг, могут быть:

социально-бытовыми, т.е. направленными на поддержание их жизнедеятельности в быту;

социально-медицинскими, т.е. направленными на поддержание и сохранение их здоровья;

социально-психологическими, т.е. направленными на оказание помощи в коррекции психологического состояния гражданина для адаптации в социальной среде, в том числе анонимно и с использованием телефона доверия;

социально-педагогическими, т.е. направленными на профилактику отклонений в поведении и развитии личности, формирование у граждан позитивных интересов, включая организацию их досуга, оказание помощи семье в воспитании детей;

социально-трудовыми, т.е. направленными на оказание помощи в трудоустройстве и в трудовой адаптации;

социально-правовыми, т.е. направленными на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатных, а также в защите прав и законных интересов граждан;

связанными с повышением коммуникативного потенциала граждан, имеющих ограничения жизнедеятельности.

Наряду с социальным обслуживанием, осуществляются и другие направления социальной защиты, которые в широком смысле направлены на обеспечение безопасности жизни граждан, создание условий для реализации ими интересов и потребностей, возможности самореализации, духовного развития, а также физического и нравственного здоровья населения.

При таком подходе к рассмотрению сущности социальной защиты органы внутренних дел, вне всякого сомнения, выступают органами социально-правовой защиты населения.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующий вывод.

Сотрудники органов внутренних дел (полиции), с одной стороны, выступают элементом государственной системы оказания помощи субъектам, нуждающимся в социально-правовой защите, обеспечивают общественный порядок, личную и общественную безопасность граждан, общественных организаций, юридических лиц, с другой – субъектами, нуждающимися в адресной социально-правовой защите государства. При этом сотрудник органов внутренних дел будет выступать объектом социальной защиты и как гражданин (общий объект социальной защиты), и как собственно сотрудник органов внутренних дел (специальный объект социальной защиты).

1. Конституция Российской Федерации. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: федер. закон от 21 дек. 1996 № 159-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.

3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: федер. закон от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

4. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 21. Ст. 699.

1. Constitution of the Russian Federation. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. On additional guarantees on social support of orphan children and children without parental support: fed. law d.d. Dec. 21, 1996 № 159-FL (as amended on July 3, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 52. Art. 5880.

3. On social protection of disabled people in the Russian Federation: fed. law d.d. Nov. 24, 1995 № 181-FL (as amended on Dec. 29, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 48. Art. 4563.

4. On social protection of the citizens who were affected by radiation owing to accident on the Chernobyl NPP: law of the Russian Federation d.d. May 15, 1991 № 1244-1 (as amended on July 3, 2016) // Bull. of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 21. Art. 699.

5. About obligatory social insurance on a case of temporary disability and in connection

5. Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством: федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 255-ФЗ (в ред. от 9 марта 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. № 1, ч. 1. Ст. 18.

6. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: федер. закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1929.

7. О трудовых пенсиях в Российской Федерации: федер. закон от 17 дек. 2001 г. № 173-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2013 г., с изм. от 19 нояб. 2015 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4920.

8. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: федер. закон от 29 дек. 2006 г. № 256-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 1, ч. 1. Ст. 19.

9. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 4 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 30, ч. 1. Ст. 4595.

10. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 30.12.2013.

with motherhood: fed. law d.d. Dec. 29, 2006 № 255-FL (as amended on March 9, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 1, pt. 1. Art. 18.

6. On welfare payments to the citizens having children: fed. law d.d. May 19, 1995 № 81-FL (as amended on July 3, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1995. № 21. Art. 1929.

7. On work pensions in the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 17, 2001 № 173-FL (as amended on Dec. 28, 2013, with amendments of Nov. 19, 2015) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52, pt. 1. Art. 4920.

8. On additional measures of the state support of the families having children: fed. law d.d. Dec. 29, 2006 № 256-FL (as amended on July 3, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2007. № 1, pt. 1. Art. 19.

9. On social guarantees to the staff of law-enforcement bodies of the Russian Federation and modification of separate acts of the Russian Federation: fed. law d.d July 19, 2011 № 247-FL (as amended on July 3, 2016; with amendments and additional d.d. July 4, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 30, pt. 1. Art. 4595.

10. About bases of social service of citizens in the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 28, 2013 № 442-FL (as amended on July 21, 2014) // Official Internet portal of legal information. URL: http://www.pravo.gov.ru, 30.12.2013.

Дмитриев Сергей Николаевич
доктор юридических наук,
профессор кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: dsdps@yandex.ru)

Правовое обеспечение действий сотрудников подразделений транспортной безопасности

В статье рассматриваются новации в правовом регулировании транспортной безопасности. Констатируется, что требования и предписания в современном транспортном законодательстве не должны создавать необоснованных препятствий для осуществления перевозок людей и грузов, работы экипажей транспортных средств и служб обеспечения транспортного процесса.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, транспортная безопасность, законодательство в области транспорта, досмотр, новейшие требования и предписания, меры безопасности и процедуры.

S.N. Dmitriev, Doctor of Law, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dsdps@yandex.ru

Legal protection for the actions of employees divisions of transport safety

The article discusses innovations in the legal regulation of transport safety. It is stated that the demands and requirements of modern transport legislation should not create unnecessary obstacles for transportation of people and goods, the work of crews of vehicles and services that provide the transport process.

Key words: transport infrastructure, transport safety, transport laws, inspection, new requirements and provisions, security measures and procedures.

Как известно, на территории Российской Федерации и в странах ЕС отмечается существенный рост террористических проявлений. Однако полагаем, что в условиях острейшего экономического кризиса необходимо отказаться от некоторых программ и способов обеспечения транспортной безопасности (далее – ТБ), поскольку в настоящее время их несостоятельность и неэффективность становятся все более очевидными. Они не имеют достаточной научной основы, их реализация регулируется правовыми нормативными актами, не отражающими реалии современных транспортных процессов и возможности их правового, организационно-штатного и материально-технического обеспечения. Однако усиливающееся прямое и косвенное табуирование критики современной системы ТБ привело к тому, что научная общественность не проявляет должной активности в исследовании «антитеррористического» давления на субъекты транспортной инфраструктуры (далее – СТИ) и бюджет страны, хотя речь идет об относительно новой сфере правоотношений, практически лишенной самостоятельного предмета регулирования [1; 2; 3; 4; 5], но при этом сопровождаемой потоком новейших нормативно-правовых актов, общее количество которых стремительно приближается к сотне.

Анализ содержания современной правовой базы дает основания полагать, что в настоящее время достижение некого состояния защищенности объектов транспортной инфраструктуры (далее – ОТИ) и транспортных средств (далее – ТС) от актов незаконного вмешательства (далее – АНВ), о котором говорится в ст. 1.6 Федерального закона 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [6], становится практически невыполнимой задачей, поскольку транспортные предприятия повсеместно сталкиваются с непреодолимыми ресурсными ограничениями и не в состоянии реализовать элементарные требования по ограждению и охране категорированных объектов, не говоря уже о внедрении современных инженерно-технических средств обеспечения ТБ, таких как переносные поставщики заградительных радиопомех; системы обнаружения, распознавания и идентификации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ; средства ночной видеосъемки, организации «непрерывного контроля не менее чем тремя сотрудниками сил обеспечения ТБ выводимых данных, эксплуатационных и функциональных показателей инженерно-технических систем обеспечения транспортной

безопасности» (п. 13.7 Требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств автомобильного транспорта и дорожного хозяйства (далее – Требования) [7]) и т.д. В настоящее время не находится средств даже на элементарное обустройство таких объектов высочайшей социальной значимости, как Керченская переправа, где до сих пор не оборудованы автобусные остановки, тротуары, недостаточно мест для ожидания пассажирами паромов, посадка и высадка пассажиров ведется непосредственно через грузовые аппарели, по которым одновременно движется автотранспорт. На гидроузлах канала им. Москвы отсутствуют качественные ограждения шлюзов, не везде исправны системы тревожной сигнализации. Даже на крупнейшие узловые железнодорожные станции можно беспрепятственно пройти со стороны входных и выходных путей и т.д.

О косвенном признании данного обстоятельства федеральными органами государственной власти могут свидетельствовать: ст. 11 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», распоряжение Правительства РФ «Об утверждении плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году»; приказ Минтранса России от 23 июля 2014 г. № 196 «Об установлении Перечня объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, не подлежащих категорированию по видам транспорта» и др., где признается невозможность распространения единых требований на наиболее сложные регионы и ОТИ, несмотря на то, что именно они, прежде всего, нуждаются в реализации этих требований. Не забудем и о достижениях «руферов» и «сталкеров», регулярно проникающих на сотни охраняемых объектов, включая аэропорты, и выкладывающих видеоотчеты о своих похождениях в Интернет.

Удручает недопустимо низкий уровень нормотворчества в сфере ТБ. Законодатель полагает возможным не считаться с процессуальными положениями отраслевых кодексов, что порождает множество трудноразрешимых коллизий. Так, в Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 15-ФЗ «О транспортной безопасности» появилась статья 12.2 «Досмотр, дополнительный досмотр и повторный досмотр в целях обеспечения транспортной безопасности»; в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ) – ст. 11.15.2 «Нарушение установленных в области обеспечения транспортной безопасности порядков и правил», которая устанавливает наказания за нарушение правил дополнительного досмотра и повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности [8]. При этом организация «дополнительного досмотра», «повторного досмотра», а также неких «наблюдения», «обследования» и «собеседования в целях обеспечения транспортной безопасности» возлагается на СТИ и перевозчиков [6].

На первый взгляд, данные нормы отражают возможность применения указанных мер обеспечения административного производства и соответствующих административных наказаний. Однако такая фрагментарная коррекция упомянутых законов совершенно недостаточна, поскольку противоречит принципиальным положениям гл. 27 КоАП РФ (ст. 27.2, 27.3, 27.9, 27.13). В тексте недавно вступивших в силу Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности (далее – Правила) содержится восемнадцать (!) упоминаний о необходимости информирования уполномоченных подразделений МВД России и ФСБ России в случае обнаружения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, ядовитых или радиоактивных веществ, а также лиц, не имеющих правовых оснований для нахождения в зоне ТБ, нарушающих Требования по соблюдению транспортной безопасности либо застигнутых при совершении или подготовке к совершению АНВ [9]. В последующем это обеспечивает возможность ведения административного производства по данным фактам. При этом согласно ст. 1.6 КоАП РФ любое лицо, привлекаемое к ответственности, может быть подвергнуто досмотру и иным мерам обеспечения производства по делу об административном правонарушении исключительно на основаниях и в порядке, установленных законом. Однако такие понятия, как «дополнительный досмотр и повторный досмотр в целях обеспечения транспортной безопасности» в процессуальной части КоАП РФ не используются. Нет там ни слова и о возможности применения «наблюдения», «обследования» и «собеседования в целях обеспечения транспортной безопасности». В правоприменительной деятельности можно оперировать лишь такими мерами, как «досмотр», «личный досмотр», «досмотр вещей, «досмотр ТС» и «осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов». Наконец, все без исключения «инновационные» меры вполне могли бы применяться и без разработки каких-либо оригинальных дефиниций. Для этого и ранее было вполне достаточно установления соответствующих признаков правонарушений.

Искусственное расширение номенклатуры мер обеспечения административного производства немедленно провоцирует всевозмож-

ные организационно-штатные выводы паразитарного толка. Следуя новым положениям закона, ведомства-инициаторы немедленно создают пакет нормативных актов, регламентирующих порядок реализации данных мер, игнорируя необходимость их соответствующего процессуального обеспечения. Например, в общих положениях Правил (п. 1) утверждается, что они разработаны «с учетом Требований по обеспечению транспортной безопасности по видам транспорта, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающие уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, постановления Правительства РФ от 15 ноября 2014 г. № 1208 ‘‘Об утверждении требований по соблюдению транспортной безопасности для физических лиц, следующих либо находящихся на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, по видам транспорта’’ и норм международных договоров Российской Федерации». Указано также, что данные правила обязательны для исполнения всеми СТИ, перевозчиками, подразделениями транспортной безопасности на ОТИ и ТС, застройщиками ОТИ, а также иными лицами, прибывающими на ОТИ или ТС либо находящимися на ОТИ или ТС [9].

Однако невозможно, например, признать корректными пп. 8–22 Правил, из содержания которых следует, что персонал сил ТБ на ОТИ следует делить на сотрудников, осуществляющих досмотр, и лиц, осуществляющих «наблюдение и собеседование». Вследствие ограниченности территории контрольно-пропускных пунктов (далее – КПП), а также ряда технологических особенностей ОТИ и ТС далеко не всегда целесообразно проводить досмотр исключительно на КПП и постах, расположенных на границах зоны ТБ или ее частей, а также в зоне ТБ ОТИ и ТС (п. 4 Правил). Масштабная попытка «творчески» укрепить инструментарий обеспечения ТБ привела к противоположному результату – Правила получились громоздкими (более 100 стр. формата А4 с приложениями), запутанными и малосодержательными. Так, если потребуется ответить на вопрос, что же такое «дополнительный досмотр», то в п. 6 Правил Вы можете прочесть буквально следующее: «В ходе дополнительного досмотра в целях обеспечения ТБ осуществляются мероприятия по обследованию объектов досмотра в целях обнаружения, распознавания и идентификации выявленных в ходе досмотра предметов и веществ, которые запрещены или ограничены для перемещения, а также по обследованию материально-технических объектов, которые могут быть использованы для совершения актов незаконного вмешательства» [9]. Каких-либо отличий от установленного в ст. 27.7 КоАП определения понятия «досмотр» здесь нет.

То же самое можно сказать и о содержании повторного досмотра. Пункт 7 Правил гласит: «В ходе повторного досмотра в целях обеспечения ТБ осуществляются мероприятия по повторному обследованию объектов досмотра для выявления физических лиц, в действиях которых усматриваются признаки подготовки к совершению АНВ, либо материально-технических объектов, которые могут быть использованы для совершения АНВ. Повторный досмотр проводится при получении СТИ или перевозчиком информации об угрозе совершения АНВ» [9]. Как видите, тоже ничего нового. К тому же на объектах транспорта относительно часто возникает потребность в проведении не только «повторного», но и последующих досмотров, поскольку их количество определяется конкретными обстоятельствами и особенностями эксплуатации ОТИ и ТС.

Пункт 8 Правил также можно отнести к образцам сугубо формального подхода к трактовке оснований и содержания служебных действий представителей сил ТБ. Так, «наблюдение и (или) собеседование в целях обеспечения транспортной безопасности... направленные на выявление лиц, в действиях которых усматриваются признаки подготовки к совершению АНВ, проводятся в ходе досмотра, а также в случаях, предусмотренных Требованиями. По результатам наблюдения и (или) собеседования принимается решение о проведении дополнительного досмотра с составлением акта о принятом решении. Образцы данного акта и журнала учета таких актов включаются в Порядок сверки и (или) проверки документов, наблюдения и (или) собеседования с физическими лицами в целях обеспечения транспортной безопасности, а также оценки данных технических средств обеспечения транспортной безопасности, осуществляемых для выявления подготовки к совершению АНВ или совершения АНВ в отношении ОТИ и (или) ТС» [9]. Но наблюдение за действиями участников транспортного процесса и их опрос в любом случае представляют собой не что иное, как основные, рутинные методы служебной деятельности лиц, занятых обеспечением ТБ, и, разумеется, эти действия далеко не всегда должны сопровождаться дополнительными бюрократическим процедурами (в частности, предполагается введение дополнительных регистрационных журналов и актов досмотра). Нет необходимости загромождать текст Правил многочисленными формально-логическими констатациями, например, в пп. 10, 11: «решения о проведении дополнительного досмотра, повторного досмотра, а также о допуске объектов досмотра в

зону транспортной безопасности или ее часть принимаются лицами, ответственными за обеспечение транспортной безопасности на ОТИ и (или) ТС, или лицами из числа сил обеспечения транспортной безопасности, уполномоченными на это СТИ и (или) перевозчиками»; «в ходе дополнительного досмотра, повторного досмотра, наблюдения и собеседования осуществляются мероприятия по выявлению лиц, не имеющих правовых оснований для прохода (проезда) и (или) перемещения в зону транспортной безопасности ОТИ и (или) ТС или ее часть» [9] и т.п.

Значительная часть предписаний, содержащихся в Правилах, базируется на использований понятий и терминов, лишенных какой-либо правовой основы. В частности, в пп. 13–15 применяются такие словосочетания, как «технологический сектор», «перевозочный сектор», «зона транспортной безопасности» и «сектор свободного доступа», в Требованиях они определяются следующим образом:

технологический сектор зоны транспортной безопасности – конфигурация и границы участков зоны транспортной безопасности ОТИ или ТС, доступ в которые ограничен для пассажиров и осуществляется для физических лиц и материальных объектов по пропускам установленных видов в соответствии с номенклатурами (перечнями) должностей, и предметы и вещества, которые запрещены или ограничены для перемещения (п. 5.25.4 Требований);

перевозочный сектор зоны транспортной безопасности – конфигурация и границы участков зоны транспортной безопасности ОТИ, допуск физических лиц и перемещение материальных объектов в которые осуществляется по перевозочным документам и/или пропускам установленных видов в соответствии с номенклатурами (перечнями) должностей, и предметы и вещества, которые запрещены или ограничены для перемещения (п. 5.25.3 Требований).

Однако трудно найти какие-либо весомые аргументы для разграничения этих секторов на технологический и перевозочный, поскольку применительно к подавляющему большинству ОТИ это одно и то же – так называемая перевозочная функция является обязательным элементом технологической цепи любого транспортного предприятия. Не говоря уже о том, что «зона транспортной безопасности» – это не что иное, как территория, подлежащая охране. В связи с этим вводимый в п. 23 Правил знак-указатель «Граница зоны транспортной безопасности» также лишен смысла.

«Зона свободного доступа» в п. 5.25.1 Требований определяется как территория ОТИ, «доступ в которую физических лиц, пронос (провоз) материальных объектов не ограничивается» [7]. В результате возникает предписание (п. 13 Правил), регламентирующее основания «для пересечения объектами досмотра границ сектора свободного доступа зоны транспортной безопасности», к которым причисляются «отсутствие у таких объектов досмотра запрещенных или ограниченных для перемещения предметов и веществ, включенных в перечни оружия, взрывчатых веществ или других устройств, предметов и веществ, в отношении которых установлен запрет или ограничение на перемещения в зону транспортной безопасности… перемещаемых без законных на то оснований, а также выполнение Требований по соблюдению ТБ» [9]. Если совместить это с п. 6.1 Требований, согласно которому необходимо «воспрепятствовать проникновению в зону свободного доступа… лица (группы лиц), пытающегося совершить АНВ» [7], то проще пойти туда, не знаю куда, и принести то, не знаю что. Более того, всем СТИ и перевозчикам предписано учитывать Правила при разработке планов обеспечения ТБ, схем размещения и состава оснащения КПП на границах зоны ТБ, постов на ОТИ, инструкций о пропускном и внутриобъектовом режимах, а также иных внутренних организационно-распорядительных документов (п. 16 Правил). Можно не сомневаться в том, что текст Правил также будет аккуратно переписан в указанные планы наряду с другими трудновыполнимыми «перлами» обширного пакета подзаконных актов, действующих в сфере обеспечения ТБ.

Бумага все стерпит, но как реализовать на практике многочисленные «заоблачные» требования, если речь идет не о местах базирования ракет стратегического назначения, а о транспортных предприятиях, через КПП которых транспортные средства нередко идут потоком? Отныне согласно п. 25 Правил «КПП, расположенные на пути попадания объектов досмотра в перевозочный сектор из сектора свободного доступа, а также в любую часть зоны транспортной безопасности, с территории вне границ зоны ранспортной безопасности ОТИ или ТС, оборудуются заграждениями, исключающими наблюдение лиц, не относящихся к силам обеспечения ранспортной безопасности ОТИ или ТС, за мероприятиями, осуществляемыми в ходе досмотра, дополнительного досмотра и повторного досмотра» [9]. При этом, как указано в п. 54 Правил, «на КПП (постах), на которых осуществляется досмотр, дополнительный досмотр и повторный досмотр транспортных средств и (или) самоходной техники, машин и механизмов, используются технические средства обеспечения транспортной безопасности, препятствующие несанкционированному проникновению в зону ТБ или ее часть ТС, самоходной техники, машин и механизмов под управлением лица (группы лиц),

пытающихся совершить АНВ» [9] и т.п. Как можно запомнить излагаемые на протяжении десятков пунктов Правил чисто умозрительные вариации применения «дополнительного» и «повторного» досмотров, а также «наблюдения» и «собеседования» при «перемещении объектов досмотра «в перевозочный сектор зоны транспортной безопасности из сектора свободного доступа и технологического сектора зоны ТБ ОТИ и ТС»? При формулировке Правил следовало бы ограничиться простым изложением порядка выполнения досмотра и сопровождающих его действий на охраняемой территории, а не дробить его на пару сотен практически стереотипных пунктов в духе буддийских мантр и худших образцов прецедентного права. «Absoluta sententia epositore non indigent», – полагали древние («Ясное значение не требует объяснений»). Кроме рассмотренных в данной статье Правил, персонал сил ТБ в настоящее время вынужден изучать по обширным программам множество нормативных правовых актов, а также приемы выполнения служебных обязанностей [10], освоение которых, судя по результатам опроса персонала служб ТБ, вызывает существенные затруднения.

1. Дмитриев С.Н. Транспортная безопасность: цель и средства // Транспорт Российской Федерации. 2015. № 7.

2. Дмитриев С.Н. Проблемы правового регулирования транспортной безопасности // Транспорт Российской Федерации. 2014. № 4.

3. Дмитриев С.Н. Избыточное рвение // Вестн. транспорта. 2015. № 6.

4. Дмитриев С.Н. Проблемы обеспечения безопасности портовой инфраструктуры // Транспортное право. 2014. № 1.

5. Дмитриев С.Н. Система транспортной безопасности нуждается в оптимизации // Общество и право. 2015. № 3.

6. О транспортной безопасности: федер. закон от 9 февр. 2007 г. № 16-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении Требований по обеспечению транспортной безопасности, учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств автомобильного транспорта и дорожного хозяйства: приказ Минтранса России от 8 февр. 2011 г. № 42. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2011 г. № 195-ФЗ (ред. от 5 апр. 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

9. Об утверждении Правил проведения досмотра, дополнительного досмотра, повторного досмотра в целях обеспечения транспортной безопасности: приказ Минтранса России от 23 июля 2015 г. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Dmitriev S.N. Transport security: the purpose and means // Transport of the Russian Federation. 2015. № 7.

2. Dmitriev S.N. The legal regulation of the transport safety problems // Transport of the Russian Federation. 2014. № 4.

3. Dmitriev S.N. Excessive zeal // Bull. of transport. 2015. № 6.

4. Dmitriev S.N. Problems of security of port infrastructure // Transport law. 2014. № 1.

5. Dmitriev S.N. Transport safety system needs optimization // Society and law. 2015. № 3.

6. On transport security: fed. law d.d. Febr. 9, 2007 № 16-FL. Access from legal refence system «ConsultantPlus».

7. On approval of Requirements to ensure transport safety, taking into account the levels of security for different categories of transport infrastructure and vehicles of road transport and road infrastructure: order of the Ministry of Transport of Russia d.d. Febr. 8, 2011 № 42. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. The Russian Federation Code of Administrative Offences d.d. Dec. 30, 2011 № 195-FL (as ameneded on Apr. 5, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1, pt. 1. Art. 1.

9. On approval of Rules of inspection, an additional inspection, re-inspection in order to ensure transport security: order of the Ministry of Transport of Russia d.d. July 23, 2015. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

10. On education in the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 29, 2012 № 273-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

Долгополов Александр Александрович
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: aadolgopolov1@mail.ru)

Белоконь Анна Викторовна
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: avbelokon1@mail.ru)

О теоретических проблемах административно-правового регулирования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел

Исследуются теоретические проблемы совершенствования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел. Определяются задачи, на реализацию которых должно быть направлено административно-правовое регулирование информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел и их соответствующих структурных подразделений, должностных лиц.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, деятельность органов внутренних дел, информационное обеспечение, информационные технологии, правовая норма.

A.A. Dolgopolov, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aadolgopolov1@mail.ru;

A.V. Belokon, Master of Law, Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: avbelokon1@mail.ru

On the theoretical problems of administrative-legal regulation of information support of activity of bodies of internal affairs

Examines the theoretical problems of improvement of information support of activity of bodies of internal affairs. Defines the tasks for implementation which should be directed to administrative law regulation of information support of activity of bodies of internal affairs and their respective departments and officials.

Key words: administrative-legal regulation, activity of bodies of internal affairs, information support, information technology, legal norm.

Организация деятельности органов внутренних дел без достаточного и необходимого уровня информационного обеспечения не представляется возможной. Информационные процессы составляют основу управления органами внутренних дел и являются одним из основных факторов обеспечения системности в деятельности их служб и подразделений. На основе поступающей в орган внутренних дел информации принимаются соответствующие управленческие, процессуальные, юрисдикционные и иные решения, поэтому от качества и достоверности поступающей информации, скорости ее обработки, компетентности должностных лиц, в полномочия которых входит принятие решений, зависит и качество работы всего органа внутренних дел. Характер информации, лежащей в основе принятия решений в органах внутренних дел, предопределяет оптимальность решений, а порой и их законность. Оптимальные решения в органе внутренних дел могут быть приняты лишь тогда, когда они строятся на базе информации, соответствующей их задачам и функциям. Очевидно, что на современном этапе развития органов внутренних дел качественное управление ими невозможно без сбора, обработки информации о состоянии управляемых объектов, постоянно меняющейся оперативной обстановке, состоянии внешней среды, результатах взаимодействия с иными правоохранительными органами и

органами исполнительной власти в обеспечении правопорядка.

Преобразования в деятельности органов внутренних дел должны сопровождаться совершенствованием всей системы их информационного обеспечения, внедрением современных информационных технологий. Совершенствование деятельности органов внутренних дел на основе внедрения новейших информационных технологий не сводится к решению только технических задач, практика показывает, что важнейшее значение имеет решение проблем совершенствования административно-правового регулирования, определяющее способность имеющихся информационных технологий, успешно применяемых в других отраслях социальной жизни, стать основой информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел.

Информационные процессы составляют основу управления, и единственно возможным объяснением факта сохранения организованности систем является непрерывное поступление к ним информации, характеризующей как явления, происходящие в окружающем мире, так и процессы в данных системах.

Следовательно, основой возникновения и одним из главных признаков процесса управления является информация, которая беспрерывно циркулирует между компонентами самой системы, а также между системой и окружающей ее средой функционирования. То есть об управлении как таковом можно говорить только в такой системе, где ее элементы и объекты внешней среды связаны между собой и находятся в постоянном информационном взаимодействии.

Являясь непременным атрибутом управления, информация присуща всем этапам управленческого цикла. Действительно, выработка и принятие управленческого решения начинается, как правило, с получения, а затем переработки задающей информации, информации об ограничениях и о состоянии объектов управления и внешней среды. Функция организации исполнения управленческих решений также не мыслится без наличия информации о состоянии системы органов внутренних дел и условиях их функционирования, облегчающих или затрудняющих выполнение поставленных задач. Информация о результатах деятельности органа, меняющейся оперативной обстановке и ходе выполнения принятых решений является основой для осуществления таких функций процесса управления, как регулирование и коррегирование, учет и контроль. В конечном счете вся эта информация является основой для подготовки нового управленческого цикла [1, с. 105].

Важным аспектом в работе с информационными ресурсами является возможность обработки полученных данных в том ракурсе, в котором возникает необходимость у органа управления. Определение необходимых информационных ресурсов, их автоматизированная обработка в интересах органа управления являются одной из важнейших тенденций его информационного обеспечения [2, с. 307–308].

Следует отметить, что любой процесс управления в обществе, в сущности, является информационным процессом, основанным на поиске, обработке, передаче и использовании информации. Информация является инструментом процесса управления. Информационной системой охватываются сведения об управляемом объекте, обработка таких сведений, формирование алгоритма поведения управляемого объекта, передача команд управляемому объекту.

Информация является определенной ценностной категорией, без которой невозможен процесс управления. Правоотношения в органе внутренних дел по поводу управленческой деятельности носят административно-правовой характер, и соответствующими нормативными правовыми актами устанавливаются субъекты этих отношений, поэтому информацию как реальное благо, на использование которого направлены субъективные права и юридические обязанности, следует отнести к объекту административно-правовых отношений.

Как объект административно-правового регулирования информация определяет специфику предмета правового регулирования, а именно круг заинтересованных в информации субъектов (юридических, физических, должностных лиц), а также определяет совокупность отношений по поводу информации, которые подлежат правовому регулированию посредством правовых средств. С.С. Алексеев пишет, что понятие «правовое регулирование» – это не просто вариант выражения «праворегулятор», а особая категория, основательная и «теоретически насыщенная», возглавляющая специфический понятийный ряд. В этот понятийный ряд входят также понятия «механизм правового регулирования», «тип регулирования», «правовой режим», «метод регулирования», другие динамические структуры [3, с. 263].

Целью правового регулирования в сфере информационного обеспечения управленческой деятельности в органах внутренних дел является правовое обеспечение функционирования информационных потоков, генерирующих деятельность этого органа исполнительной власти, что является предметом административного права. Ю.А. Тихомиров отмечает, что

«именно административное право регулирует организацию и деятельность специального аппарата – органов исполнительной власти, собственно управленческую деятельность. И в то же время административное право в функциональном смысле охватывает и управление обществом, и управление государством, поскольку его нормы создают правовые режимы функционального назначения. В орбиту этих режимов технологически единообразной деятельности неизбежно включается широкий круг субъектов права. Иначе невозможно обеспечить постоянное, оперативное и специализированное осуществление и охрану публичных интересов» [4, с. 38]. Из этого следует, что информационное обеспечение управленческой деятельности в органах внутренних дел должно быть подвергнуто административно-правовому регулированию для установления правоотношений, связанных с формированием, передачей, обработкой, использованием, хранением информационных ресурсов в органах внутренних дел.

Предметом, образующим специальную отрасль отношений, условно называемых информационными, является совокупность реально существующих материализованных результатов творчества и труда, воплощенных: 1) в информации при разнообразии форм ее проявления и создаваемых на этой основе информационных ресурсах; 2) средствах и технологиях работы с информацией (информационных технологиях); 3) средствах и технологиях коммуникации информации по сетям связи.

Указанные аспекты информационного обеспечения социальной деятельности позволяют «акцентировать внимание на следующих ключевых позициях нескольких комплексов правовых отношений, которые цементируются единством предмета – информационными ресурсами. Это:

а) все виды деятельности, связанные с информационным ресурсом в качестве предмета деятельности (продукта интеллектуальной, производственной – любой социальной деятельности);

б) виды деятельности, связанные с созданием и использованием информационных технологий и их составляющих, с использованием средств связи для коммуникации информации;

в) управление в области работы с информационными ресурсами и технологиями;

г) установление порядка включения и использования новых технологий работы с информацией – информатизация, гармонизация информационных систем и систем коммуникаций в информационных системах и сетях – регулирование инновационных процессов на основе информационных технологий;

д) обеспечение безопасности в сфере информации и информатизации;

е) реализация юридической ответственности в области информации, информатизации, телекоммуникации и иных областях, связанных с инфосферой» [5, с. 26].

Объект правоотношения не следует смешивать с предметом правового регулирования. Последний понимается как система общественных отношений, урегулированных нормами права. А конкретное правоотношение представляет собой результат реализации права, т.е. иное, отличное от нормы права явление. Соответственно, меняется и направленность действия правоотношения. Его побудительной силой выступает не норма права, а интерес участников правоотношения к определенным материальным или духовным благам или действиям. Правоотношение направлено на эти конкретные предметы или действия, и поэтому именно они, а не какие-либо другие явления выступают объектом правоотношения [6, с. 326].

Выделение в составе правоотношения, наряду с субъектами права и материальным содержанием, его объекта позволяет осуществить подлинно научный анализ правоотношения. Следует напомнить, что качественная новизна освещения вопроса о правоотношении с позиций современной науки состоит не только в том, что оно понимается как выражение объективной закономерности правовой материи, но и в том, что само это явление трактуется широко, материалистически, т.е. как такая правовая связь, которая «живет» в данной социальной среде, находится в целостной системе общественных отношений, сопряжена с ее материальными и нематериальными благами, ценностями – объектами [7, с. 394].

В целом же следует заметить, что социальная и индивидуально-целевая значимость объектов действительно лежит в основе правового регулирования. При этом она определяет не только его способы, их сочетание, но даже и его пределы, в том числе характер, объем и назначение субъективных прав и юридических обязанностей субъектов, связываемых с соответствующими объектами правоотношений.

По отношению к информации, являющейся объектом административно-правового регулирования, лежащей в основе обеспечения деятельности органов внутренних дел, у должностных лиц как субъектов правоотношений должны быть установлены соответствующими нормативными правовыми актами их права и обязанности, компетенция и полномочия, а также их правовой статус в сфере формирования, передачи, обработки, использования, хранения соответствующих информационных ресурсов.

Организация деятельности органов внутренних дел представляет собой совокупность мер, направленных на создание внутренней упорядоченности, согласованности действий структурных подразделений, создание необходимых условий для взаимодействия органов внутренних дел с иными органами исполнительной власти в сфере обеспечения правопорядка. Результативность деятельности органов внутренних дел во многом определяется правильной организацией их деятельности.

Общим объектом, на который направлен вектор организационной деятельности органов внутренних дел, ее целью является правоохранительная деятельность, направленная на борьбу с преступностью, на обеспечение общественного порядка.

Понятие «организация» является одним из самых многозначных и включает в себя также: общее и неотъемлемое свойство системы; процесс превращения неупорядоченного, случайного в упорядоченное; способ связи элементов этой системы [8, с. 20].

В системе органов внутренних дел организационная деятельность предполагает комплекс правовых, управленческих (планирование работы, выработка и принятие решений по расстановке сил и средств, оперативное руководство подразделениями полиции, контроль, обобщение и распространение передового опыта работы), кадровых, ресурсных и иных мер, направленных на решение задач, связанных с обеспечением правопорядка. Среди основных задач в деятельности органов внутренних дел, направленных на упорядочивание правоохранительной деятельности, следует выделить внутриорганизационные и внешнеорганизационные задачи.

Степень решения внутриорганизационных задач как раз и предопределяет результаты внешнецелевой деятельности, непосредственно влияет на конечные результаты по борьбе с правонарушениями.

Центральное место в процессе организации занимает выработка проектов управленческих решений, на принятие которых влияют три группы факторов: 1) внешние (объективные) – «...комплекс экономических, социально-политических и идеологических мероприятий общества, преломляющийся в целях и задачах, стоящих перед субъектом управления»; 2) такие «...основные параметры социальных институтов, как структура организации, система социальной информации, размер и иерархия руководства, централизация и децентрализация управления, фактор времени и т.п.»; 3) внутренние (субъективные) – «...профессиональный, идейный и культурный уровень субъекта управления, удовлетворенность трудом и перспективами роста, “социологический” микроклимат, взаимоотношения в коллективе...» [9, с. 6].

Внутриорганизационная деятельность органов внутренних дел строится на реализации следующих управленческих задач:

работа с информацией, связанной с анализом и оценкой оперативной обстановки;

планирование деятельности органов внутренних дел, реализация запланированных мероприятий;

принятие управленческих решений, связанных с реализацией планов;

организационное, материально-техническое обеспечение деятельности органов внутренних дел;

обеспечение взаимодействия в органах внутренних дел (внутриорганизационного и внешнеорганизационного);

контроль за реализацией управленческих решений;

кадровое обеспечение деятельности органов внутренних дел;

оценка эффективности деятельности органов внутренних дел.

Правовой статус субъектов правоотношений в сфере информационного обеспечения органов внутренних дел формируется в зависимости от задач, решаемых той или иной информацией, поскольку сущность субъекта управления всецело зависит от природы и свойств объекта управления. При этом неотъемлемым условием взаимоотношений субъекта и объекта является гарантированное поступление субъекту управления информации о состоянии объекта управления. Следовательно, движение информации является обязательным признаком управления. Управленческая информация включает в себя необходимый и достаточный объем сведений, поступающий субъекту управления, который требуется для управления соответствующим объектом.

Информационное обеспечение деятельности органа внутренних дел должно быть выстроено таким образом, чтобы из общего потока информации отбирались только те сведения, которые необходимы и достаточны органу внутренних дел для реализации возложенных на него задач.

Эффективность деятельности органов внутренних дел всецело зависит от того, насколько адекватно они реагируют на информацию, объективно отражающую социальные процессы, и как применяют средства установления правопорядка, имеющиеся в их распоряжении.

Административно-правовым регулированием должны быть охвачены все этапы информационного обеспечения органов внутренних дел: сбор информации о состоянии управляемых объектов; процесс передачи и обработки ин-

формации; процесс анализа и доклада информации; процесс принятия решений на основе поступившей информации; реализация управленческих решений и контроль за их исполнением. Таким образом, можно полагать, что информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел должно регулироваться соответствующими административно-правовыми режимами. Административно-правовые режимы информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел должны на нормативно-правовом уровне образовываться соответствующими юридическими конструкциями. Характер правовых норм таких юридических конструкций будет зависеть, прежде всего, от предмета правового регулирования и юридических свойств субъектов и объектов правоотношений. Правовые нормы в юридической конструкции должны располагаться не в свободном порядке, а группироваться по основным правовым блокам: режимные правила; правовые статусы субъектов и объектов правоотношений; юридические, организационные, материально-технические, информационные гарантии устойчивого функционирования административно-правового режима. Такой подход к решению проблемы формирования административно-правовых режимов информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел позволяет гибко реагировать на те социальные процессы, которые требуют режимного правового регулирования. Кроме этого, указанным способом решается вопрос порядка построения комплексных административно-правовых режимов. Конструкционный подход в формировании административно-правовых режимов позволяет обеспечить эффективное построение нормативных правовых актов, образующих режимные правовые нормы, их взаимосвязь между собой, а также дает возможность прогнозировать правовой эффект режимного правового регулирования.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. Процессы информационного обеспечения организации деятельности органов внутренних дел должны быть урегулированы соответствующими административно-правовыми нормами. Предмет их правового регулирования: оптимальный объем информации для различных уровней управления и видов управленческих решений; сроки поступления информации; степень детализации, точности информации; форма, процедуры обработки, направление потоков информации и др. Урегулированное правовыми нормами движение информации в организации деятельности органов внутренних дел выполняет важные коммуникативные, ценностно-ориентационные, управленческие и другие функции.

Информация, циркулирующая в процессе деятельности органов внутренних дел, является основой возникновения и главным признаком процесса управления, она одновременно служит носителем управляющего воздействия (прямая связь) и реакции объекта управления (обратная связь), являясь определяющим фактором по отношению к характеру процессов управления.

Целью административно-правового регулирования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел является создание системы отбора из совокупности информации (с учетом ее источника и периодичности поступления) только тех сведений, которые необходимы для выполнения их функций. В процессе информационного обеспечения должны быть приняты меры по недопущению фактов появления избыточности информации, т.к. в ее потоке можно потерять сущность организационной деятельности.

Административно-правовое регулирование информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел и их соответствующих структурных подразделений, должностных лиц должно быть нацелено на реализацию следующих задач:

внедрение современных информационных технологий, обеспечивающих увеличение числа баз данных по различным направлениям деятельности органов внутренних дел с одновременным объединением их массивов в единую информационную систему, что необходимо для эффективного противодействия преступлениям и административным правонарушениям, а также для минимизации времени поступления актуальной информации;

интенсификация информационных связей органов внутренних дел с институтами гражданского общества, средствами массовой информации для получения дополнительной информации, расширяющей уровень информированности органов внутренних дел о латентных преступлениях, повышающей эффективность противодействия преступлениям и правонарушениям, а также улучшающей информированность граждан о состоянии правопорядка, об актуальных направлениях деятельности органов внутренних дел и результатах их работы;

внедрение современных автоматизированных информационных технологий в организацию деятельности органов внутренних дел, направленных на интенсификацию работы сотрудников полиции, повышение уровня их осведомленности, оптимальности в принятии управленческих решений;

обеспечение неуклонного достижения правоприменительных целей органов внутренних

дел за счет внедрения автоматизированных информационных технологий в работу по обеспечению контроля за выполнением принятых управленческих решений.

Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел должно быть урегулировано соответствующим административно-правовым режимом, функционирование органов внутренних дел в сфере информационного обеспечения своей управленческой, контролирующей деятельности должно опираться на организационно-штатные, кадровые, материально-техническиме, финансовые ресурсы. В органах внутренних дел, их структурных подразделениях (при необходимости) должны быть образованы специальные подразделения, осуществляющие производство информационных массивов по различным направлениям деятельности с помощью средств автоматизации. В этих целях необходимо: установить объем и источники финансирования мероприятий по реализации концепции совершенствования информационного обеспечения организации деятельности органов внутренних дел; решить проблему профессиональной подготовки в образовательных организациях МВД России квалифицированных специалистов в области информационного обеспечения организационной деятельности органов внутренних дел.

1. Основы управления в органах внутренних дел / под. ред. А.П. Коренева. 4-е изд. М., 2000.

2. Долгополов А.А. Теоретические и организационные основы административно-правовых режимов оборота оружия и взрывчатых веществ в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007.

3. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2002.

4. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. М., 2005.

5. Бачило И.Л. Информационное право. М., 2009.

6. Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2007.

7. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2009.

8. Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения. М., 1975.

9. Грядовой Д.И., Малахов В.П., Пылев С.С., Чернявский В.С. Принятие управленческого решения (опыт системного исследования). М., 1996.

1. Basics of management in law enforcement bodies / ed. by A.P. Korenev. 4th ed. Moscow, 2000.

2. Dolgopolov A.A. Theoretical and organizational bases of administrative and legal regimes trafficking in arms and explosives in the Russian Federation: diss. ... Dr of Law. Moscow, 2007.

3. Alekseev S.S. Climb to the law. Searches and solutions. Moscow, 2002.

4. Tikhomirov Yu.A. Administrative law and procedure: full course. Moscow, 2005.

5. Bachilo I.L. Information law. Moscow, 2009.

6. Syrykh V.M. Theory of state and law. Moscow, 2007.

7. Alekseev S.S. General theory of law. Moscow, 2009.

8. Petrushenko L.A. The unity of the systems, organization and self-propulsion. Moscow, 1975.

9. Gryadovoy D.I., Malakhov V.P., Pylev S.S., Chernyavsky V.S. The adoption of management solutions (systems research experience). Moscow, 1996.

Лупарев Евгений Борисович
доктор юридических наук, профессор,
академик Евразийской академии административных наук,
заведующий кафедрой административного и финансового права
Кубанского государственного университета
(e-mail: jeklouparev@yandex.ru)

Генезис правового регулирования административной юстиции в России в досоветский период: попытка новой исторической ретроспективы

В статье рассматривается проблема осмысления места и роли административной юстиции в России на фоне эволюции реальной власти в России в сопоставлении с условиями развития данного института в зарубежных странах. Предлагается гипотеза о специфическом генезисе института административной юстиции в отечественной политико-правовой действительности.

Ключевые слова: административная юстиция, история развития административной юстиции, административное судопроизводство, административный процесс.

E.B. Luparev, Doctor of Law, Professor, Academician of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, Head of the Chair of Administrative and Financial Law of the Kuban State University; e-mail: jeklouparev@yandex.ru

The genesis of the legal regulation of administrative justice in Russia in the pre-Soviet period: an attempt at a new historical retrospectives

The article is devoted to the problem of understanding the place and role of administrative justice in Russia amid the evolution of real power in Russia in relation to the conditions for the development of this institute in foreign countries. It is proposed that the hypothesis of a particular genesis institute of administrative justice in domestic political and legal reality.

Key words: administrative justice, history of the development of administrative justice, administrative proceedings, the administrative process.

Целью данного исследования является выяснение исторических причин отсутствия в России организационного оформления административной юстиции. По мнению отечественных исследователей, возникновение административного права связано с формированием института административной юстиции в ходе Великой французской революции 1789 г. В России единственной организационной формой административной юстиции выступал Первый Департамент Правительствующего Сената, который в ходе реформы в 1916 г., как отмечает А.И. Елистратов, стал главным органом административной юстиции в России [1, с. 589].

Мы попытаемся уточнить указанные положения.

Во Франции и до 1789 г. были административные суды в виде Chambre descomptes и Cour des aides. В рамках существовавшей во Франции до Великой французской революции интендантской системы это были зависимые от короля суды, в которых должности легально продавались. Эти суды содержали в себе элементы административной юстиции. Очевидно, можно говорить о том, что это не была административная юстиция в современном понимании. Но диалектический подход и принцип историзма исследуемых явлений требуют исследовать явление в его исторической динамике. С этих позиций вполне возможно говорить о зачатках административной юстиции в мире в целом и в России в частности в несколько более ранний период, чем обозначается в основных работах по данному вопросу.

Методологически мы придерживаемся функционально-организационного подхода к определению административной юстиции, что дает нам возможность говорить о существовании административной юстиции в России в досоветский период.

При исследовании архивных документов, имеющихся в Российском государственном архиве древних актов, удалось обнаружить сви-

детельства того, что суды в том или ином виде рассматривали до судебной реформы 1864 г. административные дела. По определению Первый Департамент Правительствующего Сената всегда рассматривал дела, сопряженные с казенным интересом, например, в делах Первого Департамента Правительствующего Сената за 1784 г. имеется дело камерколлегии в порядке апелляции о взыскании питейной недоимки с купца Петра Савостина [2, с. 1–16]. И это не единственное такого рода дело, являющееся по своему содержанию административно-правовым, а точнее налоговым спором.

Такого рода анализ дает нам понимание исходного принципа формирования национальной системы административной юстиции, а именно принципа относительной независимости суда от администрации. Следует отметить, что чем больше степень такой независимости, тем быстрее формируется административная юстиция в государстве. Как писал Г. Аншютц, «административная юстиция во Франции и по всему своему строю, и по всей своей организации есть поэтому гораздо более административная и гораздо менее юстиция, чем в Германии» [3, с. 54]. Тем самым он подчеркнул степень независимости юстиции от администрации в этих странах со сложившейся административной юстицией, считающейся классической. Заметим, что в Англии периода формирования административной юстиции в Европе не было того избытка власти у администрации, который присутствовал в континентальной Европе, административная власть активно контролировалась (и сейчас контролируется) Парламентом. Именно поэтому в совокупности с традиционным для Англии принципом превосходства общих судов там не возникло предпосылок для формирования специальных административных судов. А.В. Дайси писал: «Не только ни один человек не стоит над законом, но и каждый человек всякого положения и в любом состоянии является субъектом общих законов королевства и подлежит юрисдикции обычных судов» [4, с. 2]. Таким образом, в Англии власть короля получила другой способ ограничения.

В России юстиция дореформенного (до 1864 г.) периода представляла собой не что иное, как «придаток административной власти» [5, с. 26]. Суд в России долго вообще не был отделен от администрации, а попытки такого отделения, предпринятые Петром I, а затем Екатериной II, вплоть до судебной реформы 1864 г. заканчивались безуспешно [6, с. 86]. Как отмечают А.Б. Зеленцов и В.И. Радченко, в ходе разработки судебной реформы 1864 г. «...вопрос о создании системы каких-либо специальных административных судов не возникал, за исключением проектов преобразования Первого Департамента Правительствующего Сената в особый орган судебного контроля за деятельностью администрации» [7, с. 29–30]. В 1916 г. предпринимается попытка реформы Правительствующего Сената как «главного органа административной юстиции в России» [8, с. 589]. Вместе с тем, М.Г. Коротких писал, что в ходе подготовки судебной реформы 1864 г. достаточно сильно звучали голоса тех, кто вообще настаивал на сохранении зависимости суда от администрации [5, с. 91]. В истории развития отечественной юридической науки досоветского и советского периодов вопрос о специализации судов применительно к административно-правовым отношениям никогда серьезно не ставился. В работе «Учебник права внутреннего управления (Полицейского права). Общая часть» П.Н. Шеймин в качестве проблемного ставит лишь вопрос об отсутствии в России «одного самостоятельного, независимого учреждения, которое решало бы все конфликты в области управления и которое устраняло бы во многих случаях повод и причину действовать органам управления по их личным взглядам на закономерность управления» [8, с. 107–108]. Тем не менее земская (1864 г.) и городская (1870 г.) реформы создают условия, при которых административно-правовые споры возникают не только у граждан и администрации, но и у органов местного самоуправления и администрации. Правительствующий Сенат, как высший судебный орган Российской империи, выступал в качестве органа, разрешавшего подобного рода споры [9, с. 128–129]. Но Правительствующий Сенат не выступал как специализированный орган административной юстиции. И.Т. Тарасов обращает внимание на необходимость выработки модели организации административных судов с учетом зарубежного опыта. Ученый отмечает, что в России нет правильно организованной и цельной системы административной юстиции, однако имеются «…учреждения, которые не будучи административными судами в точном смысле этого слова, тем не менее ведают некоторые дела административной неправды и потому имеют значение подобий административных судов» [10, с. 68]. После проведения судебной реформы 1864 г. и создания относительно централизованной судебной системы, а также в советский период речи о раздроблении целостной юстиции с выделением

из нее административной не шло [11, с. 142]. Один из современных молодых исследователей Э. Гиззатулина пишет, что при проведении судебной реформы 1864 г. «за основу брался нормативный материал западноевропейских государств и Америки…» [12, с. 28]. Но и для западноевропейских государств того периода, не говоря уже о США, институт административной юстиции был относительно новым и фактически не стал предметом рассмотрения комиссий по подготовке судебной реформы 1864 г. и С.И. Зарудного, статс-секретаря Государственного Совета, который специально для изучения иностранного процессуального законодательства был командирован в Европу. Таким образом, можно констатировать, что при крепостном праве, полностью зависимой от администрации судебной системе не существовало и не могло быть никаких значимых предпосылок формирования административной юстиции в России в общем контексте формирования данного института в Европе. Мы считаем, что именно крепостное право, отмена которого связана с судебной реформой, не позволило ввести институты административной юстиции параллельно с европейскими странами. Тем не менее буржуазные реформы создали благоприятную почву для многочисленных теоретических исследований в России по проблемам административной юстиции.

Административная юстиция должна являться органическим продолжением той общей тенденции взаимного ограничения властей, прежде всего, исполнительной или самодержавной власти, которая выработана в данной стране. В досоветский период впервые реальное ограничение самодержавия связано с созданием Государственной Думы, после чего теоретики и заявили о необходимости административной юстиции в России.

Примечательно, что в состав образованного Временным правительством 22 марта 1917 г. Юридического совещания согласно Протоколу Заседаний Временного правительства от 22 марта 1917 г. № 28 [13, с. 93–97] вошел известный теоретик административной юстиции В.Ф. Дерюжинский. На первом заседании совещания при Временном правительстве по вопросам реформы губернского и местного управления от 26 марта 1917 г. одним из вопросов повестки дня был вопрос об устройстве местных органов административной юстиции. Еще до принятия 30 мая 1917 г. известного Положения о судах по административным делам 15 апреля 1917 г. принимаются «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум», в ст. 10, 31 и 32 которых закрепляются нормы, согласно которым «жалобы на допущенные при выборах неправильности могут быть подаваемы только лицами, имеющими право участия в выборах, и притом в течение трех дней со дня окончания их. Жалобы эти подаются в подлежащую инстанцию административного суда. Протесты и жалобы, означенные в статьях 30 и 31, административный суд рассматривает в семидневный срок со дня получения им выборного производства» [14, с. 229–237].

Нормы, где говорилось об административной юстиции, содержались также во Временном положении о волостном земском управлении от 21 мая 1917 г. [15, с. 1041–1060]. Интересно отметить, что М.Д. Загряцков успел в 1917 г. прокомментировать этот нормативный акт, выпустив соответствующий комментарий в типографии В. Муратова.

Таким образом, первым нормативным упоминанием об административной юстиции в России следует считать именно «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум», подписанные князем Г.Е. Львовым и Управляющим делами Временного правительства В. Набоковым.

1. Елистратов А.И. Основные начала административного права // Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века: хрестоматия. Воронеж, 2000.

2. Российский государственный архив древних актов. Сенат и его учреждения. Ф. 248. Оп. 1784. Д. 722. Л. 1–16.

3. Аншютц Г. Юстиция и администрация. СПб., 1907.

4. Харви Д., Безер А.Л. Примат закона. URL: http://www.hrights.ru/text/b7/Chapter9.htm (дата обращения: 02.09.2016).

1. Yelistratov A.I. Basic principles of administrative law // Russian police (administrative) law: the end of XIX – early XX century: reader. Voronezh, 2000.

2. Russian state archive of ancient acts. The Senate and its institutions. F. 248. Op. 1784. D. 722. L. 1–16.

3. Anshyutts G. Justice and administration. St. Petersburg, 1907.

4. Harvy D., Bezer A.L. The primacy of the law. URL: http://www.hrights.ru/text/b7/Chapter9.htm (date of access: 02.09.2016).

5. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989.

6. Ефремова Н.Н. Судебные реформы в России: традиции, новации, проблемы // Государство и право. 1996. № 11.

7. Зеленцов А.Б., Радченко В.И. Административная юстиция в России (История и современность): учеб. пособие для судей. М., 2001.

8. Шеймин П.Н. Учебник права внутреннего управления (Полицейского права). Общая часть // Российское полицейское (административное) право: конец XIX – начало XX века: хрестоматия. Воронеж, 2000.

9. Ефремова Н.Н., Немытина М.В. Местное самоуправление и юстиция в России (1864–1917 гг.) // Государство и право. 1994. № 3.

10. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897.

11. Афанасьев С.Ф., Зайцев А.И. Об истории специализации юрисдикционных органов // Правоведение. 2002. № 2.

12. Гиззатулина Э. Предпосылки судебной реформы 1864 года в России // Очерки новейшей камералистики. 2015. № 3.

13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1779. Оп. 2. Д. I. Ч. I. Л. 93об.–97об.

14. Журнал заседаний Временного правительства от 15 апреля 1917 года, протокол № 55 // ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1. Ч. I. Л. 220–237об.

15. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел I. 30 мая 1917. № 122. Ст. 655. С. 1041–1060.

5. Korotkyh M.G. Autocracy and judicial reform of 1864 in Russia. Voronezh, 1989.

6. Efremova N.N. Judicial reform in Russia: traditions, innovations, problems // State and law. 1996. № 11.

7. Zelentsov A.B., Radchenko V.I. Administrative justice in Russia (Past and present): study aid for judges. Moscow, 2001.

8. Sheymin P.N. Textbook of internal control law (Police regulations). General part // Russian police (administrative) law: the end of XIX – early XX century: reader. Voronezh, 2000.

9. Efremova N.N., Nemytina M.V. Local government and justice in Russia (1864–1917) // State and law. 1994. № 3.

10. Tarasov I.T. Essay of science of police law. Moscow, 1897.

11. Afanasyev S.F., Zaytsev A.I. On the history of specialization of jurisdictional bodies // Jurisprudence. 2002. № 2.

12. Gizzatulina E. Background of the judicial reform of 1864 in Russia // Essays of modern cameralistics. 2015. № 3.

13. State archive of the Russian Federation. F. 1779. Op. 2. D. I. Pt. I. L. 93t.–97t.

14. Journal of the Provisional Government meeting d.d. Apr. 15, 1917, Minutes № 55 // State archive of the Russian Federation. F. 1779. Op. 2. D. 1. Pt. I. L. 220–237t.

15. Collection of laws and Government orders issued under the Government of the Senate. Section I. May 30, 1917. № 122. Art. 655. P. 1041–1060.

Затолокин Александр Александрович
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: zatolokin09@rambler.ru)

Субъект государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения (историко-правовой аспект)

В статье осуществляется ретроспективный анализ различных мер, реализуемых в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Проводятся параллели между конъюнктурой времени и процессом подготовки специалистов в сфере безопасности дорожного движения на различных этапах развития государства. Доказывается прямая качественная взаимосвязь между реализуемыми мерами, направленными на снижение аварийности, и знаниями, умениями, навыками, получаемыми субъектами системы обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: Стрелецкий приказ, полицмейстерская канцелярия, Министерство внутренних дел, дорожно-транспортное происшествие, ведомственная система образования.

A.A. Zatolokin, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: zatolokin09@rambler.ru

The subject of the state system of ensuring safety of road traffic (historical and legal aspect)

The author conducted a retrospective analysis of the various measures implemented in the sphere of ensuring road safety. There are parallels between the situation time and the process of training specialists in the field of road safety at different stages of development of the Russian state. We prove a direct qualitative relationship between implemented measures aimed at reducing accident rates and ranks, the skills received by the security agents of the road

Key words: Streletsky order, police office, Ministry of Internal Affairs, road traffic accident, departmental system of education.

Начать настоящую статью хочется цитатой, которая, несмотря на столетнюю историю, актуальна как никогда: «Образование – обязанность всякого полицейского... приобретать знания, благодаря которым он только и может принести пользу и продвинуться по службе» (Букварь современного городового. Варшава, 1915). Государственная система обеспечения безопасности дорожного движения является многокомпонентной и имеет многовековую историю. Согласно проведенным ранее исследованиям науке известно девять этапов развития нормативно-правового регулирования форм и методов работы государства через соответствующие субъекты в сфере предоставления услуг [1, с. 9]. Являясь лишь частью государственной системы безопасности дорожного движения, институт государственных услуг берет свое начало с 1907 г., а сама система имеет признаки более древнего возникновения. Так, Р.Я. Зайцев указывает, что первыми субъектами государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения были Стрелецкие приказы (предшественники полиции) [2, с. 7], которым вменялась определенная функция в сфере безопасности движения: «в Кремль извощиков с седоками и с порожними саньми не пропускать ни которыми дела, и о том сей Их Великих Государей Указ записать на стенном карауле, впредь до ведома» [3, с. 78].

В последующем государственные функции в сфере безопасности дорожного движения осуществляются различными субъектами, вплоть до образования в 1802 г. Министерства внутренних дел. В числе прочих задач на новое ведомство возлагаются задачи по «сбору сведений о происшествиях и предотвращению ложных слухов» [4, с. 289]. С разделением «государственных дел по министерствам» и созданием в 1810 г. Министерства полиции функции правоохранительного органа в сфере безопасности дорожного движения были кон-

кретизированы, а именно на полицию возлагалась обязанность по обеспечению «исправности и безопасности путей сообщения» (аналог современной государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения). Дальнейшая реорганизация МВД в 1819 г. вновь возложила на данное министерство административно-полицейские функции, в числе которых было и обеспечение безопасности дорожного движения.

При обсуждении и подготовке будущих реформ в конце 50-х гг. XIX в. ставится вопрос о преобразовании полиции, об общем и профессиональном уровне подготовки ее сотрудников. При всей важности и многообразии функций, выполняемых полицией, становится очевидно, что необходимо предъявлять высокие требования к ее служащим. Реализацией подобного рода идей явилось создание при резерве Санкт-Петербургской полиции школы для подготовки городских и околоточных надзирателей. В программу обучения в данном заведении входило изучение законов, нормативных актов МВД, распоряжений местных властей (градоначальника, городской думы), определявших права и обязанности полиции [5]. К сожалению, ввиду неразвитости на тот момент уличного движения в Российской империи говорить о специализации подготовки полицейских в сфере безопасности дорожного движения пока рано. Отсталость в развитии автопрома связана с большой протяженностью страны, в связи с чем развитие получил железнодорожный, а не автомобильный транспорт. Соответственно, если нет дорожного движения, то и нет дорожного полицейского.

В рамках последовавшей полицейской реформы предполагалось создать расширенную сеть специальных учебных заведений для подготовки полицейских. Учебные заведения рассматривались «как необходимое условие повышения... профессионализма и упорядочения системы прохождения службы в полиции» [5]. Однако изменение общественно-политического устройства страны повлекло и изменение требований к правоохранительному органу, вместо полиции создается милиция, которая формируется Временным правительством по принципу добровольности. В результате чего в рядах милиции Временного правительства вместе со студентами и интеллигенцией оказываются и представители преступного мира.

В связи с развитием автомобилизации и приходящими вместе с ней тенденциями «3 июля 1936 года Совет Народных Комиссаров СССР постановлением № 1182 утверждает Положение о Государственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции СССР» [6]. В это же время создаются отделы учебных заведений, в том числе и Главного управления шоссейных дорог. Впервые за всю историю правоохранительной системы нашего государства образовательные учреждения получают узкую специализацию. Так, только по Главному управлению шоссейных дорог образовывается 4 автодорожных института (Москва, Харьков, Саратов, Омск) и 6 техникумов.

С интенсивным развитием системы обеспечения безопасности дорожного движения появляется необходимость в подготовке субъектов управленческой деятельности в данной сфере. Переломным моментом в обеспечении безопасности дорожного движения в СССР является принятие Советом министров в 1976 г. постановления «О мерах по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий». С данного времени наметились изменения в подходах к решению проблем обеспечения безопасности дорожного движения, а именно в системе подготовки кадров МВД СССР появляются специализированные школы ГАИ (Краснодарская школа усовершенствования начальствующего состава милиции и Орловская специальная средняя школа милиции).

Создание школ было вызвано отсутствием специальной подготовки в сфере безопасности дорожного движения у субъектов соответствующей деятельности: «среди сотрудников ГАИ абсолютное большинство составляют выпускники гражданских вузов, не обладающие специальными знаниями, необходимыми для выполнения специфических задач, стоящих перед работниками службы» [7, с. 29].

С самых первых дней в Краснодарской школе усовершенствования начальствующего состава (далее – Школа) огромное значение уделяется практической составляющей процесса обучения. Так, только за первые два года деятельности Школы во время проведения практических занятий было выявлено «свыше 25,5 тыс. нарушений правил дорожного движения» [7, с. 46]. Развиваясь, Школа не только осуществляет подготовку специалистов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, но и становится научным центром. Ярким подтверждением чего является вышедшее в 1981 г. указание МВД СССР «О проведении анкетного опроса граждан в целях изучения

проблемы дефицита водительских кадров», в соответствии с которым сотрудники Школы осуществили анкетирование граждан, имеющих водительские удостоверения, полученные результаты были учтены при составлении общегосударственных программ подготовки водителей.

Наиболее полно характеристику того времени в своих воспоминаниях дает В.А. Федоров, руководитель Госавтоинспекции России в 1990–2003 гг.: «На местах тогда очень четко почувствовали влияние Главка и новых идей и технологий. Новеллы от Главка шли постоянно. Они были заметны не только работникам ГАИ, но и всему населению. Начался диалог с народом... Прежде Госавтоинспекция могла влиять только на человека, на профессионала. Теперь же она взяла всю комплексную систему обеспечения безопасности дорожного движения на себя» [6].

ГАИ становится монопольным субъектом государственной деятельности в сфере безопасности дорожного движения, стали необходимы новые подходы к обучению сотрудников Госавтоинспекции, что и предопределило преобразование 25 марта 1983 г. Школы в Краснодарскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР (КССШМ). Образовательное заведение после повышения статуса стало реализовывать двухлетнюю программу подготовки кадров специального среднего юридического образования для административно-правовой деятельности ГАИ с сохранением курсов повышения квалификации. По окончании школы выдавался общесоюзный диплом юриста средней квалификации и присваивалось звание «лейтенант милиции» [8, с. 6]. Однако, несмотря на привлекательные условия службы, все же обучение в КССШМ привлекало абитуриентов не только этим. Уже в те годы руководство образовательной организации, тонко чувствуя потребности практических подразделений ГАИ в высококлассных специалистах системы обеспечения безопасности дорожного движения, насыщало процесс обучения всевозможными инновациями. В то время были созданы криминалистический полигон, фотолаборатория на 30 учебных мест, класс автотренажеров и многое другое. Важнейшим этапом обеспечения практической направленности обучения субъектов государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения является создание учебного поста ГАИ. Данный пост имел определенное сходство с другими стационарными постами ГАИ, развернутыми на улично-дорожной сети СССР (зал оперативного управления, комната разбора нарушений, комната отдыха, техническое помещение), однако имел и принципиальные отличия: по флангам здания размещались помещения двух учебных аудиторий, которые позволяли проводить занятия, непосредственно транспозиционированные в процесс контроля и надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований ПДД.

Далее систему обеспечения безопасности дорожного движения, впрочем, как и всю страну, ждали серьезные перемены. Переход от административно-командной системы к рыночной экономике был сопряжен сиквестированием расходов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, что в дальнейшем выразилось в снижении расходов на подготовку соответствующих специалистов. Новые экономические условия требовали поиска и принятия новых решений, обеспечивающих если не улучшение дорожно-транспортной ситуации, то хотя бы сохранение нормального функционирования элементов системы обеспечения безопасности дорожного движения. Результатом чего стало принятие Закона «О дорожных фондах РСФСР», который определил финансово-правовые основы содержания и развития автодорог России [9, с. 9].

Распад СССР, разделение союзных и российских структур ГАИ, осложнение обстановки с безопасностью дорожного движения, по сути, распад существовавшей в СССР государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения в конечном итоге привели к плачевным результатам. Пояснительная записка к Федеральному закону «О безопасности дорожного движения» позволяет оценить масштабы той катастрофы, которая развернулась на дорогах России: «В 1994 году число пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях составило более 225 тысяч человек, из которых свыше 35,5 тысячи погибли… В целом количество пострадавших на дорогах многократно превышает число жертв межнациональных конфликтов, катастроф, землетрясений и других стихийных бедствий» [10].

Необходимо констатировать тот факт, что распад СССР повлек за собой и развал государственной системы обеспечения дорожного движения. ГАИ Российской Федерации, унаследовавшая от ГАИ СССР методы административно-хозяйственного управления, занялась поиском новых методов. Решение было найдено. Госавтоинспекция предпринимает попытки отказаться от устаревших организационно-

хозяйственных функций. С середины 90-х гг. XX в. создается Правительственная комиссия РФ по обеспечению безопасности дорожного движения, и с этого времени Госавтоинспекция формально перестает быть единственным органом государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения. Вместе с тем, такое решение повышает статус ГАИ, т.к. Госавтоинспекция имеет возможность ставить вопрос о решении той или иной проблемы безопасности дорожного движения на уровне федерального правительства.

Рыночная экономика, диктуя свои условия, заставила отказаться от государственного регулирования дорожного движения, переводя поэтапно систему обеспечения безопасности дорожного движения на самоокупаемость и саморегулируемость.

Так, с 2002 г. вводится обязательное страхование гражданской ответственности, институт которого вызывал и продолжает вызывать недоумение и обоснованные претензии граждан. В качестве примера приведем цитату из особого мнения судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова: «…Переложение всей ответственности за последствия дорожно-транспортных происшествий на частных лиц вызывает обоснованные опасения, что это существенным образом снижает заинтересованность государства в выполнении собственно социальных функций в этой сфере – по регулированию и охране безопасности движения..» [11].

С началом реформирования МВД России началась массовая ликвидация стационарных постов ДПС на федеральных автомобильных дорогах. Такие меры повлекли увеличение числа транспортных средств, провозящих без соответствующего разрешения тяжеловесный, крупногабаритный груз и, как следствие, привели к увеличению количества ДТП с большегрузами (о чем мы писали в предыдущих работах [12, с. 282]) и ухудшению состояния автомобильных дорог.

С 2011 г. происходит передача функций по периодическому техническому осмотру от ГИБДД к аккредитованным операторам Российского союза автостраховщиков, что вызывает появление на дорогах транспортных средств с техническими неисправностями и вводит в обиход водителей термин «купить диагностическую карту», приводя к возникновению ДТП по техническим причинам.

С 2017 г. в Российской Федерации при оформлении ДТП предполагается прейти на Европротокол (т.е. без участия сотрудников ДПС), о чем заявил Президент России В.В. Путин 14 марта 2016 г. на заседании президиума Государственного совета РФ.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что, меняясь во времени, система обеспечения безопасности дорожного движения меняет и требования к субъектам управленческого воздействия данной сферы. Субъект системы обеспечения безопасности дорожного движения прошел путь от Стрелка (с неопределенными полномочиями) до сотрудника подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения (имеющего крайне узкую специализацию). В настоящее время предъявляются все более серьезные требования к сотрудникам подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения. Меняется и узкая специализация в ведомственных вузах – с «Государственной инспекции безопасности дорожного движения» на «Сотрудник подразделения по обеспечению безопасности дорожного движения». То есть в самом названии специализации отсутствует упоминание о ГИБДД, а имеется абстрактное «Сотрудник подразделения…». Возникает вполне естественный вопрос: подразделение чего? Какой будет государственная система обеспечения безопасности дорожного движения через несколько (десятков) лет, кто будет ее субъектом? Будет ли это узкий специалист в сфере предоставления государственных услуг по регистрации, инспектор ДПС, государственный инспектор дорожной инспекции и организации дорожного движения или универсальный полицейский, способный регулировать движение в заторовых ситуациях, оформлять семейно-бытовой конфликт, применять меры обеспечения производства к несовершеннолетнему нарушителю? Ответы на эти вопросы зависят от требований общества и в современных условиях реформ пока не известны.

---

1. Затолокин А.А. Предоставление государственных услуг в сфере безопасности дорожного движения Министерством внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

1. Zatolokin A.A. Provision of public services in the field of road safety by the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: auth. abstr. ... Master of Law. Moscow, 2013.

2. Зайцев Р.Я. Дорожно-патрульная служба Государственной инспекции безопасности дорожного движения: организация деятельности и правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002.

3. Полное собрание законодательства Российской империи с 1649 года. Т. II. 1676–1688. СПб., 1830. № 664.

4. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк (1703–1903 гг.). СПб., 1910.

5. URL: https://dgsk.mvd.ru/Dejatelnost/history (дата обращения: 13.03.2016).

6. URL: https://gibdd.ru/history (дата обращения: 13.03.2016).

7. Цимбал Н.Г. Четверть века из двух столетий: Посвящается 200-летию МВД России и 25-летию Краснодарского юридического института МВД России. Краснодар, 2002.

8. МВД. Краснодарская специальная средняя школа милиции. Краснодар, 1990.

9. Налоговое право Российской Федерации. Комментарии, рекомендации, законы, инструкции. М., 1992. Вып. 2.

10. URL: https:// base.consultant.ru (дата обращения: 20.03.2016).

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" в связи с запросами Государственного Собрания Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова». Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова // Рос. газ. 2005. 7 июня.

12. Затолокин А.А. Актуальные вопросы обеспечения транспортной безопасности // Общество и право. 2015. № 3(53).

2. Zaitsev R.Ya. Road patrol service of the State inspection of road safety: activity organisation and legal regulation: auth. abstr. ... Master of Law. St. Petersburg, 2002.

3. Complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. Vol. II: 1676–1688. St. Petersburg, 1830. № 664.

4. St. Petersburg the Metropolitan police and the city administration. Brief historical essay (1703–1903). St. Petersburg, 1910.

5. URL: https://dgsk.mvd.ru/Dejatelnost/history (date of access: 13.03.2016).

6. URL: https://gibdd.ru/history (date of access: 13.03.2016).

7. Tsymbal N.G. A quarter of a century of two centuries: Dedicated to the 200th anniversary of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the 25th anniversary of Krasnodar juridical institute of MIA of Russia. Krasnodar, 2002.

8. The Ministry of Internal Affairs. Krasnodar special secondary school of militia. Krasnodar, 1990.

9. Tax law of the Russian Federation. Comments, recommendations, laws, regulations. Moscow, 1992. Iss. 2.

10. URL: https:// base.consultant.ru (date of access: 20.03.2016).

11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. May 31, 2005 № 6-P «On case about check of constitutionality of the Federal law "On mandatory insurance of civil liability of vehicle owners" in connection with the requests of the State Assembly – El Kurultai of the Altai Republic, Volgograd regional Duma, group of deputies of the State Duma and the complaint of citizen S.N. Shevtsov». Special opinion of judge of the Constitutional Court of the Russian Federation A.L. Kononov // Rus. newsp. 2005. June 7.

12. Zatolokin A.A. Topical issues of ensuring transport safety // Society and law. 2015. № 3(53).

Шиенкова Анна Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

Подгайный Андрей Михайлович
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры административной деятельности
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

(e-mail: a21250827@mail.ru)

Способы повышения безопасности дорожного движения

В статье анализируются отдельные направления государственной политики в области повышения безопасности дорожного движения, рассматриваются отдельные виды административных наказаний, применяемых за совершение административных правонарушений в сфере дорожного движения. Авторы предлагают способы устранения пробелов российского законодательства в области безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, административная ответственность, лишение специального права, административное правонарушение, административные наказания.

A.S. Shienkova, Master of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;
A.M. Podgainyi, Master of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: a21250827@mail.ru

Ways to improve road safety

The article anayzes separate directions of the state policy in the field of enhancing road safety, consideres separate types of administrative punishments for administrative offenses in the field of road traffic. The authors offer ways of elimination of gaps in Russian legislation in the field of road safety.

Key words: traffic safety, administrative responsibility,deprivation of special right, administrative offense, administrative sanctions.

Сегодня весь цивилизованный мир озабочен проблемой сохранения жизни и здоровья людей на дорогах. Президент РФ 14 марта на заседании президиума Государственного совета, посвященном вопросам безопасности дорожного движения, сказал следующее: «...Фактор массовой автомобилизации не может и не должен быть обоснованием неизбежности аварий и их трагических последствий – наоборот, мы должны добиться кардинального снижения числа погибших и пострадавших при ДТП. Напомню, что за прошедшее десятилетие в результате таких происшествий получили ранения более 3 млн человек, погибло при этом, обращаю ваше внимание на эту ужасную цифру, за десятилетие 350 тыс. человек. Это население достаточно приличного города. Страшные, бессмысленные жертвы, которых можно было бы избежать. И абсолютное большинство таких трагедий произошло по вине водителей: именно агрессия и неуважение к другим участникам дорожного движения, как правило, приводят к тяжелейшим авариям. Поэтому считаю ключевой задачей воспитание культуры вождения, а это строгое исполнение Правил дорожного движения, следование нормам грамотного, дружелюбного поведения на дорогах, понимание ответственности и за свою жизнь, и за жизнь своих близких, за безопасность других участников движения» [1]. Понятно, что воспитание такой культуры – это процесс длительный, поэтому он должен идти параллельно с ужесточением наказаний за нарушения. Мы видим на практике, что именно эти меры помогли решить проблему с ремнями безопасности, например, заставили устанавливать в салонах машин кресла для детей, или, как говорят специалисты, удерживающие устройства.

В результате этих и других решений вдвое снизилось число погибших в городах и населенных пунктах, но их количество остается,

тем не менее, неоправданно высоким. Аналитики Министерства внутренних дел РФ одной из основных причин аварийности на дорогах считают противоправное поведение водителей транспортных средств.

Бесспорно, нормы, устанавливающие административную ответственность, становятся формальными, если принятые решения по делам об административных правонарушениях не исполняются. Безнаказанность же правонарушителей обесценивает авторитет правоохранительной системы России. Именно поэтому на современном этапе развития правоприменительной деятельности исполнение административных наказаний имеет значение не только для соблюдения принципа неотвратимости наказания, но и как профилактическая мера по обеспечению безопасности дорожного движения.

Действительно, административная ответственность имеет в своем арсенале удобную меру – штраф [2, с. 6]. Однако данным видом наказания не предупредить совершения правонарушений в области безопасности дорожного движения. У населения нашей страны необходимо формировать нетерпимость к правонарушениям в области дорожного движения. Для достижения этой цели необходимо обеспечить надлежащее исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях, а именно реализовать принцип неотвратимости наказания путем его исполнения.

Неслучайно за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1, 2 и 4 ст. 12.8, ч. 1 ст. 12.26, ч. 3 ст. 12.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях, лишение специального права в виде права управления транспортным средством применяется в качестве дополнительного административного наказания. Полагаем, что законодатель усматривал в этом прежде всего ужесточение наказания по наиболее «опасным» правонарушениям в области дорожного движения.

Безусловно, с внесением изменений в КоАП РФ была устранена коллизия по исполнению наказания, назначенного по указанным правонарушениям. Ранее на основании ч. 4.1 ст. 32.6 КоАП РФ правонарушитель, исполнив дополнительный вид наказания (лишение специального права в виде права управления транспортным средством), но уклонившись от исполнения основного наказания (штрафа), сохранял право на возврат водительского удостоверения по истечении срока лишения специального права [2, с. 6].

В настоящее время по истечении срока лишения специального права за совершение административных правонарушений, предусмотренных гл. 12 КоАП РФ, водительское удостоверение, изъятое у лица, подвергнутого данному виду административного наказания, возвращается после проверки знания им Правил дорожного движения и после уплаты в установленном порядке наложенного на него административного штрафа за административное правонарушение в области дорожного движения, а за совершение административных правонарушений, предусмотренных ч. 1 и 4 ст. 12.8, ч. 1 ст. 12.26, ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, также медицинского освидетельствования данного лица на наличие медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством.

Таким образом, законодатель постарался разрешить возникшую за год применения ч. 4.1 ст. 32.6 КоАП РФ проблему по исполнению наказания, назначенного по указанным правонарушениям.

Однако это лишь часть решения проблемы исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

При этом двукратный размер суммы неуплаченного административного штрафа применялся лишь в отношении тех штрафов, размер которых не превышал пяти тысяч рублей.

Анализ судебной практики назначения наказания по ст. 20.25 КоАП РФ в двукратном размере суммы неуплаченного административного штрафа показал, что в части тех статей гл. 12 КоАП РФ, в которых размер штрафных санкций выше 5 тыс. руб. (и более того, по ч. 2, 3 ст. 12.7, ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ – 30 тыс. руб.), на сегодняшний день нет [3].

Данная проблема возникает, в частности, и по привлечению по ст. 20.25 КоАП РФ тех лиц, в отношении которых действуют ограничения применения отдельных видов административных наказаний – ареста, обязательных работ. К ним в соответствии с ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ относятся беременные женщины, женщины, имеющие детей в возрасте до четырнадцати лет, лица, не достигшие возраста восемнадцати лет, инвалиды I и II групп, военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, а также имеющие специальные звания сотрудники органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы и таможенных органов.

Кроме того, административный арест, предусмотренный ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, не может применяться к лицу, которое не уплатило административный штраф за совершение административного правонарушения, предусмотренного гл. 12 КоАП РФ и зафиксированного с применением работающих в автоматическом режиме специальных технических средств, имеющих функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средств фото- и киносъемки, видеозаписи.

Таким образом, к данным лицам возможно применение лишь двукратного размера суммы неуплаченного административного штрафа (за неуплату штрафа по ч. 2, 3 ст. 12.7, ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ данная сумма будет составлять 60 тысяч рублей).

Федеральным законом от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ внесено дополнение в ч. 2 ст. 2.5 КоАП РФ, расширяющее порядок привлечения военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, а также имеющих специальные звания сотрудников органов внутренних дел, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы и таможенных органов к административной ответственности на общих основаниях по ч.1 ст. 20.25 КоАП РФ.

При этом привлечение к административной ответственности по ст. 20.25 КоАП РФ сержантов, старшин, солдат и матросов, проходящих военную службу по призыву, а также курсантов военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта о прохождении военной службы невозможно, т.к. к ним не применимы ни штраф, ни арест, ни обязательные работы. Получается, что правонарушение есть, но наказания, предусмотренные санкцией данной статьи, применить нельзя.

На наш взгляд, позиция законодателя в ужесточении наказаний за административные правонарушения в области дорожного движения видится в ожидании достижения целей частной превенции: опыт пережитого административного наказания удержит лицо, привлеченное к административной ответственности, от совершения нового правонарушения. Но стоит напомнить, что эффективность наказания больше зависит не от его строгости, а от его неотвратимости.

Бесспорно, более опасные деяния должны наказываться более строго, и наоборот, наказание за менее опасные правонарушения должно быть менее строгим. Однако введение законодателем достаточно высоких и недифференцированных по размеру штрафов ставит субъекты административной юрисдикции в положение, не позволяющее им учитывать при определении размеров штрафа ни характер совершенного правонарушения, ни личность виновного, ни его имущественное положение, [4, с. 28–48].

Возникает убежденность, что обеспечение исполнения назначенных наказаний за правонарушения в области дорожного движения во многом зависит от адекватности наказания.

Проведенный анализ правоприменительной деятельности показывает, что в тех случаях, когда нецелесообразно назначать штраф (особенно если размер административного штрафа соответствует штрафам, назначаемым за отдельные виды уголовных наказаний), необходимо назначить иной вид административного наказания и тем самым достигнуть цели его назначения – предупреждения совершения новых правонарушений как самими правонарушителями, так и другими лицами.

Реализация указанной цели в аспекте общей и частной превенции обеспечивается посредством неотвратимости наказания и за счет введения таких мер юридической ответственности, которые, будучи соразмерными и справедливыми, позволяют в конкретных обстоятельствах стимулировать участников правовых отношений к правомерному поведению.

Однако в последнее время взятый законодателем курс на увеличение размеров административных санкций не согласуется с общеправовыми принципами гуманизма, справедливости и индивидуализации ответственности.

С учетом изложенного для обеспечения исполнения административных наказаний по правонарушениям в области дорожного движения было бы целесообразным внести изменения в ст. 20.25 КоАП РФ, дополнив ее частью 11 следующего содержания: «Уклонение от исполнения иного административного наказания, назначенного за нарушение порядка пользования специальным правом, предоставленным физическому лицу, – влечет административный арест на срок до тридцати суток либо лишение специального права на срок до двух лет».

Данная норма согласуется с ч. 1 ст. 3.8 КоАП РФ, которая в 2013 г. дополнена содержанием следующего характера: «Лишение физического лица ранее предоставленного ему специального права устанавливается также за уклонение от исполнения иного административного наказания, назначенного за нарушение порядка пользования этим правом, в случаях, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса».

В ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ также необходимо внести изменения: после слов «или правового режима контртеррористической операции» добавить слова «за уклонение от исполнения иного административного наказания, назначенного за нарушение порядка пользования специальным правом либо... до тридцати суток».

Резюмируя, отметим, что Конституционный Суд РФ определил, что административная ответственность по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ не является мерой принудительного исполнения судебного акта и актов органов должностных лиц, т.к. призвана стимулировать правонарушителей к добровольной уплате штрафа – без использования механизма принудительного исполнения постановлений по делам

об административных правонарушениях [5, с. 797–801]. На деле же получается иначе, поэтому, на наш взгляд, введение данной нормы будет способствовать обеспечению принципа неотвратимости наказания, в частности обеспечению исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

Еще одной причиной ДТП является управление транспортными средствами водителями в состоянии алкогольного опьянения [6, с. 283–287]. Для борьбы с пьянством за рулем, на наш взгляд, необходимо продолжить практику проведения масштабных рейдов по выявлению водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения. В целях повышения эффективности таких рейдов необходимо проводить освидетельствование на состояние алкогольного опьянения всех водителей транспортных средств, остановленных инспекторами ДПС ГИБДД, а не только тех водителей, у которых наблюдаются внешние признаки алкогольного опьянения. Для этого необходимо внести дополнение в приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения», дополнив его п. 129.1 следующего содержания: «При проведении масштабных рейдов по выявлению водителей, управляющих транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения, проводить освидетельствование всех водителей остановленных транспортных средств, в том числе при отсутствии у них признаков, перечисленных в п. 129 настоящего Административного регламента». Также мы поддерживаем обсуждаемое в обществе и Государственной Думе РФ законодательное ужесточение мер наказания для подобной категории правонарушителей [7].

Таким образом, когда мы говорим о повышении безопасности дорожного движения, речь прежде всего идет о сохранении жизни, здоровья тысяч граждан нашей страны, а это важнейшее направление государственной политики. Уровень безопасности дорожного движения напрямую влияет на устойчивость социально-экономического развития, на эффективную работу всей транспортной инфраструктуры России.

1. URL: http:www.kremlin.ru/events/president/news/51506

2. Сорокин В.Д. Парадоксы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2014. № 3.

3. Обобщение судебной практики по административным делам. URL: http://supcourt.ru

4. Куракин А.В. Компетенция полиции в сфере реализации законодательства об административных правонарушениях // NB: Административное право и практика администрирования. 2013. № 4.

5. Трунов И.Л. Проблемы безопасности дорожного движения // Административное и муниципальное право. 2013. № 8.

6. Подгайный А.М., Шиенкова А.С. Отдельные вопросы освидетельствования водителей транспортных средств на состояние алкогольного опьянения // Общество и право. 2015. № 2(52).

7. Голиусов Ю.В. Государственная транспортная политика как фактор национальной безопасности России: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010.

1. URL: http:www.kremlin.ru/events/president/news/51506

2. Sorokin V.D. Paradoxes of the Russian Federation Code of Administrative Offences // Administrative law and process. 2014. № 3.

3. Compilations of court decisions on administrative affairs. URL: http://supcourt.ru

4. Kurakin A.V. The competence of the police in the implementation of legislation on administrative offenses // NB: Administrative law and practice administration. 2013. № 4.

5. Trunov I.L. Road safety problems // Administrative and municipal law. 2013. № 8.

6. Podgainyi A.M., Shienkova A.S. Selected issues of examination of drivers of vehicles for alcoholic intoxication // Society and law. 2015. № 2(52).

7. Goliusov Yu.V. State transport policy as a factor of national security of Russia: diss. ... Dr of Political Sciences. Moscow, 2010.

Кушхов Хажмурат Лионович
ассистент кафедры теории и истории государства и права
Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова
(тел.: +79380777760)

О проблемах формирования единообразной правоприменительной практики при квалификации административных правонарушений в области миссионерской деятельности

В статье анализируются погрешности законодательной техники, имевшие место при описании содержания и порядка осуществления миссионерской деятельности. Выделяются проблемы, которые могут возникать при квалификации административных правонарушений в области осуществления миссионерской деятельности в период формирования правоприменительной практики по анализируемым административным деликтам.

Ключевые слова: миссионерская деятельность, административная ответственность, административное правонарушение, состав административного правонарушения, квалификация административного правонарушения.

H.L. Kushkhov, Assistant of the Chair of Theory and History of State and Law of the Institute of Law, Economy and Finance of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov; tel.: +79380777760.

About problems of formation of uniform law-enforcement practice at qualification of administrative offenses in the area of missionary activity

In the article the errors of legislative equipment taking place at the description of contents and a procedure of missionary activity are analyzed. Problems which can take place at qualification of administrative offenses in the field of implementation of missionary activity during formation of law-enforcement practice on the analyzed administrative delicts are allocated.

Key words: missionary activity, administrative responsibility, administrative offense, structure of an administrative offense, qualification of an administrative offense.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [1] были, в частности, внесены изменения в Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2], который был дополнен гл. III.1 «Миссионерская деятельность», регламентирующей понятие, содержание и порядок осуществления миссионерской деятельности, также внесены изменения в ст. 5.26 КоАП РФ [3], которая дополнена ч. 3–5, устанавливающими административную ответственность за незаконное осуществление миссионерской деятельности.

Исходя из того, какие споры в обществе и даже противодействие вызвал пакет антитеррористических поправок [4; 5], в числе которых были, в частности, законодательное закрепление содержания миссионерской деятельности и порядка ее осуществления, установление административной ответственности за ее незаконное осуществление, можно предположить наличие существенных сложностей, с которыми будет осуществляться правоприменительная практика по таким административным правонарушениям, по меньшей мере на первоначальном этапе.

Для лучшего понимания обозначенных нами сложностей правоприменительной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях в области осуществления миссионерской деятельности обратим внимание на результаты исследования профессора

В.В. Денисенко, выявившего взаимосвязь между правопониманием и правоприменением, а также аргументированно доказавшего, что «отношение к содержанию КоАП РФ не может быть однозначным не только ввиду погрешностей юридической техники, но, главным образом, в силу дискуссионности ряда его концептуальных положений» [6, с. 32]. Им же были сформулированы предложения по преодолению проблем, возникающих при реализации административной ответственности по составам административных правонарушений, предусмотренных статьями, имеющими бланкетный способ описания [7, с. 11–17], который характерен и для анализируемых нами ч. 3–5 ст. 5.26 КоАП РФ.

В свою очередь для реализации административной ответственности правоприменителю «требуется квалификация административного правонарушения, т.е. установление, обоснование и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава административного правонарушения, предусмотренного конкретной административно-правовой нормой Особенной части КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях» [8, с. 4].

Таким образом, для того, чтобы каждый и любой правоприменитель мог квалифицировать то или иное деяние, осуществляемое в рамках миссионерской деятельности, как административное правонарушение, предусмотренное соответствующей частью ст. 5.26 КоАП РФ, каждый и любой правоприменитель должен одинаково понимать как само содержание миссионерской деятельности, так и те запреты, нарушение которых и выступает нормативным основанием административной ответственности, а также круг лиц, подпадающих под определения субъекта данного административного правонарушения.

Вполне очевидно, что при бланкетном способе изложения нормы, закрепляющей состав административного правонарушения, гораздо сложнее достичь единообразия правоприменительной практики по ней.

И уже самый первый случай попытки применения в России норм об административной ответственности за административное правонарушение в области осуществления миссионерской деятельности, получивший широкую огласку, подтвердил наличие серьезных проблем, которые будут сопровождать процесс формирования единообразной правоприменительной практики при квалификации административных правонарушений в области миссионерской деятельности.

Пакет антитеррористических поправок вступил в силу 20 июня 2016 г., а уже 27 июля 2016 г. житель Черкесска Рашид Зитляужев обратился в республиканское МВД с просьбой привлечь к административной ответственности распространителя кришнаитской литературы. Сотрудники Центра противодействия экстремизму МВД Карачаево-Черкесской Республики сочли распространение религиозной литературы миссионерством и составили в отношении Вадима Сибирева протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ, хотя сам распространитель «не имеет никакого отношения к какой-либо определенной религиозной организации» [9]. Данную информацию распространили десятки информационных агентств [10; 11; 12]. Позднее на сайте Национальной Службы Новостей сообщалось, что рассмотрение дела, назначеное на 4 августа, трижды откладывалось, возможно, в силу того, что, по словам члена Общества сознания Кришны в Черкесске Мурата Хутова, «произошедший в Черкесске случай – первый, и ни обвинение, ни защита не знают, как себя вести» [13]. Данная тема вновь появилась на первых полосах СМИ 15 августа 2016 г., когда было сообщено «о прекращении судом в Черкесске дела о миссионерстве по пакету “Яровой”» [14; 15; 16].

Из размещенного в Интернете постановления суда следует, что 15 августа 2016 г. мировой судья судебного участка № 3 судебного района г. Черкесска КЧР Б.О. Джанкезов вынес постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ, в отношении В.Ю. Сибирева на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ – в связи с отсутствием состава административного правонарушения [17].

Изучение размещенного адвокатским кабинетом И.В. Загребиной в Интернете первого решения суда «по закону Яровой» [18] позволяет понять и оценить правопонимание сотрудника полиции, составившего протокол об административном правонарушении по ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ, предусматривающей административную ответственность за незаконную миссионерскую деятельность, и мирового судьи, не усмотревшего в этих действиях состава административного правонарушения.

Из объяснений сотрудника полиции следует, что причиной протокола составления об административном правонарушении послужили действия В.Ю. Сибирева по распространению

религиозной литературы, т.к., по мнению полицейского, п. 2 ст. 24.1 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в редакции от 6 июля 2016 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях» установлен запрет на распространение религиозной литературы. Мировой судья усмотрел в этом неправильное толкование сотрудником полиции закона. Кроме того, мировой судья обратил внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, перечень мест, где запрещено осуществление миссионерской деятельности, определен п. 3 ст. 24.1 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в редакции от 6 июля 2016 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях», и, во-вторых, нормой не установлен запрет на проведение миссионерской деятельности в публичных местах. В-третьих, расширительное толкование мест, где запрещена миссионерская деятельность, напрямую противоречит ст. 28 Конституции РФ [19] и п. 3 ст. 2 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», т.к. «ничто в законодательстве о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях не должно истолковываться в смысле умаления или ущемления прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, гарантированных Конституцией Российской Федерации или вытекающих из международных договоров Российской Федерации» [2]. В-четвертых, В.Ю. Сибирев, распространяя религиозную литературу, реализовывал свое личное право на распространение своих религиозных взглядов, а не действовал от имени религиозного объединения и не реализовывал право религиозного объединения на распространение своего вероучения. Таким образом, в его действиях нет совокупности признаков миссионерской деятельности. А если он не осуществлял миссионерской деятельности, то и не может быть субъектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ. Таким образом, решение мирового судьи о прекращении производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ, в отношении В.Ю. Сибирева верно.

Проведенное исследование, включая анализ материалов первого в России дела об административном правонарушении в сфере осуществления миссионерской деятельности, позволяет сделать следующие выводы.

На первоначальном этапе формирования правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях в области осуществления миссионерской деятельности неизбежно значительное число ошибок при квалификации указанных деяний как на стадии составления протокола об административном правонарушении, так и при рассмотрении дел об административных правонарушениях, что обусловлено, с одной стороны, недостаточно точной регламентацией законодателями содержания и порядка осуществления миссионерской деятельности, с другой – различным толкованием норм лицами, уполномоченными на осуществление административно-юрисдикционной деятельности, и судьями, рассматривающими дела данной категории.

С целью формирования единообразной правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях в области осуществления миссионерской деятельности требуется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ о порядке применения норм об административной ответственности по делам об административных правонарушениях в области осуществления миссионерской деятельности, а также регулярное опубликование обзоров судебной практики по делам данной категории.

1. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Рос. газ. 2016. 8 июля. Федер. вып. 7017(149).

2. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) //

1. About amendment of the Federal law «About counteraction to terrorism» and separate acts of the Russian Federation regarding establishment of additional measures of counteraction to terrorism and ensuring public safety: fed. law d.d. July 6, 2016 № 374-FL // Rus. newsp. 2016. July 8. Fed. iss. 7017(149).

2. About liberty of conscience and about religious associations: fed. law d.d. Sept. 26, 1997 № 125-FL (as amended on July 6, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1997.№ 39. Art. 4465.

Собр. законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 6 июля 2016 г.) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1.

4. Горбатов А. Тотальный контроль дает обратный эффект. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/07/06/totalnyj_kontrol_daet_obratnyj_effekt

5. Преображенская Е. Голосование против закона Яровой закончилось. URL: http://politros.com/politic/13580

6. Денисенко В.В. Некоторые проблемы правопонимания и правоприменения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2007. № 5.

7. Денисенко В.В. Некоторые проблемы реализации административной ответственности и их преодоление // Актуальные проблемы правопонимания и правоприменения: материалы II региональной науч.-практ. конф. Волжский, 2008.

8. Денисенко В.В. Административная ответственность за нарушения законодательства о выборах и референдумах (Извлечение из методического пособия для сотрудников милиции по предотвращению нарушений правил ведения предвыборной агитации и проявления экстремизма участниками избирательного процесса (административно-правовой аспект)) // Избирательная комиссия Ростовской области. Ростов н/Д, 2011.

9. Кантер М. Заведено первое дело по «закону Яровой» // Актуальные комментарии. URL: http://actualcomment.ru/zavedeno-pervoe-delo-delo-po-zakonu-yarovoy-1608112005.html

10. Мухаметшина Е. Кришнаит попал под закон Яровой. URL: http://vedomosti.newspaperdirect.com/epaper/viewer.aspx

11. В Черкесске на кришнаита завели первое дело по «пакету Яровой». URL: https://lenta.ru/news/2016/08/11/yarovoy

12. В России завели первое дело по «закону Яровой». URL: https://snob.ru/selected/entry/112194

13. Первое дело по «пакету Яровой». Кришнаиты надеются на скорую отмену закона. URL: http://nsn.fm/society/pervoe-delo-po-paketu-yarovoy-krishnaity-nadeyutsya-na-skoruyu-otmenu-zakona.php

14. Суд в Черкесске прекратил дело о миссионерстве по «пакету Яровой». URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/57ad9d1a9a7947e0e1ab0ed3

3. The Code of the Russian Federation about administrative offenses d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (as amended on July 6, 2016) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1, pt. 1. Art. 1.

4. Gorbatov A. Total control gives a boomerang effect. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/07/06/totalnyj_kontrol_daet_obratnyj_effekt

5. Preobrazhenskaya E. Vote against the Yarovaya law ended. URL: http://politros.com/politic/13580.

6. Denisenko V.V. Some problems of legal consciousness and law enforcement of the Code of the Russian Federation about administrative offenses // Administrative law and process. 2007. № 5.

7. Denisenko V.V. Some problems of realization of administrative responsibility and their overcoming // Actual problems of legal consciousness and law enforcement: proc. of the II regional sci. and pract. conf. Volzhsky, 2008.

8. Denisenko V.V. Administrative responsibility for violations of the legislation on elections and referenda (Extraction from a methodical grant for police officers on prevention of violations of the rules of conducting election propaganda and manifestation of extremism by participants of electoral process (administrative and legal aspect)) // Electoral commission of the Rostov region. Rostov-on-Don, 2011.

9. Kanter M. The first case on «Yarovaya law» is initiated // Actual comments. URL: http://actualcomment.ru/zavedeno-pervoe-delo-delo-po-zakonu-yarovoy-1608112005.html

10. Mukhametshina E. The Krishnaite got under the Yarovaya law. URL: http://vedomosti.newspaperdirect.com/epaper/viewer.aspx

11. In Cherkessk on the Krishnaite initiated the first case on «Yarovaya package». URL: https://lenta.ru/news/2016/08/11/yarovoy

12. In Russia initiated the first case on «Yarovaya law». URL: https://snob.ru/selected/entry/112194.

13. The first case on «Yarovaya package». Krishnaites hope for fast cancellation of the law. URL: http://nsn.fm/society/pervoe-delo-po-paketu-yarovoy-krishnaity-nadeyutsya-na-skoruyu-otmenu-zakona.php

14. The court in Cherkessk stopped case of missionary work on «Yarovaya package». URL:

po-paketu-yarovoy-krishnaity-nadeyutsya-na-skoruyu-otmenu-zakona.php

14. Суд в Черкесске прекратил дело о миссионерстве по «пакету Яровой». URL: http://news.sputnik.ru/proisshestviya/99ef6e157d5749d1cd8955d4e110da5636dd24ed

15. URL: https://ovdinfo.org/express-news/2016/08/15/sud-v-cherkesske-prekratil-delo-o-missionerstve-po-paketu-yarovoy

16. Кришнаит избежал наказания за нарушение закона из «Пакета Яровой». URL: http://в-деталях.рф/кришнаит-избежал-наказания-за-наруше/694850

17. Постановление по делу об административном правонарушении от 15 авг. 2016 г. в отношении Сибирева В.Ю. URL: http://media.wix.com/ugd/64f58a_7d4276240dfc430ead36ea63f398e723.pd

18. Сайт адвокатского кабинета Загребиной И.В. URL: http://www.zagrebina.ru

19. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5. февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

http://news.sputnik.ru/proisshestviya/99ef6e157d5749d1cd8955d4e110da5636dd24ed

15. URL: https://ovdinfo.org/express-news/2016/08/15/sud-v-cherkesske-prekratil-delo-o-missionerstve-po-paketu-yarovoy

16. The Krishnaite avoided punishment for violation of the law from «Yarovaya Package». URL: http://in-details.rf/krishnaite-avoided-punishment-for-viol/694850

17. The resolution on the case of an administrative offense d.d. Aug. 15, 2016 concerning Sibirev V.Yu. URL: http://media.wix.com/ugd/64f58a_7d4276240dfc430ead36ea63f398e723.pd

18. Website of a lawyer office of Zagrebina I.V. URL: http://www.zagrebina.ru

19. The Constitution of the Russian Federation: accepted by national vote d.d. Dec. 12, 1993 (taking into account the amendments made by laws of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation d.d. Dec. 30, 2008 № 6-FCL, d.d. Dec. 30, 2008 № 7-FCL, d.d. Febr. 5, 2014 № 2-FCL, d.d. July 21, 2014 № 11-FCL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Art. 4398.

Бочкарева Екатерина Александровна
доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой административного и финансового права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(e-mail: finansyst11@gmail.com)

Вороненко Елена Валентиновна
старший преподаватель кафедры административного и финансового права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(e-mail: marmesonya@yandex.ru)

Аудит финансовой деятельности образовательных учреждений как мера борьбы с коррупцией

В статье рассматриваются причины и условия коррупционных проявлений в финансовой деятельности образовательных учреждений. Обосновывается возможность использования аудиторских проверок в качестве способа предотвращения нарушений распределения и расходования финансовых средств.

Ключевые слова: образовательное учреждение, борьба с коррупцией, аудит, аудиторская проверка, финансовый контроль.

E.A. Bochkareva, Doctor of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice; e-mail: finansyst11@gmail.com;
E.V. Voronenko, Senior Lecturer of the Chair of Administrative and Financial Law of the North Caucasus branch of the Russian State University of Justice; e-mail: marmesonya@yandex.ru

Audit of educational institutions financial activities as a measure to prevent corruption

The authors of the article are exploring causes and conditions of corruption in educational institutions financial activities. The authors justify possibility of use audits to prevent violations in distribution and spending of budgetary funds.

Key words: educational institutions, fight against corruption, audit, audit work, finacial control.

Общеизвестно, что масштабы коррупции наиболее значимы именно в тех сферах, где происходит распределение и перераспределение бюджетных средств. Также известно, что образовательная деятельность финансируется за счет бюджетов, причем разных уровней, в зависимости от того, что это за деятельность. Следовательно, в орбиту коррупционных проявлений в той или иной степени вовлечены образовательные организации всех уровней: и университеты, и средние специальные образовательные учреждения, и школы, и детские дошкольные учреждения.

Факторы, провоцирующие финансовую коррупцию в образовании (назовем ее так, чтобы отграничить предмет исследования от бытовой коррупции и иных коррупционных проявлений в образовательной сфере – взяток при поступлении, конфликтов интересов, фаворитизма и т.д.), весьма многообразны. Это и развитие инновационных программ, сопряженное с выделением на конкурсной основе бюджетных средств (в случаях, когда конкурс имеет исключительно формальный характер), и издание учебной литературы (в издательствах, аффилированных с должностными лицами образовательных учреждений), и получение вузовских грантов, и размещение госзаказов.

Еще одним, относительно «свежим» фактором формирования коррупционного риска стало нормативно-подушевое финансирование [1, с. 50–59], переход к которому в сфере высшего и среднего специального образования начался с принятием Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [2], а на иных уровнях – еще раньше [3].

Не вдаваясь в вопросы целесообразности введения нового подхода к определению уровня затрат (эти вопросы, на наш взгляд, требу-

ют самостоятельного и вдумчивого изучения), отметим, что на практике введенный порядок спровоцировал волну нарушений в виде искусственного увеличения численности обучающихся. Появились целые «школы-призраки», а «мертвые души» были обнаружены в интернатах и детских садах [4].

Все сказанное актуализирует вопросы совершенствования мер борьбы с коррупционными проявлениями, в том числе тех, которые направлены на предотвращение нарушений в сфере распределения и расходования дефицитных бюджетных ресурсов, но ранее в деле борьбы с коррупцией в образовании широко не применялись. Речь идет об аудите финансовой деятельности образовательных учреждений.

Аудит рассматривается нами как вид независимого непубличного финансового контроля, широко используемый в мировой практике для обеспечения достоверности финансовой (бухгалтерской) отчетности проверяемого лица. Для объективности отметим, что существуют и иные точки зрения относительно понятия и объема содержания рассматриваемой категории. Так, по мнению Е.В. Рябовой, аудит и контроль не тождественны друг другу, целью аудиторской проверки является сбор информации, ее анализ, формирование выводов и рекомендаций в интересах третьих лиц. При этом «...финансовый контроль представляет собой сбор информации и анализ на предмет соответствия законодательству» [5, с. 13–16].

Правовая основа осуществления аудита в Российской Федерации в настоящее время сформирована и включает в себя Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», постановление Правительства РФ от 11 июня 2015 г. № 576 «Об утверждении Положения о признании международных стандартов аудита подлежащими применению на территории Российской Федерации», Федеральные правила (стандарты) аудиторской деятельности, утвержденные Правительством РФ, Федеральные стандарты аудиторской деятельности, утвержденные Минфином России, Кодекс профессиональной этики аудиторов и ряд других актов.

Отечественные и зарубежные специалисты, рассматривая вопросы противодействия коррупции, определяют аудит, во-первых, как средство борьбы с коррупцией [6, с. 44–52], во-вторых – как инструмент противодействия коррупции [7, с. 10–22].

Многообразно не только доктринальное, но и нормативное дефинирование аудита в его взаимосвязи с антикоррупционной политикой. Так, для обозначения данного относительно самостоятельного направления антикоррупционной деятельности в отдельных нормативных правовых актах стали использоваться термины «антикоррупционный аудит» [8], «аудит антикоррупционной политики» [9], «аудит результатов реализации антикоррупционной политики» [10].

На практике более широко известен аудит образовательных учреждений, проводимый с целью установления соответствия образовательной деятельности существующим образовательным стандартам и требованиям.

На наш взгляд, речь может идти об аудите образовательных учреждений как независимой оценке их финансовой деятельности с целью предотвращения и выявления коррупционных проявлений.

Следует отметить, что за рубежом внешний аудит является весьма эффективным механизмом борьбы с коррупцией и существенно снижает потенциальные коррупционные риски в сфере финансирования образования. Так, в Англии аудит является обязательным и проводится на регулярной основе на уровне школьных образовательных учреждений [11, с. 266].

Российское законодательство об аудиторской деятельности предусматривает значительный перечень оснований для проведения обязательной аудиторской проверки. Отметим, что в соответствии с информацией Минфина России перечень случаев проведения обязательного аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности за 2015 г. (согласно законодательству Российской Федерации) включает в себя 60 таких случаев [12].

Обязательность аудита может быть обусловлена определенной организационно-правовой формой субъекта проверки (обязательным будет аудит для открытых акционерных обществ, государственных компаний, госкорпораций), осуществлением определенного вида деятельности (например, кредитной, страховой, брокерской, дилерской, по проведению азартных игр и др.), соответствием собственных финансовых показателей установленным в законе параметрам (подп. 4 п. 1 ст. 5 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» [13]). Кроме того, обязательной является аудиторская проверка для Центрального банка России, Агентства по страхованию вкладов, Внешэкономбанка, Российского научного фонда и ряда других субъектов.

В целом, плюсы обязательного аудита сводятся к тому, что с информацией о достоверности бухгалтерской (финансовой) отчетности

может ознакомиться неограниченный круг участников разнообразных общественных отношений. При этом наличие такой информации повышает статус самого проверяемого, свидетельствует о его надежности, финансовой устойчивости, соблюдении им в своей деятельности принципа законности.

Недостатком обязательного аудита, имеющим объективный характер, является платность услуг по проведению аудиторской проверки. Иными словами, в случае потребности проведения независимой оценки и подтверждения финансовой добросовестности образовательная организация должна самостоятельно нести расходы по оплате услуг аудитора. Такой подход в условиях крепнущей тенденции секвестирования бюджетных расходов сокращает возможность массового использования аудита как меры борьбы с коррупцией в образовательной среде. Однако, на наш взгляд, не исключает такую возможность полностью.

Аудит финансовой деятельности, проводимый инициативно, в добровольном порядке, может стать весомым конкурентным преимуществом на рынке соответствующих услуг и в первую очередь – для негосударственных образовательных организаций. Для организаций, финансируемых из бюджета, наличие у заинтересованных субъектов (например, органов родительского самоуправления, профсоюзных органов и др.) права инициировать проведение аудиторской проверки может стать действенной профилактической мерой предупреждения злоупотреблений со стороны управленческих структур.

Правовая форма реализации изложенной инициативы представляется нам в виде установления в качестве основания для приостановления лицензии образовательной организации уклонения ее учредителей от проведения, а равно воспрепятствования проведению инициативного независимого аудита финансовой деятельности.

Полагаем, что в случае реализации данного предложения должна повыситься надежность системы мер противодействия коррупции в образовательных учреждениях, а принятие решений по управлению их деятельностью со стороны публично-правовых образований, учредителей и органов управления станет более взвешенным и ответственным.

1. Марова О. Нормативно-подушевое финансирование образовательных учреждений // Учреждения образования: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. № 7.

2. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 // Собр. законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2336.

3. О введении нормативного подушевого финансирования дошкольных образовательных учреждений: письмо Минобрнауки РФ от 1 дек. 2008 г. № 03-2782. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Сайт «Кубань 24». URL: http://kuban24.tv/item/v-krasnodare-zaveduyuschuyu-detsadom-budut-sudit-za-mertvyie-dushi-137690 (дата обращения: 25.06.2016).

5. Рябова Е.В. Государственный аудит: возможность закрепления данного понятия в российском законодательстве // Юрид. мир. 2013. № 2.

6. Манохина И.Н., Манохин Р.В. Экономико-правовые аспекты применения аудиторского финансового контроля в борьбе с коррупцией // Вестн. Тамбов. ун-та. 2013. № 1(117).

1. Marova A. Normative per capita financing of educational institutions // Educational institutions: accounting and taxation. 2014. № 7.

2. On measures for the implementation of state policy in the field of education and science: decree of the President of the Russian Federation d.d. May 7, 2012 № 599 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2012. № 19. Art. 2336.

3. On the introduction of normative per capita funding of preschool educational institutions: letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation d.d. Dec. 1, 2008 № 03-2782. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. «Kuban 24» Site. URL: http://kuban24.tv/item/v-krasnodare-zaveduyuschuyu-detsadom-budut-sudit-za-mertvyie-dushi-137690 (date of access: 25.06.2016).

5. Ryabova E.V. State audit: the opportunity to consolidate this concept in the Russian legislation // Legal world. 2013. № 2.

6. Manohina I.N., Manohin R.V. Economic and legal aspects of the audit of financial control in the fight against corruption // Bull. of Tambov. university. 2013. № 1(117).

7. Chkhutiashvili L.V. Performance audit as a tool for combating corruption in the Russian Federation // Finance and management. 2014. № 3.

7. Чхутиашвили Л.В. Аудит эффективности как инструмент противодействия коррупции в Российской Федерации // Финансы и управление. 2014. № 3.

8. О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан: указ Президента Республики Татарстан от 8 апр. 2005 г. № УП-127 // Ведомости Государственного совета Татарстана. 2005. № 4, ч. II. Ст. 460.

9. О долгосрочной целевой программе муниципального образования «город Майкоп» по реализации антикоррупционной политики в муниципальном образовании «город Майкоп»: постановление главы муниципального образования «город Майкоп» от 10 июля 2009 г. № 516 // Майкопские новости. 2009. 14 июля.

10. Об утверждении положения о постоянной Рабочей группе по вопросам реализации антикоррупционной политики и ее составе: постановление главы администрации Спасского района Республики Татарстан от 20 сент. 2005 г. № 271. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Терешкова В.В. Сравнительный анализ успешных практик противодействия коррупции в сфере школьного образования в зарубежных странах // Актуальные проблемы экономики и права. 2005. № 1.

12. Перечень случаев проведения обязательного аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности за 2015 год (согласно законодательству Российской Федерации): информация Минфина России. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об аудиторской деятельности: федер. закон от 30 дек. 2008 г. № 307-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

8. Republic of Tatarstan anti-corruption policy strategy: decree of the President of the Republic of Tatarstan d.d. Apr. 8, 2005 № UP-127 // Bull. of the State Council of Tatarstan. 2005. № 4, pt. II. Art. 460.

9. On the long-term target program of the municipality «City of Maikop» on the implementation of anti-corruption policy in the municipality «City of Maikop»: resolution of the head of the municipal formation «City of Maikop» d.d. July 10, 2009 № 516 // Maikop news. 2009. July 14.

10. On approval of the provision of the permanent Working group on the implementation of anti-corruption policy and its composition: decree of head of Spassky district of the Republic of Tatarstan d.d. Sept. 20, 2005, № 271. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

11. Tereshkova V.V. Comparative analysis of successful practices in the field of anti-corruption school education in foreign countries // Actual problems of economics and law. 2005. № 1.

12. List of cases of compulsory audit of accounting (financial) statements for 2015 (according to Russian legislation): the Ministry of Finance of Russia Information. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

13. On auditing: fed. law d.d. Dec. 30, 2008 № 307-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2009. № 1. Art. 15.

Сидоренко Элина Леонидовна
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (университета) МИД России
(e-mail: 12011979@list.ru)

Криптовалюта как новый юридический феномен

В статье оцениваются криминологические риски оборота виртуальной валюты. Основное внимание уделяется ее правовой природе, поиску соответствий между статусом криптовалюты и статусами товара, коммодити, финансового инструмента и денежного суррогата. На основе сформулированных выводов предлагается несколько стратегий совершенствования законодательства в сфере оборота виртуальной валюты.

Ключевые слова: криптовалюта, виртуальная валюта, товар, коммодити, финансовый инструмент, правовое регулирование, криминологические риски.

E.L. Sidorenko, Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry; e-mail: 12011979@list.ru

Cryptocurrency as a new legal phenomenon

The article estimates the criminological risks of virtual currency trafficking. It focuses on its legal nature, finding correspondences between cryptocurrency status and status of the goods, a commodity, a financial instrument and money substitutes. On the basis of the findings offered several strategies for improving the legislation in the field of virtual currency trafficking.

Key words: cryptocurrency, virtual currency, goods, commodity, financial instrument, legal regulation, criminological risks.

Активное развитие Интернета и расширение интеграционного пространства в сфере финансового регулирования приводят к появлению новых финансовых продуктов и инструментов, основным предназначением которых является удовлетворение возросших потребностей хозяйствующих субъектов в эффективном, безопасном и оперативном денежном обмене. Одним из таких инструментов является криптовалюта – децентрализованная электронная валюта, созданная Сатоси Накамото в 2009 г.

Отсутствие единого эмитента, возможность осуществлять микроплатежи (допустимо дробление одной единицы до $1/10^8$), режим работы 24/7, отсутствие посредников в виде кредитных организаций, низкая себестоимость трансакций и отсутствие юрисдикционных границ сделало эту криптовалюту привлекательным денежным инструментом. Только по приблизительным подсчетам, в 2016 г. по сравнению с 2010 г. объем вычислительной мощности наиболее популярной виртуальной валюты биткойн возрос в 100 трлн раз, а по сравнению с 2015 г. – в 10 раз. Только за последний год оборот криптобирж увеличился в 8,5 раза (с 48 до 415 млн долл.), число крупных биткойн-компаний – в 3,5 раза (с 14 до 59), а биткойн-автоматов – в 2 раза. Кроме того, существенно возросла стоимость биткойна (далее – BTC): с 0,003 долл. США (начало продаж в апреле 2010 г.) до 607 долл. США в сентябре 2016 г. [1].

Как отметил в своем докладе разработчик BTC С. Накамото, традиционная интернет-коммерция опирается на финансовые учреждения, которые, по сути, являются не чем иным, как верификаторами сделки. А отсутствие необратимых трансакций заставляет банки более детально подходить к идентификации клиента, что увеличивает финансовые и временные затраты клиентов. Выход из этой проблемы создатель BTC видел в разработке такой платежной системы, которая была бы основана на криптографии и позволяла любым лицам осуществлять перевод средств напрямую (механизм P2P (peer to peer – от клиента к клиенту)) [2, с. 12].

Но решая проблему верификации трансакций посредством использования криптографического кодирования, он поставил перед мировым сообществом куда более серьезные проблемы, связанные с правовым регулирова-

нием криптовалюты и минимизацией рисков ее использования в преступных целях [3, с. 150].

В настоящее время вопросы о правовой природе и правовых рисках использования криптовалюты не только не решены, но и надлежащим образом не поставлены. Во многом это объясняется тем, что специалисты искусственно создают данные проблемы, увеличивая водораздел между оценкой существа и последствий оборота виртуальных денег.

Об этом, в частности, свидетельствуют специальные доклады международных организаций. Например, в докладе Европола, опубликованном 30 сентября 2015 г., «Оценка угрозы организованных Интернет-преступлений» отмечается широкое использование криптовалюты в сфере мошеннических атак и не говорится об экономическом потенциале данного финансового инструмента [4]. В то же время Европейское банковское управление (European Banking Authority, EBA) в своих аналитических материалах указывает только на экономические преимущества криптовалюты и не упоминает о возможных криминологических угрозах. Аналогичным образом подходит к этой проблеме и ОЭСР [5, с. 88].

Но если посмотреть на проблему криптовалюты с общетеоретических позиций, становится очевидным, что криминальное использование этого финансового инструмента является не чем иным, как «оборотной» стороной его легализации. Чтобы запретить оборот криптовалюты как потенциально криминогенного инструмента, необходимо обозначить зону его легитимности. Иными словами, определить зону запрета оборота можно только при условии обозначения зоны его свободы. Применительно к криптовалюте это означает, что ее правовая идентификация должна осуществляться через закрепление правомерных параметров оборота, а криминологические риски должны быть отражены в запрете на нарушение условий правомерности [3, с. 153].

Однако этот, казалось бы, ожидаемый вывод не был учтен при подготовке Министерством финансов РФ проекта закона об уголовной ответственности за оборот денежных суррогатов [6].

Авторы законопроекта предлагали ввести в УК РФ ст. 187.1 «Оборот денежных суррогатов» и установить ответственность в виде штрафа до 500 тыс. руб. либо лишения свободы на срок до четырех лет за изготовление, приобретение в целях сбыта, а также сбыт денежных суррогатов. Квалифицированным составом данного преступления должно было стать совершение деяния лицом, осуществляющим управленческие функции в финансовой организации (кредитная организация, страховая организация, профессиональный участник рынка ценных бумаг, негосударственный пенсионный фонд, управляющая компания инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда, клиринговая организация, организатор торговли, кредитный потребительский кооператив, микрофинансовая организация, общество взаимного страхования, акционерный инвестиционный фонд). В этом случае предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо штрафа в размере от одного до двух с половиной млн руб.

Наряду с введением уголовной ответственности, Минфин России предлагал внести в ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» изменения в части конкретизации сферы применения охранительного законодательства. В частности, предлагалось дополнить закон следующим положением: «Введение на территории Российской Федерации других денежных единиц (кроме рубля – примечание автора) и изготовление (выпуск) объектов имущественных прав, в том числе в электронном виде, используемых в качестве средства платежа и (или) обмена на денежные средства и непосредственно не предусмотренных федеральным законом (далее – денежные суррогаты), а равно осуществление операций с использованием денежных суррогатов запрещаются. Не признаются денежными суррогатами объекты имущественных прав, возникающие в результате исполнения сторонами обязательств по договорам гражданско-правового характера и используемые в целях стимулирования приобретения товаров, работ, услуг. Банк России в установленном им порядке принимает в соответствии со ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2015 г. № 149-ФЗ “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” решения, в том числе на основании обращений (запросов), в отношении информации, непосредственно обеспечивающей использование денежных суррогатов в качестве средства платежа и (или) обмена на денежные средства».

Некоторые положения настоящего законопроекта вызывают существенные возражения. В первую очередь это касается рассмотрения денежного суррогата одновременно как противоправного и легитимного финансового инструмента. С одной стороны, разработчики законопроекта указывают на запрет изготовления и использования на территории Российской Федерации денежных суррогатов, с другой стороны, определяют их через легитимное

понятие – «объект имущественных прав». Но если суррогат вне закона, то он априори не может быть объектом имущественных прав, ибо права возникают только в легитимной сфере – в рамках законного гражданского оборота.

Вызывает возражение и прописанная в проекте ст. 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» возможность признания того или иного суррогата легитимным в случае вынесения соответствующего решения ЦБ РФ. Дело в том, что абзацем выше разработчики законопроекта прописывают запрет на оборот инструментов, непосредственно не предусмотренных федеральным законом.

В этой связи возникают сущностные вопросы.

Если суррогат – это изначально противоправный инструмент, то как его оборот может разрешить ЦБ РФ?

Если легитимность того или иного финансового инструмента определяется исключительно федеральным законодательством, то почему на его признание правомерным влияет решение ЦБ РФ, которое оформляется как подзаконный правовой акт?

Кроме того, чрезмерно узким видится прописанное в законопроекте функциональное использование суррогата в качестве средства платежа и (или) обмена на денежные средства. Получается, что если лицо использует криптовалюту с целью сохранения имущества, его действия нельзя признать общественно опасными.

Возражение вызывает и проект редакции ст. 187.1 УК РФ. В нем предлагается установить ответственность за изготовление (выпуск), приобретение в целях сбыта, а равно сбыт денежных суррогатов безотносительно размера полученной выгоды или причиненного вреда. Между тем в подавляющем большинстве статей гл. 22 УК РФ осуществлена дифференциация ответственности в зависимости от размера ущерба или вреда. Не значит ли это, что при установлении ответственности за оборот криптовалюты нарушается принцип системности уголовного законодательства и не соблюдаются требования дифференциации ответственности, обязывающие учитывать перепад в общественной опасности деяния?

Нельзя согласиться и с чрезмерно жесткой санкцией за оборот денежных суррогатов. По ч. 1 ст. 187.1 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 4 лет, по ч. 2 – до 6 лет, по ч. 3 – до 7 лет. Для сравнения: наказанием за незаконное предпринимательство является арест на срок до 6 месяцев, наказание за манипулирование рынком – до 4 лет лишения свободы, за незаконную банковскую деятельность – 4 года при условии причинения ущерба свыше 1,5 млн руб., за мошенничество в сфере компьютерной информации – арест на срок до 4 месяцев.

Об избыточности уголовно-правовой репрессии говорит и наказание в виде семи лет лишения свободы за совершение деяния лицом, выполняющим управленческие функции в финансовой организации. В этом случае санкция может быть приравнена к санкции за убийство (от 6 до 15 лет) и групповое изнасилование (от 4 до 10 лет).

К сожалению, при разработке проекта закона не была принята во внимание и конструкция административной преюдиции, которая могла бы перебросить «мостик» между административным и уголовным правом, обеспечив ступенчатость в наказуемости финансовых правонарушений.

Но самым удивительным является тот факт, что рассматриваемый законопроект был предложен для обсуждения экспертным сообществом тогда, когда большинство авторитетных международных экспертов стали признавать необходимость и неизбежность развития системы Блокчейн и криптовалюты как ее основного продукта [7].

В настоящее время законодателю необходимо признать, что криптовалюта – это уже не призрачная перспектива, а объективное экономическое и правовое явление, требующее создания оптимальных правовых условий для своего развития.

Внесение изменений в действующее законодательство не должно позволить России «выпасть» из общего тренда развития финансовых технологий и допустить отток капитала, но в то же время оно должно минимизировать риски использования виртуальной валюты для легализации преступных доходов и финансирования терроризма.

В этих условиях наука должна предложить практике правовую концепцию криптовалюты, которая бы определяла ее предметные границы и разграничивала зоны свободного и «теневого» оборота.

Ключевым звеном в данной концепции должно стать определение статуса криптовалюты.

Обобщение существующих в мировой и зарубежной практике позиций позволяет выделить четыре основных подхода к оценке виртуальной валюты:

криптовалюта как денежное средство;

криптовалюта как универсальный финансовый инструмент;

криптовалюта как товар;

виртуальная валюта как денежный суррогат.

Одним из ключевых доводов в пользу первой позиции стало решение суда Евросоюза приравнять биткойн к традиционным валютам после обращения шведа Дэвида Хэдквиста. Как указал суд, единственное назначение витуальной валюты – это ее использование в качестве средства платежа [8]. Именно на идее «криптовалюта – форма валюты» строил свою первичную концепцию ЦБ РФ, именно на этих позициях стоят и правоохранительные ведомства (СК России, МВД России, Генеральная прокуратура РФ).

Рассмотрение криптовалюты как универсального финансового инструмента кажется наименее затратным с точки зрения финансовых вложений. В рамках концепции «криптовалюта – финансовый инструмент» запрет оборота криптовалюты может быть осуществлен через корректировку финансового законодательства и наложения запретов на обеспечивающие оборот виртуальной валюты программные платформы.

Третий подход основан на признании криптовалюты товаром. Этот подход поддерживается Комиссией по торговле товарными фьючерсами США. В соответствии с ее постановлением от 7 сентября 2015 г. биткойны и иные криптовалюты признаются биржевым товаром, а сопряженные с криптовалютами операции на бирже находятся под надзором Комиссии и признаются легальными [9]. В случае принятия данной позиции в России запрещение или регулирование оборота криптовалюты необходимо будет осуществлять исключительно в рамках биржевой деятельности, а с учетом свободы и гибкости последней любые запретительные меры должны четко дозироваться.

Четвертый подход позволяет рассматривать криптовалюту как денежный суррогат. Однако в данном контексте денежный суррогат не имеет негативного звучания, а лишь отражает сущность явления как объекта имущественных прав, способного одновременно выступать и как товар, и как средство расчетов, и как средство накоплений, выпуск которого не эмитируется Центральным банком.

В тесном сотрудничестве с финансовым сообществом мы должны четко ответить на вопрос о том, какова финансовая сущность криптовалюты и каким должно быть ее правовое выражение для того, чтобы российская экономика эффективно развивалась и интегрировалась в мировую систему.

В зависимости от того, какой статус мы придадим виртуальным деньгам, должно изменяться и действующее законодательство:

если это деньги – важно вносить изменения в правила эмиссии, закрепленные в Конституции, законодательстве о ЦБ РФ и других нормах;

если это платежный инструмент – важно внести изменения в закон о платежной системе и др.;

если это товар (коммодити) – необходимо изменение законодательства в сфере биржевой торговли;

если это денежный суррогат – необходимо дать определение этому понятию и подготовить специальный закон, который бы детально регламентировал оборот денежных суррогатов.

Вопрос о том, что такое криптовалюта, напрямую выводит нас на обсуждение таких острых проблем, как налоговое регулирование оборота криптовалюты, биржевого курса, оборота по частным сделкам и т.д.

Только на основе придания криптовалюте конкретного правового статуса возможно контролировать и ограничивать ее оборот. Кроме того, легальное определение признаков виртуальной валюты позволит вывести из тени большой блок легального бизнеса, использующего криптовалюту для ускорения процесса расчетов, и рельефно обозначит сферу «теневого бизнеса» (мошенничество, продажа оружия, наркотических средств и др.).

Легитимация признаков криптовалюты позволит также повысить эффективность финансовой разведки, поскольку появится возможность адаптировать современные «антиотмывочные» стандарты и рекомендации к особенностям виртуальной валюты.

В этом случае актуализируется вопрос о распространении положений Директивы Европейского Парламента и Совета № 2015/849 от 20 мая 2015 г. по предотвращению использования финансовой системы для целей отмывания денег и финансирования терроризма на использование криптовалют в части надлежащей проверки клиента.

Полагаем, что применительно к криптовалютам необходимо нормативно закрепить пять параметров легитимности:

1) идентификация клиента (сбор данных);

2) верификация на основе документов, данных и информации (проверка достоверности);

3) определение бенефициарного собственника;

4) оценка целей деловых отношений;

5) мониторинг в соответствии с профилем риска.

В настоящее время можно говорить о двух возможных формах законодательного регулирования оборота криптовалюты:

1. Внесение отдельных изменений в действующее законодательство. В случае легали-

зации виртуальной валюты заметной доработки потребует законодательство о платежной системе, о лицензировании отдельных видов деятельности, налоговое и банковское законодательство.

Реализуя данную концепцию, необходимо будет уделить особое внимание установлению зон особого контроля и финансового мониторинга.

Первой зоной контроля должна стать идентификация. Идентифицироваться должны пользователи, майнеры, магазины, биржы и обменные пункты.

Вторая зона – биржи и обменные площадки. Они должны иметь специальную лицензию, выданную Центральным банком.

Третьей зоной контроля должно быть обналичивание криптовалюты. На эту операцию должны распространяться рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ).

2. Разработка специального закона «Об основах регулирования криптовалюты», в котором должны найти отражение законодательное определение криптовалюты и ее основные признаки, субъекты отношений, принципы регулирования, меры противодействия использованию криптовалюты в преступных целях. Для этого важно установить доступность информации о трансакциях для надзорных органов, осуществлять лицензирование майнинга и проводить аккредитацию организаций, контролирующих процессинг, и др.

1. URL: http://bitkurs.ru/

2. Лейба А.Реальная жизнь виртуальных денег // ЭЖ-Юрист. 2014. № 23.

3. Сидоренко Э.Л. Криминологические риски оборота криптовалюты и проблемы ее правовой идентификации // Библиотека криминалиста. 2016. № 3.

4. URL: https://www.europol.europa.eu/

5. Сидоренко Э.Л. Антикоррупционные стандарты ОЭСР и их реализация в национальном уголовном праве (опыт прохождения странами третьей фазы оценки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 1.

7. Слушания Комитета по экономическим и монетарным вопросам Европарламента 25 янв. URL: http://www.coindesk.com/europol-no-evidence-linking-islamic-state-to-bitcoin

8. URL: http://curia.europa.eu/

9. URL: http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-09-17/bitcoin-is-officially-a-commodity-according-to-u-s-regulator

1. URL: http://bitkurs.ru/

2. Leiba A. The real life of virtual money // EJ-Lawyer. 2014. № 23.

3. Sidorenko E.L. Criminological trafficking risks cryptocurrency and problems of its legal identification // Library CSL. 2016. № 3.

4. URL: https://www.europol.europa.eu/

5. Sidorenko E.L. Anti-corruption standards and their implementation in national criminal law (experience in countries of the third phase of evaluation) // Journal of foreign legislation and comparative law. 2014. № 1.

7. Hearing of the Committee on economic and monetary affairs of the European Parliament, Jan. 25. URL: http://www.coindesk.com/europol-no-evidence-linking-islamic-state-to-bitcoin

8. URL: http://curia.europa.eu/

9. URL: http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-09-17/bitcoin-is-officially-a-commodity-according-to-u-s-regulator

Кубякин Евгений Олегович
доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584769)

К вопросу о типологии управленческой деятельности (социологический аспект)

В статье проводится социологический анализ проблемы адекватного регулирования системы общества, обосновывается, что проблема построения методологии адекватной управленческой деятельности в изменяющемся обществе носит универсальный развивающийся характер. Отправной точкой исследования являются положение о том, что качество социальных процессов, степень их интенсивности и конструктивности определяются как структурными моментами социальной организации, так и состоянием внешних факторов, влияющих на конкретные социальные процессы.

Ключевые слова: социальная трансформация, управление, социальная система, общество, государство, регулирование, социальная организация.

E.O. Kubyakin, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Professor of the Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584769.

To the question of typology of administrative activity (sociological aspect)

In the article the sociological analysis of a problem of adequate regulation of system of society is made, the problem of creation of methodology of adequate administrative activity in the changing society has the universal developing character. A starting point of research is the provision that quality of social processes, degree of their intensity and constructability is defined both by the structural moments of the social organization, and a condition of the external factors influencing concrete social processes.

Key words: social transformation, management, social system, society, state, regulation, social organization.

Раскрытие феномена управления нередко связывают с тематикой отношений власти и подчинения. Настоящая диада рассматривается нами с точки зрения диалектики естественного и рефлексивного подхода к исследованию социальной действительности, методологически ярко выраженного в работах Д.С. Райдугина [1, с. 84–87; 2, с. 54–63]. На деле эти сферы взаимосвязаны, однако не вполне корректно отождествлять управление с властными отношениями, поскольку власть предполагает момент подчинения, в то время как управление может производиться посредством прямого воздействия на объект. Так, например, лодка или автомобиль, не будучи субъектами действия, не могут подчиняться. Вместе с тем, они являются объектами воздействия, в связи с чем можно говорить о процессе управления как влиянии на их движение, имеющем непосредственный или опосредованный характер. Это свидетельствует о том, что власть представляет собой лишь одну из сторон управления, его частный случай. В современном трансформирующемся обществе научное познание процесса управления и социального регулирования осложнено временностью и нестабильностью состояний социальной системы в процессе естественной самоорганизации. С точки зрения современных исследователей, этот факт необходимо учитывать при познании частных элементов социума [3, с. 156–158].

Вместе с тем, управление социальными процессами может иметь личностный, субъективно обусловленный характер (тогда принято говорить о том, что кто-то является субъектом управления) либо реализоваться на уровне правил или регулирующих механизмов, определяющих характер протекания отдельных процессов. Так, например, законы государства определяют характер протекания социальных процессов, вместе с тем, авторы этих законов могут уже физически не существовать (например, если речь идет о древних законах). В этом случае сложно судить о субъекте управления, вместе с тем, налицо момент регуляции социальных отношений. При этом независимо от того, в какой форме реализуется момент управления социальными процессами, налицо наличие общего, родового для всех форм воздействия принципа: управление возможно лишь в том случае, если имеет место момент вариативности ситуации, ее зависимости от выбора конкретных действий. Так, например, парализованный человек не способен управлять

собственным телом, поскольку независимо от его усилий тело остается неподвижным. Этот же принцип справедлив и в отношении четко отлаженных социальных механизмов: их функционирование, жестко регламентированное законом, не допускает вариативности и, следовательно, не требует управления. Точнее, управление этими процессами уже реализовано на уровне нормативной системы, что делает невозможным в рамках закона вмешательство в данные процессы частных лиц. Вместе с тем, чем выше уровень вариативности социальных процессов, тем большее значение приобретают механизмы управления, реализованные в обществе. Подобного рода вариативность при неравномерном социальном развитии и системных диспропорциях содержит в себе существенный деструктивный потенциал, на что указывают современные исследователи в отечественной [4, с. 22–24] и зарубежной социологической теории [5, с. 24–25].

Проведя грань демаркации между нормативной определенностью и управлением как деятельностью, отметим, что власть (как частный случай управления) возможна лишь в такой социальной системе, нормативная сфера которой допускает свободу протекания социальных процессов, их вариативность. Теоретически в обществе, в рамках которого полностью определены формы протекания основных процессов, представители власти являются носителями социальной функции, не обладающими возможностью самостоятельно определять характер происходящих процессов. Соответственно, наиболее актуальными сферами приложения управленческой деятельности являются области социальной жизни, обладающие наибольшими показателями вариативности развития.

На практике функционирование общества, определяемое на структурном уровне набором норм (правовых, социальных, специфических для конкретной сферы деятельности и т.д.), протекает в условиях соединения множества различных, зачастую неучитываемых и неконтролируемых факторов – от внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации до индивидуальных особенностей личности участников социального взаимодействия. Интегрирующая роль основных социальных институтов заключается в том, что, несмотря на вариативность социальной ситуации, на их уровне реализуется момент объединения членов общества по различным критериям, а также регламентация различного рода социальных взаимодействий. Характер социальных процессов, степень их интенсивности и конструктивности определяется как структурными моментами социальной организации, так и состоянием внешних факторов, влияющих на конкретные социальные процессы. Так, например, эффективность производства зависит не только от формы организации труда, но также и от психологического состояния работников, их мотивации и собранности. Эти факторы нельзя определить внешним образом, однако на них можно существенно повлиять, что лежит в основе ряда современных приемов менеджмента.

Как становится видно из проведенного обзора, актуальность механизмов управления проявляется в тех сферах, где недостаточно одной лишь нормативной определенности, где существует сложность и вариативность ситуации, зачастую – противоречие складывающихся тенденций по отношению к актуальным задачам коллектива, отдельного социального института или общества в целом. При этом наибольшую значимость приобретают сферы, где наиболее остро проявляются противоречия между изменчивой, вариативной социальной ситуацией и интересами социальной структуры. Речь идет о таких деструктивных явлениях, как социальные аномалии (девиантное и делинквентное поведение: преступность, экстремизм, аморальный образ жизни и т.д.). Эта идея уже проговаривалась нами ранее в работах, специально посвященных проблеме социальной деструкции [6]. Также данная проблема имеет место в экстремальных ситуациях, в рамках которых зачастую происходит столкновение социальной структуры, не приспособленной к изменившимся условиям, с крайне высокими по степени своей интенсивности неблагоприятными воздействиями [7, с. 38–41]. Рассмотрим подробнее специфику управления в условиях, отклоняющихся от нормы.

Одним из основных принципов, определяющих адекватное функционирование общества, является объединение в рамках социального процесса личных интересов отдельных людей и интересов коллективных объединений – малых и крупных социальных групп, в том числе общества в целом. Самоидентификация субъекта социальных отношений определяет направленность его деятельности и ее характер. В частности, действия людей, соотносящих себя с определенной социальной группой, мотивируются не только личными интересами человека, но и интересами социальной группы. Проявлено это особенно четко в молодежной среде, для которой свойственен определенный синкретизм, на что указывают современные исследователи [3, с. 156–158]. Эта тенденция дополняется интегрирующими действиями носителей управляющей функции, определяющих задачи отдельных членов социальной группы, а также обеспечивающих удовлетворение определенной сферы их интересов. По сути, речь идет о соединении направленности действий отдельных членов группы, идущей,

условно говоря, «снизу», и организационной деятельности носителей властных полномочий, идущей «сверху». В совокупности это дает возникновение целостной системы отношений, имеющей высокий конструктивный потенциал. Однако существуют отклонения от социальной нормы, причина которых может заключаться как в локальной дисфункции социального института [8], в рамках которого производится групповая деятельность, так и в возникновении серьезных деструктивных воздействий со стороны внешних условий существования отдельного человека или группы в целом. В результате происходит либо обособление социальной группы [6], ее противопоставление обществу в целом, либо ослабление ее интегрирующих механизмов, вплоть до полного распада. Рассмотрим подробнее специфику обозначенной тенденции.

Развитие социальной деструктивности предполагает систематическое нарушение интегративных функций общественной структуры. Это означает, что на одном или нескольких уровнях социальной организации происходит нарушение социальной структуры, что приводит к изоляции отдельной части общества, нарушению ее связей с другими элементами социальной системы и формированию в качестве самостоятельной социальной единицы. Это означает, что на уровне социальной аксиологии, определяющей деятельность отдельного человека или социальной группы, происходит деактуализация общесоциальных ценностей. Мы уже показывали ранее [9, с. 289–293], что аксиологическая деактуализация обладает деструктивным социальным потенциалом. В рамках современной социологии, исследующей столь опасные проявления общественной активности, как экстремизм, в качестве внутренних оснований, как правило, выступают институциональные проблемы и утрата ценностных ориентиров [10, с. 318–322].

Прямым результатом деактуализации ценностей является возникновение противоречий в векторе направленности социального действия конкретной группы (или отдельных членов общества) и социальной структуры в целом. Основанием данного процесса может являться либо нарушение функциональности основных социальных институтов с последующим накоплением социальных противоречий, либо возникновение чрезвычайно высоких по своей интенсивности деструктивных изменений во внешних условиях существования локальной социальной группы или отдельного участника социальных отношений. В качестве примера можно привести возникновение масштабного стихийного бедствия, в результате которого оказывается практически полностью нарушенным нормальный социальный процесс. Как в случае накопления деструктивных тенденций в обществе, так и в случае возникновения масштабного бедствия, общим является значительное ослабление централизованности и взаимосвязанности основных социальных институтов и общее нарушение социальной структуры. При этом в случае, если деструктивный процесс укоренен в самой социальной структуре, специфической является его самоорганизация с выходом на уровень сознательной конфронтации отдельных групп населения с обществом в целом, в то время как в случае возникновения масштабной чрезвычайной ситуации речь идет скорее о разрушении или значительном дроблении существующих социальных групп. В этом случае процессы в обществе выходят на уровень индивидуальных отношений между членами общества, что означает неорганизованность и хаотичность протекания социальных процессов. Таким образом, общей для рассмотренных типов социально деструктивных процессов является утрата управляющими органами контроля за ситуацией. Вместе с тем, кардинальным различием в данном случае является характер выхода ситуации из-под контроля. Обособление отдельных социальных групп, их противопоставление обществу или конкретной его части (вплоть до крайней степени развития экстремистских тенденций) означает вытеснение существующей власти альтернативной системой, имеющей собственные органы управления. Речь идет, по сути, о возникновении конкуренции в отношении вопроса управления отдельной частью общественных процессов между государством и локальной социальной структурой. Напротив, возникновение интенсивных (вплоть до экстремальных) деструктивных факторов внешней среды существования общества (будь то война или стихийное бедствие) предполагает временное нарушение социальной структуры. Это означает актуализацию проблемы создания мощной системы управления социальными процессами, что связано, например, с расширенными полномочиями должностных лиц в экстремальных условиях.

Таким образом, возникновение деструктивных внутренних процессов в обществе, имеющих системный характер, требует, в первую очередь, локализации оснований дестабилизации социальной структуры. Вместе с тем, возникновение внешних деструктивных воздействий высокой интенсивности (результатом которой является нарушение социальной структуры) требует активной структуризации ослабленной социальной сферы, введения в нее активного властного начала. Понимание специфики причин возникновения нарушений в функциональной структуре общества (что означает сбой системы управления и выход отдельных сфер социальной жизни на изолированный,

самостоятельный уровень) дает ключ к пониманию необходимых мер, направленных на поддержание целостности социальной структуры.

В этом отношении описанная тематика деления социальных нарушений по характеру, масштабу и основаниям возникновения дает возможность определить статус деструктивного процесса и выработать соответствующую методологию разрешения проблемы. При этом одну из решающих ролей играет в данном случае характер потери обществом (или отдельной его частью) контроля над складывающейся ситуацией. Речь может идти как о простом разрушении социальной структуры (что означает существенное повышение вариативности действия, и, как следствие, требует формирования серьезных мер по организации управления), так и о внутрисоциальном конфликте, разрешение которого возможно не на уровне силового властного воздействия, но через локализацию источников социальной деструктивности. Причина состоит в том, что возникновение обособленности отдельного элемента социальной структуры и развитие конфликтных тенденций означает не столько децентрализацию власти, сколько ее вытеснение, что влечет возникновение крайне негативных последствий для общества, при этом не затрагивая напрямую показатели социальной вариативности. Организованность «инородных образований» в обществе (и, следовательно, низкий уровени их внутренней вариативности под началом альтернативной социальной структуры управления) определяет неэффективность прямого властного воздействия на проблемную область, поскольку ключевым является не только организация системы управления проблемной сферой, но и разрешение дестабилизирующих факторов, зачастую имеющих циклический, системный характер возникновения.

1. Райдугин Д.С. Проблема полипарадигмальности современной социологии молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1.

2. Райдугин Д.С. Становление естественной и рефлексивной установок социального познания // Человек. Общество. Инклюзия. 2012. № 3(11).

3. Плотников В.В., Плотников Н.В. Специфика и роль научного познания в процессах трансформации социальной структуры // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18.

4. Плотников В.В. Деструктивный потенциал неравномерного социального развития // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20.

5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

6. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014.

7. Плотников В.В. Деструкция социальной группы как среда существования экстремизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4.

8. Плотников В.В. Дисфункциональный кризис социальных институтов и локальная угроза национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19.

9. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Феномен социального сознания как интенциональный ориентир исследования проблемы экстремизма // Общество и право. 2015. № 4(54).

10. Рудь М.Ю., Плотников В.В. Современные подходы к исследованию экстремизма как социального явления // Общество и право. 2015. № 2(52).

1. Raydugin D.S. Problem of a polyparadigmal modern sociology of youth // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2013. № 1.

2. Raydugin D.S. Formation of natural and reflexive installations of social knowledge // Person. Society. Inclusion. 2012. № 3(11).

3. Plotnikov V.V., Plotnikov N.V. Specific and role of scientific knowledge of processes of transformation of social structure // Theory and practice of social development. 2014. № 18.

4. Plotnikov V.V. Destructive potential of uneven social development // Theory and practice of social development. 2014. № 20.

5. Parsons T. System of modern societies. Moscow, 1998.

6. Kubyakin E.O. Bases of sociological justification of a phenomenon of extremism. Extremparantivity. Krasnodar, 2014.

7. Plotnikov V.V. Destruction of social group as environment of existence of extremism // Humanitarian, social and economic and social sciences. 2014. № 4.

8. Plotnikov V.V. Dysfunctional crisis of social institutes and local threat of national security // Theory and practice of social development. 2014. № 19.

9. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. The phenomenon of social consciousness as intentionality reference point research problem of extremism // Society and law. 2015. № 4(54).

10. Rud M.Yu., Plotnikov V.V. Modern approaches to the study of extremism as a social phenomenon // Society and law. 2015. № 2(52).

Самойлов Сергей Федорович
доктор философских наук, профессор,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

Тимофеева Наталья Ивановна
адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79183514723)

Шеуджен Нурдин Асланович
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

К анализу специфики социологического подхода к пониманию жизненной стратегии

В статье раскрываются основные предметологические и теоретико-методологические особенности социологического подхода к процессу конструирования индивидом проекта своей жизни. Сопоставляются взгляды Т. Парсонса и Р. Мертона на роль жизненных стратегий в процессе функционирования социальной реальности.

Ключевые слова: жизненная стратегия, социологический подход, цель жизни, типологизация жизненных стратегий, форма девиантного социального поведения, индивид, структура общества.

S.F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosphy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414;

N.I. Timofeeva, Adjunct of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183514723;

N.A. Sheudzhen, Master of History, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

To the analysis of specifics of sociological approach to understanding of vital strategy

The content of the article reveals the main subjectlogical and theoretical-methodological features of a sociological approach to the process of designing an individual project of his life. T. Parsons and R. Merton's views of a role of vital strategy in the course of functioning of social reality are compared.

Key words: life strategy, sociological approach, purpose of life, typology of life strategies, form of deviant social behaviour, individual, structure of society.

Социологический подход, являющийся противоположностью психологического подхода, в исследовании жизненной стратегии человека делает упор на ее интерсубъективный аспект. Раскрывая специфику социологического подхода, отечественные исследователи Т.Е. Резник и Ю.М. Резник в своей статье «Жизненные стратегии личности» подчеркивают: «Третье, собственно социальное измерение жизненных стратегий зарождается на пересечении объективной и субъективной идеальности – в сфере так называемой интерсубъективности, образующейся на основе согласования взаимных представлений и ожиданий. Идеальность стратегии связана с ее реальностью, т.е. стратегическим поведением, под которым понимается внешняя, предметно-чувственная форма выражения жизненной стратегии. Социологический поход к изучению жизненных стратегий личности состоит в ориентации на исследование институциональных процессов, структур и механизмов. Институциональный анализ включает три аспекта:

выявление типических образцов и форм жизненных стратегий, институционально закрепленных и регулируемых посредством согласования норм (с их дальнейшей типологизацией);

анализ процесса институционализации жизненных стратегий с точки зрения механизмов их возникновения (выбора), формирования, развития и смены (описываются в терминах

идентификации индивидуализации, адаптации, саморегуляции);

объяснение системных связей, как внутри-, так и внеличностных (между индивидом и социальным окружением)» [1].

Из приведенного фрагмента следует, что в процессе исследований жизненных стратегий социологическая наука, прежде всего, интересуется идеальным аспектом социально проектирующего сознания индивида, включающего в себя доступные опыту упорядоченные или повторяющиеся модели поведения, преследующие социально поддерживаемые ценностные ориентиры посредством применения определенных методов и соблюдения определенных норм. Интерес к идеальному аспекту жизненной стратегии носит в социологии не умозрительный, а эмпирический и инструментальный характер.

Жизненная стратегия представляет собой важный элемент социальной системы, свидетельствующий о высокой степени рациональности и организованности. И действительно, только наличие устойчивой и функциональной структуры общества позволяет индивиду планировать и реализовывать свои планы. Но помимо устойчивой структуры социального бытия важнейшей предпосылкой существования данного феномена следует признать наличие системы ориентации индивида и социальных групп в социальном пространстве. При определенной организации компоненты социального ориентирования жизни могут войти в состав жизненной стратегии, что не исключает возможности их использования другими близкими по характеру социальными конструкциями: социального действия и социального взаимодействия. Как правило, социальная стратегия в структурном отношении предполагает наличие следующих понятий: образ жизни, смысл жизни, жизненные нормы и жизненные цели. Кратко охарактеризуем данные элементы жизненной стратегии.

Под образом жизни как элементом жизненной стратегии следует понимать устойчивое представление индивида или социальной группы о жизни как о допустимых, а также недопустимых моделях поведения, которые реализуются человеком в его повседневном поведении. При этом следует различать реальный и желательный образы жизни, которые могут существенно отличаться друг от друга и служить причиной придания жизненной стратегии определенной направленности. Различие между реальным и должным образом жизни, как правило, становится возможным только благодаря понятию смысла жизни, вбирающему в себя представления индивида о жизненных благах, к которым следует стремиться. В отличие от смысла жизни понятие жизненной нормы ориентировано не на целостное понимание человеческого существования, а на анализ и оценку конкретных действий индивида. Средством установления связи между идеалом индивидуального существования, раскрываемым в понятиях «желательный образ жизни» и «смысл жизни», является категория жизненной цели, которая определяет соответствующие возможности индивида, социальные роли, статусы, а также формы социализации, к которым он стремится.

Социология, будучи преимущественно эмпирической наукой, большое внимание уделяет не столько теоретическому анализу, сколько практической реализации жизненной стратегии, т.е. рассматривает ее преимущественно не как познавательно теоретико-методологическую конструкцию, а как феномен реальной социальной жизни. В связи с этим жизненная стратегия рассматривается в социологии как одно из проявлений функции социального ориентирования человека в социальном пространстве. Специфика выполнения данной функции жизненной стратегии заключается в том, что она, в отличие от повседневного и ретроспективного ориентирования, концентрирует сознание на будущем, а не на настоящем или прошлом.

Если рассмотреть содержание жизненной стратегии как систему социального ориентирования через призму ее основных структурных элементов, то она будет иметь следующее наполнение. При разработке своего образа жизни индивид ориентируется на воображение и стремится представить себе свой будущий социальный статус или уровень духовного развития. В свою очередь, продумывание желаемого события предполагает установление его связей с другими событиями, процессами и отношениями. Одновременно с осмыслением осуществляется оценка подготавливаемого индивидом события. Важнейшим элементом реализации задуманного плана является установление норм и правил, соблюдение которых гарантирует его реализацию. Наконец, ожидание достижения поставленной цели неотделимо от представления о материальных и духовных планах, сопряженных с ней. Будучи лишь одной из форм ориентации человека в социальном пространстве, жизненная стратегия, как правило, продумывается и осуществляется в тесной связи с повседневным и ретроспективным видами ориентирования, поскольку вне осмысления прошлого и настоящего соци-

ального опыта невозможно достижение поставленных целей. Вне установления такого рода связей жизненная стратегия является абстракцией, а не реальным социальным феноменом.

Рассмотрение жизненной стратегии в качестве устойчивого феномена социального бытия и познания делает вполне логичным рассмотрение последних в качестве основания ее типологии. В своей совместной работе Т.Е. Резник и Ю.М. Резник пишут: «Приведем наиболее распространенные типы стратегий, встречающиеся в повседневной жизни. Они выделяются по ряду институциональных признаков: социально-экономическому положению, способу воспроизводства и трансляции культурных стандартов, системе регуляции и контроля, социальному характеру (коллективной ментальности), профессиональному этносу. В совокупности эти признаки образуют комплексный критерий социологической типологизации жизненных стратегий. Его содержание определяется характером социальной активности личности. Рецептивная («приобретательская») активность является основой стратегии жизненного благополучия и ее аномальных форм – потребительско-накопительской, паразитарно-эксплуататорской и других. Предпосылкой стратегии жизненного успеха выступает мотивационная («достиженческая») активность, рассчитанная на общественное признание (примером служит предпринимательство). Наконец, для стратегии самореализации характерна творческая активность, направленная на создание новых форм жизни безотносительно к их признанию (непризнанию)» [1].

Конечно же, типология жизненных стратегий, предложенная указанными авторами, не является единственно возможной, но лежащий в ее основе принцип определения различных линий поведения по отношению к закрепленным в обществе ценностям и нормам следует признать наиболее востребованным в социальной науке. В качестве примера институционального понимания жизненных стратегий можно привести социологические концепции двух представителей американского структурного функционализма – Т. Парсонса и Р. Мертона. Главное различие между типологиями данных социологов состоит в том, что у Парсонса рассматриваются не все жизненные стратегии, а только те из них, которые поддерживают социальный порядок и тем самым выполняют системообразующую функцию в различных обществах. В противоположность Парсонсу Мертон рассматривает все возможные виды социального поведения, характерные для любых видов обществ. Согласно Парсонсу можно выделить четыре основных типа общества, каждый из которых соответствует определенному отношению социального целого к социальным действиям индивида. Для первого типа общества характерно санкционирование государством и общественным мнением стремления индивида к успеху и самореализации в различных областях социальной жизни. В такой ситуации индивиды получают право свободно выбирать и конструировать различные жизненные стратегии. Общество, санкционирующее стремление индивидов к успеху и самореализации, Парсонс называет обществом универсального образца достижения, по своей сущности данное общество представляет собой не что иное, как институализацию в стратегии жизненного успеха.

Второй тип общества предполагает зависимость личных планов индивида от целей и ценностных ориентиров, устанавливаемых обществом. В таком обществе индивиду не приходится рассчитывать на объективную оценку своих достижений и заслуг государством и общественным мнением. Напротив, он вынужден в своем социальном поведении ориентироваться на социальное окружение и общество в целом. По этой причине в тоталитарном обществе имеет место институализация жизненной стратегии на приспособление индивида к обществу. В типологии обществ, предложенной Парсонсом, социальное устройство тоталитарных государств с точки зрения индивидуалистического поведения получило наименование «универсалистского образца предписания».

В обществе третьего типа государство контролирует не все, но лишь некоторые сферы социальной жизни, а в других предоставляет индивидам действовать самостоятельно. Благодаря этому самой плодотворной жизненной стратегией становится стремление к достижению результатов, независимо от их признания со стороны государства. Общество данного типа Парсонс называет обществом «партикулярного образца достижений». Для третьего типа общества характерно совмещение отсутствия ориентации на достижение с ограниченностью предписаний. Это означает, что индивид стремится не к личной самореализации и к успеху, а в основном к поддержанию традиций. Вместе с тем, наличие определенных предписаний в некоторых областях общественной жизни, прежде всего, в политике, частично в экономике и социальной сфере, приводит к подрыву в ней авторитарной системы правления. Совмещение социально-экономической пассивности основной массы общества с авторитарным политическим режимом позволяет говорить об институализации в данном типе социального устройства с особой разновидностью рецептивной жизненной стратегии, а именно паразитическо-эксплуататорской.

Само общество данного типа Парсонс называет обществом партикулярного образца предписания.

Несмотря на предельную абстрактность предлагаемых американским социологом типологий обществ и жизненных стратегий, каждому выделенному их типу достаточно легко найти конкретную историческую форму реализации. Так, общество универсалистского образца достижения соответствует современным западноевропейским странам и США. В свою очередь, общество универсалистского образца предписания, по мнению Парсонса, находит свое выражение в тоталитарных государствах, таких как Третий рейх и Советский Союз. Наиболее редким типом является общество партикуляристского образца достижения, примером которого американский социолог считает дореволюционный Китай. Наконец, формой реализации общества партикуляристского образца предписания служат государства Латинской Америки. Таким образом, Парсонс демонстрирует социально-политические результаты реализации различных жизненных стратегий.

Как уже было сказано, Мертона, в отличие от Парсонса, интересовала проблема согласования имеющихся в обществе норм и ценностей с лучшими из достижений. Несмотря на то, что сам Мертон предпочитает пользоваться термином «способы индивидуальной адаптации», по смыслу он соответствует понятию «жизненная стратегия». В основании предлагаемой им типологизации жизненных стратегий Мертон полагает степень отклонения поведения индивида от одобряемых обществом жизненных целей и средств их достижений. Благодаря выделенному критерию американскому социологу удается продемонстрировать не только систему созидающую, но и дезинтегрирующую роль различных видов жизненных стратегий по отношению к социальному целому.

Первым типом жизненной стратегии, или индивидуальной адаптации, Мертон считает конформизм, для которого характерно совпадение индивидуальных и общественно признанных целей и методов их достижений. Индивид, реализующий конформистскую линию поведения, в наибольшей степени способствует поддержанию нормального функционирования общества в целом.

В отличие от конформизма для инновационной стратегии характерно принятие одобряемых обществом целей и ценностных ориентиров, но использование при этом либо нестандартных, либо аморальных, а иногда и противозаконных методов. Подчеркивая девиантный характер методов достижения целей, применяемых в инновационной жизненной стратегии, Р. Мертон в своей статье «Социальная теория и социальная структура. Социальная структура и аномия» пишет: «В обществах, подобных нашему, культурное акцентирование денежного успеха для всех и социальная структура, слишком сильно ограничивающая практическое использование одобряемых средств большинством, вызывает побуждение к инновационной деятельности, отступающей от институциональных норм. Но такая форма приспособления возможна только при несовершенстве социализации индивидов, позволяющей им пренебрегать институциональными средствами, сохраняя при этом устремленность к успеху» [2]. Таким образом, вступая в противоречие с обществом относительно характера методов достижения поставленных целей инновационная жизненная стратегия является первой формой девиантного социального поведения и открывает процесс разрушения структуры общества.

В противоположность инновационной стратеги ритуалистическая стратегия признает методы достижения благ, но при этом отказывается от принятия ряда ценностей и целей, характерных для социума в целом. Принятие данной стратегии приводит к тому, что индивид только делает вид, что стремится к поставленной обществом цели, и выполняет взятые на себя обязательства формально, ритуалистично. Такое поведение объясняется страхом потерять уже имеющиеся положения в обществе. Результатом такой жизненной стратегии является неэффективность функционирования социального целого, что рано или поздно приводит к застою социальной жизни, а затем и к социальному взрыву.

Для следующей жизненной стратегии – ретризма – свойственно отрицание как целей, так и средств достижений, присущих обществу. Непосредственным результатом реализации этой стратегии является устранение индивида или группы из социальной жизни. В последнем случае происходит процесс создания субкультуры, которая формирует цели и образ жизни, противоречащие общепринятым целям и образу жизни. При сопоставлении ритуализма и ретризма ясно видно, что последний обладает для социальной структуры значительно большей опасностью. Это обстоятельство объясняется тем, что ретрическая жизненная стратегия при массовом распространении приводит к возникновению объединений, создающих альтернативную социальную реальность, тем самым создаются предпосылки для разрушения нормальной социальной жизни.

Последним, пятым, типом жизненной стратегии Мертон признает мятеж, или бунт. Индивид, практикующий данную модель социального поведения, не только отрицает приятые в об-

ществе цели, нормы и ценности, не только заменяет их альтернативными ценностными ориентирами, жизненными задачами и правилами их достижения, но и активно борется, вплоть до вооруженной борьбы, за свои идеалы. Таким образом, бунтарство является открытым разрушением социальной структуры общества. Главным же отличием бунтарской стратегии от ретризма является то, что она является не суб-, а контркультурой и, следовательно, представляет собой наибольшую угрозу нормальному функционированию социального целого.

Сопоставляя взгляды Парсонса и Мертона на роль жизненных стратегий в процессе функционирования социальной реальности, необходимо подчеркнуть, что они имеют как черты сходства, так и черты различия. К чертам сходства концепций обоих американских социологов в первую очередь следует отнести использование ими институционального подхода, позволяющего вплотную подойти к проблеме онтологизации жизненных стратегий. Главное отличие институционального подхода от социально-онтологического заключается в том, что первый имеет, как правило, социально-номиналистическую природу, тогда как второй тяготеет к социальному реализму. Поэтому субъектом реализации жизненных стратегий социологического подхода выступают не идеальные конструкции, а реальные индивиды и социальные группы. Другим ценным достижением социологического подхода является его эмпиричность, по этой причине понятие жизненной стратегии в нем не дедуцируется из других понятий, как это характерно для социально-онтологического подхода, а формируется путем обобщения. Такой способ образования обладает как сильными, так и слабыми сторонами. К сильным сторонам социологического образования понятия жизненной стратегии относится очевидность и даже чувственная наглядность, тогда как недостатком является отсутствие демонстрации глубинных связей, существующих между этим понятием и закономерностями функционирования духовной и социальной жизни в целом. Доказательством данного утверждения служит то, что в концепции Парсонса осуществляется простая редукция типов к определенным жизненным стратегиям, а в концепции Р. Мертона типология жизненных стратегий отслеживает лишь одну их функцию – поддерживать или разрушать социальное целое. Таким образом, социологический подход, используя институциональную и эмпирическую методологию, тем не менее не способен дать целостного изображения понятия жизненной стратегии и является, по сути, абстрактным. Однако он представляет собой важнейшую ступень в исследовании жизненных стратегий. Так, если психический поход раскрывает индивидуальные и эмоциональные стороны конструирования и осуществления жизненных планов, то социологический подход выявляет их универсальный (надындивидуальный) и рациональный характер. Однако оба этих подхода нуждаются в дополнении со стороны философского подхода, который, с одной стороны, установил бы связь между ними, а с другой – интегрировал бы структуру жизненной стратегии не только в социальное целое, но и в структуру сущего. Только в этом случае представляется возможным говорить о всестороннем рассмотрении понятия «жизненная стратегия». В силу данного обстоятельства является необходимым переход от специально-научного к философскому исследованию понятия «жизненная стратегия», которое включало бы в себя не только социально-философское рассмотрение данного предмета, но и теоретико-методологические приемы познания других философских дисциплин.

1. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социс. 1995. № 2.

2. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2–4.

1. Reznik T.E., Reznik Yu.M. Vital strategy of the personality // Sotsis. 1995. № 2.

2. Merton R.K. Social theory and social structure. Social structure and anomy // Sociological researches. 1992. № 2–4.

Петракова Анна Сергеевна
кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры гуманитарных,
социально-экономических и информационно-правовых дисциплин
Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79180523611)

Экстремизм: теоретико-методологический анализ

В статье автор рассматривает проблему экстремизма как результата манипуляционного управления массами, анализирует субъекты и объекты радикальной идеологии и радикальной практики, исследует механизмы реализации и популяризации экстремистской активности через деятельность неформальных культовых организаций. Уделяет внимание причинам и последствиям распространения радикальных идеологий, способам предотвращения их внедрения в общественное сознание.

Ключевые слова: экстремизм, радикализм, радикальная идеология, радикальная практика, экстремистская идеологизация, культ, экстремистская организация.

A.S. Petrakova, Master of Philosophy, Senior Lecturer of the Chair of Humanities, Socio-economic, Informational and Legal Subjects of the Novorossiysk branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79180523611.

Extremism: theoretical and methodological analysis

In the article the author considers the problem of extremism as result of manipulative control of mass, analyzes the subjects and the objects of radical ideology and radical practice, also author researches mechanisms of realization and popularization of radical activity by means of activity of non-formal cult organizations. Also author pays attention on the causes and the results of spreading of radical ideologies, and on ways of prevention of their introduction in the social consciousness.

Key words: extremism, radicalism, radical ideology, radical practice, extremist ideologization, cult, extremist organization.

Понятие «экстремизм», к сожалению, довольно прочно вошло в нашу жизнь, обозначая такие негативные стороны действительности, как массовые беспорядки, убийства, пропаганда национальной, этнической, религиозной вражды и др. Как правило, действия, которые называют экстремистскими, детерминируются общественностью как антигражданственные, антипатриотические, антидемократические, носящие деструктивный характер, связанные с ущемлением прав и свобод личности, разрушением основ государственного строя. Тема экстремизма неоднократно поднималась средствами массовой информации, политиками, социологами, политологами. Не обошли этот вопрос и ученые, посвятившие исследованию проблемы экстремизма свои работы (С. Хассен, Э. Цветков, Е.С. Гундарь, А.Н. Гадиева, П.М. Егоров, Э.М. Ибрагимова и др.).

Определение экстремизма является многоаспектным. Об этом свидетельствует тот факт, что Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.) не дает точное и однозначное определение экстремизма, а предлагает целый перечень тех действий, которые подпадают под понятие экстремистской деятельности, а также отдельно определяет понятия экстремистской организации и экстремистских материалов [1].

Между тем в науке экстремизм понимается как крайняя форма радикализма [2]. В свою очередь, и к понятию радикализма в современной науке существует два подхода: первый связан с определением радикализма как политического течения, критикующего существующий режим и предлагающего реализовать программы социально-политических преобразований путем реформирования; второй рассматривает радикализм как использование набора крайних методов борьбы с существующей социально-политической ситуацией.

Таким образом, понятие экстремизма подпадает под второй подход, поскольку экстремизм в современном его проявлении и предлагает кардинальные, даже насильственные меры

борьбы с социально-политической ситуацией в мире или отдельных государствах. Иными словами, экстремизм – это любое проявление приверженности крайним взглядам или мерам, имеющее целью разрушить основы конституционного строя, подорвать безопасность государства через создание экстремистских организаций, которые занимаются террористической деятельностью, пропагандируют вражду на национальной, религиозной и иной почве и призывают к насилию.

В экстремизме как крайней форме радикализма традиционно выделяют радикальную идеологию и радикальную деятельность [2].

Идеология в данном случае – это система идей, ценностей, взглядов, принципов поведения, через реализацию которых может быть достигнут некий социальный идеал. В основе идеологии, таким образом, лежит некая идея социального преобразования, преображения, иногда связанная с разрушением имеющегося социального фундамента. При этом само по себе радикальное разрушение во имя общего блага несет в себе, помимо деструктивного, также вполне конструктивный аспект – создание нового типа социальной организации на основе иных ценностей, норм, приоритетов, нежели предыдущая. Именно эта идея, как правило, чаще всего лежит в основе деятельности современных экстремистских организаций.

Однако не стоит забывать, что радикальная идеология, опирающаяся даже на идеи всеобщего блага и спасения мира, тем не менее далека от радикальной практики, где идея в процессе своего достижения использует аморальные средства и тем самым сводит на нет ценность самого идеологического ядра.

Кроме того, как в любой системе социальных отношений, в радикальной идеологии и радикальной практике есть свои субъекты и объекты. Если говорить о радикальной или экстремистской идеологии, субъекты здесь – те, которые разрабатывают само идеологическое ядро и стремятся извлечь выгоду из социальной деструкции, даже, если в основе идеологии будет лежать идея общего блага; объектами же радикальной идеологии становятся те, чьими руками будет «твориться история», т.е. те, кто сам лично будет реализовывать радикальные социальные преобразования. В свою очередь, в отношении радикальной практики (деятельности) объекты воздействия экстремистской идеологии становятся уже субъектами, т.е. организаторами и исполнителями ее реализации; объектом же является та социальная реальность, которую «преобразователи» стремятся изменить «во имя общего блага».

На наш взгляд, опасность для общества представляют одновременно и идеологи радикальных подходов, и их реализаторы. Если первые ставят цели, продумывают ход, средства и результаты социальных изменений, то вторые фанатично следуют идеям первых, не оставляя шанса объектам социальных преобразований.

Современная реальность такова, что исполнителями, воплощающими экстремистские идеи в жизнь, чаще всего становятся молодые люди из числа учащихся школ, студентов системы профессионального образования. Практика показывает, что причинами вовлечения в деструктивные экстремистские организации являются несформированная система нравственных ценностей, социальная дезориентация и разобщенность, отсутствие практического социального опыта, недостаток знаний, нестабильная социально-экономическая ситуация, личная неустроенность, провоцирующая неудовлетворенность в тех или иных отношениях.

Как отмечает Е.П. Олифиренко, «в момент значительных потрясений и переломов, периодически возникающих в процессе развития любого общества и связанных с деформациями условий и образа жизни людей, внезапно образующимся вакуумом ценностей, изменением материальных показателей, неясностью жизненных перспектив и неизбежным обострением противоречий, экстремизм, в том числе религиозный, становится одной из наиболее опасных негативных характеристик социально-политического процесса» [3, с. 7].

Исследования показывают, что в последние несколько лет членами экстремистских организаций все чаще становятся молодые люди из благополучных семей, имеющие высокий уровень образования и благоприятные профессиональные перспективы [4]. Массовая экстремистская идеологизация происходит в основном в виртуальном пространстве через различные социальные сети и интернет-сообщества. Именно там, по мнению исследователей, происходит так называемая параллельная социализация, обеспечивающая повышение самооценки и облегчающая процесс самоидентификации. «Стремление к виртуализации процесса самоидентификации приводит к тому, что в реальной жизни молодой человек начинает искать социальные группы с максимально упрощенной системой взаимодействия, позитивным настроем, строгой иерархией и строгими правилами, напоминающими игровые в виртуальных пространствах. В некоторых слу-

чаях, таких как желание познать истину, выразить протест по отношению к обществу, проявить свою оригинальность и неординарность, найти круг общения и т.д., именно религиозные объединения закрытого типа (секты) позволяют удовлетворить потребность в проявлении социальной, одобряемой членами микрогруппы активности, и, как следствие, построении позитивных компонентов образа "Я"» [5].

Как свидетельствует практика, чаще всего в социальной реальности встречается не экстремизм вообще, а религиозный или религиозно-политический экстремизм, где стремление к социальному преобразованию вполне коррелирует с идеей религиозной нетерпимости и необходимости политических изменений на самом высоком уровне. При этом субъекты радикальной идеологии в данном случае не ясны и не могут быть достоверно определены из-за ограниченности сведений, однако периодически выявляются объекты, транслирующие идеи социальных трансформаций с использованием крайних мер, в том числе насилия и убийства, на массовую аудиторию. Они же выступают субъектами радикальной практики, организующими, а иногда и самостоятельно реализующими воплощение экстремистских идей в жизнь.

Как указывает известный психолог Э. Цветков, процесс вовлечения в религиозную или псевдорелигиозную организацию закрытого типа (секту) довольно прост для умелого манипулятора. Еще Ф. Ницше писал, что в жизни человеку свойственно руководствоваться двумя инстинктами: власти и подчинения [6, с. 587–589]. В соответствии с данной формулой технология вовлечения в экстремистскую организацию включает в себя такие этапы, как овладение воображением, формирование доверия, включение в собственную систему верований.

Так, первое, к чему обычно прибегает манипулятор (субъект радикальной деятельности, имеющий целью привлечение новых сторонников и реализаторов экстремистских идей), – это овладение воображением манипулируемого. «Любой опытный оратор прекрасно знает, что успех слова зависит не только от уст говорящего, но и от ушей слушающего» [7]. При этом чаще всего манипулятор взаимодействует не один на один с объектом, а организует массовую встречу или переписку, поскольку «гипнотизеру хорошо известно, что чем больше людей собирается вместе, тем легче на них воздействовать… Поскольку человеку присуще свойство подражать, то остальные, глядя на первых, тоже потихонечку перейдут в измененное состояние сознания» [7]. Психологи указывают на закономерность: чем более массовая аудитория становится объектом воздействия манипулятора, тем быстрее происходит процесс «заражения идеей» и тем больше у нее появляется сторонников.

Однако на вовлечении в экстремистскую организацию процесс трансформации сознания не заканчивается. Далее манипулятором начинает активно применяться формула, которую структурировал С. Хассен: «поведение – информация – мысли – эмоции» [8]. Она раскрывает сущностные основы манипуляции сознанием и, как следствие, поведением объекта, уже ставшего частью экстремистской организации. Так, основное правило контроля поведения включает «регулирование физической реальности индивида» [8] через управление привычками, кругом общения, выбором одежды, прически, пищи, формирование финансовой зависимости от организации или отдельных ее членов. При этом управление временем осуществляется таким образом, чтобы исключить или минимизировать досуг, развлечения. Все эти меры позволяют сформировать зависимость индивида от организации. Далее сфера контроля постепенно расширяется: «для принятия важных решений необходимо спрашивать позволения, старшим необходимо сообщать о своих мыслях, чувствах… индивидуализм не поощряется, преобладает групповое мышление», в жизнь нового члена экстремистской организации прочно входят жесткие правила и предписания [8].

Организация контроля поведения не может осуществляться автономно и независимо от контроля поступающей индивиду информации. Члены экстремистской организации начинают активно отслеживать, какие книги, журналы, статьи, рубрики, интернет-сайты находятся в поле зрения объекта. Для поддержания манипулируемого в состоянии повиновения используются обман, утаивание, искажение информации, не входящим в круг «истинных» доступ к сведениям постепенно ограничивается и в конечном итоге превращается в запрет. При этом реализуется такая информационная загруженность объекта манипуляции, что его общение с членами бывших референтных групп (друзьями, семьей, коллегами по работе) предельно ограничивается. Информационный контроль постепенно начинает охватывать все сферы жизни индивида, в организации поощряется доносительство друг на друга, которое позиционируется как верность идее и своему лидеру.

Следующей сферой манипуляционного управления становится мышление. Подготов-

ленное информационным и поведенческим контролем со стороны организации сознание индивида уже становится неспособным отличить ложь от истины. Индивид без критики усваивает основные ценности группы, при этом его сознание постоянно подвергается воздействию различных психотехник, что позволяет снизить порог сопротивляемости и не дает возможности объективно осмысливать и оценивать реальность. На этом этапе действуют четкие, уже усвоенные индивидом правила: лидера и идею нельзя критиковать, поскольку они истинные, все мысли, противоречащие основной идее, следует рассматривать как ложные, «неправильные», все альтернативные системы верований, убеждений нужно рассматривать как не имеющие права на существование.

Завершающим этапом в процессе трансформации сознания будущего «экстремиста» является контроль над чувствами и эмоциями. При этом особенно активно манипуляторами эксплуатируются чувства вины и страха: если что-то негативное происходит в жизни индивида, он виновен в этом сам; в «подлинную» семью индивида входят только члены организации, объединенные общей идеей; нельзя мыслить независимо, поскольку это может привести к изгнанию из «настоящей» семьи – экстремистской организации; вне группы человек не сможет жить и реализовывать свои цели, стремления. Иными словами, экстремистами, названными так за реализацию экстремистской деятельности, становятся люди из числа мирных граждан, забирающие и отдающие жизни за псевдорелигиозные идеи, чужие амбиции и идеалы, в то время как подлинные экстремисты, которыми являются идеологи радикальных направлений, организующие и направляющие весь процесс социальных преобразований средствами радикализма, остаются в тени и реализуют чужими руками собственные политические цели.

В современной науке встречается термин «объем религии», характеризующий в процентном соотношении долю состоящих в каких-либо культовых организациях, религиозных, политических и иных, от общей численности населения страны (Р. Старк, У. Бейнбридж и др.) [9, с. 216–223]. При этом исследователи отмечают, что «показатели доли людей в обществе, считающих себя верующими, могут колебаться, однако увеличение… будет происходить до тех пор, пока не приблизится к точке насыщения, равной «объему религии» в данном обществе – количеству религиозно-ориентированной части населения… Каждая новая альтернатива не будет вести к увеличению религиозности» [10]. Данная мысль не противоречит, а, напротив, подтверждает исследования проблемы экстремизма С. Хассена, Э. Цветкова и др., указавших, что в культовую организацию вступает только тот, кто уже имеет внутреннее, еще не осознанное стремление следовать за манипулятором. Однако проблема здесь, по мнению большинства исследователей, не в склонности людей к культовым организациям и не в стремлении стать экстремистом, а в общей социальной разобщенности, отсутствии единой государственной идеи, имеющей духовно-практический смысл и консолидирующей народ. В частности, И.Г. Каргина отмечает, что большая часть населения России начала XXI столетия позиционирует себя как православные, однако при этом отмечает слабое влияние православия на свою повседневную жизнь и неготовность рассматривать свою веру как основу для интеграции. Такую позицию многие связывают с неэффективной работой РПЦ [10].

Подводя итог исследованию, стоит отметить, что реализация экстремизма начинается с формирования и внедрения деструктивных идей в сознание личности, а потому для предотвращения любого радикализма необходимы совместные усилия государства и каждой отдельно взятой личности. Со стороны государства необходима разработка единой национальной масштабной по значимости и характеру реализации идеи, которая была бы способна выполнять функцию интеграции российского общества. При этом идея только тогда сможет играть социально консолидирующую роль, когда мероприятия по ее реализации перестанут носит формальный, бессодержательный характер. Для воплощения в жизнь идеи национального масштаба необходима четкая система нравственных координат каждого индивида, в формировании которой должны участвовать семья, общество и государство. Стоит также помнить, что податливость манипулятору обратно пропорциональна уровню образования и нравственной культуры индивида. Иными словами, способность и желание критически оценивать то, что происходит вокруг нас, становится значимым барьером на пути к реализации любых экстремистских идей.

1. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 8 марта 2015 г.). Доступ из справ. правовой системы «Гарант». URL: http://base.garant.ru/12127578/#ixzz3qStU05e9 (дата обращения: 24.05.2016).

2. Современный политический экстремизм. М., 2009. URL: http://www.ekstremizm.ru (дата обращения: 10.07.2016).

3. Олифиренко Е.П. Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления (на материалах СКФО): автореф. дис. … канд. полит. наук. Краснодар, 2012.

4. Маздогова З.З. Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления // Теория и практика общественного развития. 2015. № 13. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/13/sociology/mazdogova.pdf (дата обращения: 10.07.2016).

5. Лушпай С.А. Социально-психологические аспекты влияния самоидентичности на склонность вступления в закрытые религиозные группы // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/psix/lushpay.pdf (дата обращения: 10.07.2016).

6. Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1996. Т. 1.

7. Цветков Э. Тайные пружины человеческой психики: книга-тренинг. URL: http://www.csgped.ru/psix_pmoosh-rekomend_litra-cvetov-prugini.html (дата обращения: 10.07.2016).

8. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. URL: http://royallib.com/book/hassen_stiven/osvobogdenie_ot_psihologicheskogo_nasiliya.html (дата обращения: 11.07.2016).

9. Руткевич Е.Д. «Новая парадигма» в социологии религии: Pro и Contra // Вестн. Ин-та социологии. Вопросы теории. 2013. № 6.

10. Каргина И.Г. Влияние кризиса на протестантские конфессии в современной России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/2/sociologiya/kargina.pdf (дата обращения: 11.07.2016).

1. On counteraction to extremist activity: fed. law d.d. July 25, 2002 № 114-FL (as amended on March 8, 2015). Access from legal reference system «Garant». URL: http://base.garant.ru/12127578/#ixzz3qStU05e9 (date of access: 24.05.2016).

2. Modern political extremism. Moscow, 2009. URL: http://www.ekstremizm.ru (date of access: 10.07.2016).

3. Olifirenko E.P. Youth religious extremism in modern Russia and the ways of its overcoming (on the materials of North Caucasus Federal District): auth. abstr. … Master of Political Sciences. Krasnodar, 2012.

4. Mazdogova Z.Z. Youth religious extremism in modern Russia and the ways of its overcoming // Theory and practice of social development. 2015. № 13. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/13/sociology/mazdogova.pdf (date of access: 10.07.2016).

5. Lushpay S.A. Socio-psihological aspects of self-identity influence on the propensity of joining the closed religious groups // Theory and practice of social development. 2014. № 1. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/1/psix/lushpay.pdf (date of access: 10.07.2016).

6. Nitshe F. Works: in 2 vol. Moscow, 1996. Vol. 1.

7. Tsvetkov E. Secret springs of human psychics: the book-training. URL: http://www.csgped.ru/psix_pmoosh-rekomend_litra-cvetov-prugini.html (date of access: 10.07.2016).

8. Hassen S. Liberation from psychological violence. URL: http://royallib.com/book/hassen_stiven/osvobogdenie_ot_psihologicheskogo_nasiliya.html (date of access: 11.07.2016).

9. Rutkevich E.D. «New paradigm» in sociology of religion: pro and contra // Bull. of institute of sociology. Questions of theory. 2013. № 6.

10. Kargina I.G. Crisis influence on protestant denominations in contemporary Russia // Theory and practice of social development. 2014. № 2. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/2/sociologiya/kargina.pdf (date of access: 11.07.2016).

Плотников Владимир Валериевич
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: inkognito13@inbox.ru)

Типологический анализ факторов дестабилизации социальной структуры

В статье рассматривается положение о том, что для обеспечения социальной стабильности необходимо, с одной стороны, своевременное реагирование на основные внутренние угрозы (развитие социальных противоречий, дисфункция социальных институтов, развитие преступности и очагов экстремизма), с другой – развитие эффективных защитных механизмов, направленных на локализацию последствий негативных процессов, еще не прошедших стадию регулирования (на внутреннем уровне), и деструктивных факторов, обладающих внешним по отношению к социальной системе статусом. Производится социологическое обоснование обозначенного тезиса.

Ключевые слова: типология, управление, социальная структура, общество, государство, регулирование, социальные процессы.

V.V. Plotnikov, Master of Philosophy, Assistant Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: inkognito13@inbox.ru

Typological analysis of factors of destabilization of social structure

The basic idea of the study is the provision that to ensure social stability is necessary, on the one hand, a timely response to major internal threats (development of social contradictions, dysfunction of social institutions, the development of crime and hotbeds of extremism), on the other – the development of effective protection mechanisms aimed at localization of consequences of negative processes have not yet passed the stage of regulating (internally) and destructive factors which have external to the system of social status. The article made a sociological study indicated thesis.

Key words: typology, management, social structure, society, state, regulation, social processes.

Стабильность социальной структуры и ее эффективность представляют собой ключевую задачу государства, на уровне которого реализуются основные функции организации общественной структуры. В самом деле, системные нарушения в государстве ведут к комплексному структурному кризису. Так, например, дисфункция определенной сферы общества ведет не только к нарушению регуляции общественных процессов, но и к актуализации социальных проблем, решение которых требует задействования государственных ресурсов. Проведем анализ системных изменений в функционировании государства в условиях возникновения дисфункции одного или нескольких социальных институтов.

В случае нарушений в функционировании религиозной сферы общество утрачивает единое мировоззрение, процессы социализации становятся менее эффективными, положительная общественная мотивация снижается, а уровень конфликтности социума возрастает. Институт государства становится менее действенным рычагом воздействия на общество, а институты права, образования и семьи испытывают большую нагрузку. Трансформация мировоззрения членов общества приводит к изменениям в развитии социальных запросов. Дисфункция религиозного института приводит к интенсификации развития вариаций мировоззрения общества, при этом эффективность социального взаимодействия снижается, а интенсивность и разнообразие запросов социума повышаются. Но функция института религии может не только снизить свою эффективность, здесь также возможно возникновение несогласованности функционирования религии с прочими социальными институтами. Примером может служить конфликт религии со сферой экономики, этика которой часто не может существовать в согласии с установками большинства религий. Подобные конфликты для государства становятся серьезной проблемой, т.к. для их разрешения необходимо реформирование одной из конфликтных сторон.

Нарушения в функционировании семейного института приводят к уменьшению общественно активного населения (из-за таких факторов,

как наркомания, алкоголизм и пр.), понижению уровня трудовых ресурсов, снижению рождаемости (что может привести к демографической проблеме), ухудшению условий социализации и социального контроля. При этом наблюдаются ухудшения в функционировании экономического института, нарушается преемственность религиозных ценностей, институты образования, права, государственные социальные службы начинают испытывать на себе большую нагрузку. За счет спада эффективности активности населения снижается общий уровень достатка, возникают социальные конфликты. Нарушения в семейной сфере косвенно также приводят к снижению уровня материальных ресурсов государства [1].

Дисфункция в сфере образования приводит к снижению уровня профессионализма, недостатку квалифицированных работников, что на системном уровне ухудшает эффективность сферы экономики.

В этой связи функции политической власти по вектору направленности можно подразделить на конструктивные, направленные на повышение эффективности социальных процессов, и защитные, направленные на сохранение структуры общества и противодействие негативным внешним и внутренним тенденциям. Очевидно, что эти две функции власти тесно взаимосвязаны: от оптимальности и эффективности структуры общества зависит его устойчивость к негативным воздействиям, и в то же время от способности государства реагировать на возникновение деструктивных тенденций напрямую зависит степень эффективности процессов, протекающих в обществе. В этом отношении актуализируется вопрос о том, какие основные факторы определяют стабильность общественной структуры, а также каковы основные механизмы выхода социальной системы из состояния внутреннего баланса. Данная проблема имеет многоуровневый характер. Социальные нарушения могут иметь индивидуальный характер и быть связанными с психологическими, личностными, природными факторами. Вместе с тем, имеют место и системные по своему происхождению нарушения, имеющие разрушительные и крайне опасные последствия для локальной социальной системы (государства). Так, в современной социологии экстремизма становится нормой рассматривать явления социальной деструктивности в качестве проявления системных противоречий, лежащих в основании. Наиболее авторитетными исследователями в этой области являются Ю.А. Зубок [2, с. 37–46], В.И. Чупров [2], Е.О. Кубякин [3, с. 100–104; 4; 5], Д.С. Райдугин [6, с. 84–87; 7, с. 54–63], Е.В. Сальников [8], А.В. Сериков [9] и др. К числу оснований можно отнести последовательное нарушение эффективности социальных институтов, развитие локальных противоречий национального, религиозного, материального толка, повышение уровня преступности и т.д.

Следует отметить, что некоторые проблемы носят комплексный характер, представляя собой сочетание локальных факторов и сбоев в работе социальных структур (например, негативные природные условия в сочетании с неправильным проектированием зданий при градостроительстве). Отдельного внимания заслуживают факторы дестабилизации социальной структуры, имеющие внешний для нее характер. Так, если речь идет о внешнем воздействии с целью дестабилизации ситуации в обществе, имеет место целенаправленное расшатывание государственных устоев и создание, а также актуализация внутренних конфликтов.

Помимо рассмотренных выше природных условий, речь идет о неблагоприятных процессах в мировой социальной среде, что затрагивает сферу культуры, геополитическую и экономическую ситуацию. На этом уровне обнаруживается важная теоретико-методологическая проблема: государство обладает различными ресурсами по противодействию негативным тенденциям в зависимости от того, какова природа их источника. По этой причине для адекватной организации стабилизационной политики необходимо построение теоретической модели, на уровне которой будут отражены основные типы социальной деструктивности, источники ее возникновения и методы, посредством которых возможно снизить негативные последствия социальных нарушений. В этом отношении существует несколько классификаций факторов дестабилизации социальной структуры, которые позволяют детализировать рассматриваемую проблему.

Во-первых, деструктивные процессы в обществе характеризуются таким специфическим показателем, как масштаб организации. Так, например, неприятие социальной структуры отдельным членом общества (что может быть вызвано широчайшим спектром оснований – от нарушений процесса социализации до уровня материального благосостояния или негативных личных отношений с государственными служащими) представляет собой индиви-

дуальный уровень существования деструктивных процессов в обществе. Подобная ситуация может являться результатом случайного факта неблагоприятного протекания социальных процессов либо представлять собой частный случай социальной девиации. Возникновение единичных фактов развития социальной деструктивности по большей части гасится защитными функциями общественной структуры и не требует каких-либо специальных мер со стороны представителей государственной власти. Вместе с тем, деструктивные тенденции могут проявляться на групповом уровне, что представляет собой уже значительно более серьезную проблему. Так, например, может иметь место развитие радикальных взглядов в среде молодежи с образованием групп, направленность деятельности которых носит деструктивный характер.

Возникновение обособленных, деструктивных по своей направленности социальных групп свидетельствует о выходе негативных тенденций на уровень самоорганизации, в результате чего нарушение социального баланса приобретает статус системной проблемы. Связано это с тем, что само по себе возникновение коллектива деструктивно настроенных единомышленников свидетельствует о наличии определенной общей для представителей данной группы проблемы, что уже не может быть отнесено исключительно к индивидуальным социальным отклонениям. Кроме того, образование деструктивной социальной группы означает возникновение очага организованной, целенаправленной деятельности по разрушению определенного элемента социальной структуры, что представляет собой угрозу для общества как системы [10]. Проблема оснований возникновения группы деструктивно настроенных членов общества непосредственно связана с тематикой проявления системных нарушений в структуре общества. В этом отношении интерес представляет рассмотрение основных сфер социальной жизни на предмет внутренней оптимальности и адекватности. Среди них такие сферы, как образование, религия, право, экономика и сфера семейных отношений. Нарушения в какой-либо из перечисленных сфер могут, не проявляясь напрямую, вызывать различные типы социальных отклонений, ошибочно трактуемых в качестве «частных» случаев социальной девиации.

Социальные нарушения такого масштаба крайне опасны широтой своего распространения, поскольку могут затрагивать напрямую или косвенно целые прослойки общества, в существенной мере ухудшая условия их существования и повышая число социальных конфликтов. Кроме того, нарушения в какой-либо одной социальной сфере оказывают негативное воздействие на остальные социальные институты, в результате чего снижается общий уровень защитных функций социальной системы. Все рассмотренные уровни развития деструктивных тенденций относятся к сфере внутренних проблем общества. Вместе с тем, существуют деструктивные факторы, существование которых выходит за рамки социальной системы.

К числу внешних деструктивных тенденций следует отнести глобальные процессы, развертывающиеся на уровне мировой социальной среды. Процесс глобальной трансформации характеризуется повышением интегративных тенденций в мировом обществе, ростом числа социальных связей и отношений, выходящих далеко за рамки конкретного государства. В результате имеет место тенденция роста взаимосвязи и, следовательно, взаимозависимости локальных социальных систем. При этом негативное воздействие на конкретное общество могут иметь не только кризисные тенденции (например, экономический кризис в отдельном государстве или локальный военный конфликт), но также и развитие социальных форм, отличных от принятых в конкретном обществе, с последующим их проникновением в структуру отношений локальной государственной системы. Помимо ситуации на уровне мировой социальной среды, к числу внешних для локального общества деструктивных факторов следует отнести неблагоприятные природные условия, эпидемиологическую ситуацию, плохую экологическую обстановку и т.д.

Масштаб негативных тенденций и их тип определяют степень интенсивности проблемы и доступные способы ее локализации. Вместе с тем, далеко не все факторы, определяющие стабильность социальной структуры, могут выступить в качестве объекта государственной регуляции. В этом отношении можно выделить два основных типа деструктивных факторов: подпадающие под сферу государственного регулирования и выходящие за его рамки. В первом случае речь идет о возможности и необходимости вмешательства со стороны государства в протекание социального процесса, во втором – об ограниченности ресурсов политической власти по урегулированию проблемы.

В данном случае возможно не столько разрешение проблемы, сколько противодействие ее последствиям на внутреннем уровне организации общественных процессов. Для формирования адекватной стабилизационной деятельности необходимо не только своевременное обнаружение негативной тенденции, но и эффективное определение ее статуса, что позволяет формировать эффективный набор мер по регулированию социальной ситуации. В этом отношении деструктивные тенденции в обществе можно подразделить на два типа: проблемы, основание которых пролегает в сфере государственного регулирования, что делает возможным их эффективное разрешение, и проблемы, на которые государство не может воздействовать напрямую. Среди рассмотренных выше типов деструктивных тенденций возникновение частных случаев социальной деструктивности, развитие негативных тенденций на уровне формирования радикальных (или просто отрицательно настроенных по отношению к власти или отдельным элементам социальной структуры) социальных групп, а также дисфункция и рассогласование основных социальных институтов входят в сферу прямого регулирования политической власти. На начальном этапе реализации антикризисных мер значительно легче элиминировать ряд проблем еще до их возникновения, тогда как на уровне феноменального проявления процесс воздействия осложнен как минимум запаздыванием реакции. В связи с этим в современной социологии вопрос предотвращения социальной деструктивности актуален на институциональном уровне (в первую очередь, речь идет об институте образования), а также на уровне адекватной молодежной политики [11, с. 76–77; 12, с. 127–130]. Так, посредством аксиологических оснований и социально сберегающих мер становится возможным предотвращение социальных противоречий широкого спектра.

Соответственно, здесь реализуется возможность разрешения внутренних проблем посредством изменения структуры общества и управления основными процессами, протекающими в нем. Напротив, для внешних по отношению к локальному обществу деструктивных факторов (таких как изменение мировой социальной среды или масштабные стихийные бедствия) характерна значительная степень независимости от государственной политики (в особенности это касается природных условий). По этой причине противодействие данным тенденциям носит опосредованный характер и зачастую связано с разрешением негативных тенденций по мере их актуализации.

В этой связи для обеспечения социальной стабильности необходимо, с одной стороны, своевременное реагирование на основные внутренние угрозы (развитие социальных противоречий, дисфункция социальных институтов, развитие преступности и очагов экстремизма), с другой – развитие эффективных защитных механизмов, направленных на локализацию последствий негативных процессов, еще не прошедших стадию регулирования (на внутреннем уровне), и деструктивных факторов, обладающих внешним по отношению к социальной системе статусом. При этом речь идет о своевременном и эффективном развитии как социальных служб, направленных на локализацию и устранение частных угроз социальной стабильности (органы правопорядка, МЧС, сфера здравоохранения), так и общих защитных качеств социальной системы.

1. Parsons T., Smelser N. Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory. Taylor & Francis e-Library, Rutledge, 2005.

2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5.

3. Кубякин Е.О., Сафронов А.Н. Информационный экстремизм в среде молодежи как деструктивный феномен современного российского общества // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2013. № 4(22).

4. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4.

1. Parsons T., Smelser N. Economy and Society: A Study in the Integration of Economic and Social Theory. Taylor & Francis e-Library, Rutledge, 2005.

2. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth extremism. The essence and features of display // Sociological studies. 2008. № 5.

3. Kubyakin E.O., Safronov A.N. Informational extremism in the youth environment as destructive phenomenon of the modern Russian society // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2013. № 4(22).

4. Kubyakin E.O. Youth extremism on the Internet as a social problem // Historical and socio-educational thought. 2011. № 4.

5. Кубякин Е.О. Особенности профилактики молодежного экстремизма в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1.

6. Райдугин Д.С. Проблема полипарадигмальности современной социологии молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 1.

7. Райдугин Д.С. Становление естественной и рефлексивной установок социального познания // Человек. Общество. Инклюзия. 2012. № 3(11).

8. Сальников Е.В. Социально-философский анализ экстремизма. Орел, 2012.

9. Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении студентов: дис. … канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2005.

10. Кубякин Е.О. Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014.

11. Кубякин Е.О. Готовность молодежи к свершению экстремистских поступков по идейным соображениям // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2010. № 3.

12. Кубякин Е.О. Экстремальность как сущностное свойство сознания и поведения молодежи // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2010. № 1.

5. Kubyakin E.O. Features of prevention of youth extremism in modern Russia // Society: politics, economics, law. 2011. № 1.

6. Raydugin D.S. The multiparadigmatic character problem of modern sociology of youth // Humanitarian, social and economic, and social sciences. 2013. № 1.

7. Raydugin D.S. Formation of natural and reflexive systems of social cognition // Person. Society. Inclusion. 2012. № 3(11).

8. Salnikov E.V. Socially-philosophical analysis of extremism. Orel, 2012.

9. Serikov A.V. Youth extremism in modern Russia: the dynamics and the reflection in public opinion of students: diss. ... Master of Sociology. Rostov-on-Don, 2005.

10. Kubyakin E.O. Bases of the sociological study of the phenomenon of extremism. Extremparantivity. Krasnodar, 2014.

11. Kubyakin E.O. The willingness of young people to the accomplishment of extremist actions for ideological reasons // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2010. № 3.

12. Kubyakin E.O. Extremeness as the essential property of consciousness and behaviour of young people // Bull. of Krasnodar university of Russian MIA. 2010. № 1.

Сабанов Заурбек Михайлович
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социального обеспечения и управления
Северо-Осетинского государственного университета
им. К.Л. Хетагурова
(e-mail: margo2199@yandex.ru)

Организационные основы реабилитации инвалидов в Российской Федерации

В статье исследуются организационные основы реабилитации инвалидов в Российской Федерации. Рассматриваются основные направления деятельности федеральных и региональных институтов, осуществляющих комплексную реабилитацию инвалидов. Отражаются основные термины и понятия, раскрывающие современные теоретико-методологические и содержательные основы реабилитации инвалидов, способствующие их социальной интеграции в общество.

Ключевые слова: социальная реабилитация, адаптационное обучение, социокультурная реабилитация, социально-средовая реабилитация, самообслуживание в быту, доступная среда жизнедеятельности.

Z.M. Sabanov, Master of Sociology, Assistant Professor of the Chair of Social Welfare and Management of the North-Ossetia State University of K.L. Khetagurov; e-mail: margo2199@yandex.ru

The institutional framework for the rehabilitation of the disabled in the Russian Federation

The article is devoted to the organizational basics for the rehabilitation of disabled persons in the Russian Federation. It describes the main activities of the federal and regional institutions engaged in comprehensive rehabilitation of people with disabilities. The present article provides key terms and concepts, revealing modern theoretical-methodological and substantive basis for the rehabilitation of disabled persons, which contributes to their social integration.

Key words: social rehabilitation, adaptive learning, sociocultural rehabilitation, environment social rehabilitation, self care at home, accessible environment of life.

Важнейшим содержанием социальной политики Российской Федерации в отношении инвалидов является их реабилитация.

Реабилитация инвалидов должна включать проведение системы специальных мероприятий, направленных на восстановление (развитие, формирование) функций организма, процессов, свойств, способностей, позволяющих им усваивать и выполнять различные социальные роли, адаптироваться в обществе, т.е. направленных на восстановление (развитие) механизмов социальной интеграции [1, с. 11].

Формирование и развитие Государственной службы реабилитации инвалидов в Российской Федерации основывается на базе следующих принципов: государственный характер гарантий соблюдения прав инвалидов; приоритет интересов инвалидов при осуществлении реабилитационных мероприятий; общедоступность системы реабилитации на основе учета физических, психофизиологических, социальных особенностей инвалида; оказание индивидуальной помощи в зависимости от конкретных потребностей каждого инвалида; системный подход к исполнению многообразных форм и методов реабилитации; обеспечение координации служб, осуществляющих реабилитацию инвалидов; единство и взаимодействие федеральной и региональной государственной социальной помощи в сфере реабилитации инвалидов; соблюдение принципа социального партнерства государственных и общественных институтов в решении проблем реабилитации инвалидов, ориентации на достижение общепризнанных международных стандартов.

К компетенции Российской Федерации в области реабилитации инвалидов в лице се федеральных органов власти и управления следует отнести: правовое регулирование отношений по реабилитации в рамках федеральной компетенции; разработку и реализацию федеральных и международных программ реабилитации инвалидов; формирование федеральных (центральных) государственных, а также ведомственных органов управления

системой реабилитации инвалидов и руководство ими; формирование федеральных компонентов государственных реабилитационных стандартов; информационное и научно-методическое обеспечение системы реабилитации инвалидов, разработку типовых программ реабилитации инвалидов в рамках компетенции федерального уровня; разработку федеральных требований к реабилитационным учреждениям, прямое финансирование реабилитационных учреждений федерального подчинения; лицензирование федеральных реабилитационных учреждений; определение номенклатуры специальных работников, занятых в области реабилитации инвалидов; организацию федеральной системы подготовки кадров в области реабилитации инвалидов; координацию и финансирование научных исследований и опытно-конструкторских работ в области реабилитации инвалидов; контроль за исполнением федерального законодательства в области реабилитации инвалидов [2, с. 221].

Субъекты Российской Федерации в рамках своей компетенции в области реабилитации инвалидов должны осуществлять: организацию координационных органов по реабилитации инвалидов на региональном уровне; реализацию федеральной политики в области реабилитации инвалидов; участие в реализации федеральных программ по реабилитации инвалидов; разработку и реализацию региональных программ реабилитации инвалидов; формирование государственных органов управления системой реабилитации инвалидов на региональном уровне и руководство ими; создание, реорганизацию и ликвидацию реабилитационных учреждений на соответствующей территории; аккредитацию, лицензирование таких реабилитационных учреждений; установление специальных региональных налогов и сборов на развитие системы реабилитации инвалидов; финансирование и оказание организационно-методической помощи в части материально-технического обеспечения органов управления системой реабилитации инвалидов; определение национально-региональных компонентов государственных реабилитационных стандартов; формирование административно-территориальных бюджетов в части расходов на реабилитацию инвалидов; установление региональных нормативов финансирования системы реабилитации инвалидов; определение региональных требований к санитарным и строительным нормам реабилитационных учреждений, относящихся к ведению субъектов Российской Федерации, оснащенности этих учреждений; установление региональных, помимо федеральных, нормативов материального и финансового обеспечения реабилитируемых инвалидов и работников реабилитационных учреждений; информационное обеспечение реабилитационных учреждений в рамках своей компетенции; участие в организации и проведении подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области реабилитации инвалидов; координацию и финансирование научных исследований, а также опытно-конструкторских работ на соответствующей территории; обеспечение соблюдения законодательства Российской Федерации в области реабилитации инвалидов и контроль за исполнением государственных реабилитационных стандартов [3, с. 13].

К компетенции органов местного самоуправления в области реабилитации инвалидов следует отнести: планирование, организацию, регулирование и контроль за деятельностью местных органов управления реабилитацией инвалидов; формирование местных бюджетов и фондов развития реабилитации инвалидов; разработку и определение местных нормативов финансирования реабилитации инвалидов; обеспечение проживающим на данной территории инвалидам возможности проведения реабилитации; создание, реорганизацию и ликвидацию реабилитационных учреждений, находящихся в их ведении; строительство зданий и сооружений муниципальных реабилитационных учреждений; приспособление объектов социальной инфраструктуры муниципального подчинения к потребностям инвалидов, создание реабилитационной социально-средовой инфраструктуры.

Координационную деятельность государственных органов власти по вопросам реабилитации инвалидов, а также по иным общим вопросам, требующим межведомственных согласований на федеральном уровне, осуществляет созданный при Правительстве РФ коллегиальный совещательный орган – Межведомственная комиссия по координации деятельности в сфере реабилитации инвалидов, которая, в частности, готовит предложения для Правительства РФ по вопросам формирования и реализации государственной политики в области реабилитации инвалидов, развития Государственной службы реабилитации инвалидов; подготавливает проекты постановлений

и решений Правительства РФ по указанному вопросу; разрабатывает проекты межведомственных комплексных программ в области медико-социальной реабилитации инвалидов; разрабатывает предложения по совершенствованию порядка взаимодействия различных ведомств и структур, входящих в Государственную службу реабилитации; обеспечивает интегрированную оценку развития Государственной службы реабилитации инвалидов в РФ; осуществляет комплексный анализ и прогнозирование тенденций развития сферы медико-социальной реабилитации инвалидов, обосновывает цели и приоритеты развития отдельных программ на всей территории Российской Федерации, а также на отдельных территориях с учетом их региональных особенностей; организует Государственную экспертизу проектов международных, федеральных и региональных программ в сфере медико-социальной реабилитации инвалидов.

Координацию оперативной и текущей деятельности структурных подразделений государственной службы реабилитации инвалидов осуществляет Министерство труда и социального развития РФ, для чего при нем создается межведомственный федеральный координационный Совет по медико-социальной реабилитации инвалидов, на который могут быть возложены следующие функции: обеспечение координации оперативной и текущей деятельности министерств и ведомств по медико-социальной реабилитации инвалидов; участие в разработке и реализации целевых федеральных программ по медико-социальной реабилитации инвалидов; осуществление инновационной политики в области реабилитационных технологий; разработка предложений по внедрению научно-методических и информационных материалов, касающихся реабилитации инвалидов; обеспечение своевременного обмена информацией, способствующей созданию единого межведомственного пространства по проблеме медико-социальной реабилитации инвалидов; обеспечение взаимодействия с общественными организациями инвалидов по проблеме медико-социальной реабилитации; осуществление взаимодействия с международными организациями по проблеме медико-социальной реабилитации инвалидов.

Координацию деятельности всех исполнительных государственных органов власти по вопросам реабилитации инвалидов в регионе должен осуществлять созданный при администрации субъекта Российской Федерации коллегиальный совещательный орган (действующий на общественных началах) – Межведомственный совет (комиссия, комитет) по координации деятельности в сфере реабилитации инвалидов. На указанный совет могут быть возложены следующие основные функции: разработка предложений по совершенствованию основных направлений региональной политики в области медико-социальной реабилитации инвалидов и внесение их на рассмотрение администрации; подготовка по этим предложениям проектов соответствующих постановлений администрации; разработка порядка взаимодействия различных государственных структур по медико-социальной реабилитации инвалидов; организация экспертизы проектов региональных программ в сфере медико-социальной реабилитации инвалидов; разработка проектов основных мероприятий по профилактике инвалидности в регионе и внесение их на рассмотрение главы администрации; анализ эффективности различных программ, планов и мероприятий по решению проблем инвалидности и инвалидов; доведение результатов такого анализа до главы администрации с целью принятия соответствующих решений; оказание содействия органам и учреждениям во внедрении в практику новейших научно-технических разработок и передового опыта работы, связанных с решением проблем инвалидности и инвалидов; оказание содействия в формировании необходимой информационной базы по проблеме инвалидности и инвалидов; обобщение и анализ предложений организаций и граждан в области реабилитации инвалидов и доведение до главы администрации результатов такого анализа.

На региональном уровне координацию оперативной и текущей деятельности в сфере реабилитации инвалидов должен осуществлять Департамент (министерство, комитет, управление, отдел) социальной защиты населения.

Государственная служба реабилитации инвалидов представляет собой совокупность органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов исполнительной государственной власти независимо от их ведомственной подчиненности, реабилитационных учреждений различного уровня, типа, вида и форм собственности, предоставляющих услуги по медицинской, профессиональной и социальной реабилитации [4, с. 25].

В структуру системы реабилитации инвалидов должны входить реабилитационные учреждения различной ведомственной принадлежности и функциональной направленности:

Департамент (министерство, комитет, управление, отдел) социальной защиты населения должен реализовывать федеральную политику в области реабилитации инвалидов; разрабатывать и контролировать выполнение региональной политики в области реабилитации инвалидов; разрабатывать региональные комплексные целевые программы по реабилитации инвалидов; руководить службами реабилитации своего ведомства; контролировать исполнение соответствующих разделов индивидуальных программ реабилитации инвалидов; создавать, реорганизовывать и ликвидировать реабилитационные учреждения регионального подчинения; осуществлять (при взаимодействии с соответствующими ведомствами) разработку регионального компонента базовых программ реабилитации инвалидов; принимать участие в разработке компонентов региональных стандартов по реабилитации инвалидов; организовывать лицензирование и сертификацию деятельности по реабилитации инвалидов с учетом их потребности; организовывать развитие производства технических средств реабилитации инвалидов; обеспечивать организацию протезно-ортопедической помощи; содействовать созданию и развитию специализированных предприятий, развитию надомных видов труда и других форм занятости инвалидов; участвовать в организации, подготовке и переподготовке кадров в области реабилитации инвалидов на соответствующей территории; осуществлять информатизацию системы реабилитации инвалидов; осуществлять взаимодействие с общественными организациями инвалидов в области реабилитации.

Департамент (министерство, комитет, управление, отдел) образования должен реализовывать федеральную политику в отношении обучения инвалидов; разрабатывать и реализовывать региональную политику по вопросам обучения инвалидов; принимать участие в разработке и реализации региональных целевых программ по реабилитации инвалидов; принимать участие в разработке и реализации Регионального гарантированного перечня реабилитационных мероприятий, услуг и технических средств. Контролировать исполнение разделов индивидуальной программы реабилитации инвалидов; обеспечивать руководство региональными реабилитационно-образовательными учреждениями своего ведомства, организовывать создание и развитие сети реабилитационных учреждений своего ведомства; организовывать лицензирование деятельности реабилитационных учреждений своего ведомства; осуществлять инновационную политику в области технологий профессиональной реабилитации; организовывать подготовку кадров.

Департамент Федеральной государственной службы занятости населения региона должен реализовывать федеральную политику в области профессиональной реабилитации и занятости инвалидов; разрабатывать и контролировать региональную политику в области профессиональной реабилитации и занятости инвалидов; принимать участие в разработке и реализации региональных комплексных целевых программ по реабилитации инвалидов (по разделу профессиональной реабилитации инвалидов); осуществлять анализ предложений по регулированию рынка труда применительно к инвалидам; организовывать деятельность органов Федеральной государственной службы занятости в регионе по профессиональному консультированию, профессиональной ориентации, профессиональному обучению безработных инвалидов; по оказанию инвалидам содействия в трудоустройстве, включая самозанятость, содействие в предпринимательской деятельности, трудоустройство по специальным программам; принимать участие в организации подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров по профессиональной реабилитации инвалидов; контролировать исполнение соответствующих разделов индивидуальной программы реабилитации инвалида.

В своей деятельности по профессиональной реабилитации инвалидов департаменты социальной защиты, образования и занятости должны взаимодействовать с другими ведомствами (здравоохранения, культуры, строительства, физкультуры и спорта, транспорта).

Управления (отделы) социальной защиты населения, образования должны принимать участие в разработке и реализации региональной политики в области реабилитации инвалидов; разрабатывать муниципальные (территориальные) программы реабилитации инвалидов; организовывать систему адресной реабилитации инвалидов, проживающих на территории района (округа); создавать, реорганизовывать, ликвидировать реабилитационные учреждения

своего ведомства на территории района (округа) и осуществлять их хозяйственное и материально-техническое обеспечение; осуществлять взаимодействие с другими ведомствами и с общественными объединениями инвалидов в сфере их профессиональной реабилитации.

Государственная служба реабилитации инвалидов создается с целью обеспечения оптимальных условий для проведения последовательных мероприятий по реализации целевых и индивидуальных программ реабилитации инвалидов, направленных на восстановление их личного и социального статуса и интеграцию инвалидов в семью и общество.

Для реализации указанной цели на Государственную службу реабилитации инвалидов должны быть возложены следующие задачи: формирование стратегии развития службы реабилитации инвалидов на федеральном, региональном и местном уровнях, взаимного согласования планов перспективного развития реабилитационных отраслей и учреждений.

1. Гришина Л.П. Инвалидность как многофакторная проблема и общий комплекс мероприятий по профилактике инвалидности // Актуальные вопросы ВТЭ и медико-социальной реабилитации инвалидов. М., 1992.

2. Кесаева Р.Э. Семья и медицина / под ред. А.А. Магометова. Владикавказ, 2006.

3. Осадчих А.И. Теоретические аспекты концепции инвалидности // Актуальные вопросы врачебно-трудовой экспертизы и социально-трудовой реабилитации инвалидов. М., 1988.

4. Осадчих А.И., Пузин С.И., Андреева О.С. и др. Правовые, организационные и методические основы реабилитации инвалидов: руководство.

1. Grishina L.P. Disability – a multifactorial problem and a common set of measures for the prevention of disability // Topical issues of medical-labour expert commission and medico-social rehabilitation of people with disabilities. Moscow, 1992.

2. Kesaeva R.E. Family and medicine / ed. by A.A. Magometov. Vladikavkaz, 2006.

3. Osadchikh A.I. Theoretical aspects of the concept disability // Topical issues of medical labor examination and social and labor rehabilitation of disabled persons. Moscow, 1988.

4. Osadchikh A.I., Puzin S.I., Andreeva O.S. et al. The legal, organizational and methodological foundations of rehabilitation of the disabled: manual.

Тимченко Александр Андреевич
кандидат социологических наук,
преподаватель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Стрелецкий Яков Ильич
кандидат философских наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Краснодарского высшего военного авиационного
училища летчиков им. А.К. Серова
(тел.: +79184770998)

Украина: технология «промывания мозгов»

В современном обществе информация и информационные процессы играют огромную роль, в том числе в рамках сложившейся геополитической обстановки. В статье рассматриваются основные приемы и методы информационной войны, которая велась и ведется в Украине против нашей страны и украинского народа, дается их подробная характеристика.

Ключевые слова: Украина, «промывание мозгов», информационная блокада, зомбирование населения, мифотворчество, манипуляция, метод двойных стандартов.

A.A. Timchenko, Master of Sociology, Lecturer of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516;

Ya.I. Streletsky, Master of Philosophy, Professor, Professor of the Chair of Humanities and Socio-economic Disciplines of the Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots of A.K. Serov; tel.: +79184770998.

Ukraine: the technology of «brainwashing»

In modern society information and information processes play a huge role including in the framework of the existing geopolitical situation. The scientific article examines the basic techniques and methods of information warfare that is being conducted in Ukraine against our country and the Ukrainian people, gives their detailed description.

Key words: Ukraine, «brainwashing», information blockades, zombify the population, myth-making, manipulation, double standards.

Некоторые социальные явления имеют следующую особенность: одни их признают, а другие отрицают. Таким феноменом является информационная война против России. Западом она отрицается, а властью современной Украины признается. Однако в действительности оказывается, что «два сапога – пара»: и Запад во главе с США, и правительство «незалежной» ведут эту войну активно и целенаправленно. Цель статьи – проанализировать основные приемы и методы информационной войны, которая велась и ведется в Украине против нашей страны и украинского народа. Представляется, что таковыми являются следующие.

1. Информационная блокада. Сейчас население Украины находится в состоянии полной и глобальной информационной блокады. При этом любые попытки ее прорыва упираются в прямой запрет надзорных и карательных структур украинского государства и националистической части общества.

Информационная блокада ведется, главным образом, по следующим направлениям. Во-первых, «перекрывается кислород» тем СМИ, которые объективно освещают события в Украине и вокруг нее. Например, 3 января 2015 г. в Киеве неизвестные в масках забросали камнями офис украинского телеканала «Интер». Ранее этот канал оказался в центре громкого скандала: в новогоднем шоу там показали выступления российских артистов – Иосифа Кобзона, Валерии, Олега Газманова и др., объявленных в Украине персонами нон грата. «Интер» лишили лицензии. Следственный комитет России вынужден был возбудить дело по факту нападения на журналистов российского канала Life News, снимавших 1 января факельное шествие националистов в Киеве. У съемочной группы разбили камеру, отобрали

телефон, а журналистку Жанну Карпенко жестоко избили.

Во-вторых, новая украинская власть, поддерживая и поощряя националистические настроения в обществе, дает «зеленый свет» русофобским, «патриотическим» СМИ, «демократическим» газетам, журналам, теле- и радиопередачам Запада. Последний оказывает новой власти в Украине политическую, экономическую и медийную поддержку и старательно не замечает информационный террор киевской власти и националистов «на местах».

В-третьих, введен принцип тотального запрета на «вести из Кремля». «Никогда, ни при каких обстоятельствах, – инструктирует журналистов глава Министерства информационной политики Украины Юрий Стець, – не распространять информацию из российских СМИ. Даже положительная для нас информация может быть всего лишь способом проникнуть в наше информационное пространство» [1, с. 2].

В условиях полной информационной блокады, массового продавливания нужных идеологических и информационных штампов, да еще подкрепленных карательной машиной украинского государства и террором националистических и фашистских организаций, новая власть в Украине и западные кукловоды получили ожидаемый результат: сопротивление киевской хунте загнано в глухое подполье, легальная оппозиция является ширмой, а народ безмолвствует и «курит» информационный опиум.

2. Зомбирование населения. Теоретической базой этого метода является бихевиоризм (от англ. behaviour «поведение»). Важнейшей категорией бихевиоризма является стимул, под которым понимается любое воздействие на человеческое сознание со стороны внешней среды, в том числе словесная, эмоциональная или физическая реакция окружающих людей. Субъективные переживания отдельного человека при этом не отрицаются, но ставятся в положение, подчиненное этим внешним воздействиям. При этом необходимые «архитекторам сознания» положительные стимулы сохраняются и усиливаются, а отрицательные – блокируются и убираются. Как писал еще Козьма Прутков, «щелкни кобылу в нос – она махнет хвостом». Это все доводится до уровня условного рефлекса: «Слава Украине! – Героям слава!». Как у собачек Павлова: включили лампочку – потекла слюна. Даже если обеда больше не предполагается. Картина факельных шествий «Майдана» по Киеву и другим украинским городам – свидетельство острого посттравматического массового психоза.

Зомбируя население и показывая ему искаженную картинку в кривом зеркале подтасованных фактов, специалисты по тактике «промывания мозгов» активно используют систему украинского образования. Так, президент Украины 13 октября 2015 г. подписал программу формирования сознания подрастающего поколения – «Стратегию национально-патриотического воспитания детей и молодежи на 2016–2020 годы». В этом документе отражены основные направления «украинизации» истории, героизации воевавших против Красной армии УПА (украинской повстанческой армии) и ОУН (организации украинских националистов), а также восхваления подвигов тех, кто воюет против «москалей» в Донбассе.

Метод зомбирования массового сознания особенно активно и целенаправленно применяется в украинских силовых структурах, в первую очередь в армии. Здесь для этого имеется ряд «сопутствующих» условий: военная цензура, определенная изоляция от общества, вчерашние школьники уже обработаны специалистами по «альтернативной истории», небогатый жизненный опыт армейской молодежи и др. В этой обстановке «солдатскому материалу» внушается, что они – наследники славного запорожского казачества, традиции которого, дескать, необходимо соблюдать священно. Для достижения этой цели активно используется церковь. Например, приказом министра обороны Украины от 27 января 2015 г. № 40 «О создании капеланской службы в рядах ВСУ» (Вооруженных сил Украины) введены должности военных священников для душепасторской опеки военнослужащих и резервистов и духовно-патриотического воспитания служащих и членов их семей.

Методикой зомбирования населения в совершенстве владеют специалисты Запада и особенно США. Руководство США не жалеет средств и сил, чтобы оторвать Украину от России, поссорить братские народы, ввергнуть их в пучину самоубийственной войны. Как справедливо отмечает генерал-лейтенант службы внешней разведки Леонид Решетников, «пока братья-малороссы не перестанут быть зомбированными монстрами, их новые хозяева США будут готовы воевать до последнего украинца» [2, с. 7].

3. Ложь. Как средство дезинформации, как орудие информационной войны ложь имеет свою давнюю историю, корни которой уходят в

древность. И это не случайно, ибо ложь была, есть и будет, пока существуют противоположные интересы у государств, наций, политических партий и т.д. Но ложь становится массовой, интенсивной и изощренной в конфликтных ситуациях, особенно вооруженных, и тем более в период войн. В наши дни «благодаря» возможностям СМИ ложь стала в руках новых украинских властей, ее спецслужб, различных националистических организаций и их западных покровителей орудием информационной войны. Остановимся на наиболее распространенных видах лжи, которые активно применяются в этой войне.

Полуправда. Она имеет определенные «достоинства»: маскируясь под правду, спекулируя на ее естественном авторитете, опираясь на реальные и известные факты, полуправда притупляет информационную бдительность и завоевывает доверие объекта дезинформации, что является целью ее субъекта. Например, 9 марта 2015 г. Президент Украины П. Порошенко в интервью «Первому национальному телеканалу» заявил, что с момента начала АТО в Донбассе погибли 1549 украинских военных. Потери признал, но при этом беспардонно врал. Потери были значительно большими. По мнению независимых военных экспертов, официальный Киев серьезно занижает число боевых потерь, которые в реальности составляют десятки тысяч убитых и раненых. В частности, сотрудники специальных служб ФРГ утверждают, что в результате боевых действий на юго-востоке Украины погибли около 50 тыс. военных и гражданских лиц [3, с. 107].

Ложь «классическая» – наглая, стопроцентная. Наиболее распространенная – это «рука Москвы», которая якобы развязала войну в Донбассе и является «внешним агрессором» и «врагом Украины». Подконтрольные киевской власти СМИ обвиняют Россию в диверсионных операциях на территории Украины. В качестве подтверждения демонстрировались откровенно постановочные кадры, на которых у «диверсантов» изымались несуществующие удостоверения «разведчиков» и нелепое оружие. По заявлениям украинских пограничников, каждый второй задержанный признавался в работе на разведслужбы России и выдавал имена других агентов. Следует отметить, что подобная провокационная работа украинских властей и подконтрольных им СМИ оказалась настолько грубой и неправдоподобной, что не нашла безоговорочной поддержки на Западе.

Ложь в виде страшилки. Приведем некоторые примеры:

Страшилка № 1: «Россияне обманом заставили Украину избавиться от ядерного оружия и теперь применяют его против нас! Но мы в ответ на российскую агрессию в Крыму возобновим свой ядерный статус! – сказал депутат ВР от партии «Свобода» М. Головко. – Нам понадобится 3–6 месяцев, чтобы полноценно схлестнуться с Россией в ядерной войне!».

Заявление растиражировали по всем ведущим теле- и радиоканалам.

Страшилка № 2: через программы российского ТВ украинцам разрушают мозг, в каждом популярном шоу используется технология 25 кадра.

Страшилка № 3: «Крым – это только начало, оттуда русские танки поедут по всей Украине. У России есть сценарий по захвату всей Украины», – мрачно заявил во время выступления в Вашингтоне бывший премьер Арсений Яценюк.

4. Мифотворчество. Оно призвано воспитать у населения, особенно у молодежи, «истинно-национальный патриотизм», с одной стороны, и стереть из памяти украинского народа вековые традиции дружбы с братским русским народом – с другой. Усилиями «регулировщиков» общественного сознания в современной Украине эти цели реализуются по следующим основным направлениям.

На исторической ниве украинские «ученые-патриоты» написали горы книг, в которых излагается «истинное» отражение мировой истории. У истоков последней, оказывается, стояли укры – прародители украинской нации. Авторы школьных учебников по истории Украины – В.С. Власов, О.Н. Данилевская, В.А. Смольный и др. – пичкают неокрепшие умы учеников мифами о том, что Киевской Руси якобы не было, а было государство с названием «Русь – Украина», а Черное море называлось Украинским морем. В представлении «альтернативных историков» Украина – это древнее, героическое, великое, но якобы оккупированное «москалями» государство.

К мифотворчеству приобщили и религию. Так, Президент П. Порошенко уверяет, что Крещение Руси великим князем Владимиром свидетельствует об «осознанном европейском выборе», о том, что, «приняв христианство, Украина – Русь стала полноправным членом всей христианской Европы», что тысячелетие украинцы боролись за собственную идентичность, за наш украинский, европейский выбор [4, с. 45]. Такие заявления, видимо, рассчитаны

на абсолютное незнание истории. В действительности такого государства никогда не существовало, равно как и тысячелетней украинской нации.

В сфере политико-идеологической мифотворчество зашкаливает, что выражается в пропаганде идей:

«исключительности» украинской нации, которой якобы принадлежит мессианская роль;

«отрубности» (изолированности) украинцев от своих соседей – русских и белорусов;

«единого потока» в развитии украинской культуры, что сеет иллюзию о якобы изначальной общности духовных основ, нравственно-этических и эстетических ценностей всего украинского общества.

Эти идеи легли в основу идеологической платформы современных националистических организаций и их лидеров. Например, идеологию партии «Свобода» ее лидеры называют «социальным украинским национализмом». В ее основу были положены труды одного из теоретиков и практиков украинского национализма Ярослава Стецько, в первой половине 1940-х гг. занимавшего пост первого заместителя руководителя ОУН Степана Бандеры.

5. Манипуляция. Как метод информационной войны она носит комплексный характер как по способам реализации, так и по своим авторам, режиссерам и исполнителям. С последними тремя группами дезинформационного «художественного творчества» все ясно – это США, ансамбль «песни и пляски» националистически ориентированных украинских и западных СМИ.

Манипуляция осуществляется посредством психологических операций. Например, в феврале 2015 г. информационный натовский сайт «Дракула» опубликовал на английском и украинском языках материалы, в которых отражены совместные планы Киева и НАТО, а также военных структур США и Великобритании по проведению психологических операций на востоке Украины, в Донбассе и России. В частности, сайт «Дракула» представил план информационно-психологической операции «Свободная Россия». В нем красной нитью проходит как угроза Киеву «высокая популярность российского политического руководства среди населения юго-восточных регионов страны» и вытекающая из этого задача «по дискредитации политического и военного руководства Российской Федерации».

Метод манипуляции реализуется через внедрение в информационное пространство новых, но привлекательных и приятных «на слух» политических терминов: «демократический выбор», «евромайдан», «евроинтеграция». Эти и другие «ласкающие и греющие душу» обывателя понятия сконструированы по лекалам западных специалистов по применению «мягкой силы» и должны символизировать борьбу украинского народа за европейские ценности, за западную политическую ориентацию, с одной стороны, и продемонстрировать поворот, мягко говоря, спиной к России – с другой.

6. Метод двойных стандартов. Его теоретической основой является философия прагматизма (Ч. Пирс, Дж. Дьюи, У. Джемс – США), методологическим стержнем которой стал тезис о том, что истиной является все то, что приносит прибыль, выгоду, пользу. Американское руководство «сообразило» и эту «научную» философию взяло в качестве фундамента своей, в первую очередь, внешнеполитической деятельности (более двухсот войн и вооруженных конфликтов по всему миру, позиция в двух мировых войнах, в «холодной войне» с СССР, и во всесторонней поддержке «борцов за демократию»).

В наше время философию прагматизма дополнили авторы концепции «реальной политики» – известные американские теоретики Ганс Моргентау и Генри Кисинджер. Последний зарекомендовал себя и как «блестящий» дипломат-практик. Надежным инструментом реализации этой концепции на практике стал именно метод двойных стандартов. Рассмотрим основные направления его применения на современном геополитическом и медийном пространстве.

Международные отношения последователями концепции «реальной политики», т.е. руководством США и западноевропейских стран, строятся не на основе принципов ООН, а на «национальных интересах», в сферу которых попал весь мир. При этом подход здесь особый, избирательный, спекулятивный. Его содержание, по мнению Валерия Коровина – директора Центра геополитических экспертиз, состоит в следующем: «Если лидер государства соблюдает американские колониальные принципы, позволяет Штатам осуществлять внешнее управление в интересах Запада, то такой лидер вне зависимости от своей идеологии или формы правления может долго оставаться у власти. И будь он хоть трижды тиран, он будет для Америки наш сукин сын» [5, с. 20]. Так было в Чечне, Таджикистане, Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Ливии, а сейчас – в Сирии и Украине.

Сфера права подвергается атакам оружием двойных стандартов по отработанной традиционной схеме. С одной стороны, международные правовые нормы считаются неприкосновенными, базой и гарантией сохранения мира, а с другой – демонстративно нарушаются. Причем, и первое и второе делается одними и теми же политическими лидерами Запада.

Медийная сфера Запада и Украины, которая управляется США, тоже взяла на вооружение тактику двойных стандартов. С одной стороны, раздувается в СМИ мировой пожар о «геноциде украинцев», якобы учиненном москалями на Донбассе, о «зверствах» ополченцев, управляемых той же Москвой. С другой стороны, о масштабной гуманитарной катастрофе, организованной киевской властью в юго-восточных районах Украины – ни слова, молчок.

Рассмотренные выше методы не исчерпывают весь арсенал информационной войны, которая ведется Западом во главе с США с целью «промывания мозгов» мировому сообществу, деформации общественного сознания, поощрения и укрепления национализма и русофобии в Украине, изоляции и ослабления России. Но анализ даже этих методов наводит на мысль о том, что они – не безобидные игрушки в руках неучей на фронте современной идеологической борьбы. Здесь работают хорошо оплачиваемые и снабженные передовой техникой профессионалы. Поэтому борьбу с ними необходимо вести, не только разоблачая реакционную сущность содержания пропагандируемых ими концепций, но и противопоставляя им современные методы идеологического наступления, памятуя о том, что содержание, будучи первичным, испытывает активное воздействие со стороны формы, т.е. методов информационной войны. Нам их необходимо совершенствовать и эффективно применять.

1. Независимое военное обозрение. 2016. № 2.

2. Аргументы и факты. 2016. № 5.

3. Зарубежное военное обозрение. 2015. № 8.

4. Морозова А. Фальсификация истории как метод воспитания военнослужащих вооруженных сил Украины // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 1.

5. Коровин В. Свои и чужие диктаторы // Аргументы и факты. 2016. № 10.

1. Independent military review. 2016. № 2.

2. Arguments and facts. 2016. № 5.

3. Foreign military review. 2015. № 8.

4. Morozova A. Falsification of history as a method of education of Ukraine armed forces servicemen // Foreign military review. 2016. № 1.

5. Korovin V. Your and other people's dictators // Arguments and facts. 2016. № 10.

Британова Елена Александровна
ассистент кафедры менеджмента
Кубанского государственного аграрного университета
(e-mail: britikova-2011@mail.ru)

Урывский Владимир Николаевич
студент-магистрант
Кубанского государственного аграрного университета
(тел.: +79180655296)

Российский капиталистический класс как субъект модернизации: опыт 90-х годов

В статье рассматриваются особенности российского бизнеса 90-х гг. как участника и творца отечественной модернизации. Анализируется формирование групп российского предпринимательства и их роль в модернизационных процессах.

Ключевые слова: модернизация, актор, капитал, «стихийный» бизнес, Российское государство, бизнес-элита, сырьевая ориентация.

E.A. Britikova, Assistant of the Chair of Management of the Kuban State Agrarian University; e-mail: britikova-2011@mail.ru;

V.N. Uryvsky, Undergraduate Student of the Kuban State Agrarian University; tel.: +79180655296.

Russian capital class as a subject of modernization: experience of 90s

The article considers the peculiarities of Russian business of the 90s as a participant and creator of national modernization. Examines the formation of groups of Russian business and their role in the modernization process.

Key words: modernization, actor, capital, «natural» business, Russian state, business elite, raw material orientation.

Развитие теории модернизации имеет уже весьма продолжительную историю. Принято начинать отсчет с середины прошлого века, когда понятие «модернизация» фактически образовало собственный научный дискурс. В то же время некоторые исследователи (С. Гавров) не без основания относят теоретические разработки модернизации к эпохе социологической классики. Как бы то ни было, многочисленные подходы – линеарная модель (У. Ростоу, С. Эйзенштадт), аналитический подход (Н. Смелзер, С. Блэк), релятивистский подход (С. Чодак, Э. Тиракьян) – в общем и целом делают ставку на изменения объективной действительности, понимая модернизацию в широком смысле, т.е. как поступательное социальное развитие в сторону институциональной структуры, сформировавшейся в индустриально развитых странах, представленных в основном западным миром (С. Эйзенштадт).

В некотором роде можно считать инновационным появление деятельностно-структурного подхода известного отечественного социолога и экономиста Т. Заславской, в котором основной методологический упор делался на выявление и описание субъектов модернизации. Здесь в качестве таковых виделись социальные группы, так или иначе заинтересованные в модернизационных процессах [1]. Отсюда вполне закономерное привлечение внимания к формирующимся российским бизнес-группам, деятельность которых напрямую связывалась с масштабными системными преобразованиями. Мы намерены интерпретировать модернизацию в широком смысле – как поступательное социальное развитие в сторону институциональной структуры, сформировавшейся в индустриально развитых странах, представленных в основном западным миром. В то же время уместно задаться вопросом, какова роль российских предпринимателей в пока что не слишком впечатляющих результатах модернизации спустя три десятилетия после ее фактического начала. Для этого имеет смысл рассмотреть генезис отечественного бизнеса как социальной группы, источники его происхождения и факторы развития. Будучи ограниченными рамками статьи, мы затронем период 90-х гг., когда были заложены основные предпосылки российского бизнес-сообщества. Таким образом, настоящая статья будет носить в определенной степени социально-исторический характер.

Следует поначалу затронуть специфику отечественных процессов капитализации,

посредством которых осуществлялось преобразование социалистического строя в капиталистический. Изначально процесс капитализации общества (еще советского) имел два источника. Первый представлял собой приватизацию, представлявшую, по сути дела, совокупность усилий государства в названном направлении. Второй источник имел более естественную подоплеку и представлял собой стихийное развитие рыночных отношений, полностью не прекращавшихся даже в годы советской власти.

Ряд авторитетных отечественных обществоведов (М. Делягин, В. Радаев, О. Крыштановская) склонны определять государство в качестве главного фактора капитализации [2; 3; 4]. Будучи заинтересованным в поддержке общественных слоев, государство последовательно заигрывало с определенными социальными группами. В перестроечный период это была интеллигенция, в начале 90-х гг. для подобной роли стало привлекаться мелкое и среднее частное предпринимательство, которому шли навстречу в снятии юридических ограничений. Ближе к президентским выборам стал активно создаваться крупный бизнес, необходимый как для обеспечения финансовой поддержки предвыборной кампании, так и для противодействия возможным акциям со стороны социального большинства, уставшего от непопулярных реформ. Наконец, в путинский период в недрах уже самих государственных структур образовалась так называемая «силовая олигархия», сумевшая подчинить крупный бизнес.

Результатом российской приватизации стало появление так называемой бизнес-элиты. Под ней понимается группа бизнесменов, вовлеченных в политический процесс и получивших доступ к принятию общегосударственных решений. Весьма удачную иллюстрацию динамики становления отечественной бизнес-элиты дала О. Крыштановская, определяя начало приватизации в перестроечном времени. Эпоха либеральных реформ лишь расширила (прежде всего, в правовом отношении) рамки процесса, запущенного значительно раньше. Отсюда к началу гайдаровского либерального курса в обществе уже сложилась весьма определенная расстановка сил, где группы лидеров и аутсайдеров вырисовывались уже достаточно четко. Как считает Крыштановская, к 90-м гг. был апробирован механизм управляемого рынка и положено начало формированию так называемого класса уполномоченных, со временем развившегося в бизнес-элиту – «небольшая группа, вышедшая из недр советской номенклатуры, на самых ранних стадиях развития рынка монополизирует такие прибыльные сферы предпринимательства, как шоу-бизнес, международная торговля и туризм, строительство и финансовые операции» [3, с. 307].

Уже первые шаги государства по формированию класса собственников показывают, что приоритетной была ориентация на «быстрые деньги». В итоге в проигрыше оставались стратегические цели, обычно связываемые с производящим сектором. Кроме того, существование различных валютных курсов создавало условия для развития финансово-спекулятивного сектора [3, с. 305]. Таким образом, еще на этапе латентной приватизации складывались основы будущей банковской системы. Этот процесс имел в целом искусственный характер, предполагая концентрацию финансовых средств в руках класса уполномоченных, что программировало результаты официальной приватизации.

Быстрая прибыль могла ожидаться также в сырьевых отраслях, которые ориентировались на экспорт еще с брежневских времен. Исследование 200 крупнейших российских предприятий в 1999 г. показало, что из первой двадцатки компаний, имеющих наибольший объем реализации продукции, 18 относились к сырьевикам и лишь 2 – к машиностроению. Такая картина резко контрастирует с положением дел в мировой практике. Из 500 крупнейших предприятий около половины принадлежат машиностроению [5, с. 31–32].

Обращает на себя внимание стоимость предприятий, по которой они были «проданы» в частную собственность. В течение 1993–1999 гг. было приватизировано более 133,2 тыс. предприятий и объектов главным образом обрабатывающего сектора, что дало российскому государству 9 млрд 250 млн долл. Для сравнения: приватизация в Бразилии дала государству 66,7 млрд долл., в Великобритании – 66 млрд долл., в Италии – 63,5 млрд долл., во Франции – 48,5 млрд долл., в Японии – 47 млрд долл. По данным М. Руткевича, на небезызвестных залоговых аукционах средняя цена, по которой были приобретены бывшие в государственной собственности предприятия, составляла лишь 27,82% от первоначальной установленной цены, и без этого существенно заниженной. Тем самым предприятия фактически ушли за бесценок [6, с. 192]. Что касается приватизации на душу населения, то и здесь имеются вопиющие расхождения результатов. Так, в Австралии эта сумма составляет 2560,3 долл., в Португалии – 2108,6 долл., в Венгрии – 1252,8 долл., тогда как в России получено всего лишь 54,6 долл. [7, с. 10].

Приведенные сравнения с другими странами показывают, что весь механизм отечествен-

ной приватизации работал исключительно на создание, а вернее поддержание и укрупнение класса крупных капиталистов. Если в других странах этому процессу был придан более или менее национальный характер, то опыт России свидетельствует скорее об обратном. Российское государство фактически лишило себя средств, которые существенно расширили бы его возможности регулирования рыночных отношений, прежде всего осуществления перераспределительной функции. Очевидно, что на самых ранних этапах нового российского капитализма четко заявила о себе тенденция слияния государственного аппарата и бизнес-структур. Основная логика в действиях властей, как пишет О. Крыштановская, заключалась в том, чтобы добиться сосредоточения стратегических ресурсов в руках небольшой группы бизнесменов, тесно связанных с государственными структурами [3, с. 324].

Подобная логика дала закономерный результат: уже к середине 90-х гг. процесс первоначальной концентрации капитала при содействии верховной власти привел к созданию финансово-промышленных групп (ФПГ), что получило свое юридическое закрепление в Федеральном законе РФ от 27 октября 1995 г. «О финансово-промышленных группах». Названный процесс происходил в основном путем объединения разноплановых коммерческих структур, созданных на предшествующих этапах. Расширение бизнеса заставляло идти на изменение структуры управления, и бизнес (независимо от его первоначального характера) обрастал новыми структурами – банками, торговыми домами, риелторскими фирмами, охранными структурами [3, с. 323]. Наиболее видными российскими ФПГ-империями являлись холдинг Промстройбанков, Внешнеторгбанк, «Менатеп», ОНЭКСИМбанк, «Российский кредит», Мост-банк и ряд других. В дальнейшем стратегия развития этих объединений вела к еще большему укрупнению и реструктуризации, а также приобретению «третьего этажа» бизнеса – медиаструктур. Во второй срок ельцинского правления средства информации стали испытывать финансовые трудности, в силу чего скупались олигархами, естественным образом становясь рупором их интересов.

Венцом этого процесса стало занятие ключевых постов наиболее влиятельными бизнесменами. В августе 1996 г. В. Потанин получил пост первого заместителя председателя правительства, Б. Березовский – пост секретаря Совета Безопасности. Кроме того, десятки банкиров входят в различные правительственные и парламентские структуры.

Концентрация капитала особенно происходит в регионах, где крупный бизнес также формируется при активном содействии местных властей. Распространенным явлением здесь становится передел собственности, что весьма эффективно достигается с помощью целого ряда способов: процедуры банкротства, частичной национализации, а также рейдерства. На региональном уровне экспансия бизнеса во власть имела место так же, как и на федеральном. Более того, в регионах олигархи укрепились даже более основательно, поскольку здесь совмещение предпринимательской и политической деятельности имело более широкие юридические основания. Это создало возможность, по выражению О. Крыштановской, корпоративной унии власти и крупного капитала. «Нашествие бизнес-элиты в легислатуры всех уровней закрывало доступ в законодательные органы для интеллигенции, активистов общественных структур. Вслед за Государственной Думой региональные парламенты все более становились ареной лоббирования интересов бизнеса» [3, с. 356].

Весьма распространенным способом передела собственности в российских условиях стала процедура банкротства, суть которой имеет совершенно иной характер, чем в западных странах. Если в последних банкротство нацелено на помощь терпящему бедствие предприятию, то в России под банкротство может попасть и вполне благополучное предприятие, на свою беду возбудившее олигархические аппетиты [8, с. 60].

Весьма эффективным способом быстрого приращения собственного капитала является рейдерство, особенно распространившееся в первые годы уже XXI в., когда в погоне за прибылью стали делать ставку на передел собственности. В. Шляпентох не без оснований сравнивает современное рейдерство с эпохой раннего средневековья, когда более сильный феодал отбирал собственность у феодала более слабого, используя при этом помощь государственных юристов. Обычно осуществляющий захват имел значительную сеть контактов с различного рода административными и юридическими организациями. Например, фирма «Ведомство» в ходе значительной рейдерской деятельности использовала такого рода социальные ресурсы своего главы И. Дыскина [9, с. 222].

Другой способ укрупнения капитала предполагает уже непосредственные шаги местной власти. Этот способ, названный «бархатной национализацией», получил широкое распространение после дефолта 1998 г. Первым его опробовал губернатор Псковской области

Е. Михайлов, введший монополию на производство и оптовую продажу алкогольной продукции. Так было создано первое государственное унитарное предприятие (ГУП) «Псковалко». Опыт понравился, и за год было создано еще 8 таких предприятий, ставших монополистами в своих отраслях. У предприятий-конкурентов отторгались производственные активы якобы в счет погашения налоговой недоимки, их банкротили, а собственность отходила ГУПам (или местной администрации) [3, с. 357–358].

Кроме того, волна губернаторских выборов конца 90-х – начала 2000-х гг. существенно увеличила количество губернаторов-бизнесменов (К. Иллюмжинов, А. Хлопонин, Р. Абрамович, А. Ткачев и др.). Для государственных мужей постсоветской России типичным поведением стала активная конвертация административного ресурса в финансовый, что происходило на всех уровнях государственной власти. Как указывает В. Шляпентох, появившаяся в 90-е гг. структура – «управление делами президентской администрации» – есть не что иное, как коммерческое предприятие, преследующее цели личного обогащения. Названная структура участвовала в разнообразных коммерческих сделках и, в соответствии с президентским указом, освобождалась от налогов и таможенных сборов [9, с. 144]. Деятельность этой организации была неподотчетной парламенту, правительству или отечественным судебным инстанциям, но, как можно судить, масштабы ее деяний простирались за государственные границы, если принимать во внимание арест в США в 2001 г. «дворецкого» Кремля П. Бородина.

Вышеописанный процесс отечественные исследователи обозначают как государственный капитализм. На это дает им право факт тесного сотрудничества капитала и государства. Как пишет О. Крыштановская, подчас трудно отличить чиновника, курирующего бизнес, от предпринимателя, вхожего в кремлевские коридоры. В то же время государственный капитализм имеет очень важную черту, на которую стоит указать немедленно. Она заключается в том, что риски бизнеса, связанного с государством (и им защищаемого), намного ниже рисков стихийного сектора рынка. Тем самым трудно говорить о развитии свободного рынка с более или менее равными условиями конкуренции. Зависящая от государства бизнес-элита не собиралась давать ни малейшего шанса развивающемуся снизу спонтанному бизнесу, толчок которому давался преимущественно народной инициативой. Интересно, что в недавно минувшем XX столетии национальные государства, как правило, отчаянно боролись с растущим влиянием монополий. А вот в отношении современной России такого пока не просматривается. Впрочем, справедливости ради следует признать, что и в развитых странах в последние два-три десятилетия положение стало меняться, когда на арену вышел окрепнувший неолиберализм.

Но какова же судьба отечественного стихийного бизнеса? Оказался ли он полностью раздавленным набирающим обороты катком государственного капитализма? Действительно, многие факты свидетельствуют о том, что государство стремилось не выпустить из-под контроля процесс формирования крупного бизнеса и в целом с этой задачей справилось. Тем не менее, дело обстоит несколько сложнее, достаточно обратить внимание на социальное происхождение представителей отечественной олигархии – номенклатурные корни имеют не все. Конец 80-х и первая половина 90-х гг. – время наиболее решительных институциональных сдвигов, когда закономерно поднимается волна бурных процессов, не всегда контролируемых даже самой жесткой и централизованной властью.

Эксперты-обществоведы отмечают появление в этот период времени ярких и одиозных личностей, рассматривающих предпринимательскую деятельность в качестве поля реализации личных амбиций, как правило, простирающихся за рамки собственно бизнеса – А. Тарасов, Г. Стерлигов, К. Боровой и др. Эти лидеры русского предпринимательства справедливо полагали необходимой борьбу и за политическое влияние, но поначалу они, по-видимому, рассчитывали на формирование собственных политических структур в рамках гражданского общества (т.е. без участия государства). В 1990 г. была создана первая политическая организация стихийного бизнеса Партия свободного труда (В. Тихонов, А. Тарасов). В июне 1992 г. происходит становление Партии экономической свободы, лидером которой стал К. Боровой. 1992–1993 гг. прошли под знаком противостояния структур стихийного бизнеса и политических организаций, выражающих лобби бизнеса, создаваемого с подачи государства (РСПП А. Вольского, в прошлом завотделом ЦК КПСС, Ассоциация российских банков С. Егорова).

Выборы в Федеральное собрание 1993 г. принесли, по сути дела, поражение и тем, и другим. В связи с этим в дальнейшем происходит новая волна образования бизнес-союзов и альянсов. Однако теперь независимые бизнесмены, осознав свою слабость, начинают искать поддержки у государственных структур. Так в 1994 г. создаются «Круглый стол бизнеса Рос-

сии», Федерация товаропроизводителей России, которую возглавил близкий в то время президенту политик Ю. Скоков, другие институты. Как замечает О. Крыштановская, это уже были, по сути, номенклатурные организации, т.к. создавались при содействии властей, возглавлялись бывшими партийными и комсомольскими функционерами, их офисы располагались преимущественно в комплексе бывших зданий ЦК КПСС [3, с. 351].

Зарубежный исследователь М. Голдман выделяет три группы российских олигархов: бывшие директора заводов, высокопоставленные представители номенклатуры, наконец, те, кто до рыночных реформ находился на обочине еще тогда советского общества. Американский исследователь обозначает их термином «олигархи-выскочки» [8, с. 163].

Первая категория (В. Каданников, Н. Пугин и др.), возглавляя крупные предприятия («АвтоВАЗ» и «ГАЗ» соответственно), затем стали основными акционерами своих компаний. Будучи владельцами, они сумели использовать открывшиеся (вернее, расширившиеся) возможности изымать средства предприятия, «уводить» их, таким образом приумножая свои личные средства. Надо сказать, что директоры заводов составили костяк весьма солидного политического объединения Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), возглавляемого А. Вольским. Этот союз заявил о себе уже в самом начале 1990-х гг., заставив считаться с собой ослабленные тогда реформами государственные структуры. Во многом под его давлением приватизация ряда промышленных объектов проходила под диктовку их бывших административных руководителей, становившихся теперь владельцами.

Вторая категория состояла из лиц, ранее занимавших высокие посты в министерствах или региональных промышленных структурах. Затем при открывшихся возможностях эти чиновники преобразовывали несколько государственных предприятий в негосударственные акционерные общества, назначая самих себя их генеральными директорами. Такой карьерой могут похвалиться старейшие представители российской олигархии Р. Вяхирев и В. Черномырдин, преобразовавшие Министерство газовой промышленности в «Газпром» – едва ли не самую успешную из отечественных ТНК.

Особенность третьей группы заключается в том, что они сумели добиться богатства скорее благодаря своему прежнему низкому социальному положению, а не вопреки ему. В советскую эпоху, как правило, это были люди, занимающиеся незаконной предпринимательской деятельностью (фарцовщики, валютчики, толкачи и т.п.) и, соответственно, преследуемые по закону. Но после узаконивания рыночной деятельности все изменилось принципиально. М. Голдман пишет, что в новых условиях толкачи, фарцовщики обнаружили, что у них есть практические навыки и знания, ставившие их в более выгодное положение по сравнению с теми средними россиянами, которые не были приучены к созданию бизнеса с нуля [8, с. 95–196]. При этом неслучайно многие представители этой группы были неславянской национальности.

В горбачевский период будущие олигархи основывали кооперативы, высокие доходы от которых затем позволяли открыть банк. Успешная банковская деятельность давала возможность участия в приватизации, залоговых аукционах и т.д. Таким образом действовали А. Смоленский, Б. Березовский, В. Гусинский. При этом вызывает некоторые сомнения принадлежность к этой группе М. Ходорковского, начинавшего с активной работы в комсомоле, А. Чубайса, который известен как один из высших ельцинских чиновников и оказался в правлении РАО ЕЭС в результате активной кадровой ротации между бизнес-структурами и властью.

Можно предположить, что в момент наиболее активной социально-экономической трансформации (узаконивания частной собственности, первоначального накопления капитала) каналы мобильности естественным образом оказались более открытыми. Со стороны общественной системы последовал заказ на предприимчивых личностей, не особо обремененных ценностными ограничениями (несмотря на все усилия советской идеологии). Как ни парадоксально, но в некотором роде эти личности были подготовлены предшествующей эпохой. Успехи Советского союза в индустриализации и урбанизации закономерно породили рост потребительских ожиданий, на которые советское руководство обращало мало внимания. Вот здесь «ко двору» и пришлись личности с деловой жилкой, не боявшиеся рискнуть свободой ради материального обогащения.

Таким образом, следует признать, что определенный вклад в формирование бизнес-элиты внесли выходцы, что называется, «из народа». Из них далеко не все были удачливы, и, как правило, везение заканчивалось при столкновении с интересами бизнес-структур, созданных при участии государства. Конкуренцию с последними можно было считать заведомо проигрышной. В данном случае единственный возможный выход – перетянуть государство на свою сторону, что нередко успешно осуществлялось. Мы полагаем уместным сдержанное

отношение к стихийным предпринимателям и не спешим придавать им некий романтический ореол в противопоставлении хищническому государственному капитализму, что в некотором роде присуще постсоветской культуре. Имеет смысл здесь вспомнить деятельность С. Мавроди, принесшую в итоге весьма тяжелые социальные лишения многочисленным гражданам.

В то же время приток в элиту из нижестоящих слоев не мог продолжаться долго, ибо власть стремилась ограничить этот процесс. То есть каналы мобильности довольно скоро стали закрываться. Об этом можно смело говорить, исходя из следующих данных. К 1993 г. российская элита резко омолодилась, составляя вопиющий контраст с геронтократией брежневской поры (или, как принято говорить, эпохи застоя). Средний возраст ее представителей составлял чуть более 42 лет. Но за последующие восемь лет (т.е. до 2001 г.) бизнес-элита постарела на шесть лет, что свидетельствует о существенном сокращении притока свежих сил [3, с. 338].

Стихийный (народный) капитализм породил не только крупных предпринимателей. Начало 90-х гг. было щедро представлено таким причудливым социальным явлением, как «челноки», теперь это в основном владельцы небольших торговых точек, пунктов питания и отдыха, а также мастерских по оказанию различных услуг и т.д. Широко представлен курортный бизнес. Жители приморских городов на время летнего сезона чуть ли не в массовом порядке превращаются в частных предпринимателей.

Можно предположить, что судьба российских малых предприятий во многом сходна с участью отечественных фермеров. Первое время бурный рост и тех, и других являл собой энтузиазм, с которым россияне встретили легализацию рыночных отношений. Но затем по вполне объективным причинам эти тенденции зашли в тупик. Численность малых предприятий фактически прекратила увеличиваться уже с середины 90-х гг., тогда как рост фермерства заглох еще раньше – с 1993 г.

Еще на рубеже 90-х и 2000-х гг. Л. Беляева писала о трудностях, с которыми сталкивается отечественный малый бизнес. С одной стороны, она признавала большую социальную значимость малых предприятий, которые, по сути дела, позволили выжить части населения. Особенно это проявилось в условиях кризиса 1998 г., когда резко упала покупательная способность населения. Многие вынуждены были искать дополнительные приработки и находили их, устраиваясь по совместительству на малые и средние предприятия.

С другой стороны, именно малому бизнесу пришлось в полной мере ощутить на себе все неприглядные стороны «дикого капитализма»: рэкет со стороны преступных группировок, а также контролирующих инстанций и при этом практически отсутствие льготного кредитования, накладывающееся на жесткую налоговую политику. Величина трансакционных издержек определяет необходимость значительного первоначального капитала при открытии предприятия (от 3 до 10 тыс. долл.). Если предприятие удалось все же зарегистрировать и оно начало работать, следует ожидать многочисленные проверки со стороны около 40 управленческих структур (от пожарных и санопедстанции до властных местных или региональных органов), которые уполномочены не только накладывать санкции, но и закрыть предприятие. «В результате Россия имеет менее 1 млн малых предприятий, тогда как их должно быть не менее 15 млн, если смотреть на опыт других стран» [5, с. 77].

Так в какой степени складывающийся в 90-е гг. новый российский капитализм следует считать субъектом отечественной модернизации? На основании вышеизложенного материала считаем возможным предложить следующие заключения.

В первое десятилетие новой российской истории происходил достаточно бурный процесс капитализации, в котором уместно выделять стихийное предпринимательство, берущее начало из социального большинства или, проще говоря, из «низов» общества, а также крупный бизнес, создаваемый при активном и ведущем участии государства. Их роль в процессе модернизации, понимаемой в расширительном смысле, на наш взгляд, следует принципиально различать.

Во-первых, крупный бизнес, ориентированный на «быстрые деньги» и имеющий сырьевую направленность, в качестве актора модернизации оказался стеснен государственным влиянием. Политика того времени фактически была направлена на переориентацию отечественной экономики на приоритет сырьевых отраслей. Соответственно, технологическое обновление, играющее важную роль в собственно модернизации, получала только та часть хозяйства, которая была ориентирована на экспорт и получение быстрой прибыли, прежде всего это добывающие, сырьевые предприятия. В модернизации обрабатывающих отраслей, возможно, и мог сыграть определенную

роль стихийный бизнес, но рамки его развития и деятельности также в целом задавались государством. Тем не менее крупный бизнес следует считать не только субъектом экономической модернизации. Он также активно поучаствовал в процессах политического преобразования, содействуя закреплению в России западной модели политических институтов.

Во-вторых, как следует предположить, стихийный бизнес оказался актором не столько экономической, сколько социокультурной модернизации. С одной стороны, в обществе распространялся «предпринимательский дух», с другой – стихийный бизнес был в основном направлен на удовлетворение насущных потребностей групп населения, что стимулировало распространение в российском обществе потребительской культуры – неотъемлемой характеристики экономически успешных стран Запада.

1. Заславская Т.И. О социальных акторах модернизации России // Общественные науки и современность. 2011. № 3.

2. Делягин М.Г. Россия после Путина. Неизбежна ли в России «Оранжево-зеленая революция». М., 2005.

3. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005.

4. Радаев В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории // Мир России. 1995. № 1.

5. Беляева Л.А.Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М., 2001.

6. Руткевич М.Н. Социальная структура. М., 2004.

7. Шкаратан О.И. Становление постсоветского неоэтакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1.

8. Голдман М. Пиратизация России. Новосибирск; Москва, 2004.

9. Шляпентох В.Э.Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру. М., 2008.

1. Zaslavskaya T.I. About social actors of modernization of Russia // Social studies and the present. 2011. № 3.

2. Delyagin M.G. Russia after Putin. Does Russia inevitable «Orange-green revolution». Moscow, 2005.

3. Kryshtanovskaya O. Anatomy of the Russian elite. Moscow, 2005.

4. Radayev V. Two roots of Russian business: fragments of history // World of Russia. 1995. № 1.

5. Belyaeva L.A. Social stratification and the middle class in Russia: 10 years of post-Soviet development. Moscow, 2001.

6. Rutkevich M.N. Social structure. Moscow, 2004.

7. Shkaratan O.I. The formation of the post-Soviet neoetacratism // Social studies and the present. 2009. № 1.

8. Goldman M. Piratization of Russia. Novosibirsk; Moscow, 2004.

9. Shliapentokh V.E. Modern Russia as a feudal society. A new look at the post-Soviet era. Moscow, 2008.

Клюев Станислав Геннадьевич
кандидат технических наук,
доцент кафедры информационной безопасности
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: s.g.klyuev@mail.ru)

Сизоненко Александр Борисович
кандидат технических наук, доцент,
начальник кафедры информационной безопасности
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: siz_al@mail.ru)

Система мониторинга и управления качеством формирования профессиональных компетенций у обучающихся

В статье предложен новый подход к созданию системы мониторинга и управления качеством формирования профессиональных компетенций. Новый подход основан на декомпозиции общекультурных и профессиональных компетенций на показатели оценки результата формирования компетенции и конкретные объекты оценки формирования компетенций. Предлагаемая система педагогического мониторинга позволяет непрерывно оценивать качество формирования профессиональных компетенций и может служить действенным инструментом управления учебным процессом.

Ключевые слова: система мониторинга, управление качеством, профессиональные компетенции, декомпозиция показателей, оценки компетенций.

S.G. Klyuev, Master of Technics, Assistant Professor of the Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: s.g.klyuev@mail.ru;

A.B. Sizonenko, Master of Technics, Assistant Professor, Head of the Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: siz_al@mail.ru

The system of monitoring and quality management of formation of professional competence of studying

This article proposes a new approach for the creation of quality monitoring and management system of formation of professional competence. The new approach is based on the decomposition of the general cultural and professional competences in the performance evaluation of the result of formation of competence and specific objects of formation evaluation competencies. The proposed pedagogical monitoring system allows you to continuously evaluate the quality of the formation of professional competencies and can serve as an effective tool for the management of the educational process.

Key words: monitoring system, quality control, professional competence, decomposition rates, competency assessment.

Главной задачей высшего учебного заведения, осуществляющего образовательную деятельность по программе высшего образования по специальности 10.05.05 – Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере, является подготовка профессиональных и компетентных специалистов в области обеспечения безопасности информации, документационного обеспечения управления и специальных информационных технологий в правоохранительной деятельности. Процесс формирования профессиональных компетенций у обучаемых выявил необходимость непрерывной диагностики и оценки качества их сформированности для принятия своевременных управленческих решений по корректировке учебного процесса.

Высокий уровень потребности в объективном инструменте мониторинга формирования профессиональных компетенций у обучаемых, кроме того, подтверждается еще и высокими требованиями будущих работодателей, предъявляемыми к выпускникам по специальности 10.05.05 – Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере.

Для непрерывной диагностики и оценки качества сформированности профессиональных компетенций предлагается использование та-

кого инструмента, как единая целостная система педагогического мониторинга [1, с. 171–174].

Для того чтобы мониторинг стал реальным фактором управления, представлял собой определенную систему деятельности, его надо организовать, учитывая при этом ряд требований, которым должна удовлетворять информация: полнота, достоверность, точность, своевременность, доступность, непрерывность, структурированность и специфичность для каждого уровня мониторинга. При формальном подходе к оценке уровня сформированности компетенций существует вероятность, что основные положения стандарта по специальности не будут реализованы.

Разработка системы мониторинга сформированности профессиональных компетенций обучающихся требует определения их критериев и показателей. Для этого был разработан комплекс контрольных показателей и объектов оценки сформированности профессиональных компетенций на основе их декомпозиции согласно виду профессиональной деятельности обучающихся по специальности 10.05.05 – Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере [2].

В качестве иллюстрации и примера такого подхода проведем декомпозицию профессиональной компетенции ПК-21 «Способность осуществлять документационное обеспечение управленческой деятельности» на следующие показатели оценки результата формирования компетенции [3, с. 240–245]:

1. Разрабатывает и оформляет секретные и несекретные документы, используемые в деятельности ОВД.

2. Составляет организационные документы органа внутренних дел.

3. Составляет нормативные правовые акты органа внутренних дед.

4. Составляет распорядительную документацию органа внутренних дел.

5. Составляет информационно-справочную и информационно-аналитическую документацию органа внутренних дел.

6. Организует ведение секретного и несекретного делопроизводства органа внутренних дел.

7. Осуществляет учет и отправку несекретных подготовленных документов.

8. Осуществляет учет и отправку секретных подготовленных документов.

9. Осуществляет прием, учет и контроль за исполнением несекретных входящих документов.

10. Осуществляет прием, учет и контроль за исполнением секретных входящих документов.

Далее для создания точного инструмента педагогического мониторинга произведем декомпозицию каждого показателя оценки результата формирования компетенции на конкретные объекты оценки формирования компетенции:

1. Разрабатывает и оформляет секретные и несекретные документы, используемые в деятельности ОВД:

оформление реквизитов несекретных служебных документов;

составление текстов служебных документов;

оформление реквизитов секретных документов.

2. Составляет организационные документы органа внутренних дел:

составление положения об органе внутренних дел;

составление положения о структурных подразделениях органа внутренних дел, коллегиальных и совещательных органах;

составление регламента работы, правил внутреннего распорядка;

составление инструкции по определенным направлениям деятельности;

составление должностных инструкций сотрудников (работников).

3. Составляет нормативные правовые акты органа внутренних дел:

составление приказов;

составление положений;

составление инструкций;

составление правил.

4. Составляет распорядительную документацию органа внутренних дел:

составление решений;

составление распоряжений;

составление указаний;

составление планов.

5. Составляет информационно-справочную и информационно-аналитическую документацию органа внутренних дел:

составление справок;

составление служебных записок;

составление актов;

составление служебных писем;

составление телеграмм;

составление телефонограмм.

6. Организует ведение секретного и несекретного делопроизводства органа внутренних дел:

составление номенклатуры дел;

оформление и учет журналов и книг учета;

заведение и оформление дел;

закрытие дел и передача в архивные подразделения;

уничтожение дел, форм учета и документов;

печатание секретных документов.

7. Осуществляет учет и отправку несекретных подготовленных документов:

учет исходящих несекретных документов;

отправка корреспондеции;

учет и работа с внутренними документами.

8. Осуществляет учет и отправку секретных подготовленных документов:

учет исходящих секретных документов;

отправка корреспондеции через подразделения фельдсвязи и спецсвязи;

отправка секретной корреспонденции нарочным;

учет, хранение и работа с внутренними секретными документами.

9. Осуществляет прием, учет и контроль за исполнением несекретных входящих документов:

прием и учет несекретных входящих документов;

доведение несекретных входящих документов руководителю ОВД;

доведение несекретных входящих документов исполнителю;

контроль за исполнением несекретных входящих документов;

списание несекретных входящих документов в дело;

уничтожение несекретных входящих документов.

10. Осуществляет прием, учет и контроль за исполнением секретных входящих документов:

прием и учет секретных входящих документов;

доведение секретных входящих документов руководителю ОВД;

доведение секретных входящих документов исполнителю;

контроль за исполнением секретных входящих документов;

списание секретных входящих документов в дело;

уничтожение секретных входящих документов.

Декомпозиция компетенции в соответствии с предложенным примером актуализировала новые подходы в применении тестовых методик контроля знаний учащихся. Одной из эффективных методик диагностики является метод групповых экспертных оценок. Данная методика позволяет оценить способность и готовность обучающихся применять полученные знания для решения профессиональных задач.

Инструментом мониторинга профессиональных компетенций обучаемых может являться составление заданий в тестовой форме для определения уровня сформированности профессиональных компетенций обучающихся.

Для реализации данной методики предлагается использовать как традиционные формы тестовых заданий (открытая, закрытая, на соответствие, на установление правильной последовательности), так и тематические и ситуационные задания. Преимуществом метода является то, что содержательная основа задания формулируется с учетом задач будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, проведение контрольного тестирования в начале каждого семестра, начиная с третьего, дает возможность оценки уровня сформированности у обучаемого отдельной компетенции, а также общей подготовленности обучаемого как специалиста на текущий момент времени.

Для создания единой системы мониторинга и управления качеством формирования профессиональных компетенций необходимо составление графиков формирования компетенций на уровне показателей оценки результатов формирования компетенций.

После составления таких графиков с учетом требований образовательного стандарта по специальности возникает возможность составления единых тестов для каждого семестра обучения.

Анализ контрольного тестирования позволит увидеть не только реальную картину сформированности отдельных профессиональных компетенций по каждому отдельному обучаемому, но и вклад в это каждого отдельного преподавателя, результаты самостоятельной работы и необходимость коррекции учебного процесса и/или дополнительной работы с отдельными обучаемыми.

1. Непрокина И.В., Ершова Н.Н. Педагогический мониторинг как средство оценки качества сформированных профессиональных компетенций // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3.

2. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 090915 Безопасность информационных технологий в правоохранительной сфере (квалификация (степень) «специалитет»): приказ Минобрнауки РФ от 1 февр. 2011 г. № 132 (ред. от 31 мая 2011 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Сизоненко А.Б., Клюев С.Г. О взаимосвязи дисциплин технического профиля при подготовке специалистов в сфере обеспечения информационной безопасности // Информационное противодействие угрозам терроризма. 2015. Т. 2. № 25(25).

1. Neprokina I.V., Ershova N.N. Pedagogical monitoring as a means of assessing the quality of the developed professional competencies // Theory and practice of social development. 2015. № 3.

2. On approval and introduction of Federal state educational standard of higher professional education in the direction of training (specialty) 090915 Security of information technologies in law enforcement sphere (qualification (degree) «specialist programmes»): decree of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation d.d. Febr. 1, 2011 № 132 (as amended on May 31, 2011). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. Sizonenko A.B., Klyuev S.G. On the relationship between the technical disciplines in the preparation of specialists in the field of information security // Information counter threats of terrorism. 2015. Vol. 2. № 25(25).

Кобелев Дмитрий Николаевич
соискатель Юридического института
Балтийского федерального университета им. И. Канта
(e-mail: omonek@mail.ru)

Луцай Анатолий Анатольевич
соискатель Юридического института
Балтийского федерального университета им. И. Канта
(e-mail: 1nameless1@rambler.ru)

К вопросу о содержании понятия «антитеррористическая деятельность»

В статье рассмотрены понятие и содержание антитеррористической деятельности как системы; выделены признаки ее элементов (субъекты, нормы права, объект противодействия, формы и методы практической реализации норм права), входящих в состав общей системы антитеррористической деятельности; даны авторские определения антитеррористической деятельности и правовых последствий объявления пограничными органами официального предостережения.

Ключевые слова: антитеррористическая деятельность, субъекты антитеррористической деятельности, национальное и международное законодательство, терроризм, системность, профилактика преступлений террористической направленности, официальное предостережение, правовые последствия.

D.N. Kobelev, Competitor of the Law Institute of the Baltic Federal University named after I. Kant; e-mail: omonek@mail.ru;

A.A. Lutsai, Competitor of the Law Institute of the Baltic Federal University named after I. Kant; e-mail: 1nameless1@rambler.ru

About the «anti-terrorist activity» concept content

The article deals with the concept and content of the antiterrorist activities as a system; its elements features (subjects, rules of law, counterstand objects, forms and practical implementation methods for the law rules) that are part of the general system of antiterrorist activities are highlighted; the author's definitions of antiterrorist activities and legal consequences of the border authorities official warning are given.

Key words: antiterrorist activity, antiterrorist activity entities, national and international legislation, terrorism, systemacity, prevention of terrorist crimes, official warning, legal consequences.

В современном законодательстве не нашло отражение содержание понятия «антитеррористическая деятельность». Законодатель закрепляет различные термины, такие как «борьба с терроризмом» [1, ст. 9, 9.1], «противодействие терроризму» [2, п. 4 ст. 3]. Однако данные понятия охватывают только одну из сторон явления. Для всестороннего исследования рассматриваемого явления, по мнению авторов, необходимо использовать системно-структурный метод.

С нашей точки зрения, антитеррористическую деятельность можно рассмотреть именно как систему, которой присущи следующие признаки: во-первых, она состоит из строго определенного количества элементов, во-вторых, каждый элемент обладает специфическими, не присущими другим элементам признаками, и, в-третьих, совокупность специфических признаков, присущих элементам, образует состав, содержание системы [3, с. 400].

А.В. Шевелев антитеррористическую деятельность представляет как систему, состоящую из следующих основных элементов: совокупность структур противодействия терроризму, совокупность нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, меры правовой и социальной защиты лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, деятельность специальных служб и правоохранительных органов России по ликвидации различных форм поддержки терроризма, проведение мероприятий по антитеррористической защищенности критически важных объек-

тов и объектов транспорта, введение особых правовых режимов в целях активизации деятельности по предотвращению и пресечению противоправной деятельности, международное сотрудничество по борьбе с терроризмом, деятельность органов власти по минимизации последствий совершенных террористических актов; профилактика терроризма (устранение социальной основы терроризма) [4, с. 65].

По нашему мнению, такое количество элементов является излишним и делает сложным поиск и рассмотрение связей между ними. Рассматривая данную систему, можно отметить некоторые изъяны ее элементов. В частности, такой элемент, как правовые акты, необоснованно ограничен теми, которые регулируют только часть антитеррористической деятельности, опуская такие важные направления, как борьба с терроризмом, организация международного сотрудничества, взаимодействие между субъектами антитеррористической деятельности. Этот пример показывает, что представленная система является закрытой и не может гибко реагировать на изменения ввиду того, что ввод нового элемента или его составляющей приводит к необходимости пересмотра всего механизма взаимодействия ее элементов.

С целью расширения функциональности системы антитеррористической деятельности и повышения уровня взаимодействия между ее элементами предлагаем остановиться на следующих составляющих: совокупность субъектов, в полномочия которых входит осуществление антитеррористической деятельности, нормы права, регулирующие данный вид деятельности, объект противодействия, формы и методы практической реализации субъектами норм права, направленные на профилактику, предупреждение, борьбу и минимизацию последствий террористической деятельности.

Анализ национального и международного законодательства позволяет нам выделить следующие категории субъектов антитеррористической деятельности. Во-первых, их можно классифицировать на две большие группы: субъекты международного права и внутринациональные структуры. Если говорить о субъектах международного права, то здесь следует отметить государство, как единственного носителя суверенитета, и обеспечение антитеррористической безопасности является основополагающим началом исследуемой деятельности. Наряду с ним, существуют и другие: специализированные международные организации в области противодействия терроризму (например, Контртеррористический комитет, утвержденный в рамках Совета Безопасности ООН), специальные органы, действующие в рамках международных организаций (например, Антитеррористический центр Содружества Независимых Государств), кроме того, возможно делегирование отдельных полномочий в области противодействия терроризму органам международных организаций, деятельность которых не связана с антитеррористической деятельностью (например, деятельность Международной организации гражданской авиации (ИКАО) по созданию правовых основ по борьбе с терроризмом на борту воздушных судов и обеспечению безопасности полетов).

Если говорить о субъектах антитеррористической деятельности в государстве, то здесь основополагающими будут положения Закона «О противодействии терроризму» [2]. Законодатель выделяет следующих субъектов: Президент РФ, Правительство РФ, федеральные органы исполнительной власти, органы власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, физические лица [2, пп. 1–3.1 ст. 5]. В качестве координирующего органа по решению Президента создан Национальный антитеррористический комитет [5].

В Концепции противодействия терроризму получили закрепления следующие направления: предупреждение (профилактика) терроризма; борьба с терроризмом; минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма [6, п. 12].

Исходя из данных направлений и полномочий, получивших закрепления в различных правовых актах [5; 7; 8], субъектов, осуществляющих антитеррористическую деятельность, можно разделить на следующие группы. Субъекты, в ведении которых находятся определение основ деятельности, а также координация действий других субъектов: Президент РФ, Правительство РФ, Национальный антитеррористический комитет. Вторая группа – это субъекты, основной задачей которых являются предупреждение терроризма и ликвидация последствий террористической деятельности: федеральные органы исполнительной власти (за исключением «силовых» ведомств), органы власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления. И последняя категория – субъекты, которые по роду своей деятельности, а также исходя из полномочий, наличия сил и средств, осуществляют борьбу с терроризмом: Министерство обороны РФ, Федеральная служба охраны РФ, Служба внешней разведки РФ, Федеральная служба войск

национальной гвардии РФ. Данная классификация позволит четко определить сферу деятельности каждого из субъектов и направления взаимодействия между ними с целью поиска его оптимального механизма.

Закрепление в ст. 8 Указа Президента РФ от 11 августа 2003 г. № 960 «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» следующих задач: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, отнесенных федеральным законодательством к подследственности органов ФСБ России; выявление, предупреждение и пресечение террористической и диверсионной деятельности; организация и осуществление во взаимодействии с другими государственными органами борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом оружия, боеприпасов, отравляющих веществ, с деятельностью незаконных вооруженных формирований, преступных сообществ и групп, ставящих своей целью осуществление вооруженного мятежа, насильственное изменение конституционного строя России, насильственный захват или насильственное удержание власти, позволяет нам утверждать, что в качестве основного субъекта, осуществляющего борьбу с терроризмом, выступают органы федеральной службы безопасности.

Важным элементом противодействия терроризму является система нормативных правовых актов, регламентирующих антитеррористическую деятельность. Для облегчения последующего исследования правовые акты, как и субъекты, необходимо классифицировать. Образуются две большие группы: нормы международного права и нормы национального законодательства. Международные договоры в зависимости от количества участников следует разграничить на многосторонние и двухсторонние. Обе группы подразделяются на договоры, определяющие основы сотрудничества государств по противодействию терроризму (например, Европейская конвенция о пресечении терроризма [9]), и договоры, направленные на противодействие отдельным преступлениям, образующим террористическую деятельность (например, Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [10]), а также международные договоры, целью которых является обеспечение международного сотрудничества по противодействию терроризму (например, Соглашение государств – участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в материально-техническом обеспечении компетентных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма [11]). Системность подхода продиктована взаимосвязью норм права, содержащихся в различных источниках. Внутригосударственные правовые акты можно разделить на следующие группы. Первая группа регламентирует организационные вопросы обеспечения антитеррористической безопасности различных объектов (массовые мероприятия, образовательные учреждения, объекты атомной энергетики и т.д.) [12]. Вторая группа определяет составы правонарушений в исследуемой области [13; 14]. Третья группа, упорядочивает взаимодействие национальных субъектов антитеррористической деятельности (прежде всего федеральных органов исполнительной власти) [7]. Последняя группа нормативных актов направлена на профилактику террористической деятельности, а также регламентирует реализуемые формы борьбы с терроризмом.

Для исследования содержания антитеррористической деятельности важным является рассмотрение самого противоправного поведения, образующего состав деяния, с которым необходимо бороться. Законодатель ушел от закрепления террористической деятельности в качестве одного состава и предпочел определить несколько составов, образующих данное преступление. Как совершенно верно отмечает И.И. Артамонов, обязательным признаком терроризма является фактор устрашения, запугивания, создания в обществе атмосферы страха и паники [15, с. 24]. Например, захват заложников в зависимости от цели может быть квалифицирован в качестве деяния, образующего состав преступления, предусмотренного ст. 205 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Основополагающей является реализация принципа неотвратимости наказания за преступления террористического характера. Следует отметить, что преступление террористического характера – это не случайный изолированный акт, единовременный и одномоментный. Его следует рассматривать как специфическое социально-правовое явление, сложное по структуре, взаимосвязям и отношениям, имеющее свои причины, динамику, определенные тенденции и закономерности [16, с. 93].

Рассмотрим четвертый элемент антитеррористической деятельности. Наиболее важное значение среди форм реализации субъектами норм права в области противодействия терроризму занимают меры, направленные на предупреждение (профилактику) и пресечение, которые можно разделить на политические, социально-экономические, информационные,

культурно-образовательные и организационно-технические.

До момента появления в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [1] (далее – закон о ФСБ) ст. 13.1 [17] единственной мерой профилактики, доступной пограничным органам федеральной службы безопасности, было право вносить в государственные органы, администрации предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, а также в общественные объединения обязательные для исполнения представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности Российской Федерации, совершению преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесены законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности. Вместе с тем, данная мера профилактики не давала возможности пограничным органам федеральной службы безопасности применять профилактические меры в отношении физических лиц.

Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 238-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон ‘‘О федеральной службе безопасности’’ и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» устранил данный пробел посредством принятия ст. 13.1 и внесения дополнений в ст. 13. В соответствии с этими изменениями пограничные органы были наделены правом объявлять физическим лицам официальные предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности [18].

Под преступлениями террористической направленности понимаются преступления, предусмотренные ст. 205, 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 227, 277, 278, 279, 360 УК РФ [19]. В последующем данный перечень был дополнен ст. 205.3, 205.4, 205.5 УК РФ [20]. Уголовно-процессуальным кодексом РФ к прямой подследственности органов федеральной службы безопасности из вышеперечисленных статей отнесены ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 277, 278, 279 УК РФ.

Анализируя указанные статьи УК РФ, следует отметить высокую степень общественной опасности этих преступлений. Не подвергая сомнению необходимость профилактики любого преступления, авторы считают необходимым сосредоточение больших усилий на профилактике тяжких и особо тяжких преступлений, к которым отнесены преступления террористической направленности. Исходя из этого, объявление официального предостережения не всегда будет достаточным для предотвращения тяжких и особо тяжких преступлений, особенно в отношении лиц, связанных с различными террористическими организациями, которым в силу сложившихся обстоятельств вместо привлечения к уголовной ответственности представилось возможным лишь объявить предостережение. В некоторых случаях объявленное предостережение может являться недостаточно результативным и возникнет необходимость в применении дополнительных санкций.

Под правовыми последствиями объявления пограничными органами федеральной службы безопасности официального предостережения следует понимать правоотношения, возникшие в связи с объявлением пограничными органами официального предостережения, субъектами которых являются имеющие взаимные права и обязанности государство в лице пограничного органа, с одной стороны, и профилактируемое физическое лицо – с другой.

Отсутствие правовых последствий объявленного пограничными органами федеральной службы безопасности официального предостережения существенно снижает результат от его применения, поскольку, как правило, человек способен всерьез воспринимать только те обстоятельства, которые заставляют его претерпевать какие-либо неудобства. По мнению авторов, реализация вышеуказанных предложений позволит повысить результативность использования данного института в деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности по объявлению официальных предостережений.

Основной же формой пресечения террористического акта является контртеррористическая операция, которая предусматривает реализацию комплекса специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности граждан, организаций и учреждений, а также по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

Основными формами, направленными на минимизацию и ликвидацию последствий проявлений терроризма, являются те, которые

имеют своей целью: оказание медицинской помощи, социальную реабилитацию участвовавших в пресечении или пострадавших в результате террористического акта, восстановление нормального функционирования подвергшихся террористическому воздействию объектов. В их качестве могут выступать: материальные выплаты, создание реабилитационных центров, предоставление социальных льгот и т.д.

Подводя итог, считаем возможным отметить следующее. Нами были выделены и рассмотрены основные элементы антитеррористической деятельности, совокупность которых, а также их взаимодействие составляют содержание антитеррористической деятельности. По мнению авторов, под антитеррористической деятельностью следует понимать деятельность международных организаций, государств и их органов власти, основанную на реализации норм международного и национального законодательства, имеющую своей целью предупреждение и борьбу с террористической деятельностью во всех ее проявлениях, минимизацию последствий от нее, осуществляемую в общих и специальных формах. Останавливаясь на системности антитеррористической деятельности, хотелось бы отметить, что ее эффективность зависит от четкого взаимодействия ее элементов. Только деятельность всех субъектов, осуществляемая в единых организационно-правовых формах, может дать положительный эффект.

1. О федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

3. Сырых В.М. История и методология юридической науки: учеб. М., 2012.

4. Шевелев А.В. Антитеррористическая деятельность в системе безопасности региона России: дис. … канд. социол. наук. Тюмень, 2011.

5. О мерах по противодействию терроризму: указ Президента РФ от 15 февр. 2006 г. № 116 // Собр. законодательства РФ. 2006. № 8. Ст. 897.

6. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 5 окт. 2009 г. // Рос. газ. 2009. 20 окт.

7. О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму: указ Президента РФ от 26 дек. 2015 г. № 664 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

8. Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 авг. 2003 г. № 960 // Собр. законодательства РФ. 2003. № 33. Ст. 3254.

9. Европейская конвенция о пресечении терроризма (Страсбург, 27 янв. 1977 г.) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 3. Ст. 202.

10. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (Нью-Йорк, 15 дек. 1997 г.) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 35. Ст. 3513.

1. On the Federal Security Service: fed. law d.d. Apr. 3, 1995 № 40-FL. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. On combating terrorism: fed. law d.d. March 6, 2006 № 35-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146.

3. Syrykh V.M. History and methodology of legal science: textbook. Moscow, 2012.

4. Shevelev A.V. Antiterrorist activity in the Russian region's security system: diss. ... Master of Sociology. Tyumen, 2011.

5. On measures to combat terrorism: decree of the President of the Russian Federation d.d. Febr. 15, 2006 № 116 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 8. Art. 897.

6. The Concept of combating terrorism in the Russian Federation: approved by the President of the Russian Federation on Oct. 5, 2009 // Rus. newsp. 2009. Oct. 20.

7. On measures to improve governance in the antiterrorism field: decree of the President of the Russian Federation d.d. Dec. 26, 2015 № 664 // Official legal information internet portal. URL: www.pravo.gov.ru

8. Issues of the Federal Security Service of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation d.d. Aug. 11, 2003 № 960 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 33. Art. 3254.

9. European Convention on the Terrorism Suppression (Strasbourg, Jan. 27, 1977) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 3. Art. 202.

10. International Convention for the Suppression of Terrorist Bombings (New York, Dec. 15, 1997) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 35. Art. 3513.

11. Agreement between the member – states of Commonwealth of Independent States on

11. Соглашение государств – участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в материально-техническом обеспечении компетентных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма (Ашхабад, 5 дек. 2012 г.) // Бюл. международных договоров. 2015. № 6.

12. Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране полицией, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий): постановление Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 // Собр. законодательства РФ. 2015. № 14. Ст. 2119.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1, ч. I. Ст. 1.

15. Артамонов И.И. Терроризм: способы предотвращения, методика расследования. М., 2002.

16. Румянцев А.Ю., Башкатов А.В. Меры по совершенствованию законодательства в сфере противодействия терроризму // Ленинград. юрид. журн. 2011. № 2.

17. О внесении изменений в Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» и в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 27 июля 2010 г. № 238-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4207.

18. Об объявлении органами федеральной службы безопасности официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов федеральной службы безопасности: приказ ФСБ России от 2 нояб. 2010 г. № 544. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

19. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 // Рос. газ. 2012. 17 февр.

20. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 нояб. 2013 г. № 302-ФЗ // Рос. газ. 2013. 6 нояб.

cooperation in the logistics of the competent authorities involved in the fight against terrorism and other violent manifestations of extremism (Ashgabat, Dec. 5, 2012) // Bull. of international agreements. 2015. № 6.

12. On approval of requirements for antiterrorist protection of crowded places and territories subject to mandatory police protection, and safety data sheet forms for such places and territories: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. March 25, 2015 № 272 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2015. № 14. Art. 2119.

13. Criminal Code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

14. Administrative Offences Code of the Russian Federation d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1, pt. I. Art. 1.

15. Artamonov I.I. Terrorism: prevention and investigation methods. Moscow, 2002.

16. Rumyantsev A.Yu., Bashkatov A.V. Measures to improve the antiterrorist legislation // Leningrad law journal. 2011. № 2.

17. On amendments to the Federal law «On the Federal Security Service» and the Administrative Offences Code of the Russian Federation: fed. law d.d. July 27, 2010 № 238-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4207.

18. On announcement by the Federal Security Service of the official warning about the inadmissibility of actions creating conditions for commission of offenses, inquiry and preliminary investigation whereby the Russian Federation legislation refers to the Federal Security Service: order of the Federal Security Service of the Russian Federation d.d. Nov. 2, 2010 № 544. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

19. On some issues of judicial practice in terrorist-related criminal cases: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Febr. 9, 2012 № 1 // Rus. newsp. 2012. Febr. 17.

20. On amendments to the certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law d.d. Nov. 2, 2013. № 302-FL // Rus. newsp. 2013. Nov. 6.

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

переделывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: …);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб.,1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.
/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.
/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.
// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 15.09.2016
Формат 60х84 1/8. Усл. печ. л. 28,5
Тираж 1050 экз. Заказ 505
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249